

**№ 7 (228). Вып. 29
Март 2016**

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель
НИУ «БелГУ»
Издательский дом «Белгород»
Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50062 от 29 мая 2012 г.

Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор
О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Зам. главного редактора
И.С. Константинов,
доктор технических наук, проректор по научной и инновационной работе
НИУ «БелГУ»

Научный редактор
В.М. Московкин,
доктор географических наук, профессор
кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ»

Ответственный секретарь
О.В. Шевченко,
зам. начальника УНиИ НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии
А.П. Короченский,
доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики НИУ «БелГУ»

Заместители главного редактора:
И.А. Нагорный,
доктор филологических наук, профессор
кафедры филологии историко-филологического факультета НИУ «БелГУ»

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология. Журналистика. Педагогика.

Психология

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philology. Journalism. Pedagogy.

Psychology

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Н.Ф. Алефиренко
Дискурс в свете нейрокognитивистики 5

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

И.В. Бардыкова
Интертекстуальное пространство повестей И.С. Тургенева «Ася» и Г. Джеймса «Дэзи Миллер» 13

Э.М. Левина
Явление прецедентности в белгородской поэзии 21

И.А. Нагорный
К вопросу о функционально-категориальных характеристиках русских частиц: утверждение-отрицание и модально-оценочная квалификация сообщаемого 28

Е.Г. Озерова, М.Ю. Покручина
Концепт «Радость» в лингвокультуре русского языка и его репрезентация в русских прозаических текстах 37

В.К. Харченко
Интероцепция в больничном дискурсе 44

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ж. Багана
К вопросу о синонимии и вариативности фразеологического африканизма 51

Б. Пернель
«Урожай»: семена авторского творчества 55

Ж. Риё
Littérature et harmonie du monde au XVIIe siècle 60

Л.И. Родина
Языковые контакты в условиях многоязычия Швейцарской Конфедерации 71

М.П. Тихонова
От звука к смыслу: фоностилистические приёмы во французской поэзии для юных читателей 75

О.О. Чернова
Вариативность системы современного литературного немецкого языка и национальное своеобразие лексики его австрийского варианта (на материале названий продуктов питания) 84

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Материалы Международной научно-практической конференции «Медиаисследования: век XXI» (Белгород, 23–25 сентября 2015 г.)

М. Геруля
Структура региональных СМИ в Польше и её общественные последствия 89

О.Н. Прохорова,
директор Института межкультурной
коммуникации и международных
отношений НИУ «БелГУ», доктор
филологических наук, профессор

И.Ф. Исаев,
заведующий кафедрой педагогики
НИУ «БелГУ», доктор педагогических
наук, профессор;

В.В. Гребнева,
заведующая кафедрой психологии
педагогического факультета НИУ
«БелГУ», кандидат психологических наук,
профессор

Члены редакционной коллегии:
М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, Катовице
(Польша);

К. Жиро,
доктор философии, профессор
Барселонского Автономного университета,
директор Департамента средств массовой
информации, коммуникации и культуры
(Испания);

В.И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального
университета, член-корреспондент
Академии педагогических наук (Украина);

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия);

А.А. Тертъгынй,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета;

А.В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе
Таганрогского государственного
педагогического института

Консультант
Е.А. Кожемякин,
заведующий кафедрой
коммуникативистики, рекламы и связей
с общественностью факультета
журналистики Белгородского
государственного национального
исследовательского университета,
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

А.О. Лавриненко

Редактор *А.Н. Оберемок*
Оригинал-макет *А.О. Лавриненко*

Е-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 30.03.2016
Формат 60×84/8
Гарнитура Times New Roman
Усл. п. л. 28,3
Заказ 83
Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Дата выхода 31.03.2016
Подписной индекс в Объединённом
каталоге «Пресса России» – 81466
Оригинал-макет подготовлен и
тиражирован в Издательском доме
«Белгород»
Адрес издателя и издательства:
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

А. Гжещёк-Хорош Аудиовизуальные медийные услуги по требованию	99
С.А. Захарова Роль белгородских масс-медиа в управлении репутационным капиталом региона	105
Ю.В. Маркина Становление современных российских медиахолдингов	110
А.Э. Семенова Образ автора в музыкальной журналистике: типология, порядок конструирования	117
В.А. Смирнова Конвергентная редакция как инструмент формирования имиджей в современном медиапространстве	123
Я.И. Тяжлов Базовые риторические комплексы массового кинематографа	127
М.Н. Черкасова Языковая презентация медиаполитической игры	141
А.А. Черкашина, Д.А. Багирова Освещение антироссийских санкций деловым печатным изданием «Эксперт»	144
М.А. Шинков Два письма: к вопросу об общественной позиции А.А. Фета начала 80-х гг. XIX в.	150
ПСИХОЛОГИЯ	
С.В. Забелин Психолого-педагогические условия развития системности мышления леворуких детей младшего школьного возраста	153
Н.В. Ключева Ассоциативные и диссоциативные механизмы ПТСР у сотрудников правоохранительных органов	159
М.В. Ланских, А.С. Пономарев Формирование конфликтоустойчивости сотрудников в организации ...	167
В.Б. Никишина, Ю.В. Золотухина, Е.А. Петраш Структурно-содержательная организация социально-психологических установок субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности	174
О.И. Самосват, А.И. Ахметзянова Значимость социального одобрения для подростков в условиях социальных сетей	181
ПЕДАГОГИКА	
Ю.И. Богатырева, Д.В. Шахасва О применении виртуального лабораторного эксперимента по физике в основной школе	191
Е.А. Бондарь Адаптационная готовность иностранных граждан к обучению в вузе ...	198
А.А. Миненок Моделирование творческой мастерской профессионального саморазвития будущего учителя начальной школы	203
Н.В. Плаксина Развитие открытого и дистанционного обучения в странах Западной Европы в конце XX – начале XXI века	208
С.И. Тарасова Характеристики процесса преподавания в высшей школе: новая образовательная ситуация	213
Е.В. Шамарина Преемственность в работе логопеда и учителя младших классов как важное психолого-педагогическое направление формирования первоначального навыка чтения первоклассников с задержкой психического развития	217
Сведения об авторах	224

**№ 7 (228). Iss. 29
March 2016**

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Humanities

Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология. Журналистика. Педагогика.

Психология

Founder

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»

Publisher

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate ПИ № ФС 77-50062 May 29, 2012
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editor

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Scientific and Innovative Activity Department of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor

A.P. Korochenskiy,

Dean of Faculty of Journalism, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor:

I.A. Nagorniy,

Faculty of History and Philology, Department of Russian Language and Teaching, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Contents

METHODOLOGY OF STUDIES IN HUMANITIES

N.F. Alefirenko
Discourse in terms of neurocognitive studies 5

RUSSIAN PHILOLOGY

I.V. Bardykova
Intertextual space of the novels «Asya» by Turgenev and «Dazy Miller» by James 13

E.M. Levina
Precedentivity in Belgorod poetry 21

I.A. Nagorny
To the question of the functional-categorial features of russian particles: assertion-negation and modal-appraisal qualifications reported 28

E.G. Ozerova, M.Y. Pokruchina
The concept «Joy» in the culture of Russian language and its representation in Russian prose texts 37

V.K. Kharchenko
Interoception in hospital discourse 44

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

J. Baghana
To the question of synonymy and variation of phraseological Africanism 51

B. Pernelle
«The Crop»: Disseminating the Writer's Seeds 55

J. Rieu
Literature and harmony of the world in sixteenth century 60

L.I. Rodina
Language contacts in a context of Swiss multilingualism 71

M.P. Tikhonova
From sound to sense: phonostylistic devices in the French poetry for young readers 75

O.O. Chernova
Modern literary German language system variability and national peculiarity of its Austrian variant (on the basis of lexemes-names of food items) 84

JOURNALISM AND PR

Materials of the international scientifically-practical conference «Media preferences survey: XXIst century» (Belgorod, 23–25 September, 2015)

M. Gierula
Structure of regional media in Poland and its social consequences 89

Grziesiok-Horosz
Audiovisual media services on demand 99

O.N. Prohorova,
Director of Institute of Intercultural
Communication and International Relations,
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Belgorod National Research University);

I.F. Isaev,
Faculty of Psychology, Head of Department
of Pedagogics Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor (Belgorod National
Research University);

V.V. Grebneva,
Head of Department of Psychology, Faculty
of Pedagogy, Professor (Belgorod National
Research University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,
Doctor of Humanities, professor
of Silesian University, Katowice, professor
of High School of Humanities, Sosnowiec
(Poland);

X. Giro,
PhD, professor of Autonomous University
of Barcelona, director of Department
of Mass Media, Communication and
Culture (Spain);

V.I. Lozovaya,
Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov
National University, member
of Academy
of Pedagogical Science (Ukraine);

H. Persi,
Doctor of Philology, professor
of University of Bergamo (Italy);

A.A. Tertychniy,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor of Faculty of Journalism
of Moscow State University

A.V. Fedorov,
Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector
of Taganrog State Pedagogical Institute,
president of Russian Association
of Media Pedagogy

Consultant

E.A. Kozhemyakin,
Faculty of Journalism, Head
of Department of Communication Studies,
Advertising and Public Relations, Doctor of
Philosophical Sciences, professor (Belgorod
National Research University)

Responsible secretary

A.O. Lavrinenko

Editor *A.N. Oberemok*

Dummy layout by *A.O. Lavrinenko*

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing: 30.03.2016

Format: 60×84/8

Typeface: Georgia, Impact

Printer's sheets: 28,3

Order: 83

Price: free

Circulation: 1000 copies

Date of publishing: 31.03.2016

Subscription reference in The Russian Press

common catalogue – 81466

Dummy layout is replicated at Publishing
House «Belgorod», Belgorod State National
Research University

Address: 85, Pobeda St., Belgorod, 308015,
Russia

S.A. Zakharova
The role of regional mass media in the management of the reputational
capital of Belgorod region **105**

Y.V. Markina
The formation of modern Russian media holdings **110**

A.E. Semenova
The image of the author in music journalism: typology, procedure
design **117**

V.A. Smirnova
Convergent editorial office as a tool for image making in the contemporary
media **123**

Y.I. Tyazhlov
Basic rhetorical complexes of mass cinema **127**

M.N. Cherkasova
Linguistic representation of the media political performance **141**

A.A. Cherkashina, D.A. Bagirova
Anti-Russian sanctions coverage in business magazine «Expert» **144**

M.A. Shinkov
Two letters: to the question of Fet's social views in 1880s **150**

PSYCHOLOGY

S.V. Zabelin
Psycho-pedagogical conditions of development of system thinking of
primary school age left-handed children **153**

N.V. Klyueva
Associative and dissociative mechanisms of PTSD law enforcement
officers **159**

M.V. Lanskiikh, A.S. Ponomarev
Development of conflict immunity of organization personnel **167**

V.B. Nikishina, Y.V. Zolotukhina, E.A. Petrash
Structural organization of social and substantial attitudes of interpersonal
interaction subjects in the performance management **174**

O.I. Samosat, A.I. Akhmetzyanova
The importance of social approval for teenagers in the social networks **181**

PEDAGOGICS

Y.I. Bogatyreva, D.V. Shahaeva
On the application of virtual laboratory experiments in physics in basic
school **191**

E.A. Bondar
Adaptational readiness of foreign citizens to study at the university **198**

A.A. Minenok
Design of creative workshop professional self-development of future teacher
of primary school **203**

N.V. Plaksina
The evolution process of open and distance learning system in the Western
European countries at the end of the 20th – the beginning
of the 21st century **208**

S.I. Tarasova
Characteristics of process of teaching at the higher school: new educational
situation **213**

E.V. Shamarina
Succession in the work of speech therapist and primary school teacher as
important psychological and pedagogical trend of forming reading skills in
first year schoolchildren with delay in psychological development **217**

Information about Authors **224**

МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 811.114

ДИСКУРС В СВЕТЕ НЕЙРОКОГНИТИВИСТИКИ ¹

DISCOURSE IN TERMS OF NEUROCOGNITIVE STUDIES

Н.Ф. Алефиренко
N.F. Alefirenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

В статье анализируются нейролингвистические механизмы дискурсивной деятельности человека. В центре внимания сущность понятий «дискурс» и «дискурсивная деятельность» в их сопоставлении с речью и речевой деятельностью. В качестве основной предпосылки нейролингвистического осмысления дискурса эвристически рассматривается концепция о функциональной асимметрии правого и левого полушарий коры головного мозга (КГМ). Проводится мысль о том, что основными когнитивными составляющими дискурсивной деятельности коммуникантов служат: а) превращение говорящими коммуникативно значимого события в смысловую программу будущего сообщения и б) осмысление с последующей реконструкцией интенционального посыла отправителя сообщения реципиентом (читателем или слушателем). Доказывается, что когерентность межполушарного взаимодействия КГМ – синергетическое основание дискурсивной деятельности.

The neurolinguistic mechanisms of discursive human activity are analysed. The focus is on the entity of the concepts of “discourse” and “discursive activity” in their relation to speech and speech activity. The framework of the functional asymmetry of the right and left hemispheres of the brain cortex is heuristically taken as the basic premise of neurolinguistic comprehension of the discourse. It is singled out that the main cognitive constituents of the discursive activity of the communicants are: a) the speakers’ turning a communicatively significant event into the notional programme of a future message, and b) the recipient’s (either a reader’s or a listener’s) understanding of the intentional message of the sender with the reconstruction to follow.

It is proved that the coherence of the interhemispheric interaction of the brain cortex is the synergetic basis of the discursive activity. The functional dominance of this or that hemisphere is caused by the inductive-deductive priorities of the corresponding phase of the discursive activity. This statement serves as an inductive-deductive hypothesis of the discursively significant interaction of the left and right hemispheres of the brain cortex. It underlies the prior received information that the right hemisphere is responsible for the *deductive* processing of discursively significant data whereas the left one is in charge of the *inductive* information handling. This means that in the right hemisphere *the synthesizing processes* of the constituents of a communicative event prevail, while in the left one *the processes of its analysis* are predominant. However, the specific character of the discursive activity that distinguishes it from the actual speech and figurative subject matter is determined by the coherence (coordinated operation) of the two hemispheres of the brain cortex.

Despite the assumed opposition of the left and right hemispheres of the brain cortex as that of “speech” and “dumb” notions respectively, the discursive human activity is based on their coherent interaction even though they gained functional specialisation. Moreover, each hemisphere may be dominant in the phase of the discourse which it is responsible for. Its leading status is determined by the decisive contribution that they make to the implementation of this phase of discursive activity.

The neurocognitive comprehension of the discourse nature resulted in the understanding that both the discourse and discursive activity are synergetic (nonlinear and multichannel) notions. In general, the interhemispheric architectonics of the discursive activity is determined by the unity of the two factors, i.e. functional asymmetry (specialisation) of the cerebral hemispheres and their harmonic interaction within the speech production processes.

Ключевые слова: нейролингвистика, дискурс, дискурсивная деятельность, коммуникативное событие, дискурсивное сознание, когерентность, межполушарное взаимодействие КГМ.

Key words: neurolinguistics, discourse, discursive activity, communicative event, discursive consciousness, coherence, interhemispheric interaction of the cerebral cortex.

¹ Работа выполнена в рамках реализации госзадания БелГУ № 241 на 2016 год.

Введение

Поиск нейролингвистических механизмов дискурсивной деятельности человека обусловлен двумя представленными идеями-гипотезами. Первая лежит в основе предположения о том, что речи предшествует коммуникативно-прагматическая деятельность, направленная на «подготовку» и порождение непосредственного текста (речи). Вторая достаточно убедительно верифицирована в нейропсихологии, доказывающей, что коммуникативными процессами управляют выявленные опытно-экспериментальным путем речевые центры левого полушария коры головного мозга (КТМ). Гипотетические положения рассматриваются нами как своего рода пролегомены, предварительные рассуждения к создаваемой нейрокогнитивной теории дискурса; верификация второго положения для нейролингвистики является, безусловно, базисной, поскольку направлена на осмысление нейропсихических механизмов, управляющих речемыслительной деятельностью человека вообще. Научная реализация этих идей, хотелось бы надеяться, позволит приблизиться к пониманию находящейся в подсознании (и поэтому сложно эксплицируемой) когнитивной сущности дискурса. Ставящая задача весьма актуальна, поскольку турбулентность существующих теорий ставит современные представления о дискурсе на грань методологического срыва.

В нашей концепции под дискурсом понимается, прежде всего, не речь и не совокупность произведенных кем-либо текстов одной стилевой архитектоники, а сложное *коммуникативно-когнитивное* событие. Опорным здесь является слово событие – не явление, факт, случай или эпизод, а некий личностный конструкт – идея или мыслительная конфигурация сценария воспринимаемого объекта. Определение «коммуникативно-когнитивное» означает, что личностный конструкт – гипотетически создаваемое построение, отображающее понимание наблюдаемых явлений с целью координации своих действий с другими.

Хотя дискурс и живёт в тексте, он кроме текста в свой состав включает различные экстралингвистические факторы, порождающие его смысловое содержание. Таковыми, ориентируясь на работы Т. ван Дейка [1. С. 3], считаем коммуникативное событие, участников этого события и обстоятельства, его сопровождающие: личностный опыт, с ним связанный, впечатления от него, его понимание, соображения и ценностные установки. С точки зрения предлагаемой нами нейролингвистической интерпретации дискурса, мыслительная конфигурация воспринимаемого объекта представляется в нем особыми мультисемиотическими средствами [2. С. 87; 3. С. 26]. Они характеризуются гетерегенной организацией: в их состав входят наряду с текстом определенная совокупность концептов, на разных ярусах которых этноязыковым сознанием зафиксированы иконические образы, слова-образы, символы, ценностные и оценочные смыслы [см.: 4. С. 5].

Итак, мультисемиотическую систему дискурса образуют: а) текст – «знак высшего порядка» (Т.М. Дридзе), в котором оказываются запечатленными направленность и состояние сознания человека, его личностные логические оценки и эмоциональные реакции по отношению к предмету (теме), а также особенности его видения партнера по общению; б) его концептосфера как система вербализованных и вербально не обозначенных знаний человека об окружающем его мире, сформированная из собственного опыта и опыта предшествующих поколений; в) иконические образы, обладающие, по Пирсу, рядом свойств, присущих отражаемому объекту, реально существующему или мнимому; г) слова-образы – своего рода «билборды», когда с соответствующим данному коммуникативному событию образом ассоциируется какое-то слово (например, образ изнывающего от жары человека и слово *пить*); д) символы, условные знаки, имеющие по сравнению с иконическими более глубокое социально-нормативное (духовное) измерение; е) когнитивные метафоры, снабжающие дискурс ценностно-смысловым содержанием, а порождаемый текст – необходимой иллюкативной силой.

Следовательно, коммуникативное событие представляет собой продукт личностного взаимодействия коммуникантов; ограниченное в пространстве и времени, мотивированное, целостное, интенционально обусловленное и переживаемое значимое явление общественной или личной жизни, ставшее объектом коммуникации. Соответственно, дискурсивное событие – это когнитивная партитура, рожденная дискурсивным сознанием семантическая запись полифонического коммуникативного события, в которой проецируются речевые партии всех участников дискурсивной деятельности.

Опираясь на диалектико-герменевтический метод, рассмотрим дискуссионные вопросы, порождаемые каждой из названных гипотез. *Диалектический* подход позволяет рассматривать коммуникативные события гибко и критически, с учетом их внутренних противоречий. *Герменевтический* метод направлен на выявление в коммуникативном событии не только эксплицитно представленных в тексте признаков, но и скрытых в текстопорождающем дискурсе имплицитными объектно-субъектными взаимоотношениями. Используется он в сопряжении с методом моделирования дискурсивного текстопорождения. Его цель – уяснение нейролингвистических механизмов формирования дискурсивно-смыслового содержания текста.

1. Предпосылки нейролингвистического осмысления дискурса

Уже более века существует убеждение в том, что доминантным для нормального человека является левое полушарие КГМ. Это убеждение лежит в основании господствующей ныне концепции, согласно которой при решении любых познавательных и интеллектуальных задач с участием языка основную работу у правшей выполняет левое полушарие. Правому полушарию в речевой деятельности традиционно отводится пассивная роль. Хотя своим появлением в 1836 г. данная концепция обязана французскому психиатру М. Даксу, всеобщее признание она получила в 1861 году благодаря исследованиям нейрохирурга П. Брока. С этого времени была достаточно четко определена столь важная для нейрокогнитивистики специализация полушарий КГМ. Прежде всего, латеральная специализация [5. С. 211] отображает два типа мышления: пространственно-образное, которым «управляет» правое полушарие, и абстрактно-логическое, лингвокреативное, за которое отвечает левое полушарие. Предварительно полученные нами сведения позволяют предполагать, что оба типа мышления имеют непосредственное отношение к дискурсивной деятельности человека. Пространственно-образное мышление обеспечивает одномоментную цельность симультанного восприятия коммуникативно-прагматической ситуации и её общую оценку; абстрактно-логическое же мышление, выполняющее главным образом аналитическую функцию, осуществляет ряд дискретных последовательных операций.

Упомянутые типы мышления обсуждаются главным образом в психологии мышления. В лингвокогнитивистике они имеют **значимые для теории дискурса** синонимические обозначения: вербальное – *абстрактно-логическое* мышление, поскольку оно непосредственно порождает речь, и невербальное – *образное* мышление, базирующееся на неязыковых, предметно-чувственных, представлениях. Вербальное мышление В. Ротенберг называет еще аналитическим, поскольку с помощью логического мышления осуществляется анализ коммуникативного события, с помощью которого происходит осмысление слагаемых дискурса (предметов, явлений, участников коммуникативного акта, сопутствующих ему обстоятельств). Невербальное мышление именуется синтетическим, так как образное мышление обеспечивает цельность восприятия коммуникативного события, благодаря которому оно обретает в дискурсивном сознании (обоснование данного понятия см.: [2]) формат гештальта. Наконец, вербальное мышление рассматривается как дискретное и симультанное на том основании, что логическое мышление в левом полушарии репрезентирует ряд *последовательных* операций. Невербальное же мышление, базируясь на образном восприятии, осуществляет *одномоментное* «схватывание» и оценку познаваемого события – объекта, провоцирующего дискурсивные интенции коммуникантов.

Всё перечисленное вызывает у нас сомнение в целесообразности для создания нейролингвистической концепции дискурса традиционного разделения полушарий КГМ на вербальное и невербальное. Дело в том, что, как показывает лингвокогнитивный анализ дискурса [3. С. 32], оба полушария, выполняя специфические интеллектуальные функции, одинаково важны для осуществления дискурсивной деятельности человека.

Правое полушарие узнает предметы, цвета, формы; различает в дискурсивной полифонии голоса. Оно перерабатывает информацию специфически [см.: 6. С. 102]: одновременно и целостно. Отдельные части и элементы, а также входящие в состав дискурса предметы или явления им детально не рассматриваются. В правом полушарии интегрируется вся информация, предоставляемая дискурсивному сознанию соматосенсорной зоной. Она соединяется с информацией, поступающей из зрительных и слуховых зон КГМ. Правое полушарие является своеобразным локатором, лишь фиксирующим изменения окружающей дискурсию среды, а также эмотивные модуляции дискурсивного сознания. Их же анализ, необходимый для перевода дискурсивных интенций в речевые структуры, находится в ведении левого полушария. Оно ответственно также и за выбор цели, которую коммуниканты ставят перед собой, моделируя свои предполагаемые высказывания.

Будучи аналитическим, левое полушарие координирует дискурсивную деятельность, направленную на речевые построения, письмо, чтение, ведение счета, осуществление сознательного абстрактного мышления. В левом полушарии сосредотачивается аналитически переработанная (с привлечением фактов и результатов логического мышления) информация. Более того, в левом полушарии информация, передаваемая из соматосенсорной зоны, соединяется с вербальной памятью. Это то звено в дискурсивной деятельности, работа которого создаёт почву для осмысленной интерпретации зрительных, слуховых и тактильных восприятий и для выработки дискурсивным сознанием соответствующей коммуникативной ситуации линии речевого поведения.

Поскольку дискурсивное сознание в процессе речемыслительного порождения текста (речи) использует семиотическую амальгаму довербальных и протодвербальных средств, оно активизирует оба типа лингвокреативного мышления. Пространственно-образное мышление правого полушария продуцирует паравербальный семиозис, в то время как абстрактно-логическое мышление, управляемое

левым полушарием, – семиозис протOVERбальный. Оба вектора дискурсивного семиозиса направлены на формирование концептосферы, служащей дискурсу когнитивным субстратом текстопорождения.

2. Дискурсивная деятельность

Сущность дискурса как важнейшей антропоцентрической категории предопределяется деятельностной природой человека [см.: 7. С. 32]. В силу этого дискурсивная деятельность познается через осмысление человеческой деятельности вообще и речевой деятельности в частности – наиболее доступного наблюдению деривата дискурса. Как особая форма человеческой практики (и дискурсивной в том числе) речевая деятельность – это мотивированный процесс порождения сообщения, организованного социально отработанными средствами формирования и формулирования мысли в общении людей. В данном определении содержится важная для нейрокогнитивной интерпретации дискурса мысль: речевой деятельности – процессу порождения и восприятия сообщения – предшествуют осмысление цели, интенциональные векторы предполагаемого сообщения, его мотивация и координация коммуникативно-прагматических факторов речепорождения. Этот синергетический (нелинейный) процесс представляет собой основной (хотя и неполный) спектр дискурсивной деятельности человека, обеспечивающей все виды речевой коммуникации. Дополнить его следует, прежде всего, когнитивными составляющими, связанными с дискурсивной деятельностью коммуникантов: а) превращением говорящими коммуникативно значимого события в смысловую программу будущего сообщения, а также б) осмыслением и последующей реконструкцией рецепиентом авторского интенционального посыла.

В процессе ретроспективного поиска в направлении от словесного произведения (текста) к дискурсу исследователю открываются новые, скрытые, невербализованные грани самого текста, прежде всего те, которые связаны «с изменением конфигурации ментального представления в линейную структуру», с преобразованием дискретно воспринимаемого коммуникативного события в целостное представление. Именно оно является необходимым условием успешной коммуникации, поскольку «бессвязный текст не может быть адекватно декодирован адресатом. Эта трансформация происходит через установление глобальной и локальной связности дискурса» [8. С. 88; 9. С. 1], т.е. через осмысление единства топики (темы) дискурса, авторской интенции и связанной модели коммуникативной ситуации. В конечном итоге адресат, пытающийся раскрыть имплицитные смыслы воспринимаемого текста, вынужден устанавливать связи между *пропозициями* (когнитивно-дискурсивными структурами), *когезией* (линейной организацией языковых средств в речевом построении) и *когерентностью* текста, его логико-семантической соотносительностью и смысловой целостностью [10. С. 88; 11]. Особенно это актуально для восприятия и понимания дискурса поэтического текста, например:

*Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает, -
Спи, мое дитя.*

А.А. Фет «Серенада»

Здесь дискурсивно-смысловая целостность текста обеспечивается его когезией и когерентностью [12]. Первая – результат работы левого полушария, а вторая – правого. Благодаря им дискурс оказывается связанным, позволяющим реципиенту выстраивать такую же связную модель представленного в тексте коммуникативного события.

При выключении левого полушария, по данным К. Чиарелло, ассоциативный эксперимент выявляет богатую палитру ассоциативных связей, в том числе и отдаленных [13]. Образ, формируемый правым полушарием, «оживляет фиксированные ассоциации между внешним миром и словесными знаками, так что слово и смысл оказываются связанными естественным образом» [14. С. 29]. Когезия, за которую отвечает левое полушарие, создается последовательностью пропозиций и синтагматической связностью слов, принимающих участие в их репрезентации. Когерентность дискурса – результат работы левого полушария. Достигается она путем целостно-смысловой интеграции в имплицитной когнитивной метафоре «сонливый закат» даже не самих художественных концептов («вечер», «золотые горы», «знойный воздух»), а их «определяющих» смысловых признаков. Ср.: «вечер» – *догорает тихо, золотя* горы, «знойный воздух» – *холодает*. В результате установления отдаленных ассоциативных связей образуется макроконцепт «располагающий ко сну вечер». Порождается он когнитивной метафорой «утасаживающее светило», которая ассоциативно связывает сон ребенка с отходящим ко сну солнцем, к вечеру тихо догорающим, ласкающим своими последними лучами горы и охлаждающим знойный воздух. Благодаря когезии и когерентности поэтический дискурс напоминает живопись. Те же образы, иносказательность, колорит, то же магическое воздействие на реципиента. Как

и живописные полотна, поэтические тексты связаны с правополушарным, целостным, эстетическим восприятием объектов художественной коммуникации.

Принципиально важным для понимания дискурсивной деятельности человека в свете нейролингвистики является адекватное истолкование речепорождающей роли дискурса и лежащего в его основе макроконцепта. Формирование дискурса, и прежде всего конституирующего его концепта, представляет собой единый конвергентный процесс, в котором они взаимно предполагают друг друга. В соответствии с этим дискурс рассматривается нами в роли среды и основного фактора формирования текстопорождающего концепта, а динамический дискурсообразующий концепт, в отличие от познавательного концепта, пребывающего в статике, – не только конструкт, хранящий знания, но и механизм, обладающий свойством *коммуникативного стимулирования*. Более того, культурно-прагматическая архитектура смыслового содержания концепта проявляется главным образом в дискурсивной деятельности [15. С. 4]. Поэтому концепт является не только средством ментальных репрезентаций, но и феноменом, продуцирующим коммуникативно-модусное взаимодействие сознания, языка, текста и культуры. Именно благодаря такому ценностно-смысловому симбиозу дискурсообразующий концепт получает способность стимулировать текстопорождение [16].

Текстопорождающие функции концепта и дискурса носят *двунаправленный* характер: тип дискурса формируется совокупностью вполне определенных концептов (художественных, эмотивных, дискурсивно-модусных и т.д.), а концепты, предопределяя смысловое поле дискурса и формируя содержание порождаемого текста, закладывают конфигурацию его коннотативно-образной архитектуры. В свете сказанного, «...адекватный анализ дискурса должен осуществляться параллельно в двух направлениях – фиксации и каталогизации ментальных единиц, образующих его смысловое пространство, с одной стороны, и выявления способов и закономерностей их материализации – с другой» [17. С. 106].

Следовательно, речепорождающая функция дискурсивного мышления человека осуществляется совместной деятельностью двух полушарий. Именно такую деятельность (по аналогии с деятельностью речевой) мы и называем дискурсивной. Однако если для *речевой* деятельности одно из них является доминантным, то *дискурсивная* деятельность обязана своим существованием гармоничному взаимодействию левого и правого полушарий. Отсутствие должного внимания к этому взаимодействию привело к тому, что дискурсивная деятельность человека пока остаётся в науке *terra incognita*. Объясняется это сложившейся традицией приписывать полушариям КГМ противоположные (языковые – неязыковые) функции. При этом роль одного из полушарий в осуществлении дискурсивной деятельности преувеличивается, а механизмы другого полушария недооцениваются (см. работы нейролингвистов Московской школы [18]). В результате сложилось мнение, что дискурсивная деятельность приводится в действие только механизмами левого полушария КГМ. Правое же полушарие принято называть «субдоминантным», «малым», «немым», а иногда даже «безграмотным» и «глухим». Однако накопившиеся в науке сведения позволили представления о правом полушарии как второстепенном или зависимом признать, мягко говоря, спорными. Особенного внимания данная ситуация требует при осмыслении нейрокогнитивной природы дискурсивной деятельности.

3. Когерентность межполушарного взаимодействия КГМ – синергетическое основание дискурсивной деятельности

Нейрокогнитивное осмысление природы дискурса привело к пониманию того, что и сам дискурс, и вся дискурсивная деятельность – явления синергетические (нелинейные и многоканальные). Оно положено в основание гипотезы, согласно которой дискурсивная деятельность по природе своей не может быть одноплоскостной и одноуровневой: в её осуществлении принимают участие биопсихические механизмы как левого, так и правого полушария, а сама дискурсивная деятельность является продуктом их функционально-синергетического взаимодействия. Приблизиться к биопсихическому пониманию дискурсивной деятельности помогают идеи, проецируемые изучением специализации левого и правого полушарий КГМ, в частности их функциональной асимметрией [19. С. 33]. Её суть заключается в том, что, наряду с асимметриями целых систем, еще существуют и парциальные асимметрии, т.е. асимметрии, связанные со специализацией внутри отдельной подсистемы. Так, асимметрия слухоречевой подсистемы вызывается тем, что при работе слухового механизма доминантным является правое полушарие, а при работе речевого – левое. Подтверждением тому служит выявленное множество фактов, позволяющих говорить о том, что на разных этапах дискурсивной деятельности человека, связанных с осуществлением ими вербальных и невербальных функций, левое и правое полушария способны меняться своими доминантными статусами. В зависимости от фазы дискурсии (процесса речемыслительной деятельности, названного М. Фуко своеобразным инструментом познания [см.: 20. С. 47]) одно из полушарий (левое или правое) будет ведущим. Это, разумеется, не отменяет ранее

сформулированного положения о том, что в дискурсивной деятельности принимают участие оба полушария.

Функциональная доминантность того или иного полушария обуславливается индуктивно-дедуктивными приоритетами соответствующей фазы дискурсивной деятельности. Данное положение получило название индуктивно-дедуктивной гипотезы дискурсивно значимого взаимодействия левого и правого полушарий КГМ. В её основе лежат ранее полученные сведения о том, что правое полушарие отвечает за *дедуктивную* обработку дискурсивно значимой информации, а левое – за *индуктивную*. Это означает, что в правом полушарии преобладают процессы *синтезирования* конститuentов коммуникативного события, а в левом – процессы его *анализа*. Однако специфика дискурсивной деятельности, отличающая её от собственно речевой или образно-предметной, определяется когерентностью (согласованной работой) двух полушарий КГМ.

С точки зрения дискурсивной деятельности вырисовывается общая схема аналитико-синтетического взаимодействия правого и левого полушарий КГМ. Она обусловлена самим её устройством. В состав коры входят: (а) нейроны (нервные клетки) и (б) нервные волокна – многочисленные проводники сенсорных, ассоциативных и двигательных нервных импульсов. Пластичность нейронной архитектуры (цитоархитектоники) КГМ открывает беспредельные возможности приспособляемости человека на протяжении всей его жизни, что развивает в нем необходимые для дискурсивной деятельности различные виды кратковременной и долговременной памяти. Нервные волокна – отростки нервных клеток (длинные (аксоны) и короткие (дендриты)) – являются в дискурсивной деятельности когнитивно-конструктивными, поскольку способны проводить нервный импульс в соответствии со своим функциональным типом.

Сенсорные волокна служат восходящими нервными путями, через которые нервные клетки получают сенсорную информацию о коммуникативном событии от большинства рецепторов тела. *Ассоциативные* волокна образуют вставочную зону КГМ. Они выполняют в дискурсивной деятельности конструктивную роль. Во-первых, такие волокна связывают вновь поступающую сенсорную информацию с полученной ранее и хранящейся в блоках долговременной памяти, благодаря чему стимулы новой дискурсивной ситуации «узнаются». Во-вторых, они сопоставляют сенсорную информацию о конститuentах коммуникативного события, приходящую от разных рецепторов. В-третьих, ассоциативные волокна участвуют в процессах кратковременной памяти, направленных на формирование ассоциативной конфигурации, её фиксацию и использование в дискурсивном мышлении. *Двигательные* волокна располагаются в выходной зоне КГМ. Через них проходят необходимые для речепорождения двигательные импульсы. Благодаря им в КГМ осуществляются анализ и синтез многообразных раздражений, которые поступают от органов чувств, воспринимающих дискурс как событие. Дискурс в этом плане – это коммуникативное событие, данное нам в ощущениях и через текст доступное наблюдению.

1. Начинает дискурсию правое полушарие. Оперативно оценивая посредством дедукции объект дискурсии (вектор его работы – расчленение дискурсивной ситуации на её составляющие – от общего к частному, от синтеза к анализу), оно осуществляет синергичное рождение речевого мотива (см. схему).

2. Затем в дискурсию включается левое полушарие. Его задачи: а) смоделировать вторичную стратегию предполагаемого речепорождения, проложить общую канву самого процесса построения коммуникации, направленной на достижение долговременных результатов; б) на основе индукции разработать соответствующую тактику речевого поведения (вектора реализации «речевых поступков»: от частного к общему, от анализа к синтезу). Это служит необходимым основанием для антиципации (предвосхищения) предполагаемого высказывания через актуализацию прошлого речевого опыта; для преднастройки речевых механизмов к порождению речи.

3. По системе волокон КГМ результаты такого синтеза передаются в правое полушарие для сопоставления результатов левополушарного синтеза с первичной (правополушарной) оценкой дискурсивной ситуации.

4. Если результаты левополушарной обработки информации совпадают с первичной оценкой, наступает следующий (паравербальный) этап дискурсии; если же они ей противоречат, информация снова передается в левое полушарие для более последовательной её аранжировки, гармонизации и адаптации к коммуникативному замыслу.

5. В таком случае правое полушарие пытается сформировать целостное смысловое содержание. Создавая ассоциации на основе наглядно-чувственных представлений о дискурсивной ситуации, оно обеспечивает эмпирическое и образное (метафорическое) её осмысление.

6. Получив из правого полушария целостную архитектуру смыслового содержания, левое полушарие стремится перевести симультанную смысловую программу с мыслекода на линейный (протовербальный) код, грамматически оформить смысловое содержание, дать необходимую для реализации замысла характеристику свойствам предметов, составляющих данную дискурсивную ситуацию. С этой целью осуществляется вербальный семиозис: производится отбор слов для

обозначения элементов смысловой программы, грамматически оформляется хромотопная перспектива высказывания.

7. На следующем этапе происходит отбор из ранее сформированного лексикона соответствующих знаков прямой и непрямой номинации. Здесь также оба полушария КГМ «работают» когерентно: правое полушарие опирается на образное отображение предметного мира; левое – на продукты вербализации текстообразующих концептов.

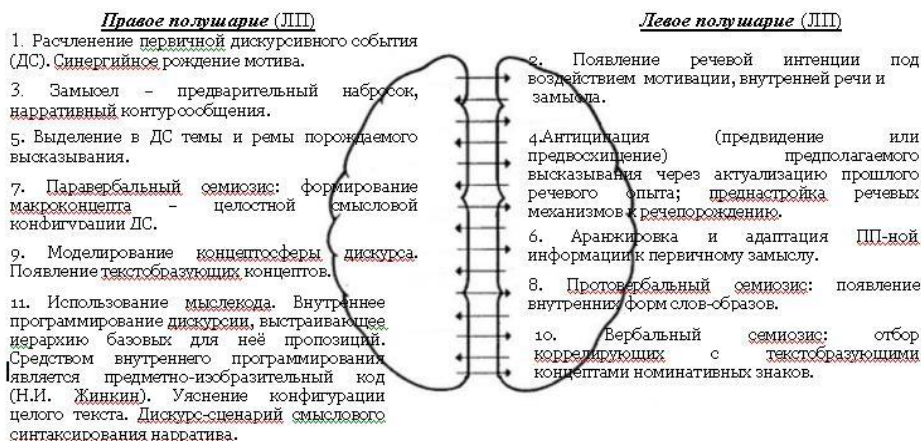

Схема аналитико-синтетического взаимодействия правого и левого полушарий головного мозга

Принять или опровергнуть теоретическое утверждение, содержащееся в функционально-синергетической гипотезе о когерентности межполушарного взаимодействия как механизме дискурсивной деятельности, помогает проблемная теория *расщепленного мозга*. К её дискурсологическому осмыслению побуждают появившиеся в последние десятилетия онтогенезисные исследования закономерностей спаренной работы полушарий.

Открытые феномена «расщепленного мозга» (в частности наблюдения над работой левого и правого полушарий КГМ в окказиональных условиях их относительно автономного функционирования) закладывает обнадеживающие перспективы для осмысления механизмов межполушарного взаимодействия в дискурсивной деятельности человека. При этом обнаруживаются только ему присущие симптомы нарушений (афазии – локального отсутствия уже сформировавшихся речевых навыков) тех психических функций (сенсорных, речевых, двигательных и конструктивно-пространственных), без которых немислима дискурсивная деятельность. Речевые афазии проявляются в неспособности прочесть или написать слово, проецируемое в левое полушарие. Если же слова проецируются в правое поле зрения, больной в состоянии правильно их прочесть и написать. При этом референция не нарушается: человек без труда среди прочих предметов находит вещь, которую обозначает предъявляемое ему слово.

Для адекватной интерпретации механизмов дискурсивной деятельности особенно важным оказывается понимание того, что правое полушарие обладает «собственными» высшими лингвокогнитивными функциями. Это становится вполне очевидным, если из дискурсивной деятельности устранить (или игнорировать) работу правого полушария. Синдром расщепленного мозга (совокупность нарушений психической деятельности) включает следующие значимые для дискурсивной деятельности симптомы: а) аномию – невозможность прочтения слова или названия предметов, предъявляемых в правое полушарие (или одному правому глазу); б) нарушение письма и конструктивной деятельности одной рукой, когда письмо может осуществляться только правой, а рисование только левой рукой – дископия-дисграфия.

Адаптация учения «расщепленного мозга» к теории дискурса убеждает в том, что полушария КГМ представляют собой *целостный бинарный орган* дискурсии, поскольку в норме его деятельность обеспечивается только их синхронным функционально-синергетическим взаимодействием. В целом, накопленный в науке опыт исследования асимметрии полушарий КГМ позволяет превратить функционально-синергетическую гипотезу межполушарного взаимодействия в теорию, доказывающую существование билатерального принципа организации дискурсивной деятельности человека, опирающейся на такие важнейшие функции мозга, как *восприятие, внимание, память, мышление и речь*. В свете высказанных суждений достаточно убедительной представляется мысль о том, что левое полушарие в большей степени актуализируется при *прогнозировании* будущего высказывания, а правое – при необходимости ретроспективно привлечь имеющийся опыт и при *нарративизации* «здесь и сейчас» воспринимаемого коммуникативного события.

Заключение

Вопреки принятому противопоставлению левого полушария КГМ как «речевого» правому «немому», дискурсивная деятельность человека опирается на их когерентное взаимодействие, несмотря на приобретенную ими функциональную специализацию. Причем каждое полушарие может быть доминантным в той фазе дискурсии, за которую оно отвечает. Его ведущий статус определяется тем решающим вкладом, который им вносится в осуществление данного этапа дискурсивной деятельности. В целом, межполушарная архитектура дискурсивной деятельности детерминирована единством двух факторов: функциональной асимметрии (специализации) полушарий КГМ и их гармонического взаимодействия в процессах порождения речи.

Список литературы

1. Dijk van T.A. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline // Handbook of Discourse Analysis. – Vol. 1.: Disciplines of Discourse. – Academic Press, 1985. – P. 1-10.
2. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 341 с.
3. Alefirenko N.F. Formation and Development of Discourse Linguistic Theory // X Linguae. European Scientific Language Journal. – 2014. – Vol. 7. – Issue 2. – P. 32-45.
4. Алефиренко Н.Ф. Смысл как лингвофилософский феномен / Н.Ф. Алефиренко // Вестник Томского государственного университета. – Сер. «Филология». – 2013. – Вып. 1 (21). – С. 5-14.
5. Campbell R. The lateralization of emotion: Active arctical review // Intern. J. Psychol. – 1982. – V. 17. – № 2-3. – P. 211-229.
6. Шапкин С.А. Межполушарная асимметрия в переработке эмоционально окрашенной информации / С.А. Шапкин // Вопросы психологии. – 2000. – № 4. – С. 102-105.
7. Sokolová J., Korina N., Čelovek. Jazyk – Diskurs: Očerki ob orientácii v prostranstve jazyka i reči. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 206 s.
8. Милевская Т.В. Дискурс, речевая деятельность, текст / Т.В. Милевская // Теория коммуникации & прикладная коммуникация; под общ. ред. И.Н. Розинной. – Вестник РКА. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. – Вып. 1. – С. 88-91.
9. Галло Ян. К проблематике семантической гетерогенности текста / Ян Галло // OPERA SLAVICA. – XXIII. – 2013. – № 2. – С. 1-6.
10. Казаченко О. В. Когерентность и когезия текста / О.В. Казаченко // Альманах современной науки и образования: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 8 (27). – Ч. II. – С. 88-90.
11. СПЯКМ – Смысловая презентация языковой картины мира: монография / под ред. Л. Г. Золотых. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2015. – 340 с.
12. CCSW – Coherence and Cohesion in Spoken and Written Discourse. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. – [Электр. ресурс] – <http://www.c-s-p.org/flyers/978-1-4438-1308-2-sample.pdf>
13. Chiarello C., Kacinik N., Manowitz B., Otto R., & Leonard C. Cerebral asymmetries for language: Evidence for structural-behavioral correlations. Neuropsychology. – 2004. – V.18. – P. 219-231.
14. Chernigovskaya T.V., Deglin V.L. Brain functional asymmetry and neural organization of Linguistic competence. Brain and Language. – 1986. – P. 29.
15. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.В. Крючкова. – Саратов, 2009. – 40 с.
16. Alefirenko N.F., Chumak-Zhun I.I., Ozerova E.G., Stebunova K.K. Text and discourse (Between Scylla and Charybdis of Cognitive Linguopoetics) // Journal of language and literature. – 2015. – № 30.
17. Приходько А.Н. Дискурсообразующий потенциал концептов / А.Н. Приходько, Е.С. Путий // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь, 2011. – Вып. 9. – С. 104-113.
18. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. / А.Р. Лурия – М.: «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
19. Николаенко Н.Н., Егоров А.Ю., Ткаченко О.П. Функциональная асимметрия мозга и принципы организации речевой деятельности / Н.Н. Николаенко, А.Ю. Егоров, О.П. Ткаченко // Физиология человека. – 1998. – Т. 24. – № 2. – С. 33-39.
20. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко; пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.09:130.2:8

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ» И Г. ДЖЕЙМСА «ДЭЗИ МИЛЛЕР»²

INTERTEXTUAL SPACE OF THE NOVELS «ASYA» BY TURGENEV AND «DAZY MILLER» BY JAMES

И.В. Бардыкова
I.V. Bardykova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: ibardykova@bsu.edu.ru

Предлагаемая статья является попыткой исследования интертекстуальной поэтики повестей Тургенева и Джеймса. Актуальность данного подхода обусловлена новыми методологическими принципами анализа художественного текста в аспекте проблем интертекстуальности и интермедиальности. Маркеры интертекстуальности: цитата, аллюзия, реминисценция, парафраз – помогают распознать межтекстовые связи и способы ввода чужого текста в новый текст. Под интертекстуальностью понимается явное или скрытое введение элементов текста «Аси» в повесть Г. Джеймса. Анализируются такие интертекстуальные приемы, как поэтика имени и топографическая поэтика. В аспекте интермедиальности слово писателя, линия художника, звуки музыканта – это медиа со своими специфическими языками, которые составили многоголосие повести Тургенева как единого культурно-эстетического целого.

This article is an attempt to research intertextual poetics in Turgenev and James' novels. A significant part of contemporary research in philology deals with intertextual links of Russian and other literatures. This problem is important today because of modern methodology principles of analysis in literature criticism in a view of intertextuality and intermediality. The markers of intertextuality are: quotation, allusion, reminiscence, paraphrase, they allow to recognize authentic relations between the "manifest" texts and "latent subtexts". Studying implicit and explicit intertextual mechanisms of authors' texts is the main problem of intertextual analysis. We analyze such intertextual techniques as poetics of the name and topographical poetics. In a view of intermediality, literary word, art line, sound of music are media with specific semiotic languages gathering polyphony of Turgenev's novelas cultural and esthetic whole.

Ключевые слова: Тургенев, Джеймс, интертекст, цитация, аллюзия, реминисценция, претекст, манифестный текст.

Key words: Turgenev, James, intertext, quotation, allusion, reminiscence, initial text, "manifest" text.

Введение

Проблема интертекстуальности, ее функций в художественном дискурсе не теряет своей актуальности и сегодня, хотя дискуссии о ее теоретическом статусе ведутся уже более пяти десятилетий. До сих пор нет единства в ее общеметодологическом и чисто литературоведческом обосновании. Однако ученые сходятся во мнении, что сама постановка проблемы напрямую связана с понятиями «текст» и «интертекст», которые стали ведущими в гуманитарных науках еще в 1970-е гг. Под текстом стали понимать не только литературное письмо, но и все знаковые системы, заключающие в себе знаковую информацию. Так, появилась возможность говорить о «текстах культуры» и «текстах искусства», в связи с которыми возникли проблемы порождения текста, его функционирования, интертекстуальности и диалога, «теория которого прошла путь от концепции диалогического слова к концепции диалога текстов» [1, с 9]. Основные методологические подходы к их решению были сформулированы Ю. Кристевой, Ж. Женеттом, М. Риффатером, Р. Бартом.

² Статья выполнена в рамках проекта РГНФ «Интертекстуальная поэтика русской художественной прозы XIX–XXI веков и теоретические основы интертекстологии» № 15-34-01013.

Своеобразной точкой отсчета стало высказывание Ю. Кристевой о том, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [2, с. 167]. По мнению Р. Барга, «любой текст – это новая ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат», «кладовая стереотипов», а «интертекст – размытое поле анонимных формул» [3, с. 88, 418, 490].

Мы исходим из того, что интертекст – «пространство схождения всевозможных цитаций» [4, с. 41], а интертекстуальность как способ прочтения и истолкования текстов «позволяет по-новому осмыслить и освоить формы эксплицитного и имплицитного пересечения двух текстов» [5, с.49]. Интертекстуальная деятельность, по замечанию Н. Пьеге-Гро, «имеет довольно узкую территорию»: цитата, аллюзия, реминисценция, пародия, подражание, стилизация, коллаж. Однако отечественные исследователи (А.К. Жолковский, Н.А. Кузьмина, Н.А. Николина, И.П. Смирнов, Н.А. Фатеева) относят к формам интертекстуальности также общие проблемно-тематические и сюжетно-композиционные схемы, «сходные образные формулы», «чужие высказывания, связанные с тем или иным культурным кодом» [6, с. 225].

Объектами аналитических процедур в данной статье являются две повести, русского и американского писателей, основной частью поэтики которых оказываются не отношения филиации, а межтекстовые диалогические связи. В качестве стратегических предстают две задачи: опознать разнообразные интертекстуальные элементы тургеневского претекста и рассмотреть «Дэзи Миллер» как произведение-интертекст, то есть выявить диалогизм: пересечения, эксплицитные и имплицитные интерференции, позволяющие прочесть тексты анализируемых произведений как продукты «впитывания» и трансформации других текстов.

Основная часть

Известно, что И.С. Тургенева и Г. Джеймса связывали личные и творческие контакты. В 1874 г. начинающий американский литератор, разделявший эстетические взгляды Тургенева, отправился в Европу с намерением посетить своего кумира в немецком Бадене. Однако знакомство состоялось в Париже в 1875 г.

О своем преклонении перед художественным гением русского писателя Генри Джеймс заявлял неоднократно. Еще при жизни Тургенева в серии литературно-критических статей о нем (1874–1883) Джеймс представил западника Тургенева воплощением русской ментальности и национальной самоидентификации, прозаиком, «глубоко и сочувственно понимавшим удивительную сложность русской души» [7, с. 57]. «Паломничество» в Западную Европу имело для обоих немалое значение, став объединяющим фактором. Свыше двадцати лет Тургенев прожил вдали от родины (Франция, Германия, Италия), а Джеймс-эмпатриант более сорока лет – в Англии; при этом англичане считали его американским писателем, а американцы – английским.

В американской критике (Д. Лернер, Д. Петерсон, В. Фаулер) высказывалось предположение о воздействии тургеневской «Аси» (1858), которую Джеймс впервые прочитал на французском языке в 1869 г. [8, с. 64], на его повесть «Дэзи Миллер» (1879). Данную точку зрения разделяют и некоторые отечественные американисты (О.Ю. Анцыферова, Т.Л. Селитрина), внесшие существенный вклад в русское джеймсоведение. Но проблема далеко не исчерпана и открыта для новых интерпретаций.

Повести Тургенева и Джеймса сыграли сходную роль в *творческой судьбе писателей*. С работой над ними связано начало их творческого подъема, особенно для Джеймса, подавленного неудачами своих ранних произведений, но не желающего (по его же словам) «подстраиваться под мерку, снятую с неуклюжей, плоскостопой ноги публики». Толчком к замыслу обеих повестей послужили реальные факты, обусловившие наличие автобиографических реминисценций: зинцигский эпизод пребывания Тургенева в Германии в 1857 г. и услышанный Джеймсом в 1877 г. рассказ об американке, шокировавшей своим поведением соотечественников, живших в Риме. (Завязав знакомство с непредставленным ей итальянцем, девушка поплатилась за это неодобрением высшего света.) На формирование сюжетных ситуаций «Аси» повлияли также встречи Тургенева в Париже в 1856 г. с А. Фетом и его сестрой Н. Шеншиной, а в Зинциге – с братом и сестрой Сабуровыми, художником А.П. Никитиным.

Пространственные маркеры, выступающие в качестве самостоятельного интертекстового указателя, – западноевропейские страны: Германия (Зинциг, Линц) у Тургенева, Швейцария (Вевер) и Италия (Рим) у Джеймса, которого привезли в Европу в 12-летнем возрасте, а в 1859–1860-х годах он воспитывался в духе строгого кальвинизма в женевском коллеже (где будет обучаться и его герой – американец Фредерик Уинтерборн).

Обратимся к *заглавиям* как важным компонентам, образующим интертекстуальное пространство, их семантике и структуре. В обоих случаях это персонажные заглавия-антропонимы, сжатые до одного-двух слов и выполняющие функции адресации и номинации. Заглавная конструкция тургеневской

повести ограничена именем центрального персонажа, а джеймсовская включает личное имя и фамилию. Заглавия служат основным индикатором ключевой темы произведения, но при этом не содержат авторской оценки, не отличаются особой семантической весомостью. Но следует все-таки признать, что предполагаемая нейтральность имени и фамилии героини Джеймса выявит свой знаковый потенциал позднее, заглавное словосочетание его повести проявит свою метафорическую заданность более широкой перспективе. Существительное «daisy» имеет в английском языке два различных значения: общепотребительное, бытовое «маргаритка», а в практике речевого жаргонного общения – «классная вещица». Нарастание смысла заглавия, осознание внутреннего противоречия, заключенного в сочетании имени и фамилии юной американки выявляется с помощью иронического высказывания миссис Уокер «об интриге этой девицы... мисс Бэкер, мисс Чэндлер или, как там ее зовут, мисс Миллер...» [9, с. 68]. Через игру фамилий отчетливо проявляется ее пренебрежительное отношение к Дэзи: Бэкер (Baker) – булочник, Чэндлер (Chandler) – торговец свечами, лавочник, Миллер (Miller) – мельник.

Интертекстуальным элементом оказывается сама ситуация переименования героинь без объяснения причин. Подлинное имя Аси, дочери крепостной и русского барина, – Анна. (Одним из ее реальных прототипов тургеневеды считают внебрачную дочь дяди писателя (Н.Н.Тургенева) и крестьянки – Анну, которую в доме В.П. Тургеневой звали Асей). Настоящее имя героини Джеймса, дочери богатого бизнесмена из «таинственной страны долларов» (69), аллюзивно: Энни П. Миллер (т.е. Анна). Оно функционирует как точечная аллюзия, обладающая литературной памятью.

Однако если у Джеймса имя Анна принадлежит лишь главной героине и употребляется однократно, то у Тургенева выстраивается именная цепочка: Ася – Анна – Анна Николаевна (так при свидании обращается к ней Н.Н.) – Annette (как называет ее немецкий мальчишка-рассыльный). Попутно отметим еще один вариант – Аннушка (Annouchka). Именно такое заглавие Тургенев предпослал собственному переводу (1869) повести на французский язык и сделал сноску-разъяснение: «Аннушка, или Ася – уменьшительное имени Анна». В повести Асе противостоит образ-антипод немецкой Анны – легкомысленной служанки Ганхен (уменьшительная форма имени Анна), быстро забывшей жениха, ушедшего в солдаты. Контрастная параллель между ними подчеркивает глубину захватившего Асю чувства.

Другим предтекстовым компонентом является *подзаголовок*, который у обоих авторов отсутствует, хотя при первой публикации в «Современнике» (1858) «Ася» вышла с подзаголовком «Рассказ Н.Н.», уточняющим жанровую природу произведения и впоследствии снятым. «Дэзи Миллер», тоже впервые изданная в журнальном варианте (The Cornhill Magazine, 1878), имела подзаголовок «Astudy», от которого позднее Джеймс отказался. Информация, заложенная в подзаголовке и обогащающая смысл заглавия, определяется словарным значением существительного *study*: 1) изучение, исследование; 2) научная работа; 3) очерк; 4) этюд, эскиз, набросок. Первое значение (исследование) вполне сопрягалось с повествовательно-коммуникативными, эстетическими стратегиями современного Джеймсу натурализма. А четвертое значение (эюд) актуализировалось более поздней (1909) авторской дефиницией «exhibishion» – «маленькая иллюстрация»: холодный ум Уинтерборна привык превращать наблюдения в этюды.

Произведения обоих авторов отмечены *сюжетно-композиционным сходством*. Ориентируясь на Тургенева, Джеймс в качестве основной также разрабатывает ситуацию «соотечественники за рубежом». Ее решение во многом сродни тургеневскому, когда г-н Н.Н. не раз говорил о том, что «ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания <...> и неохотно знакомился с русскими за границей» [10, с. 150–151]. Данная оценка у Тургенева является примером автоинтертекстуальности: в очерке «Иза за границы» (1858) Тургенев писал о том, что «наши художественные радости слишком часто ограничиваются мучительным дежурством перед «любопытными предметами» и «знаменитыми произведениями» (X, 305). Сходная реакция на соотечественников и европейские достопримечательности со стороны Дэзи Миллер оказывается как бы тройной реминисценцией: на слова литературного персонажа, на тургеневскую очерковую характеристику путешествующих русских и на заметки о Париже из записных книжек Джеймса, писавшего о себе как о «вечном чужаке», которому «никак не удастся избавиться от этих отвратительных американцев из "колонии"».

Обе повести открываются экспозицией: объяснением причин приезда персонажей за границу, описанием места действия и введением образа рассказчика. Второй общий структурный компонент – завязка: встреча соотечественников далеко за пределами родины. В развитии действия, лишённого сюжетной занимательности, тоже немало сходных фабульных узлов, тем и мотивов. В финале истории героинь драматически обрываются: отъездом-бегством и возможной смертью Аси (так как дистанция между временем рассказывания и временем событий значительна), и смертью Дэзи. В процесс интертекстуализации вовлекаются разные фрагменты. Так, ситуативной интертекстуальностью обладает сцена посещения Шильонского замка, которая имплицитно соотносится в «Асе» с посещением развалин на вершине голой скалы. Тургеневская героиня со стаканом воды смело карабкалась по развалинам,

чтобы полить росшие там цветы. Столь же бесстрашно взбиралась по опасным винтовым лестницам швейцарского замка и Дэзи.

В «Асе» Тургенев использует Ich-форму и создает ретроспективное повествование, смысл которого проясняется через сопоставление двух временных пластов. Персонифицированный рассказчик здесь не просто служебная фигура, каким стал безымянный хроникер-наблюдатель у Джеймса, ведущего повествование от третьего лица. Г-н Н.Н. – активный участник событий, гарант достоверности рассказываемого. Избыточно рациональный повествователь Джеймса, будучи только субъектом, занимающим внесюжетное положение, ограничивает свое видение происходящего возможностями Уинтерборна: его поступками, размышлениями, впечатлениями, оценками. Следствием этого, как утверждает О.Ю. Анцыферова, оказывается «перевес "отраженного" существования героини над ее фактическим участием в фабуле» [11, с. 139].

Интертекстуальность проявляется и в самой постановке ведущего конфликта – столкновения свободного и прекрасного чувства с укоренившейся в сознании догмой. Симптоматично, что у Джеймса, как и у Тургенева, героине противостоят не европейцы, а соотечественники, в большей или меньшей степени европеизированные: Асе – г-н Н.Н., Дэзи – Уинтерборн, миссис Уокер и миссис Костелло, воспринимающие непосредственность проявления чувств как вульгарность. Однако конфликт у Джеймса приобретает не только личный, но и социальный характер, подразумевая коллизии «американской невинности» и «европейской испорченности». По мысли Джеймса, пуританская этическая доктрина, нравственный ригоризм не способны стать подлинной этикой, как не становится подлинной культурой европейская «просвещенность». Эта идея находит убедительное воплощение во взаимоотношениях Дэзи и Фредерика.

Распознать следы воздействия тургеневского претекста на «Дэзи Миллер» можно не только в проблемно-тематическом комплексе и в структуре повести Джеймса. Общей для двух произведений является и «фактура» образов героинь-сверстниц, их внешняя и внутренняя характеристики. Обе натуры неординарные, непредсказуемые, отчасти эксцентричные, гордые, импульсивные, свободолюбивые, независимые. Фраза Фредерика «она не терпит посягательств на свою волю» (59) – аллюзия на слова Гагина: «Экая она у меня вольница» (161), «полная независимость во всем» (170). Реминисценцией на сравнение Аси с «головой бедовой», «огнем», «порохом настоящим», с «сумасшедшей» и «хамелеоном» оказывается уинтерборновское определение «сумасбродка» с «непонятными причудами» (43). Слова героя Джеймса «она казалась такой простодушной, доверчивой и чистой сердцем» – аллюзия на слова Н.Н. об Асе, «полной невинности сердца и чувств» (191).

Обе девушки не приемлют чопорность, церемонность, снобизм. У Аси «страсть знакомиться с людьми круга низшего» (160), а Дэзи позволяет себе общаться с «подделками под джентльмена» (56) (Джованелли, Юджинио). Показательна реминисценция на поведение Аси при встрече с англичанами, когда «они, словно по команде, с холодным изумлением проводили ее своими стеклянными глазами, а она, как бы им назло, громко запела» (159). С этим согласуется похожая реакция Дэзи на обвинения миссис Уокер в неследовании приличиям и фривольности.

Как и сама повесть, образ Аси лиричен и опозитизирован. Эту мысль выразили еще Д.В. Григорович, сказавший о Тургеневе, что «внутри у него цветет фиалка», и Н.А. Некрасов, написавший об «Асе», что «вся она – чистое золото поэзии». А тургеневеды XX столетия (Л.В. Пумпянский, В.М. Маркович) определили жанровую природу произведения как «элегию в прозе». Джеймс тоже пытался добиться лиризации повествования и не случайно дал героине поэтическое имя нежного и хрупкого цветка, ассоциирующегося с красотой и недолговечностью жизни (ср. в финале «могильный холмик среди апрельских маргариток»). Однако в целом система поэтических конвенций у Джеймса отсутствует.

Доминантной особенностью структурирования героем-рассказчиком образа Аси стала техника использования кодов прошлых культур. У г-на Н.Н., человека хорошо образованного, сознание которого насыщено культурной памятью, Ася не случайно вызывает ассоциации с Мадонной, рафаэлевской Галатеей, гетевской Доротеей, пушкинской Татьяной. Текст его воспоминаний выстраивается на культурологических аллюзиях, цитатах и реминисценциях (литературных, фольклорных, живописных, музыкальных), заставляющих проникать вглубь смысла и «читать» судьбу героини. С их помощью Тургенев создает неоднозначный, многогранный образ воспитанницы одного из лучших петербургских пансионеров, много читавшей, «хорошо говорившей по-французски и по-немецки» (164). Изящество фигуры Аси, ее красота ассоциируются у рассказчика с образом греческой морской нимфы на знаменитой фреске «Триумф Галатеи» итальянского художника: «она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине» (162). Эта аллюзия подтверждает описание внешности Аси, данное другими персонажами: «очень миловидная» (153), «грациозно сложена» (153), «стройный облик» (158). А для самого Н.Н. обращение к миру античной мифологии означает проникновение в мир красоты и совершенства.

Однако сопоставление с Галатеей имеет еще один смысл, связанный с эмоционально-чувственной сферой героини. По одной из версий мифа, Галатея, полюбившая сицилийского пастуха Акида, превратила возлюбленного в ручей после того, как влюбленный в нее циклоп Полифем раздавил его скалой. Как и Галатея, Ася преисполнена духа свободы и непокорности, способна на глубокие чувства и смелые поступки: «...у нее ни одно чувство не бывает вполонину» (172). «Она глубоко чувствует и с невероятной силой высказываются в ней эти чувства» (182). Античная аллюзия призвана сделать зримой трансформацию душевного состояния впервые полюбившей героини.

Интересна и сама композиция фрески, находящейся в римском дворце Фарнезина, который Тургенев посетил осенью 1857 г. Женственная и грациозная Галатея помещена в самый центр многофигурной композиции с полурыбами-полуконями (похотливыми тритонами с лошадиными копытами), дельфинами, купидонами и nereидами. Само расположение Галатеи как бы намекает на центральное место Аси в системе персонажей произведения. Таким образом, элементы одного художественного языка (живописи) входят в систему другого языка (прозы), порождая интертекстуальные связи внутри повести, цитируя каждый по-своему исходный мифологический претекст.

Более того, в «Асе» трижды речь заходит о постоянном для рафаэлевского творчества образе Мадонны, который становится элементом аллюзивной образности и явно коррелирует с образом героини. Первоначальное упоминание о печальной «маленькой статуе Мадонны» с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзенным мечами» (151), дается в конце первой главы, еще до знакомства с Гагиными. Изображение Мадонны с красным сердцем олицетворяет мученические страдания, а на языке символов красный является цветом божественной любви. Статуя, попавшая в поле видимости Н.Н., предвещала встречу с Асей (тоже невысокой, «почти девочкой, с детскими щечками», 153) и ее будущие любовные страдания, которые сопрягаются с участью несчастной возлюбленной гетевского Фауста. Имя Гретхен (уменьшительное от Маргариты) – «не то восклицание, не то вопрос», которое «так и просилось на уста» Н.Н., оказывается точечной цитатой, аллюзивным именем, предопределившим драматический финал. А сам этот эпизод – реминисценция на сцену молитвы Гретхен перед статуей скорбящей Богоматери у городской стены: «С мечом в сердце, с тысячей скорбей смотришь ты на смерть своего Сына».

Второй раз (гл. VIII) «статушка мадонны» как бы инициирует беседу рассказчика с Гагиным о его сводной сестре, мечтающей «пойти на молитву, на трудный подвиг». В главе XXI, в концовке событийной части, Н.Н., отправившийся на поиски девушки, уже напрямую уподобляет Асю Мадонне: «... маленькая моя мадонна» (194).

Ася, сидящая на вершине голой скалы, «на уступе стены, прямо над пропастью», сопоставляется с Лорелеей, история которой имеет ряд инвариантов (фольклорных и авторских), связанных с различной интерпретацией финала. Легенда заинтересовала немецких романтиков (К. Брентано, Г. Гейне, Й. Эйхендорф), поэзия которых опиралась на народные традиции. Большинство редакций сюжета завершалось гибелью рыбаков, зачарованных голосом сирены, в водовороте или при ударе о подводные камни. При выборе данной версии финала образ коварной Лорелеи, не смущаемой моральными соображениями, воспринимается как антипод образа Мадонны, что приводит к резкой поляризации культурных знаков. Однако антитеза фольклорной и христианской аллюзий здесь снимается, что подтверждается словами Аси: «...что за сказка о Лорелее? Ведь это ее скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка» (175). Как видим, здесь нет пересказа, но дается своеобразный «смысловый экстракт» сказки. В контексте повести подобная трактовка переключается и с судьбой мифологической Галатеи, которая, спасаясь от преследований циклопа, бросается с высокого берега в море. В результате художественная многослойность ситуации обеспечивается внутритекстовыми взаимосвязями.

Вхождение героини в мир сказки, отвергающей все временное и жизненно условное и ориентирующейся на вечное (любовь), заставляет Асю задуматься о любви и способах ее проявления. Это позволяет Тургеневу выйти на иной уровень характеристики своей героини, сущность которой определяется через взаимодействие литературных и живописных аллюзий и реминисценций. Благодаря им и герой-рассказчик, и читатель убеждаются в том, что у Аси восприимчивая и тонкая психическая организация.

Существенную роль для понимания неустойчивых и изменчивых душевных состояний Аси играет еще одна гетевская аллюзия – на «Германа и Доротею», поэму, впервые переведенную на русский язык А. Фетом. По сути, чтение рассказчиком этой поэмы оказывается автобиографической аллюзией. В одном из комментариев к «Асе» утверждается, что «поэму Гете "Герман и Доротея" (1797) Тургенев в июне 1849 г. читал в Куртавнеле вместе с П. Виардо<...> Создавая "Асю" в той же прирейнской полосе Германии, где разворачивалось действие гетевской идиллии, Тургенев, вероятно, по прямой аналогии с ней сделал эти прирейнские места и местом действия своей повести» [12, с. 823].

Заинтересовавшись поэмой, проникнутой симпатией к трудовой жизни простых людей (какими были ее мать и камердинер Яков), Ася пытается стать «домовитой и степенной, как Доротея» (164).

Сравнение, вводящее интертекстуальную отсылку, дает ход очередной смене ролей в игре, генерирующей целый мир соответствий: «капризная девочка с натянутым смехом» (162) – «приличная и благовоспитанная барышня» (160) – девушка-кокетка – «дама сердца» (162) (пародия на романтические штампы) – «простая русская девушка, чуть не горничная» наподобие «наших доморощенных Кать и Маш» (162). И сказанные впоследствии Гагиным слова: «Асе нужен герой, необыкновенный человек – или живописный пастух в горном ущелье» (173) – являются реминисценцией на эпическую поэму Гете, прославляющую любовь, мужество и доблесть персонажей. Таким образом, интертекстуальность и здесь выполняет стимулирующую функцию усвоения чужих текстов и создает пространство памяти культурных форм.

Тургенев редко пользуется цитатой как «интертекстуальным знаком с высоким энергетическим потенциалом» [13, с. 99]. Примеров цитат «реконструктивной интертекстуальности», подразумевающей общность источников, их смысловую связность, гораздо меньше, чем аллюзий – «конструктивной интертекстуальности» [14, с. 20]. Прежде всего это две неатрибутированные цитаты, воспроизводящие чужой текст.

Первой из них, данной не в полном объеме, а в свернутом сокращении, фактически начинаются воспоминания. Уже в начальном предложении своей исповеди Н.Н., уточняя время рассказываемых событий, воспроизводит фразу («цитатный атом») из поэмы «Руслан и Людмила»: «дела давно минувших дней» (149). В главе III, когда Гагин под окном Н.Н. исполняет романс М. Глинки на слова пушкинского стихотворения «Я здесь, Инезилья», в текст включается точная цитата: «Ты спишь ли? Гитарой / Тебя разбуду» (156). Показателен и факт использования «Евгения Онегина» в качестве источника цитирования. В устах Аси звучит легко опознаваемое (хотя и перефразированное) двустопное из его восьмой главы: «Где нынче крест и тень ветвей / Над бедной матерью моей!» (176). Цитата, транслирующая пушкинский культурный смысл, переводит размышления героини в семейную плоскость, связанную с матерью, которую тоже звали Татьяной, а также подводит саму Асю к отождествлению себя с другой литературной моделью: «А я хотела бы быть Татьяной» (176).

Имя вымышленной героини, воплощавшей «милий идеал» великого поэта, функционирует здесь в качестве точечной цитаты, маркированной самой Асей. Соотнесение с героиней А.С. Пушкина не только предвещает одинаковый исход любовной коллизии, но и подразумевает ее желание стать похожей на литературный прототип, способный на самоотреченное исполнение долга. Таким образом, ссылка на претекст служит сигналом присутствия Пушкина в тексте-аккумуляторе, выявляет тематическую идентичность двух произведений, их межтекстовые параллели; сам референтный текст («Евгений Онегин») становится предметом рефлексии нового, манифестного текста («Ася»).

Образ Аси, строящийся на принципе культурных переключек, на иной смысловой уровень выводят музыкальные ассоциации. Субъективный мир героини объективируется при включении механизма музыкальных звуков. Знакомство героев (гл. II) происходит под аккомпанемент музыки, которая кажется в квартире Гагиных «слышнее», «слаще и нежнее»: «...так и шевелит в вас все романтические струны» (154, 155). Здесь вводится именная аллюзия («звуки старинного ланнеровского вальса», 156), указывающая на автора – венского композитора Й. Ланнера, в сочинениях которого («Пештские вальсы», «Шенбрунские вальсы», «Романтика») преобладал мягкий лиризм. Позднее (гл. IX), когда Ася и Н.Н. вальсировали «под сладкие звуки Ланнера» (177), через игру танцевальных движений происходит явное разрастание смысла, возникает смысловое наполнение, появляется возможность увидеть не только вихрь Асиных переживаний, но и нечто новое в ней: «Что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь ее девически строгий облик» (177). Музыка, будучи средством самовыражения персонажей, передает тональность внутреннего состояния героини, мелодию ее души, созвучную с лирическими музыкальными интонациями. А танец, преобразивший Асю, становится эмблематичным, пластическим воплощением мечты и молодости героев, их «играющей мыслью».

Песня А. Гурилева на слова Ниркомского (считавшаяся народной) «Матушка-голубушка», напеваемая Асей (ее мысленное обращение к собственной матери), – тоже важнейший смыслообразующий элемент текста. Слово, музыка, танец, сливаясь в едином лексико-семантическом потоке, порождают эффект многоголосия, ориентирующий на проникновение в глубинные смысловые пласты художественных образов.

Обращение к музыкальным, изобразительным, литературным текстам, взаимодействие языков различных видов искусства в системе единого художественного целого порождают особый тип внутритекстовых взаимосвязей – интермедальность (термин введен в обиход немецким ученым О. Хансен-Леве). По мнению Ю.М. Лотмана, интермедальность – один из видов интертекстуального структурирования художественного произведения, при котором само понятие текста становится более широким и «отличается от соответствующего лингвистического понятия» [15, с. 133]. Такой подход к тексту ассоциируется с представлением Ю.М. Лотмана о «полиглотизме» любой культуры: «Культура в принципе полиглотична, и тексты ее всегда реализуются в пространстве как минимум двух семиотических систем <...> Зашифрованность многими кодами есть закон для подавляющего числа

текстов культуры» [15, с. 143]. Тургенев, как мы показали, обращался к уже освоенному материалу искусства и на основе его цитации моделировал следующий художественный «этаж», придавая повести особую выразительность.

Общая аллюзивная нагруженность и концентрация литературных аллюзий в повести Джеймса невелики. Их всего две. Как и героиня Тургенева, «глазами пожиравшая строки французского романа» (164), так и миссис Костелло заговаривает о модном романе. Но если у Тургенева французский источник немаркирован, то у Джеймса он точно атрибутирован: «очаровательный роман Шербюлье «Поль Мерэ» (48). В малоизвестном сегодня романе (1864) уроженца Женевы Виктора Шербюлье (1829-1899), названном именем главной героини, воссоздана сюжетная ситуация, продублированная потом Джеймсом. Девушке не могут простить строптивость характера и пренебрежение светскими условностями, в частности, самостоятельные прогулки по окрестностям Рима. «Героиня умирает с разбитым сердцем из-за того, что ее непосредственность принимают за непристойность», – заметил Джеймс о персонаже швейцарского беллетриста в своих «Трансатлантических набросках».

В повести Джеймса налицо устойчивые отсылки к роману «Поль Мерэ», с которым возникают унисонные связи, заданные и сюжетным параллелизмом, и эксплуатацией буквально совпадающих мотивов. Востребованный Джеймсом, он идентифицируется как второй претекст, а сама героиня – как второй (после Аси) прототип Дэзи Миллер. Таким образом, данная литературная аллюзия функционирует в качестве сюжетообразующего и тематически значимого элемента. Она актуализирует доминантную идею и эксплицитно разворачивается в тексте повести американского писателя. Иными словами, «Дэзи Миллер» представляет собой «палимпсест» (Ж. Женетт), написанный поверх «Аси» и «Поль Мерэ».

Фрагментарной аллюзией оказывается отсылка к монодраме Д.Г. Байрона. В Колизее «Уинтерборн стал вполголоса декламировать знаменитые строки из «Манфреда» (74), которые, однако, не приводятся рассказчиком, но без труда поддаются опознанию: это строчки из третьего акта, когда Манфред вспоминает о своих странствиях в молодости, о посещении Рима, города, вызывающего в мировом искусстве множество культурных реминисценций. Однажды ночью он оказался «среди развалин Колизея / Среди останков царственного Рима» [16, с. 46]. Аллюзии подобного типа не организуют смысловое содержание повести, но способствуют его развитию на определенном участке текста. В данном случае аллюзия, эксплицитно указывая произведение, отсылает к нему имплицитно.

Семантический потенциал фрагментарной мифологической аллюзии используется автором при соотнесении Дэзи с сильфидой (35). Это единственное (как и у Тургенева) обращение к мифологии. В «Асе» имеется аллюзия на древнегреческий миф о Галатее, у Джеймса – на средневековые мифы о духах воздуха, легких существах, олицетворявших стихию воздуха. В обоих случаях мифологические аллюзии вводятся в текст без дополнительных разъяснений, предполагая определенную степень компетентности и культурной эрудиции читателя.

Количественная ограниченность культурных аллюзий в повести Джеймса (по сравнению с тургеневской) – доказательство того, что русская девушка отличается своим культурным кругозором и духовным складом от американки с ее «наивным сознанием» и невежеством как оборотной стороной американской «невинности» [17, с. 29]. Этот же диссонанс ощутим между Н.Н. и Уинтерборном. Духовно переросшему свой сословный быт и круг, обладающему развитым самосознанием, художественно талантливому г-ну Н.Н. присущи эстетические переживания. Н.Н. – носитель идеи естественности, гармонизированной культурой. Не случайно Тургенев доверяет ему вести повествование, которое рассказчик-нелитератор насыщает культурологическими ассоциациями. «У Тургенева авторской рефлексии и медитациям с начала и до конца была свойственна культурноевропейская этическая и эстетическая широта», – писал А.П.Чудаков [18, с. 259], что, на наш взгляд, свидетельствует о глубоком диалогизме русской литературы. Ссылок на читательский опыт Уинтерборна (как и Дэзи) в тексте нет, круг чтения не обозначен, что выявляет отсутствие «культурной отзывчивости» у Фредерика, наследника пуританского ригоризма.

Интертекстуальность связана не только с процессами ассимиляции, но и трансформации, что свойственно финалу «Дэзи Миллер». Казалось бы, на ее текст проецируется драматизм концовки «Аси»: любовь не состоялась, одна героиня неожиданно исчезла, другая умерла. Но джеймсовский финал оказывается предметом деформации, хотя вначале воспринимается как тургеневский. «Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней» [Асе. – И.Б.] (194), – замечает в эпилоге Н.Н., но по сути сразу же и опровергает свои слова горьким признанием в том, что «чувство, возбужденное Асей, то жгучее, нежное, глубокое чувство, уже не повторилось» (195). Н.Н. осознает несостоявшуюся любовь как личную трагедию, и образ Аси живет в его памяти. Герой Джеймса, не сумевший разгадать загадку любви, не переживает утрату, не воспринимает себя как участника любовной драмы и не раскаивается. Все происшедшее не изменило его, потому из повествования исключается тургеневская тема суда героя над самим собой.

Выводы

Как видим, интертекстуальный анализ двух перекликающихся друг с другом текстов повестей Тургенева и Джеймса дает возможность выявить стратегию смыслообразования, диалога, формирования контактов между текстами, а также «узурпации» чужих текстовых конвенций и жанровых схем. Интертекстуальность и диалогизм явились ключевыми принципами художественного мышления обоих писателей, важнейшей частью авторской интенции как в каждом произведении по отдельности, так и в их соотношении в качестве претекста («Ася») и манифестного текста («Дэзи Миллер»). Повесть Тургенева стала своего рода «интеллектуальным трамплином» (Р. Барт) для произведения американского прозаика, выстроившего свое интертекстуальное поле.

В построении образа главной героини Тургенева весомую роль играют литературные (шире – культурные) аллюзии, реминисценции, цитаты, парафраз. Восприятие мира через призму культуры определяет структурообразующую функцию культурных ассоциаций.

В системе интертекстовых отношений повестей Тургенева и Джеймса связи выстраиваются внутри одного семиотического ряда, цитирование происходит внутри одного семиотического кода. Однако у Тургенева наблюдается и эффект своеобразного художественного полифонизма – интермедиальности, предполагающей организацию текста посредством взаимодействия различных языков искусства и подключение разных семиотических рядов. В этом случае интертекстуальный субъект атрибутируется при помощи интермедиальных аллюзий и реминисценций. Подобного встраивания элементов других видов искусства (музыки, живописи, мифологии, фольклора) в нехарактерный для них вербальный ряд у Джеймса нет.

Тургенев неоднократно использовал произведения европейской литературы как претексты собственных сочинений («Гамлет Щигровского уезда», «Фауст», «Степной король Лир», «Гамлет и Дон Кихот», др.). Как автор «Аси» он создал повесть, ставшую объектом диалогической коммуникации и претекстом «Дэзи Миллер». Анализ маркеров интертекстуальности помог вычитать новые смыслы, инкорпорированные как в старшем тексте-предшественнике, так и в младшем.

Список литературы

1. Lachmann R. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism / R. Lachmann. – Univ. of Minnesota Press, 1997. – 470 p.
2. Кристева Ю. Слово, диалог и роман // Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Косиков Г. Текст. Интертекст. Интертекстология // Н. Пьеге-Гро. Введение в теорию интертекстуальности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 8-42.
5. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
6. Николина Н.А. Филологический анализ текста / Н.А. Николина. – М.: ИЦ «Академия», 2003. – 256 с.
7. Cross M. Henry James: The Contingencies of Style / M. Cross. – N.Y., 1993. – P. 51-59.
8. Peterson D.E. The Element Vision: Poetic Realism in Turgenev and James / D.E. Peterson. – 1975. – P. 64.
9. Джеймс Г. Дэзи Миллер // Повести и рассказы. – М.: Худ. лит., 1973. – С. 19-79. (Все цитаты приводятся по данному изданию с указанием в круглых скобках соответствующей страницы.)
10. Тургенев И.С. Ася // И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 5. – С. 149-195. (Все цитаты приводятся по данному изданию с указанием в круглых скобках соответствующей страницы.)
11. Анцыферова О.Ю. Повести и рассказы Генри Джеймса: от истоков к свершениям / О.Ю. Анцыферова. – Иваново: Изд-во ИГУ, 1998. – 211 с.
12. Никитина Н.С. Комментарий // И.С. Тургенев. Сочинения: в 3 т. – М.: Худ. лит., 1988. – Т. 1. – С. 822-824.
13. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 272 с.
14. Смирнов И.П. Порождение интертекста: элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака / И.П. Смирнов. – СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. – 191 с.
15. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с.
16. Байрон Д.Г. Манфред // Д.Г. Байрон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1981. – Т. 4. С. 5-52.
17. Fawler V. Henry James's American Girl / V. Fawler. – Madison, 1984. – P. 29-30.
18. Чудаков А.П. О поэтике Тургенева-прозаика (повествование – предметный мир – сюжет) // И.С. Тургенев в современном мире. – М.: Наука, 1987. – С. 240-266.

УДК 811.161.1`42+821.161.1-1

ЯВЛЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ПОЭЗИИ PRECEDENTITY IN BELGOROD POETRY

Э.М. Левина
E.M. Levina

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: elevina@bsu.edu.ru

Статья посвящена исследованию явления прецедентности в белгородской поэзии. Рассматриваются явление прецедентного текста, виды прецедентных феноменов (ситуация, текст, имя, высказывание), а также анализируются различные типы отсылок к прецедентным феноменам в белгородской поэзии. Автор обосновывает положение о том, что чем больше внутритекстовых и экстралингвистических связей удастся установить и обосновать, тем глубже понимание исследуемого текста. Именно в этом ключе может быть наиболее адекватно «прочитана» индивидуально-авторская картина мира.

The article is devoted to the research of the precedentity in Belgorod poetry. The article deals with the phenomenon of precedent text, types of precedent phenomena (situation, text, name, statement), as well as analyzes the various types of references to the precedent phenomena in Belgorod poetry. The author substantiates the position that the more intra-textual and extra-linguistic relationships can be established and proved, the deeper understanding of the studied text can be. In such way the author's individual picture of the world can be most adequately "read".

Ключевые слова: прецедентность, интертекстуальность, интертекст, онимы, текст-реципиент, текст-источник, прецедентные имена и именованья, поэтические тексты.

Key words: precedentality, intertextuality, intertext, onims, text-recipient, source text, precedential names and namings, poetic text.

Введение

Термины «интертекст» и «интертекстуальность» были введены в научный обиход в конце 60-х гг. XX в. в работах французской исследовательницы Юлии Кристевой [1], которая сформулировала свою концепцию на основе переосмысления работы М.М. Бахтина [2]. В дальнейшем идею поддержал Ролан Барт, давший классическое определение интертекстуальности: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [3, с. 106]. Это значит, что текст существует за счет других, и его восприятие и интерпретация, безусловно, определяется лингвкультурологическим взаимодействием с другими. Тексты-реципиенты могут по-разному взаимодействовать с текстами-источниками: «дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать и даже разрушать первичную смысловую систему» [4].

К числу проявлений интертекстуальности, которые чрезвычайно разнообразны, относятся прецедентные феномены (имена, именованья, события, ситуации). Поэзию рубежа XX – XXI веков в современных исследованиях нередко называют поэзией интертекста.

По определению Ю.Н. Караулова, к прецедентным текстам относятся «...тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [5, с. 216].

Прецедентные феномены – важная часть системы средств интертекстуальности, прецедентные имена и именованья – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб.

В последние годы количество прецедентных имен, используемых в художественной речи, стремительно расширяется, растет и частотность их использования [6; 7; 8].

В когнитивной базе носителя языка хранится прецедентное имя и то, что за ним стоит, совокупность дифференциальных признаков и атрибутов. Любое прецедентное имя имеет определенную структуру: ядро инварианта составляют дифференциальные признаки, которые

определяют специфические признаки данного имени, периферию – атрибуты [9]. Полный и точный (закрытый) перечень компонентов, составляющих дифференциальные признаки того или много имени, обозначить невозможно. Семантическая структура прецедентного имени определяет особенности его использования. При рассмотрении специфики конкретных словоупотреблений Д.Б. Гудков разграничил денотативное (интенциональное) и коннотативное (экстенциональное) употребление прецедентного имени [6, с. 154].

Отличительной особенностью функционирования прецедентных имен является их способность употребляться в качестве символа, культурного знака. В этом случае при использовании происходит обращение к дифференциальным признакам этого имени, составляющим ядро инварианта восприятия прецедентного имени. При таком функционировании прецедентного имени не требуются какие-либо комментарии или расшифровка как самого имени, так и ситуации или текста, признак отделяется от своего референта, сам культурный знак оказывается самодостаточным, чтобы выразить гораздо большее, чем очевидное значение знака.

Имена способны употребляться в переносном смысле, и метонимический перенос их значений осуществляется аналогично тем же явлениям в системе апеллятивной лексики. **Прецедентность** выступает как результат метонимии, что позволяет говорить о метонимическом характере прецедентности. Н.Д. Арутюнова рассматривает метонимию как «троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлечённости в одну ситуацию» [10, с. 300]. Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и её отражению в человеческом сознании, между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, событиями, местом, временем и т. п.

Современные исследователи выделяют следующие основные типы метонимического употребления топонимов: *место – место*; *место – национальность*; *место – учреждение*; *место – люди*; *место – человек*; *место – изделие*; *антономазия* [11].

Таким образом, прецедентные имена, являясь, с одной стороны, частью когнитивной базы, с другой – относятся к классу имен собственных.

Термин был предложен в монографии Ю.Н. Караулова [5], понимание и осмысление которого находим в дальнейшем в исследованиях Д.Б. Гудкова [6], В.В. Красных [7], Н.А. Фатеевой [9], И.И. Чумак-Жунь [12] и др. Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – единиц, которые «используются для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов» [9, с. 3].

Основная часть

Литература Белгородчины, представленная множеством ярких индивидуальностей, сегодня отражает неповторимую историю и культуру Белгородского края и становится значимым явлением. Именно она содержит важные человеческие ценности в системе «человек – природа – общество», многогранно воплощенные в литературных текстах, посредством которых осуществляется переосмысление всего достигнутого человечеством.

«Поэма об отце» Н. Дроздовой достаточно богата межтекстовыми связями, что репрезентируется в первую очередь через систему прецедентных феноменов.

Матф. 27:45,46	Н. Дроздова
«От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»	Куда, куда мне от моей земли бежать, скакать, лететь? Или! Или-и-и...

В момент Искупления Спаситель, взявший на себя грехи мира, произносит эти слова от лица всего человечества. Так изъясняют эти строки служители церкви. В тексте Натальи Дроздовой встречается прецедентный мифоним (**Боже мой**), который повторяется автором несколько раз. Такой повтор обеспечивает содержательную и грамматическую связность фрагмента. В подобных примерах прецедентное именование выполняет роль смысловых вех информационного пространства текста с явным «соприсутствием» в одном тексте двух.

Традиционно в русской поэзии (строки белгородских авторов не исключение) используется ряд прецедентных имен, важных для русского ментального сознания. Речь идет о ключевых

понятиях культуры. В их числе топонимы, восходящие к библейским легендам, мифам античности (**Иерусалим, Арарат, Назарет, Вифлеем, пещера Рождества**). Это величайшие культурные символы.

И. Бродский	Лана Яснова
<i>Посвящаю свободе одиночество возле стены. Завещаю стене стук шагов среди тишины. Обращаюсь к стене, в темноте напряженно дыша: завещаю тебе навсегда обуздать малыша.</i>	<i>Поговори со стеной, но не там, где шумит Ершалаим, где усмирятся плач и становится легче от слез.</i>

В основе имени **Ершалаим (Иерусалим)** лежит тот же корень, от которого происходит слово «мир» в языке иврит. Номинация стала объектом таких этимологизаций, как «Город мира», «Обиталище мира», «Основанный в безопасности» или, как вариант у некоторых христианских авторов, «Видение Мира». **Иерусалим** в сознании мирового лингвокультурного сообщества – главный священный город христиан, центр христианского богослужения. Автор обращается к стене, которая ассоциативно связана с Иерусалимской стеной плача и со стеной, к которой обращается лирический герой стихотворения И. Бродского «Письма к стене»: «... Обращаюсь к стене, в темноте напряженно дыша...». Перед нами – прецедентное высказывание. В то же время в данном случае прецедентность топонима находит свое обоснование и в ассоциативной связи с Ершалаимом как местом действия одной из сюжетных линий романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (не случайно автор использует не общеизвестное наименование города **Иерусалим**, а булгаковский **Ершалаим**).

В стихотворениях Н. Дроздовой упоминается другой, связанный с библейской историей топоним:

Библия, Ветхий завет	Н. Дроздова
<i>И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских.</i>	<i>Птица счастья не знает, где земля Арарат; Арарат. В развалинах окраин Брежит утро новое. Аминь!</i>

Структура прецедентного имени **Арарат** содержит инвариантную ядерную часть «священное место», «колыбель человечества», именно здесь, на склоне **Арарата**, Ной построил алтарь и посадил первый виноградник. В мифологии и в художественной речи существует целый ряд мифов, содержащих описание горы **Арарат**. Известный художник-маринист Иван Айвазовский писал гору **Арарат** не менее десяти раз.

И строки Н. Дроздовой посредством этого прецедентного топонима отражают православную ментальность автора (**место – вера**).

Не вызывает сомнения прецедентность топонимов **Содом и Гоморра**, упомянутых впервые в Ветхом Завете, где инвариантной ядерной частью прецедентного имени является значение «грех и распутство».

Метафорическое использование топонима **Чернобыль** в том же контексте актуализирует знание таких реалий, как «техногенная катастрофа», «взрыв, трагедия» и «последствия аварии»:

Библия, Ветхий Завет	В.К. Харченко
<i>В Библии говорится, что накануне разрушения городов Авраам принимал Господа, который явился ему в виде трёх мужей у дубравы Мамре. Узнав о готовящемся наказании, Авраам, у которого был племянник Лот, поселившийся в Содоме, просил Господа пощадить города ради праведников, которые там могли находиться, и получил обещание, что города эти будут помилованы, если в них найдутся хотя бы десять праведников.</i>	<i>А смертоносность вновь обогнала роддом, Змея Чернобыля по области незримо Все ползает... Гоморра и Содом...</i>

Функционирование в сравнительно небольшом тексте тополекем, «прославившихся» в разные эпохи и в различных исторических условиях, позволяет провести межтекстовые параллели, связывающие воедино столь отдаленные друг от друга события.

Использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени, является одним из типичных признаков прецедентности топонима в тексте (*атрибутивный критерий прецедентности*), ср.:

И.А. Бунин	Лана Яснова
<i>В Вифлееме, в подземном приделе, Храм Рождества, блещет среди мраморного пола, неровного от времени, большая серебряная звезда.</i>	<i>...Память прячет себя по укромным расщелинам, как пещерную тайну – седой Вифлеем...</i>

В коммуникативном сознании **Вифлеем** – «древний город», «место рождения царя Давида и Иисуса Христа». Определение *седой* подчеркивает древность, значимость, величайшую мудрость этого города.

В России величайшие национальные идеи издавна образно представлялись афористическими высказываниями, формулами с использованием прецедентных феноменов. Возможно, первой по времени из подобных формул было определение **Москвы** как **Третьего Рима**, ср. в современном поэтическом тексте:

Послание старца Филофея к великому князю Василию	И.А. Чернухин
<i>Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твоё, что два Рима пали, а третий стоит, четвёртому же не бывать.</i>	<i>Рим в России – виденье святое, Злых и добрых времен пересуд, Рим в России – Москва...</i>

Идея **Москвы** как **третьего Рима** имела глубокое историческое основание: **Россия** – хранительница христианской православной веры в связи с падением второго Рима – Константинополя. Прецедентные топонимы при этом связаны и с прецедентной ситуацией, и с прецедентным высказыванием. **Москва** метонимически соотносится с ключевыми локусами христианской веры, с Римом, разворачивая прецедентную ситуацию (*часть от целого – синекдоха как вид метонимии*).

Одним из критериев определения прецедентности, как справедливо считает Е.А. Нахимова [13], является синонимический критерий, который, как мы полагаем, является факультативным признаком (представление имен собственных как однотипных по семантике, образование контекстуальных синонимов).

Так, событийные контексты, стоящие за номинациями **земля Куликова** и **Бородино**, известны всему народу. Если определять инвариатную ядерную часть, то это – «победа, мужество, героизм», «бой, битва». Прецедентность таких топонимов, которые воспеты поэтами, художниками, музыкантами, бесспорна:

А. Блок	И. Чернухин
<i>Опять над полем Куликовым Взошла и расточилась мгла, И, словно облаком суровым, Грядущий день заволочла.</i>	<i>Здесь земля дымилась рекою И стала по праву равна Победной земле Куликова И мужеству Бородина.</i>

Автор упоминает прецедентные топонимы, повествуя о Прохоровском сражении, поскольку в русском сознании **Куликовская битва**, **Бородинское сражение**, **битва под Прохоровкой** – равные по своей исторической и культурной значимости события.

Для русского национального сознания битва на Бородинском поле давно уже стала символом великой победы над армией Наполеона. Поэтому закономерно, что именно в этом смысле прецедентный топоним **Бородино** используется в современных поэтических текстах.

М.Ю. Лермонтов	Н. Дроздова
<p>«Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, Французу отдана? Ведь были ж схватки боевые? Да, говорят, еще какие! Не даром помнит вся Россия Про день Бородина!»</p> <p>И только небо засветилось, Всё шумно вдруг зашевелилось, Сверкнул за строем строй. Полковник наш рожден был хватом: Слуга царю, отец солдатам. . .</p>	<p>В Москве пожар, расстроенность, разор. Как бесприданница пред сластолюбцем, сникла пред Бонапартом уж она... Тут и возникла, плывя сквозь дым и гарь от Воробьёвых гор, нечаянная рать в таинственном свеченьи. Но кто ведёт её? Узрел Наполеон вождя седого в чёрном облаченьи и крест в руке его.</p>

Система прецедентных имен и именованый – **слуга царю, отец солдатам, седой вождь, Бонапарт, Наполеон, Москва, Бородино** – чаще всего образно обозначает решающую военную битву. В национальной памяти русского народа присутствует прецедентная ситуация «Потеря Москвы как средство достижения победы». Как известно, фельдмаршал **Кутузов** в самый сложный момент кампании против Наполеона принял решение сохранить армию, пожертвовав при этом столицей. Это позволило в дальнейшем не только вернуть свою столицу, но дойти с боями до Парижа. Соответствующие аллюзии наблюдаем в современных поэтических текстах, связанных с военными действиями.

А.С. Пушкин	Н. Дроздова
<p>Фарлаф, крикун надменный, В пирах никем не побежденный, Но воин скромный средь мечей;</p> <p>Фарлаф, узнавши глас Рогдая, Со страха скорчась, обмирал И, верной смерти ожидая, Коня еще быстрее гнал. Так точно заяц торопливый, Прижавши уши боязливо, По кочкам, полем, сквозь леса Скачками мчится ото пса.</p>	<p>И стал он что Фарлаф перед Людмилой спящей – завоеватель, да не настоящий! Ведь любящих не разлучить сердец.</p>

В следующих строках автор отсылает нас к фрагменту из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», используя для характеристики Наполеона Бонапарта метафорическое употребление прецедентного поэтонима **Фарлаф** как символа воина не настоящего, бежавшего с поля боя (завоеватель, да не настоящий), что демонстрирует совпадение понимания прецедентных поэтонимов в тексте-источнике и тексте-реципиенте.

Прецедентное имя – это всегда имя культурного концепта. Концепт ДОМ/МАЛАЯ РОДИНА, реализуемый прецедентным высказыванием «**Вот моя деревня...**», является одним из ведущих в творчестве белгородских поэтов и представляет собой одну из центральных «семантических сфер» в индивидуально-авторском стиле писателей. Репрезентация концепта в тексте-источнике последовательно отражает несколько признаков (смысловых планов): семья, родной дом, положительное отношение к родным местам, кровно-родственным «корням», к близким людям, к знакомым с детства обычаям и традициям, «тоска по родине», чувство глубокой сердечной привязанности к Родине. Названные смысловые планы, взаимодействуя, создают поэтическую картину мира, соответствующую мировосприятию автора, его видению того, как устроена та часть пространства, которая называется ДОМОМ, МАЛОЙ РОДИНОЙ.

И. Суриков	Н. Дроздова
<p>Вот моя деревня; Вот мой дом родной; Вот качусь я в санках По горе крутой...</p>	<p>Вот моя деревня. Где ж моя родня? Что же не встречает у ворот меня...</p>

Художественное пространство «Поэмы об отце» Натальи Дроздовой характеризуется отсутствием границ между домом и душевным миром поэта. ДОМ/МАЛАЯ РОДИНА предстает не только в значении «жилище; жилое помещение; жилье», но и «семья, люди, живущие вместе». Текст-реципиент Н. Дроздовой трансформирует текст-источник, поскольку в нем целенаправленно разрушается первичная смысловая система устойчивых ассоциаций: радостному детству в ДОМЕ И. Сурикова Наталья Дроздова противопоставляет ДОМУ, где нет близких, где тебя не ждут.

Концепт ДОРОГА/ПУТЬ, реализуемый в приведенных далее строках, значим в русской языковой картине мира. При этом в тексте-источнике и тексте-реципиенте использован прецедентный урбаноним (наименование городского объекта) **Тверская улица** (улица возникла как дорога в Тверь).

Русская народная песня	Н. Дроздова
Ой, мороз, мороз, не морозь меня, Не морозь меня моего коня...	Ой, мороз-морозко, вымости мне путь хоть куда-нибудь.
Б. Окуджава «На фоне Пушкина снимается семейство»	Н. Дроздова «Поэма об отце»
Все счета кончены, и кончены все споры. Тверская улица течет, куда не знает... Мы будем счастливы – благодаренье снимку! Пусть жизнь короткая пронесется и тает. На веки вечные мы все теперь в обнимку На фоне Пушкина! И птичка вылетает...	Тверская улица течёт, куда не знает. Но знаем мы, куда течёт она. Глаза ясны и помыслы чисты. В делах ли, в спешке, в праздной ли прогулке куда ей течь, коль в каждом переулке церквушек золочёные кресты?

Тверская улица имеет очень богатую историю, по некоторым сведениям, дорога на Тверь существовала здесь уже в XII веке. С конца XV века эта дорога также связывала Москву и Новгород, от нее можно легко прийти до всех самых примечательных частей центра. На протяжении всей истории здесь проживало множество известных деятелей в области литературы, искусства и политики. Если Вы останавливаетесь в Москве, то **Тверская улица** станет тем местом, которое Вы вряд ли пропустите.

Напомним, что прецедентный топоним весьма часто используется в художественной речи, достаточно вспомнить строки Б. Ахмадулиной, И.А. Бунина, А.С. Пушкина, Б. Окуджавы и мн.др.

Известно, что ДОРОГА играет важную роль в поэзии. Нет ни одного великого, значимого русского поэта, у которого концепция пути не была бы средством выражения авторского сознания, его творческой индивидуальности – достаточно вспомнить строки А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А. Блока, С.А. Есенина, А.Т. Твардовского и др. ДОРОГА – развитие жизни, непрерывная последовательность состояний, причем каждое состояние предсказывает последующее. «С дорогой связаны скитания, поиски судьбы, счастья, дорога – это фантом, держащий нас в плену часто бессмысленного движения, не дающий перейти к разумной стабильности жизни» [14, с. 30].

В художественно-поэтическом дискурсе Натальи Дроздовой, на наш взгляд, концепт ДОРОГА отражает несколько смысловых планов: бегство от самого себя, нравственные искания смысла жизни, себя, веры, любви, преодоление препятствий, путь к дому, который ассоциируется с обретением духовных ценностей, наконец, это путь туда, где в **«каждом переулке церквушек золочёные кресты»**.

Заключение

Прецедентные имена и именованья способны выступать как средство объединения и организации текста, их использование способствует привлечению внимания читателя (слушателя) к форме текста, снижению напряженности общения и делает диалог с читателем менее формальным.

В поэтических текстах белгородских авторов наблюдаем различные случаи употребления прецедентных имен и именованья, причем отметим нередкое их использование в сильной позиции (эпиграф, первая и последняя фразы текста и др.), разнообразие прецедентных феноменов по видам, сферам-источникам, по форме представления и иным признакам, рассредоточенность прецедентных феноменов, то есть их присутствие в различных частях текста, взаимодействие с иными образными средствами (метонимическое употребление, антитеза, аллюзия, и др.).

Таким образом, чем больше внутритекстовых и экстралингвистических связей удастся установить и обосновать, тем глубже понимание исследуемого текста, и «именно в этом ключе может быть наиболее адекватно «прочитана» индивидуально-авторская картина мира» [15, с. 69].

Подытоживая наш анализ, можем утверждать вслед за другими исследователями, что система прецедентных феноменов – это один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому. При этом понимание и восприятие прецедентных онимов зависит от фоновых знаний читателя, поскольку с «процессом восприятия текста происходит процесс узнавания носителя прецедентного имени, сведения о котором хранятся в когнитивной базе читающего» [16, с. 80].

В качестве признаков прецедентных онимов и аргументов самого факта их прецедентности мы полагаем значимыми следующие параметры:

1) регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах, связанность соответствующих имен с классическими произведениями;

2) общеизвестность соответствующих феноменов или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества [5; 7];

3) прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов; прецедентное имя – это всегда имя культурного концепта;

4) неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака, связь с известной ситуацией (прецедентная ситуация);

5) связь с метонимией: топонимы способны **метонимически** обозначать некие события, людей, эпохи, время и др., в этом случае прецедентность выступает как результат метонимического переноса, что, в свою очередь, позволяет говорить о метонимическом характере прецедентности.

Список литературы

1. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427-457.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс: Универс, 1989. – 615 с.
4. Муратова Е.Ю. Интертекстуальность как фактор смыслопорождения в поэтическом тексте / Е.Ю. Муратова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 2 «Языкознание». – 2012. – № 2 (16). – С. 29-33.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
6. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М., 2002. – 284 с.
8. Слышкин Г.Г. Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему / Г.Г. Слышкин // Проблемы речевой коммуникации: сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – С. 62-68.
9. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
10. Арутюнова Н.Д. Метонимия / Н.Д. Арутюнова // Языкознание: большой энцикл. слов. / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 300.
11. Перкас С.В. Парадигматические и синтагматические аспекты лингвостилистического потенциала топонимов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Перкас. – М., 1980. – 16 с.
12. Чумак-Жунь И.И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия / И.И. Чумак-Жунь. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 228 с.
13. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – 207 с.
14. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и древних текстах / О.А. Черепанова // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. – СПб., 1999. – Вып. 7. – С. 29-12.
15. Кошарная, С.А., Новохацкая, Ж.В. Мифологизация водной стихии в поэтической картине мира В.С. Высоцкого / С.А. Кошарная, Н.В. Новохацкая // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2011-2012 гг. сб. науч. тр. / редкол.: А.В. Скобелев, Г.А. Шпилева. – Воронеж: ЭХО, 2012. – С.61-69.
16. Алефиренко Н.Ф. Методология и методы современной лингвистики: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко, И.И. Чумак-Жунь / под общ. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 104 с.

УДК 811.161.1

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ
РУССКИХ ЧАСТИЦ: УТВЕРЖДЕНИЕ-ОТРИЦАНИЕ И МОДАЛЬНО-
ОЦЕНОЧНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ СООБЩАЕМОГО ³****TO THE QUESTION OF THE FUNCTIONAL-CATEGORIAL FEATURES OF RUSSIAN
PARTICLES: ASSERTION-NEGATION AND MODAL-APPRAISAL QUALIFICATIONS
REPORTED****И.А. Нагорный
I.A. Nagorny**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: nagorny@bsu.edu.ru

В статье описываются особенности функционирования русских частиц. В частности, характеризуются функционально-категориальные и прагматико-коммуникативные характеристики частиц применительно к модально-оценочной квалификации события говорящим и соотношения данной квалификации с понятийно-логическими параметрами категории утверждения/отрицания.

The article describes the peculiarities of functioning of Russian particles. In particular, it characterizes functional-categorical and pragmatic-communicative characteristics of particles with respect to the modal evaluation of training events speaking and relationship skills with conceptual-logical parameters category approval/denial.

Ключевые слова: частицы, функционирование, категориальные параметры, квалификация, модальность, оценочность, говорящий, адресат, высказывание.

Key words: particles, functioning, categorical settings, qualification, modality, evaluation, speaker, the addressee, the statement.

Введение

Вопрос о соотношении категории утверждения/отрицания и модальности в квалификативном и оценочном аспектах ее проявления до сих пор в лингвистике не решен однозначно. Исследователями формулируются противоположные точки зрения на указанную проблему. Высказываются веские аргументы и в пользу того, чтобы категорию утверждения/отрицания считать модальной [1; 2; 3], и в пользу того, чтобы не считать ее таковой [4; 5; 6; 7]. Следует с достаточным вниманием отнестись к мотивационно оправданной аргументации сторонников обеих точек зрения. В то же время заметим, что утверждение/отрицание не выступает определяющей категорией, формирующей на понятийном или формальном уровне объективно-модальное значение предложения [8, с. 6-7], поскольку само это противопоставление накладывается в предложении на модальное значение реальности/ирреальности [9:146].

Основная часть

Один из важных аспектов анализа смысловых характеристик русских частиц составляет проблема соотношения категории утверждения/отрицания с модальным значением субъективно-авторской квалификации сообщаемого.

То, что категорию утверждения/отрицания рассматривают как субъективную [10, с. 316], конечно, сближает ее с модальностью. С другой стороны, приписывать ей инвариантное модальное значение не следует, хотя противопоставление предложений по признаку «утвердительность/отрицательность» и составляет оппозицию, которая обнаруживается во всех

³ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196.

базовых типах предложений. Однако это не служит поводом для признания того, что другие виды модальных (кваликативных, оценочных и пр.) характеристик организуются и являются производными от категории утверждения/отрицания. Последнее есть категориальная оппозиция не модального, а логического плана. Следовательно, ее необходимо рассматривать именно на логико-грамматическом уровне предложения, поскольку утверждение/отрицание прямо связано с суждением. Для выражения категориальных характеристик модальности фактически нет различия в структурах *Мальчик умеет рисовать – Мальчик не умеет рисовать*. Здесь реально-модальное значение предложения аналогично репрезентировано утвердительной и отрицательной формами изъявительного наклонения глагола. Напротив, утвердительно-отрицательная характеристика, представленная в указанных предложениях, является логически определяющей, так как мыслительный акт раскрывается именно посредством утверждения и отрицания факта существования события в действительности [11].

Ни утверждение, ни отрицание говорящим реальности/ирреальности факта действительности не выражают собственно модальной квалификации содержания предложения: то и другое в равной степени констатирует лишь сам факт действительности. Поэтому отнесение логических абстрактно-смысловых отношений к модальному (т.е. объективно-модальному) значению предложения, на наш взгляд, является неправомерным. Как правило, модальность в этом случае понимается как категория всеобъемная, и даже как целый комплекс категорий, подводимых под единое понятие [3]. Но если в логике категория утверждения/отрицания проявляется четко и однозначно по отношению к мыслительным формам – суждению и умозаключению (ср.: истина есть то, что не ложь), то применительно к языковым построениям картина может меняться. Например, некоторым типам русских предложений категория отрицания не свойственна в принципе (односоставные номинативные). Другие предложения, напротив, могут иметь только строго заданную, скажем, отрицательную форму (безличное-отрицательные и некоторые безлично-инфинитивные). Третьи конструктивные построения по форме утвердительны, а по содержанию приближены к отрицательным (ср.: *Рассказками этими **едва ли** можно было прошибить здорового (А. Солженицын); Этих радиозвезд в окрестностях нашей солнечной системы довольно много, но, во-первых, они все же далеки для достижения их ракетными снарядами; во-вторых, **вряд ли** обладают населенными планетами из-за слабости своего излучения, неспособности обогреть планеты в достаточной мере (И. Ефремов); Среди великих людей мира сего **едва ли** найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью (М. Горький); Не зарастёт, думаю. Где уж ей, бедной, зарости. Её давно вытоптали эскадроны туристов... (С. Довлатов); Из-за меня... Куда уж теперь деваться? Назад не поедешь (И. Грекова)*).

Между предложениями утвердительного и отрицательного типов различий с точки зрения грамматической реальности их содержаний нет. В объективно-модальном плане они равноценны. Различия заключаются в понятийном содержании концептов смысловой структуры суждения: утверждение выражает наличие связей между явлениями действительности, а отрицание – отсутствие таких связей.

Важным является то, что ряд языковых средств может корректировать утвердительно/отрицательные характеристики предложений, придавая последним статус субъектно-кваликативных. Указанная корректировка может соотносить категориальные предложенческие утвердительно/отрицательные параметры с параметрами модально-оценочными при смещении или фиксации предложения на некой условной шкале, ограниченной полюсами «утверждение» и «отрицание». В этом плане наиболее ярко проявляют себя русские частицы как авторские средства квалификации сообщаемого, репрезентаторы точки зрения говорящего. Рассмотрим это языковое явление более детально.

Являясь принадлежностью субъективно-авторского кваликативно-модального плана, частицы, за исключением формообразующих (*бы, пусть, пускай, да*), не могут изменять объективно-модальное значение предложения и, как результат, – переводить последнее из плана реальности в план ирреальности и наоборот. Частицы вводят в предложение модально-кваликативные оценочные смыслы, сфокусированные на обозначении акцентированной достоверности или недостоверности сообщаемого, локализационно-ограничительных характеристиках события, его эмоциональной окраске. Двухкомпонентный же принцип модальной классификации предложений по параметру «реальность/ирреальность» остается стабильным и с введением в состав высказывания частицы, при этом частично ослабляясь: ***Ведь** я же понимаю, ... теперь уже понимаю, что мои руки это тоже не я.* (Е. Гришковец); *Более того, Грозный после 34 лет занялся литературным трудом и стал **едва ли не** самым плодовитым писателем своего времени* (Р. Скрынников); ***Ну и** Печенегин в уголке сидит, в ладошки хлопает* (А. Слаповский); *Я-то сразу понял, **что за** птица этот Гера* (Ю. Трифонов); *Степан **небось** опомнится до сих пор не может* (Ф. Панферов); *Сижу – **вроде** думаю, а вот так спрости – не знаю, о чем* (В. Шукшин); *Работы можно рассматривать **лишь** как приближение к этой проблеме и не более* (А. Барский);

*А я что могу сделать... Только извиниться. Не буду же объяснять, что я не хотел этого делать (Е. Гришковец); – Так вас ждать или нет? – Не знаю, хотя **вряд ли** (Ю. Семенов).*

С точки зрения объективной модальности вышеприведенные предложения равноценны: в них выражено модальное значение грамматической реальности сообщаемого. В противоположность им другие предложения с частицами обладают ирреальной модальностью. Их содержание соотносится не с планом реальности происходящих событий, а с планами желаемого и возможного (ср.: *Я **вряд ли** хотел. – Я **вряд ли** хотел бы; Я **словно** знал. – Я **словно бы** знал и т.п.): Ты, **чай**, *придешь к Лизаньке?* (А. Островский); *Я **едва ли** стал бы это делать* (В. Шишков); *О **могущий** властелин судьбы! **Не так ли** ты над самой бездной На высоте, уздой железной Россию поднял на дыбы?* (А. Пушкин).*

Логико-языковая категория утверждения/отрицания и субъективная модальность взаимодействуют между собой как на понятийном уровне мышления человека, так и в языковых построениях – предложениях квалификативного типа. Утвердительная и отрицательная формы предложений нейтрально-констатационного типа, в которых не фиксирован элемент со значением авторской квалификативной характеристики события (структурный признак такого предложения – значимое отсутствие субъективно-модального квалификатора), служат для репрезентации нейтрально-констатационной, фактической достоверности, поскольку в смысловом плане данное значение содержит уверенность говорящего в сообщаемом. Это фактическая, безоценочная уверенность субъекта в необходимости утверждения или отрицания какого-то факта действительности: *Я **смотрю** фильм; Человек **идет** по улице; Весной **потеплело**.*

И утверждение, и отрицание могут вытекать из уверенности говорящего в достоверности сообщаемого. Однако принадлежностью категории модальности как квалификативно-оценочной категории будет, во-первых, именно эта уверенность говорящего, а во-вторых, – языковое представление утвердительного или отрицательного факта как достоверного или как вероятного. В этом и состоит аспект соотнесения утверждения/отрицания с субъективной модальностью, в частности с модальностью персуазивной, для которой характерна языковая репрезентация сниженной степени уверенности говорящего в сообщаемом, или с модальностью оценочной, для которой характерна локализация описываемого события в координатах «хорошо/плохо», или с модальностью эмотивной. Модализируя квалификацию события, наделяя ее субъективными характеристиками, говорящий так или иначе, прямо или косвенно соотносит предлагаемую квалификацию с утвердительно-отрицательными (нейтрально-констатационными или оценочными) параметрами рассматриваемой логико-языковой категории.

Это может быть утвердительная или отрицательная констатация факта или события в действительности. Но данная констатация одновременно есть факт модальной квалификации события, локализующий высказывание на одном из полюсов утверждения или отрицания или отстраняющий высказывание в сторону противоположного полюса: – Ты растаскал там цистерны? – Так точно! – ответил Щепотко. – Больше пока ничего не принимайте, – мне ставить некуда (А. Платонов); Ну и ничего хорошего. В меня там влюбился бандит, проходу не давал, пришлось убежать (К. Метелица); До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки... Что за прелесть эти сказки! (журн. текст); *Однако ж **ведь** они и сами хороши: **Сидят** и про себя, **чай**, думают: **авось ли** Над легковерьем их мы похочем, – после* (А. Грибоедов); Просто часто не понимаешь, что хочешь именно туда... (Е. Гришковец); – *Умная женщина, – сказал Джума Хак со странной интонацией, глядя ей вслед. – **Едва ли** мы ее убедим* (В. Головачев); Высокий уровень развития мыслительной деятельности был выявлен лишь в 10, 8% случаев (Л. Захирина); *Между тем животные стояли на месте, помахивая хоботами, и **словно** совещались друг с другом* (В. Обручев). Частицы в этом случае используются говорящим для репрезентации как сниженной, так и усиленной степени уверенности субъекта, причем уверенности такой, которая мотивирована объективными условиями, уверенности превентивно подтвержденной и осмысленной. Такая уверенность служит основой не только для актуализации частицей в высказывании категориальных параметров утверждения/отрицания, но и является инструментом актуализации авторской позиции, которая, в свою очередь, позволяет модально окрасить сообщаемое, насытить его субъективными характеристиками и таким образом локализовать высказывание на конкретном отрезке квалификативной шкалы. Данный способ представления информации продуктивно используется в том числе и для разного рода стилистических эффектов. В последнем случае высказывания с частицами даже используются как замена нейтрально-констатационных высказываний: Где уж ей быть доброй, веселой и ласковой?!. (С. Довлатов); *Сегодня **приедут** Лидя, Коля, Марина – разделить мое горе – **как будто** такое горе можно разделять!* (К. Чуковский); – Куда уж ближе! – захохотал Косопузый. – Факты налицо! (И. Грекова); Вижу: тащится через мосток с чемоданом и постелью, завязанной ремнями, крепкая телом женщина, одетая в военное, с погонами лейтенанта. Ну и тащись, мне-то что? (В. Астафьев).

Авторская уверенность в значительной степени обусловлена знанием субъекта о квалифицируемом событии со стороны соответствия или несоответствия этого события действительному положению вещей, то есть является фактором, включающим предложение в микрополе истинности. Это составляет другой аспект соприкосновения категории утверждения/отрицания с субъективной модальностью, в частности, с различными модально-оценочными значениями. Разные частицы по-разному проявляют данный аспект в языково-речевом контексте.

Модально-утвердительные частицы выступают в качестве акцентирующих средств, усиливающих категоричность сообщаемого: Да, да, точно, – сказал Перри и отвернулся, заметив страшную высоту неба над континентом, какая невозможна над морем и над узким британским островом (А. Платонов); *Даша сейчас же ответила дерзко: «Да»* (А. Толстой); **Точно, точно! Так и есть! Нам нужно именно так поступить!** (В. Елисеев).

Эмоционально-экспрессивные частицы могут «притягивать» предложение к полюсу отрицания, насыщая при этом высказываемое разнообразными авторскими чувствами (ирония, сарказм, уныние, раздумье и пр.): Лужин и Дунечка... Куда уж тут Родиным статейкам... (И. Анненский); После котлет подсчитали: пахать и то нельзя на этом комбайне, где уж тут копать картошку (А. Азольский); Сына не позорь, не пачкай под конец биографию, хоть куда уж там... (О. Павлов); Потом были другие, но все это тускло, противно, где уж там до телесной радости (В. Шахиджанян).

Выделительно-ограничительные и определительно-уточняющие частицы, внося в предложение локально-конкретизирующие оттенки значения, фиксируют высказываемое, как правило, на полюсе утверждения и ограничивают событие либо в качественном аспекте (по степени его проявления), либо в аспекте количественном: Как отмечает Алехин, модель «поставщика услуг» в наших условиях становится реальностью лишь в тех случаях, когда присутствует дополнительное давление со стороны бизнеса (Н. Дубова); Я тут ни при чём, просто поговорка такая, это китайский язык – вернее, один из основных его диалектов, по-другому называется «мандаринским»! (Ю. Зубцов); Именно это и было для него любовью... (О. Зуева); Как раз в этот момент из сосняка вылез Огрызков (В. Быков).

Приближение предложений с модально-предположительными частицами (*небось, вроде, будто* и под.) к смысловым полюсам утверждения и отрицания во многом зависит от самого типа конструкции. В этом случае при утвердительной форме предложения наблюдается явная тенденция приближения к констатационному полюсу утверждения, а при отрицательной – к полюсу отрицания (ср.: *Струсивший солдат как бы дал вам понять, какая опасность вас ждет впереди, – возможно, смерть...* (В. Шукшин) – *Он как бы не видел ее* (К. Паустовский); – *Ты вроде мне говорил об этом* (В. Шишков) – *А вроде и не знал, – задумчиво бормочет дед* (В. Шишков); – *Ты небось слышал, какое у нее несчастье приключилось?* (В. Катаев) – **Небось и не хочется совсем идти в такую даль?** (газет. текст); – *Ты, молодка, чай, уже и расхотела со мной дело иметь?* (В. Слепцов) – *Он, чай, и не рад уже, что пришлось взяться за перевоспитание?* (К. Булычев); – *Да поди забежит еще на днях* (газет. текст) – *А вы не слышали, наверно, что вышло? И соседи поди не слышали?* (журн. текст)).

Несколько особняком здесь стоят предложения с собственно предположительной частицей *авось*, изначально ориентированные на тип конструкции, соотношенный со значением желательности (– *Авось вам-то и не придется воевать, – с грустью заметил мой собеседник, поглаживая пушистую бороду* (журн. текст); *Не знал бы я, зачем встаю с постели, Когда б не мысль: авось и прилетели Сегодня, наконец, заветные листы...* (Н. Некрасов)). Подобное наблюдается в предложениях с вопросительно-предположительными частицами *неужели* и *разве*: **Неужели это были опять вы? – удивилась Эльза Сергеевна** (А. Казанцев); *Из-под холодного покрывала Ужель встает немая тень? Ужели я теперь готова, Чрез двадцать лет заплакать снова, Как в тот весенний грустный день?* (К. Павлова); *Попробуй забудь тебя! Разве так просто забыть? Ведь мне известно, что память, как скульптор незримый, В душе моей станет неясное что-то лепить...* (И. Волобуева). Семантическое поле таких предложений всегда включает аспект авторского переосмысления события. А.Н. Баранов так определяет модальный компонент значений частиц *разве* и *неужели*: «В целом их можно назвать "полимодальными" частицами. С одной стороны, они вносят в предложение сомнение и удивление некоторыми обстоятельствами, а с другой – ориентируют слушающего на наличие в сознании говорящего некоторого «факта» (для *разве*) или «предположения» (для *неужели*)» [12, с. 128]. Заметим, что и названная «фактичность» и «предположительность» сообщаемого – это параметры, позволяющие говорящему локализовать высказываемое в пределах не одной шкалы, а целого комплекса шкал: это и «утверждение/отрицание», и «достоверность/вероятность», и «оценочность/нейтральность». Локализация высказывания в пределах указанных шкал – фактор, позволяющий квалификативным параметрам «акцентуализация», «категоричность», «нейтральность» быть не только

актуализированными говорящим в конкретном высказывании, но и являться инструментом фиксации данного высказывания на одном из отрезков указанных шкал.

Ориентация на какой-либо смысловой полюс в предложениях с частицами конструктивно обусловлена, не является чем-то выходящим за нормативно-коммуникативные рамки. Перспективная сфокусированность предложений с частицами объясняется тем, что говорящий ранее уже занял определенную позицию по данному вопросу и ждет от адресата реакции, адекватной видению ситуации говорящим, причем авторское предположение, сомнение, оценка, кажимость, колебание, категоричность, желательность и т.д., как правило, мотивированы, базируются на прямых или косвенных объективных данных: *Неужели же лишь для того, чтобы увидеть все это, он с самого детства стремился сюда, за океан?* (А. Казанцев); *Сто часов счастья... Разве этого мало?* (В. Тушнова); – *Неужели? А я не знал? И без тебя знаю* (А. Чехов); – *А ведь торт-то я и не ел...* (М. Мусийчук); *Готовить она не умеет, поговорить не о чём, юмора не понимает... ну и так далее* (О. Зуева); *Слонёнок так задумался и так размахивал ушами, что вздрогнул, увидев перед собой капитана-шеф-повара. – Вот так штука! – воскликнул Гусиные Лапки* (А. Дорофеев); *Я вам скажу, что сильный мужчина куда уж скорее доплывёт, чем какой-нибудь доходяга, скелет в бинтах* (Ю. Домбровский); *Простото, с чего я начну, я узнал совсем недавно...* (Е. Гришковец); *Только эта логика и сюжетная строгость для нашей области никакой роли как раз не играет* (В. Карпов).

Отдельно следует сказать о предложениях с модальными сомнительно-предположительными частицами *едва ли, вряд ли*: – *Узнал ли он меня. Едва ли* (В. Каверин); *Став одалиской в грезовом гареме, Она едва ли знает свой пароль* (И. Северянин); *Дежурный был едва ли старше меня* (А. Безуглов); *Высота была невелика, вряд ли здесь было намного комфортнее, чем на земле* (К. Булычев). В данных предложениях ярко выражена тенденция смещения к смысловому полюсу отрицания. По форме указанные предложения утвердительны, по семантике же приближаются к отрицательным: *Но отослать его к отцам едва ль приятно будет вам* (А. Пушкин); *Кому-нибудь будет вряд ли интересно узнать о ее мечтах* (А. Рыбаков); – *И я не знаю, а должен. Едва ли он воспользуется «василиском»* (В. Головачев); *Между использованием способности урана к распаду и использованием энергии вещества других элементов лежит техническая пропасть, которую мы вряд ли очень скоро перейдем* (И. Ефремов). Специфичность того местоположения, которое отводится данным предложениям относительно предложений нейтрально констатационного утвердительного и нейтрально констатационного отрицательного типов, той роли, которая принадлежит им в коммуникативном процессе как выразителям авторского сомнения, не позволяет однозначно судить об их неоспоримой принадлежности к одному из вышеназванных типологических классов.

Заметим, что в русском языке утвердительными являются такие предложения, в которых нет формально-конструктивных показателей отрицания. Связь между явлениями действительности в данных предложениях утверждается как реально существующая, причем эти предложения не имеют специальных языковых средств, которые фиксируют утвердительность. Таким образом, предложение может быть квалифицировано как утвердительное тогда, когда в нем не функционируют формальные показатели отрицания, то есть утвердительность определяется по смыслу. Уже в этом базовом определении косвенно указано на двойственную природу предложений с частицами *едва ли, вряд ли*. С одной стороны, в формальном плане эти предложения действительно являются утвердительными (отсутствие частиц *не, ни*, модально-отрицательного слова *нет* как формальных показателей отрицания). В смысловом же, понятийном аспекте приходится признавать небезоговорочность причисления данных предложений к разряду утвердительных.

В качестве факта отрицания признается факт отсутствия объекта (события и т.д.) в действительности. Отрицание на логическом уровне указывает на отсутствие связи между явлениями, о которых идет речь. А.М. Пешковский отмечал, что «сущность отрицания... сводится к тому, что связь между теми или иными двумя предметами при помощи этой категории осознается отрицательно, т.е. осознается, что такая связь, выражаемая какими-то формами слова и словосочетания, реально не существует» [13, с. 336]. Тем не менее, этот аргумент нельзя признать определяющим в смысловой характеристике предложений с частицами *едва ли, вряд ли*, поскольку в данных предложениях нет достоверного указания на факт отсутствия связи между явлениями и предметами действительности. Отсутствие такой связи лишь предполагается говорящим, что может быть в процессе коммуникации как подтверждено, так и опровергнуто: *Ее, казалось бы, оправдывает любовь, но эта любовь к человеку несомненно подлому, бесчестному вряд ли может быть названа высоким чувством, в этой любви есть что-то смешное, отталкивающее* (М. Качурин); – *Так вы в Персию?.. А когда вернетесь? – кричал вслед Максим Максимович... Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести*

следующим образом: **вряд ли!** да и зачем? (М. Лермонтов); **Едва ли** кто более Сологуба, – правда, редкого Сологуба..., – так непосредственно не приближался к Гоголю (И. Анненский).

Сказанное не позволяет однозначно отнести предложения с *едва ли*, *вряд ли* к таким, в которых выражается смысловое утверждение или отрицание как констатирующая характеристика. В этом плане представляется обоснованной точка зрения В.Г. Адмони: «Положительные и отрицательные предложения, в основном, четко отграничены друг от друга. Но внутри каждого из этих типов имеется ряд градаций и оттенков... С утверждением и отрицанием перекрещивается выражение сомнения и возможности в разных видах, ослабляющее как положительный характер положительного утверждения, так и отрицательный характер отрицательного утверждения» [1, с. 165]. Введение *едва ли*, *вряд ли* в состав предложения не нарушает его структуризацию, но актуализирует какой-либо смысловой оттенок, близкий в семантическом плане к утверждению обратного. Это является причиной смещения предложения к смысловому полюсу отрицания: – **Едва ли** мне поверят, какие были любимейшие и постоянные предметы моих размышлений, – так они были несообразны с моим возрастом и положением (И. Бунин); – **Хватит с нас этого спектакля. И скажи, что мы *вряд ли* придем еще раз** (А. Громова); **И автор *вряд ли* избрал именно эту песню: в ней заявлены темы, которые получают развитие в «Грозе»** (И. Овчинина); **Едва ли** подозревала женщина, надрывая горло в требованиях, что и ей предназначено войти в это «все» (В. Распутин). Включая в предложение субъективно-модальный квалификатор, говорящий ориентирует адресата на то, что имеются какие-то мотивационные условия, заставившие говорящего сомневаться в качестве страховки от однозначной нейтрально-констатационной характеристики события. Коммуникативно значимым, оказывается, является здесь то, что говорящий выбирает все-таки утвердительную форму для выражения собственной мысли, которая, тем не менее, допускает некую долю возможности в противоположном развитии ситуации. Фактор категоричности значительно ослаблен введением в структуру предложения модально-сомнительной частицы: **Но насторожило его *едва ли* это** (К. Симонов); – **Вы надолго в Москву, Алексей Петрович?.. До выяснения? Значит, с неделю побудете – раньше *вряд ли* что-нибудь решится** (И. Ефремов); **По его своеобразной позе и спокойному, утомленному лицу *вряд ли* об этом можно было догадаться** (Ю. Тупицын); **Но *едва ли* Кунава ни с того ни с сего к подружке отправится** (В. Головачев). Таким образом, при утвердительной конструктивной организации предложение начинает обладать семантикой, явно приближающейся к отрицательной. Рассматриваемые конструкции – яркий пример того, что диктум и модус в предложении могут быть взаимообусловленными на структурном уровне.

Отдельно скажем о предложениях со структурными комплексами *едва ли + не*, *вряд ли + не*, *чуть ли + не*. Если в предложениях с другими частицами *не* выполняет свою прямую функцию формального средства выражения отрицания (**Ничего *вроде* и не помнил. Память будто отшибло** (А. Толстой); – **С этим вопросом *как будто* не ко мне** (газет. текст); **Они, *чай*, и не знают, как им дальше жить** (А. Иванов)), то в конструкциях с частицами *едва ли*, *вряд ли* функция компонента *не* кардинально меняется. В этом случае *не* вносит в предложение уже значение, близкое к утверждению: **Ты нас гуманно мыслить научил, *Едва ль не* первый вспомнил о народе, *Едва ль не* первый ты заговорил О равенстве, о братстве, о свободе** (Н. Некрасов); **Ему то и досаждало, что лысый *едва ли не* угадал** (А. Солженицын); **Но Гирин заколебался, хотя этот вопрос уже давно, *чуть ли не* с самого начала беседы висел у него на языке** (Ю. Тупицын); **Раньше не приходилось замечать, а тут заметил, *едва ли не* впервые в жизни почувствовал, какое это событие – восход светила после ночи, после океана тьмы** (О. Гончар).

Предложения с частицами *едва ли*, *вряд ли* и предложения со структурными комплексами *едва ли + не*, *вряд ли + не*, *чуть ли + не* фактически не являются смысловыми соотносительными парами. Семантически они не тождественны друг другу (ср.: **Я *вряд ли* пойду в школу – Я *вряд ли не* пойду в школу; Он сделал это *едва ли* нарочно – Он сделал это *едва ли не* нарочно**). Помимо того, что значение утверждения/отрицания заменяется на более близкое противоположному, в предложениях структурные комплексы *едва ли + не*, *вряд ли + не*, *чуть ли + не* выступают в нерасчлененном виде, образуя новое в семантическом плане единство с оригинальным значением избыточности: **Однако он *едва ли не* двинется на восток** (В. Астафьев); **Теперь обнаружилась шуба, великая, почти необыкновенная шуба, *едва ли не* самое ценное в туалете Остапа** (И. Ильф, Е. Петров); **Бернардито от неожиданности споткнулся и *едва ли не* выронил шляпу** (Р. Штильмарк); **А я, прожив *чуть ли не* вдвое больше вашего, видел лишь земные океаны** (Ю. Тупицын); – **Создателю учения о веществе, отрицателю религий прошлого, – улыбнулся старик, – придется выполнить *чуть ли не* роль недостойного жреца** (А. Казанцев). И все-таки, как нам думается, при явном превалировании уверенности говорящего в сообщаемом в семантике рассматриваемых комплексов зафиксирована и малая доля предположительности. Если в смысловом плане рассматриваемые предложения фиксируются максимально близко к полюсу утверждения, то в модальном аспекте они никогда не сливаются с нейтрально-констатационными

утвердительно-отрицательными предложениями, оставаясь на промежуточном отрезке шкалы степеней достоверности и являясь, таким образом, самостоятельной модальной разновидностью предложений со значением избыточного предположения: *Едва ли не самый лучший дом построил себе Яков Савельич* (Г. Гарин); *Храм, который хочу создать, исполинского размера: для него нужна мне **едва ли не** половина кремлевской высоты, сотни тысяч рук, груды золота* (И. Лажечников); *Лодка вошла в заводь и **едва ли не** застряла среди листьев водяных растений* (Р. Штильмарк).

Важным критерием дифференциации степеней достоверности на шкале «утверждение/отрицание» представляется позиция частиц в предложении. Большинство русских частиц относятся к свободным и могут занимать различные позиции в предложении, причем нередко именно позиция частиц корректирует месторасположение предложения на логико-смысловой оси «утверждение/отрицание», а также является фактором актуализации параметра категоричности сообщаемого, также оказывающим влияние на локализацию предложения на указанной шкале

Наиболее четкая противопоставленность наблюдается при воздействии частиц на предикат как элемент, формирующий пропозицию предложения, по сравнению с воздействием на компонент уточняющего характера – актант или сирконстант. Конструктивная позиция начала предложения либо препозиция относительно предиката сообщения является условием усиленного воздействия частицы на общее модально-оценочное поле предложения: *Едва ли хочется рисковать без гарантии* (В. Авдеев); *Какое... **Будто** не знаете? Вот какое* (А. Островский); *Да **вроде** и не слышали раньше про это* (В. Шукшин); *Но хлеба как раз и не хватало* (В. Быков); – *Вот и радуйтесь, что вы с такой ситуацией не сталкивались* (Е. Павлова); *Где уж рассмотреть кошек, крадущихся в придорожных кустах?* (А. Зайцев).

Имеются частицы, для которых контактная препозиция относительно взаимодействующего компонента является грамматической нормой. Это, в первую очередь, модальные избыточно-предположительные частицы. Значение избыточности, вносимое ими, по своим качествам предполагает то, что оно должно быть локализовано на компоненте, семантическое поле которого подвергается трансформации: *Вот я не больше был Андрея Аристотелева, а **едва ль не все Тверское княжество** обошел* (И. Лажечников); *Едва ли не каждый из них в свое время пытался следовать здравому смыслу* (газет. текст).

Фиксированная контактная препозиция характерна также для ряда других частиц: И ещё раз осветив хату фонариком, покрутил головой: – Ну и берлогу ты себе выбрал! – и уже с улицы крикнул мне: – Домой подавайся! (В. Астафьев); – Что за люди здешние русские? – спросил Померанцев (В. Крейд); Они даже свою группу называли «Аметистовые уклоны». Где уж мне! (В. Катаев); – Куда уж вам, – сказал комиссар дивизии. – Тут такую кашу заварили вокруг этого окружённого дома (В. Гроссман); Именно их современные возможности в первую очередь вселяют надежду на реальность и деактивизации памяти, основанной на оперативном обмене данными (А. Барский); Энергия остова сопоставима с энергией наружной части, а при не слишком малых значениях именно она вносит основной вклад в энергию вихря (М. Зеликман); – Надо посмотреть сначала, что за человек на вас подписался, прочитать все его записи (журн. текст); Из Москвы специально приезжали опыт перенимать. Вот так белоруска! Ну и молодец! (А. Браво).

Контактная препозиция – это конструктивный инструмент усиления воздействия частицы на диктум предложения и, соответственно, инструмент усиления репрезентативности авторского квалификационного мнения в коммуникативном диалоге. Усиленное же воздействие частицы на общий смысловой слой предложения влечет за собой смещение предложения на квалификативной шкале в сторону зоны одной из модальных сфер (достоверности/вероятности, оценочности, эмотивности) и локализацию его между смысловыми полюсами утверждения и отрицания.

Постпозиция частицы относительно предиката (исключая позицию абсолютного конца предложения) является условием её прогрессивного влияния на компонент конкретизирующего характера. При этом предложение продолжает оставаться на смысловом полюсе утверждения или отрицания, а субъективно-авторская квалификация при помощи частицы локализуется. Смещение предложения к полюсу отрицания, таким образом, нивелируется: *Лебедеву показалось, что машина отпрянула **как бы** в изумлении* (Е. Грушко); *Человек направлялся **как бы** к нему* (В. Михайлов); *Большая зыбкость прилагательного, а отсюда и его большая символичность, так как прилагательное не навязывает нашему уму сковывающей существенности, делает прилагательное **едва ли не самым любимым словом** Бальмонта* (И. Анненский).

Сказанное, на наш взгляд, позволяет утверждать, что логическая оппозиция «утверждение/отрицание» значительно расширяется на языковом уровне. Игнорировать данный факт нет никаких оснований. Указанная оппозиция даже в самом общем виде должна быть представлена в качестве трихотомической. Однако и это лишь базовый уровень категоризации языковой

действительности, так как количество переходных случаев на самом деле гораздо больше, а по смысловым характеристикам эти случаи гораздо разнообразнее той промежуточной ступени, которая была предложена в свое время О. Есперсеном [14]. Отношения между членами этой ступени усложняются тем, что последние находятся в оппозиции не только к смысловым категориям «утверждение» и «отрицание» как языковому воплощению модального значения нейтральной достоверности, но и внутри себя, выступая, таким образом, в роли самостоятельных компонентов смысловой и формальной парадигм предложения. Так, модальное значение проблематической достоверности в русском языке противопоставлено значению категорической достоверности как авторское предположение акцентированной авторской уверенности в сообщаемом. Проблематическая и категорическая достоверности также оппозициональны по своей сути и противопоставлены модальному значению нейтрально-констатационной достоверности. Последнее же реально-модальное значение тоже составляет оппозицию, представленную констатационно утвердительными и отрицательными конструкциями. Перечисление намеченных оппозиций можно продолжить, включив сюда целый комплекс модальных значений и оттенков: «сомнение/предположение», «эвиденциальность/предположение», «избыточность/предположение», «оценочность/нейтральность», «экспрессивность/оценочность», «категоричность/нейтральность» и т.д. В этой сложной и многоуровневой иерархии предложения с частицами занимают отведенное им место на модально-квалификативной шкале оценочной характеристики события. Участвуя в противопоставлении предложений по модально-оценочным свойствам, являясь одним из лексико-грамматических средств выражения субъективно-авторской квалификации события, русские частицы приобретают важную роль как смысловые концепты, важные и прагматически обусловленные корректоры семантического поля предложения и фиксаторы оценочной позиции говорящего.

Выводы

Подведем итог. Функциональный анализ предложений с частицами показывает, что, с одной стороны, категория утверждения/отрицания тесно соприкасается с модальностью, особенно на уровне средств репрезентации модальной характеристики сообщаемого. В этом аспекте трудно переоценить роль русских частиц как корректоров общего смыслового поля предложения, средств сближения модуса и диктума на уровне объединения объективного и субъективного слоев предложенческого смысла. С другой стороны, сами виды модальных характеристик, как это было отмечено, не организуются вокруг какой-то одной категории (в частности – категории утверждения/отрицания) даже в тех предложениях, где она четко проявлена на конструктивно-модельном уровне. В типологическом аспекте утвердительные и отрицательные предложения – это лишь формальная база для выражения, например, субъективно-модального значения нейтральной достоверности, потому что в семантическом плане данное модальное значение содержит уверенность как смысловой компонент фактической констатации события в действительности. Напротив, предложения с частицами как при утвердительном, так и при отрицательном способе их конструирования не соотносимы с модальным значением нейтрально-констатационной достоверности. Они рефлектируют скорректированную (по сравнению с исходной) степень уверенности говорящего в сообщаемом и, как следствие этого, занимают фиксированное положение между полюсами, представляющими значение нейтральной достоверности. В совокупности с другими лексико-грамматическими показателями модально-оценочной квалификации события они служат для развития смысловых векторов, образующих самостоятельную сферу, фиксируемую как в смысловом поле модальности, так и в общем смысловом поле конкретного высказывания, реализуемого в коммуникативном процессе. Заявленные проблемы, по нашему мнению, являются перспективными для дальнейшего рассмотрения, так как представляют собой развитие идей антропоцентризма, человеческого фактора в языке.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – М.: Изд-во литературы на иностр. яз., 1955. – 392 с.
2. Распопов И.П. К вопросу о модальности предложения / И.П. Распопов // Ученые записки Благовещенского педагогического института. – Т.8. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. пед. ин-та, 1957. – С. 177-197.
3. Адамец П. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности / П. Адамец // *Ceskoslovenska rusistika*. – 1968. – № 2. – С. 88-94.
4. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 198 с.

5. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке / Г.А. Золотова // Научные доклады высшей школы. Сер. «Филологические науки». – 1962. – № 4. – С. 65-79.
6. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н. Бондаренко. – М.: Наука, 1983. – 212 с.
7. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.) / С.С. Ваулина – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 141 с.
8. Лекант П.А. Предложение и высказывание / П.А. Лекант // Структура предложения и содержание высказывания. – М.: Изд-во МОПИ, 1986. – С. 3-8.
9. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
11. Зегет В. Элементарная логика / В. Зегет. – М.: Высшая школа, 1985. – 256 с.
12. Баранов А.Н. «Предположение» vs. «факт»: *неужели* vs. *разве* / А.Н. Баранов // Zeitschrift für Slavistik. – 1986. – № 1. – С. 119-131.
13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
14. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.

УДК 81'42

**КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РУССКИХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ****THE CONCEPT «JOY» IN THE CULTURE OF RUSSIAN LANGUAGE
AND ITS REPRESENTATION IN RUSSIAN PROSE TEXTS****Е.Г. Озерова, М.Ю. Покручина
E.G. Ozerova, M.Y. Pokruchina**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: ozerova@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности концепта «Радость» на материале прозаических текстов Н.С. Лескова, И.С. Тургенева и И.А. Бунина. Концепт понимается в качестве многомерного лингвоментального образования, реализованного в знаковой форме с высокой семиотической плотностью, обладающего структурной и смысловой многослойностью и этнокультурной спецификой. Семантическое поле концептов репрезентирует множество разнообразных смыслов, процесс формирования лексико-семантического наполнения лингвокультурного концепта «Радость» обусловлен не только общекультурными ценностями, но и национально-культурной спецификой языка.

The article discusses the features of the concept "Joy" on the material of prose texts by Leskov, Turgenev and Bunin. The concept is understood as a multidimensional linguistic and mental phenomenon, implemented in symbolic form with high semiotic density with structural and semantic layers and ethno-cultural specificity. The semantic field of concepts represents a variety of meanings, the process of formation of lexical-semantic content of a linguistic-cultural concept of "Joy" due to General cultural values and national-cultural specificity of language.

Ключевые слова: концепт, радость, ментальность, этнокультурная специфика, аксиологические культурные маркеры, семантическое поле.

Key words: concept, joy, mentality, ethno-cultural specificity, cultural axiological markers of the semantic field.

Введение

В качестве предмета исследования выступают лингвокультурные механизмы порождения и восприятия концепта «Радость», вербализующиеся эмотивными лексемами.

Понятие «концепт» в современной лингвистике не имеет единого толкования, это некий лингвосоциальный конструкт, о вопросах архитектоники, классификации, типологии, вербализации и методов изучения которого дискутируют многие исследователи.

В качестве логико-лингвистической категории, которая создает мост, связующий мир конкретных понятий и абстрактные категории, рассматривает концепт П. Абеляр и подчёркивает, что это сущность предельно субъективного характера, ориентированная на адресата [1].

В работах Э. Сепира [2] идёт речь о концепте как о некой «капсуле мысли», которая содержит (и, возможно, генерирует) в конденсированном виде все возможные переживания и опыт человека.

В российской лингвистике в качестве языковедческого термина данный феномен впервые употребляется в научной статье «Слово и концепт», опубликованной в 1928 г. в журнале «Русская речь» С.А. Аскольдовым. Автор рассуждает о природе концепта, репрезентирует заместительную функцию этого феномена и определяет его в качестве «мысленного образования, замещающего в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3].

В современной лингвистике существует три основных подхода к пониманию термина «концепт», они основываются на положении о том, что концепт номинирует содержание понятия.

Во-первых, это когнитивно-семиологический подход Ю.С. Степанова, согласно которому изучаются «не разнородные языковые средства, реализующие один и тот же концепт, но именно отдельные концепты» [4]. При данном подходе язык рассматривается в качестве вспомогательного средства, роль которого второстепенна, так как он «форма оязыковления существующего сгустка культуры, концепта» [5].

Во-вторых, это когнитивно-семантический подход, которого придерживаются Н.Д. Арутюнова [6] и Н.Ф. Алефиренко [7]. Концепт, таким образом, – это единица семантики, совмещающая в себе память и воображение и, в конечном итоге, обладающая этнокультурно обусловленным смысловым содержанием, в основе которого лежит определенное понятие.

Согласно третьему подходу, концепт – это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [8, с. 90].

Для нас особый интерес представляет архитектура концепта как структурно-смыслового образования, так как знание структурных компонентов концепта способствует выявлению его сущности.

Лингвокультурный концепт будет отличаться от термина «концепт», используемого в когнитивной лингвистике. Так, когнитивному концепту, как правило, соответствует одна языковая единица, лингвокультурный же концепт обладает таким свойством, как полиапеллируемость, так как он репрезентируется с помощью целого ряда единиц языка и речи.

Концепт «Радость» обычно относят к эмотивным, репрезентирующим эмоции и чувства, что обусловило особый подход к нему, который предполагает интегративное исследование данной проблемы как с точки зрения когнитивной лингвистики, так и лингвокультурологии. Эмотивный смысл концепта «Радость» является универсальным, однако в лингвокультурной репрезентации отличается лексической представленностью, степенью глубины и конкретизации, изменчивостью на разных этапах функционирования. Таким образом, следует говорить об эмотивном смысле концепта «Радость» как репрезентанте ментальной идентификации текста.

Основная часть

Радость – универсальное чувство, которое способен испытывать любой человек независимо от его национальности и культуры. По мнению Ю.С. Степанова [4], несмотря на столь широкую интерпретацию значения, радость в языке описана недостаточно, чрезвычайно мало. Возможно, это связано с её неуловимостью, сложностью описания. Некоторые исследования по данному концепту были проведены А.Б. Пеньковским [9], однако он исследовал концепт «Радость» в оппозиции с концептом «Удовольствие», в то время как мы зачастую в текстах прозы замечаем их сходство и взаимообусловленность. Ю.С. Степанов эксплицирует два самых общих признака радости:

1) «это есть внутреннее чувство, противопоставленное внешнему, физическому ощущению удовольствия» [4]. Например: *Но с какой радостью встрепенулись они, когда услышали скрип проезжей телеги! Земляк! Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались много-много лет. Разбурженные говором, подымались с земли и другие и, застенчиво скрывая свою радость, тоже толпились у телеги проезжего, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самого света...* (И.А. Бунин «На край света»). Когнитивная репрезентация чувства радости возникает, когда происходит встреча земляка, однако это ощущение внутреннее, его стараются не проявлять внешне, это тихая, застенчивая радость, эксплицирующая внутреннее чувство;

2) «имя радости, то есть само слово *радость*» [4]. Например: *Глафира! – позвал Горданов. Ответа не было. – Глафира! Радость моя! Мое счастье, откликнись же!.. дай мне услышать твое слово! – Радость твоя не Глафира. – Нет? Что ты сказала? Разве не ты моя радость?* (Н.С. Лесков «На ножах»). В данном контексте словосочетание «радость моя» является ласковым обращением Горданова к Глафире и отражает его доброе отношение к ней.

Вопрос о ментальных особенностях концепта «Радость» в русской лингвокультуре недостаточно полно освещен исследователями, но часто встречается в русской религиозной жизни. Например: *Перистые облака, порою солнце, синие клоки луж... В доме напротив нас молебствие, **принесли икону «Нечаянной Радости»**, поют священники. Очень странно кажется это теперь. И очень трогательно. Многие плакали* (И.А. Бунин «Окаянные дни»). В данном контексте говорится об иконе «Нечаянная Радость», которая является символом прощения и избавления от греха, несет людям чувства родства, человечности, святости, так характерные для русского характера и русской ментальности.

В прозаических текстах Древней Руси встречаем оппозицию: радостное (связанное с небесным) – печальное (связанное с мирским). Эта же оппозиция будет сохраняться и в прозаических художественных текстах, например, в творчестве И.А. Бунина: *Жизнь только в жизни духа, а не в жизни тела. Плод же духа – любовь, радость, мир, милосердие, вера, кротость, воздержание... Это повторяли людям все великие учителя человечества, начиная с Будды...* (И.А. Бунин «На даче»). Отметим, что духовность является одной из основных черт идиостиля Бунина, и как раз радость он относит к плодам духа, связанного с божественным, небесным. В один смысловой ряд ставятся любовь,

жизнь, вера, милосердие, кротость, воздержание – все постулаты жизни по Священному писанию. В.В. Колесов обращает внимание на то, что в древнерусских текстах радость представлена как благодать, исходящая от Бога [10]. Возможно, именно с этим связано отсутствие чёткого толкования радости в русской лингвокультуре: земная жизнь для людей знакома и проста, в то время как небесная непостижима: *Сердце тихо говорило мне, что я совершаю в эту минуту великий грех – лишаю тебя счастья, радости... Но тут пришло в голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать детей* (И.А. Бунин «Цифры»). В данном контексте эксплицируются мысли и чувства героя, когда он отказывает ребёнку в радости, которые репрезентируются во внутренней речи, при помощи которой, по утверждению Л.С. Выготского [11], происходит обогащение слов смыслом и преобладание смысла над значением достигает предела. Объясняется это двумя факторами. Во-первых, согласно учению А.Р. Лурия, «...мысленная речь навевается моментами разного рода раздумий...», во-вторых, внутренняя речь является, как видим, речью «для себя» и «про себя», в то время как внешняя (озвученная) – это речь для других [12].

Мы считаем, что концепт «Радость» является именно лингвокультурным, так как это мировоззренчески ориентированная смысловая единица, которая культурно маркирована, является продуктом коллективного мышления, хранится в сознании языковой личности и объективируется рядом средств языка.

Рассмотрим, что же выступает в качестве аксиологических культурных маркеров концепта «Радость». Полагаем, что это, во-первых, многообразие лексем, которые репрезентируют концепт в языке, и их частотность. Для выделения лексических единиц, репрезентирующих концепт «Радость», мы использовали ряд синонимических словарей: «Словарь синонимов русского языка», «Новый объяснительный словарь», «Словарь синонимов русского языка» и др., – что позволило говорить о такой синонимической группе, как радость, восторг, отрада, радостность, веселье, развлечение, удовольствие, праздничное настроение, жизнерадостность, ликование, забава, торжество, эйфория, услада и др. Следует обратить внимание на разнообразие лексем, среди которых встречаются существующие в системе языка ещё древнейшего периода (услада, забава, радость), современные (жизнерадостность) и заимствованные (эйфория).

Обратившись к художественным текстам И.С. Тургенева, Н.С. Лескова и И.А. Бунина, заметим, что в них также концепт «Радость» встречается довольно частотно:

– в прозе И.С. Тургенева *радость* имеет 116 употреблений, *рад* – 163 употребления, *радостный*, *радостная* – 66 употреблений, *радовать/радоваться* – 85 употреблений;

– в прозе Н.С. Лескова: *радость* – 167 употреблений; *рад* – 146 употреблений, *радостный/-ая* – 61 пример употребления, *радовать/радоваться* – 112 употреблений;

– в прозе И.А. Бунина: *радость* – 189 употреблений, *рад* – 47 употреблений, *радостный /-ая* – 128 употреблений, *радовать/ радоваться* – 67 употреблений, также нами зафиксированы варианты сложных слов *радостно-хищный*, *радостно-безумный*, *блаженно-радостный*, *радостно-шаловой*, *радостно-жуткий*, *грустно-радостный*.

Во-вторых, это наличие ментальной обусловленности концепта. Ментальность, согласно философской энциклопедии, – «образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы. Менталитет – это или «склад ума» (от фр. mentalite), или социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. В монографии «Дискурс, культура, ментальность» рассматриваемый термин понимается как «когнитивно-культурная характеристика, определяющая функциональную способность общества создавать и накапливать интеллектуальный опыт» [13]. Заметим, что ментальность бессознательна, она эмпирически понимается и поведенчески реализуется, но не имеет чёткой формулировки, дефиниции.

Ментальная обусловленность концепта «Радость» проявляется, когда контекстуально указывает на связь с миром небесным, находится в русле православных традиций: *Она возносит в этот день прекрасную и полную глубокого смысла молитву: – Все рабы твоя, боже, упокой во дворах твоих и в недрах Авраама, – от Адама даже до днесь послужившая тебе чисто отцы наши, други и сродники! Разве случайно сказано здесь о служении? И разве не радость чувствовать свою связь, соучастие «с отцы и братии наши, друга и сродники», некогда совершавшими это служение? Среди моих предков было, верно, немало и дурных. Но всё же из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь: будь достоин во всем своего благородства.* (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева»). В данном контексте чувство радости возникает на основе чувства близости с «отцы и братии наши, друга и сродники», чувства святости. Интертекст, аллюзию к прецедентному библейскому тексту можно считать проявлением русского менталитета в идиостиле писателя, его близости к православной культуре. Прецедентные религиозные тексты – это «тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [14]. Для русской ментальности

характерно чувство глубокой веры в Бога, таким образом, прецедентный текст Библии является отражением национальной особенности русского народа, а интертекстуальная ссылка на него в «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина выполняет функцию репрезентации культурно-религиозной памяти в тексте.

В-третьих, слово должно иметь активную производящую основу и входить в состав устойчивых идиоматических выражений. В большой лексикографической статье «Словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [13] зафиксированы следующие значения:

РАДОСТЬ, ж. Веселье, услада, наслажденье, утеха, противополож. скорбь, грусть, горе, печаль и пр. внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая; | самое событие или предмет, возбуждавший эти душевные чувства. Сказать вам радость? т. е. радостную весть. Моя радость, утеха моя, что или кого люблю, чему или кому радуюсь, утешаюсь, улаждаюсь.

Также в прозаических текстах встречаем устойчивые сочетания с лексемами, эксплицирующими концепт «Радость». Ниже приводятся некоторые из них.

*Бог дал беспримерный талант, необыкновенные умственные силы, и человек сам это прекрасно знает. Казалось бы, что еще нужно? Главный труд всей жизни, главная ее цель – использовать на **великую радость ближнего своего** только это – талант и ум»* (И.А. Бунин «Освобождение Толстого»); *Храни Вас Бог на радость нашу и укрепление изнемогающего духа* (Н.С. Лесков «Письма Л.Н. Толстому»). Следует отметить, что в ряде контекстов И.А. Бунина и Н.С. Лескова устойчивые сочетания с лексемой *Радость* – интертекст к прецедентным библейским текстам, таким образом, можно утверждать, что у этих авторов ментальность тесно связана с Верой, святостью.

В-четвертых, это «семантическая нагруженность» концепта, тот комплекс смыслов и значений, который он несёт в себе. Так, концепт «Радость» в прозаических текстах Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, И.А. Бунина обладает обширным семантическим полем, включающим разнообразные коннотативные значения: *Ну, а вы тут как свое время провождали? – спрашивает опять жену Зиновий Борисыч. – Наши радости-то, чай, всякому известны: по балам не ездим и по театрам столько ж. – А **словно радости-то у вас и к мужу немного**, – искоса поглядывая, заводил Зиновий Борисыч* (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»). В данном контексте *радость* приобретает коннотативное значение контекстного синонима любви, которую героиня не чувствует к мужу, что он и предполагает, но, задавая наводящие вопросы, хочет точно знать. *Ну так что же!.. Значит, всё как следует быть... всё прекрасно... Со временем... если вам откроется, в чём состоит жизнь, и вы захотите жить самым лучшим образом, то есть жить так, чтобы духи злобы вас гнали, – то вы тогда будете это понимать... Когда они гонят – **это прекрасно, это радость... это счастье!*** (Н.С. Лесков «Томление духа»). В данном контексте наблюдается градация, доминантной вершиной которой достигается радость, которая репрезентирует счастье как состояние абсолютного довольства и гармонии человека с миром.

*Скажи, пожалуйста, – плачущи, воительница, – жаль ли хоть тебе меня, дуру неповитую? – Очень, – отвечаю, – жаль. – А людям ведь небось и не жаль, смех им небось только. И всякий, если кто когда-нибудь про эту историю узнает, посмеется – непременно посмеется, а не пожалеет, – **а я все люблю, и все без радости, и все без счастья** без всякого. Бог с ними, люди! не понять им, какая это беда, если прилучится такое над человеком не ко времени. Ходила я к староверу, – говорит: «Это тебе аггел сатаны дан в плоть...»* (Н.С. Лесков «Воительница»). В данном контексте эксплицируется антиномия *Любовь – Радость*, далее в тексте говорится, что любовь – радость, только если она *ко времени*. Любовь репрезентируется как безрадостное, тяжелое чувство, так как оно не взаимно в данное время. Используется также темпоральная характеристика чувства любви, говорится, что любовь должна возникать в нужное время, что невозможно, так как возникновение чувства любви никак не зависит от времени и желания человека, это спонтанный процесс, обладающий иными предпосылками.

*Мардарий Аполлоныч, по обыкновению, чрезвычайно ласково меня принял: он непритворно **радовался** каждому гостю, да и человек он был вообще предобрый* (И.С. Тургенев «Два помещика»). В контексте подчеркивается искренность такого чувства, как радость, наблюдается синкретизм концептов «Искренность» и «Радость» в словосочетании *непритворно радовался*.

*Рассказчик помолчал. – В одной трагедии Вольтера, – уныло продолжал он, – какой-то **барин радуется тому, что дошёл до крайней границы несчастья**. Хотя в судьбе моей нет ничего трагического, но я, признаюсь, изведаль нечто в этом роде. Я узнал **ядовитые восторги холодного отчаяния**; я испытал, как сладко, в течение целого утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и час своего рождения, – я не мог смириться разом* (И.С. Тургенев «Гамлет Щигровского уезда»). Автор использует антонимы *радость – несчастье*, *восторг – отчаяние*, которые в контексте таковыми не являются, крайность границ грусти и отчаяния как раз подчеркивается с помощью лексем, обычно относящихся к семантическому полю *Радости*.

*Улыбка осветила суровое лицо Павла Антоньича, и давно уже не озарялось оно такую добротой, такую **старчески-детскую радость**. – Погоди, – шепнул он, снимая со стены*

гитару. Сперва он сыграл «Качугу», потом «Марш на бегство Наполеона» и перешел на «Зореньку» (И.А. Бунин «Танька»). В контексте используется довольно необычное сочетание *старчески-детская радость*, по своей внутренней структуре являющееся антиномией, однако в данном контексте её употребление объясняется тем, что герой, беря гитару, вспоминает молодость и погружается в прошлое, детство, но в то же время об этом рассказывает своей внучке, оставаясь её старым дедушкой. В сложном эпитете **старчески-детской радостью** обращает на себя внимание соединение различных «сенсорных предикатов» (термин Дж. Миллс и Р. Кроули). Доминирующее свойство окказионального слова, отклоняющегося от нормы и потому подчеркнуто экспрессивного, заключается в его неразрывной связи с контекстом, образовании вместе с ним единого эстетического целого. Окказиональная лексема возникает как производная разовая лексема, семантика которой раскрывается в конкретном тексте. Эстетический потенциал сложного слова также демонстрируют контексты, содержащие художественный прием антонимии: *старческий – детский*.

Итак, семантическое поле концепта «Радость» эксплицирует разнообразие смыслов, некоторые из которых являются универсальными, характерными для всех людей (счастье, восторг, смех, удовольствие и др.), другие являются индивидуальными (*старчески-детская радость* И.А. Бунина, *ядовитый восторг отчаяния* И.С. Тургенева, *безрадостная любовь не ко времени* Н.С. Лескова), третьи обусловлены национальными и ментальными особенностями. Так, при анализе прозаических текстов Н.С. Лескова и И.А. Бунина нами были замечены следующие характерные черты.

1. Наличие прецедентного библейского текста: *У меня характер письма твердый, – отвечал он и сейчас же добавил: – Вам угодно, чтобы я что-нибудь написал? – Да, потрудитесь. Он сел за мой рабочий стол и через минуту подал мне лист, посередине которого четкою скорописью «твердого характера» было написано: «Жизнь на радость нам дана. – Иван Петров Аквилляльбов (Н.С. Лесков «Белый орел»)*. Строками о необходимости радоваться пронизана вся Библия: и Ветхий завет («*Все дни несчастного печальны; а у кого сердце весело, у того всегда пир*», «*Не бойся, земля; радуйся и веселись, ибо Господь велик, чтобы совершить это*»), и Новый (апостол Павел: «*Всегда радуйтесь*»). Отметим, что в тексте Библии частотность употребления лексемы *радость* составляет 106 вхождений. Автор использует прецедентный текст, благодаря которому не только эксплицируется культурная память, но и преобразуется смысловое пространство текста, он обретает сакральный характер, становится авторским наставлением всем людям.

2. Духовность: *И разве не радость чувствовать свою связь, соучастие «с отцы и братья наши, друга и сродники», некогда совершавшими это служение? Исповедовали наши древнейшие пращурь учение «о чистом, непрерывном пути отца всякой жизни», переходящего от смертных родителей к смертным чадам их – жизнью бессмертной, «непрерывной» (И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева»)*. Герои Н.С. Лескова и И.А. Бунина ощущают неразрывную связь с родиной, её прошлым, настоящим и будущим, историей, своими предками, родственниками, что эксплицируется в текстах. Особенно сильно чувство Родины, близости к ней, тоски по Родине проявляется в творчестве И.А. Бунина, что связано не только с особенностями его жизни, но также и с детством, так как духовность берёт начало именно в том мире, который окружал писателя в детские годы.

На основе фактов языковой репрезентации концепта «Радость» можно выявить следующее: 1) *Радость* входит в группу концептов, отражающих чувства и эмоции человека, показывающих его поведенческие реакции, вызванные как социальными, так и индивидуальными предпосылками; 2) *Радость* интернациональна, это универсальное чувство, которое номинируется и графически отображается в разных языках по-разному.

Обращаясь к этимологии русского корня «рад», можем предположить его связь с концепциями любви и свободы как источника счастья. В этимологическом словаре М. Фасмера «рад, рада, радо» понимается как охотный, то есть добровольный, совершающий что-либо по свободной воле; в то же самое время внутренняя форма краткого прилагательного позволяет определить его как «готовый к благодетанию»[4, с. 309]. В русский язык слово «радость» пришло из старославянского, в котором оно относилось к пласту древнейшей лексики, однако с течением времени в русской лингвокультуре приобрело также национальные, обусловленные именно русским менталитетом характеристики: во-первых, это контекстуальная связь с миром небесным, духовным. Радость – это проявление духа, чувство, которое человек не может объяснить и понять, определить его границы; во-вторых, это искренность в проявлении чувства, вне зависимости от желания утаить его или же поделиться радостью с окружающими, что довольно часто подчёркивается в художественных текстах: «*...мы позволили бы себе выразить искреннейшую радость, если бы объявленный турнир по какому-нибудь счастливому случаю отменился*». (Н.С. Лесков «Русские общественные заметки»). Русский человек проявляет радость абсолютно искренне, он не может притворяться, каков бы ни был повод этой радости.

Семантика слова *радость* с трудом поддается концептуальному анализу, так у него отсутствуют собственные, характерные только для него, семантические признаки, описать его возможно только в соотношении со смежными концептами и только на основе ряда черт, характерных для многих эмотивных концептов. Таким образом, мы полагаем, что к ядерной зоне концепта «Радость» можно

относить также синонимичные лексемы, являющиеся именами смежных концептов: «Веселье», «Торжество», «Счастье», «Удовольствие», «Ликование», – которые могут иметь как полностью совпадающее значение, так и значение с иной коннотацией. Например: *Яков наслаждался своей победой, как дитя; всё его лицо преобразилось; особенно его глаза так и засияли **счастьем*** (И.С. Тургенев, «Певцы»). Здесь лексема *счастье* полностью взаимозаменяема лексемой *радость*, их денотативное и коннотативное значения идентичны. *Когда они гонят – это прекрасно, это радость... это счастье!*» (Н.С. Лесков, «Томление духа»). В этом контексте представлена семантическая градация: счастье выше, чем радость, это состояние полной гармонии, оно больше, чем просто чувство, ощущение. Счастье отличается от радости интенсивностью ощущений, по мнению Лейбница, счастье есть состояние устойчивой радости, [16, с. 419], Фромм же считает, что радость и счастье отличаются по признаку единичности/постоянства: радость – переживание единичного факта, в то время как счастье – постоянное и нераздельное переживание радости [17, с. 147].

Концепт «Радость» репрезентирует особый перцептивный образ, наглядно-чувственное представление, а также комбинацию концептуальных метафор. Мы будем использовать наиболее общий подход к понятию концептуальной метафоры и рассматривать её как видение одного объекта через другой. Мы структурировали образное поле радости и на основе исследованных прозаических текстов выделили следующие категории: *образы природы, духовность, интеллект, внешность, действия, время, чувства, ощущения*. На основе проведённого анализа нами были составлены диаграммы (1-3), содержащие статистические данные частотности словоупотребления категорий *Образы природы, Духовность, Интеллект, Внешность, Действия, Время, Чувства, Ощущения* в прозаических текстах И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, И.А. Бунина. Они представлены ниже.

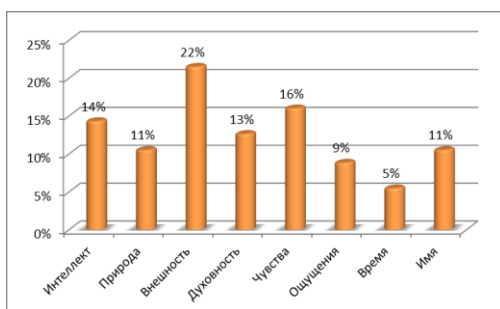

Диаграмма 2. Репрезентация концепта «Радость» в художественных текстах Н.С. Лескова

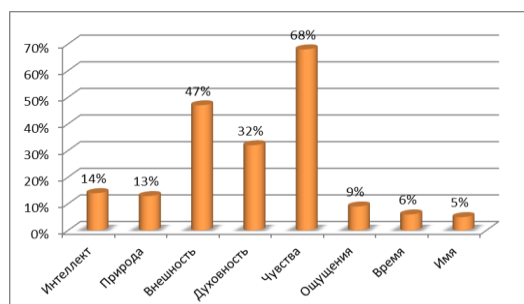

Диаграмма 1. Репрезентация концепта «Радость» в художественных текстах И.С. Тургенева

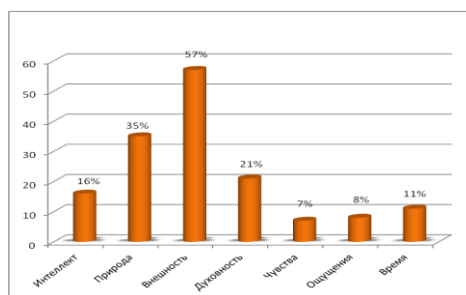

Диаграмма 3. Репрезентация концепта «Радость» в художественных текстах И.А. Бунина

На основе сравнения нами были получены следующие выводы: а) концепт «Радость» репрезентируется в прозе И.С. Тургенева, Н.С. Лескова и И.А. Бунина во взаимодействии с концептами «Природа», «Внешность», «Интеллект», «Духовность», «Чувства», «Время», «Ощущения» и эксплицируется с помощью субконцептов, включающих дополнительные коннотативные значения; б) наиболее частотные образные характеристики концепта «Радость» относятся к категориям *Чувства, Внешность, Образы природы*.

Заключение

Изучив структуру лингвокультурного концепта «Радость» и особенности его репрезентации в прозаических текстах И.С. Тургенева, Н.С. Лескова и И.А. Бунина, мы пришли к следующим выводам:

1) вопрос о ментальных особенностях концепта «Радость» в русской лингвокультуре слабо освещён исследователями, но часто встречается в русской религиозной картине мира, где репрезентируется оппозиция «радостное – печальное»;

2) концепт «Радость» обладает рядом аксиологических культурных маркеров, таких как многообразие лексем и их частотность; ментальная обусловленность, наличие активной производящей основы и устойчивых идиоматических выражений, «семантическая нагруженность»;

3) семантическое поле концепта «Радость» репрезентирует разнообразие смыслов, одни из которых являются универсальными, другие – индивидуальными, третьи обусловлены национальными и ментальными особенностями.

Так как концепт «Радость» является не только универсальным, но также зависит от окружающей природной и социальной среды, исторического прошлого нации, в языке которой он существует, можно говорить о его особом культурологическом статусе. Таким образом, концепт «Радость» способен отражать ментально обусловленную картину мира и выступать в качестве идентификатора национального характера.

Список литературы

1. Неретина С.С. Абеляр и Петрарка: пути самопознания личности (текстологический анализ) / С.С. Неретина // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 134-160.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Изд. группа «Прогресс»: «Университет», 1993. – 655 с.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология; под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 259 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 896 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
8. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с.
9. Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка: Культурные концепты / А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 1991. – С. 379.
10. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Книга 3: Бытие и быт / В.В. Колесов. – СПб., 1990. – 480 с.
11. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
12. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 189 с.
13. Олешков М.Ю. Дискурс, культура, ментальность: монография / отв. ред. М.Ю. Олешков // Серия «Язык и дискурс». – Вып. 3. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011. – 526 с.
14. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
15. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – М., 1999. – Т 1. – 779 с. Эл. ресурс / Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля/>
16. Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. / ред. и сост., вступ. ст. и примеч. Г.Г. Майорова и А.Л. Субботина. – Т. 1. – М.: Мысль, 1983-1989. – 636 с.
17. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993. – 414 с.

УДК 811.114

ИНТЕРОЦЕПЦИЯ В БОЛЬНИЧНОМ ДИСКУРСЕ**INTEROCEPCION IN HOSPITAL DISCOURSE****В.К. Харченко**
V.K. Kharchenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: kharchenko@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются проблемы перцепции и интероцепции вслед за разработчиком теории интероцепции (на материале англоязычной художественной прозы) А.В. Нагорной. Исследуются особенности языка перцепции применительно к различным каналам восприятия: зрительному, слуховому, тактильному, обонятельному и вкусовому в речи пациентов и медицинского персонала. В центре внимания – концепт «боль», актуальный для изучения больничного дискурса. Подчёркивается важность сбережения стёртых метафор. Исследуются особенности использования доменов: тело как дом, тело как механизм и другие.

The article deals with a problem of perception and interception, following A.V.Nagornaya, who has based her research on English literary texts. The article deals with the particularities of the language means of perceptual memory: visual, tactile images and those received through the organs of taste and smell studied in speech of patients and medical staff. The author focuses on the concepts of pain for explorer of hospital discourse. The importance of preserving felicitous ancient metaphors is stressed. The article deals with the use of domens: the body as house, the body as device etc.

Ключевые слова: больница, интероцепция, дискурс, метафора, реплика, тело.
Key-words: hospital, interception, discourse, metaphor, remark, body.

Введение

Интерес, который современная зарубежная лингвистика проявляет к внутренним ощущениям, отнюдь не случаен. В своей монографии А.В. Нагорная выявляет причины такой актуальности. Комментируя труды западных учёных по данной проблематике, автор предлагает своё видение языка интероцепции, то есть стройную и весьма убедительную концепцию, сформировавшуюся на основе анализа, прежде всего, англоязычных художественных текстов. Исследователь подчёркивает, что вопросам телесных переживаний в англоязычной литературе уделяется на порядок больше внимания, нежели в литературе отечественной [1, 2].

Что касается русскоязычной культуры, тематика боли и оценки своего состояния самими заболевшими – героями литературных произведений – не могла не отразиться в объёмной и глубокой монографии К.А. Богданова «Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII – XIX веков [3]. Полагаем, что и XX, и XXI века ещё больше пополнили и продолжают пополнять копилку отечественной художественной патографии, а значит, содержат контексты и интероцептивного характера. Художественных текстов, посвящаемых врачам и болезням, немало. Исследователи концептов БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ, естественно, опираются на такие тексты, список которых может быть и расширен. Кроме общепризнанных классических назовём повести В. Солоухина «Приговор», Ю. Крелина «На что жалуетесь, доктор?», Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев», В. Ивановой «Болезнь», Е. Михайловой «Пожар». Выдающимся произведением последнего периода является удостоенный премии роман Евгения Водолазкина «Лавр» о судьбе средневекового врача [4].

В современной патографической литературе в аспекте передачи роковых внутренних ощущений особое место, на наш взгляд, занимает роман А.И. Солженицына «Раковый корпус», в котором на протяжении всего повествования «онкологическая интероцепция» отражена системно и многосубъектно [5]. Таким образом, у нас есть все основания язык интероцепции исследовать с опорой на русскоязычный художественный дискурс. Более того, обобщая, выскажем

предположение, что в каждом (или почти в каждом!) дискурсе представлена «своя» интероцепция, требующая заинтересованного поискового внимания.

Вместе с тем при сборе материала едва ли не ведущее место может и должен занимать разговорный дискурс, тем более задействованный в медицинских учреждениях.

Материал исследования

Попадая на больничную койку, лингвист вынужденно сталкивается с новым для себя материалом, который отличается от своих типичных художественных отражений. Так, Т.Б. Щепанская отслеживала родовой дискурс, что представлено в серии её публикаций [6, с. 236-265]. Материал, сосредоточенный в нашей статье, почерпнут в течение двухнедельного пребывания в хирургическом отделении Первой городской больницы г. Белгорода. При этом в триаде взаимосвязанных концептов «боль», «болезнь», «больница» особое внимание, естественно, уделялось языку боли. «Вынужденные» респонденты были разных возрастов, но преобладали лица 60-80 лет. Профессиональная привязка также была различной: пенсионерка, в прошлом сестра-хозяйка профилактория на Чукотке, воспитательница детского сада, бывшая медсестра, сотрудница таможни, зав. складом, бухгалтер, пенсионерка, в прошлом товаровед, зам. директора райторгбазы. Для нескольких человек род занятий остался невыясненным.

Основная часть

Сразу отметим, что, как и в других дискурсах, в больничном помимо интероцепции присутствует и язык перцепции, который основательно изучался и изучается и в недрах которого как раз и отпочковалась интероцептивная составляющая. Поскольку в своё время мы занимались языком перцепции [7], то «по инерции» не могли не замечать и чисто перцептивных реплик-высказываний с явной припиской больничному дискурсу. Проиллюстрируем этот язык «больничной» перцепции по модусам.

Зрительный модус: [Женщина 80 л. соседке по палате:] *А что вы такая красная, миллион?* (23.11.2015). [Врач:] *Заходите, показывайте, как вас побрили* (24.11.2015). [Санитарка:] *А чего это у вас здесь налито? Вас рвало, что ли? – А здесь воздух спустили с капельницы. – Подождите, я сейчас вытру!* (24.11.2015). [Под капельницей бывшая медсестра 74 л.:] *А когда сильные боли были на тазобедренном – я прикладывала фольгу блестящей стороной* (25.11.2015). [Женщина 80 л. соседке по палате:] *А у тебя кровать – что там за приспособление. – Это стул, держит кровать. – А я думала: досточка это или стулка. Стулка у меня есть такая!* (25.11.2015). [После удаления жёлчного пузыря:] *Там было полно камней. Та оны такие жёлтенькие. Они в кулёк сложили и принесли мне. Хоть ожерелье вешай и носи!* (26.11.2015). [Молодой человек пришёл проведать жену, вспоминает, как болел и лежал на первом этаже:] *А я с непривычки из душа выхожу, в окно смотрю, думаю: чего люди как танки?!* (01.12.2015).

Слуховой модус: [В палате:] *Там одна интеллигенция всё возмущалась, что я храплю. А я предупредила. Мне сказали: во второй городской платно подрезают в горле...* (23.11.2015). [Пожилый мужчина ровеснику:] *Включай воду, чтоб лучше пописать. Под журчание...* (23.11.2015). [Вспоминает:] *Я в Старом Осколе лежала. Несколько женщин ждали операцию. И как начали! А все голосастые! Такие голосастые! Из деревни. И я там была. Так врачи прибежали слушать нашу басню!* (24.11.2015). [Медсестра практикантам:] *Девочки, ну вы находитесь в больнице или на стадионе? Шум, гам!* (24.11.2015). [Молодая женщина соседкам по палате:] *А когда втроём храпели, это был духовой оркестр! Хор Пятницкого! – А когда я проснулась половина третьего, у меня своя фисгармония началась!* (28.11.2015). [В палате:] *Вам помочь? – Вы не обращайте внимания. Я немного подскуливаю (от боли)* (04.12.2015).

Осязательный модус: [Во время операции хирург ассистенту-иностранцу:] *Нежно, ласково касайся! Да тебя за это расстрелять надо!* (21.11.2015). [После клизмы:] *Как вы там? – Ну ничего. – Отколыхали? – Отколыхали. Я на унитаз, а мне кажется, что она по мне капает, капает* (24.11.2015). [Соседка 80 л.:] *А у меня ещё штаны. А у меня дома холодно. Как вот так? Как вот так? А главное, оплачиваешь! Почему я замерзать должна?* (25.11.2015). [Санитарка:] *Доброе утро! Постель чистая? Не повьмерзали ночью? – Немножко холодно было. – У вас тепло в палате, вот во второй...* (29.11.2015). [Медсестра во время укола в процедурной:] *Один раз иголки привезли – не вытаскишь из колпачка – как присосались! Фабричная такая партия. Мы все пальцы пообдирали, когда вытаскивали. два года назад* (01.12.2015). [В палате по сотовому телефону:] *Снег расчистили или растаял. Сегодня напертелилась – и мне жарко* (03.12.2015).

Одорический модус: [Медсестра медсестре:] *Ну до сих пор пахнет! Ну до сих пор! Вырвал вот сюда. Как вырвало, мы его...* (25.11.2015).

Вкусовой модус: [В палате женщина лет 75 с панкреатитом:] *Ой, так семечек хочется, а нельзя! Брат умеет жарить, он их всё время перемешивает, у него вкусные, а мне лень. Ругает, говорит: подпалила* (21.11.2015). [Соседке об уроненном печенье:] *Что это у вас за мышь под кроватью? – А это дочь разрешает печенье, а конфет не даёт. Я прошу: купи в коробочке. «Монпансье» она купила. Нет, вкус совсем не тот! Сильно сладкие!* (21.11.2015). [Разговор о питании:] *Я тоже! То пирог с яблоками спеку, то...* (24.11.2015). [В палате под капельницей:] *Ни солёного! Ни кислого! Ни печёного!* – *А мне нравится: ну яйцо и яйцо, взбиваешь...* (25.11.2015). [Соседка 80 л.:] *А в госпитале плохо кормят, там вор на вору. (А здесь) И ложат хорошо. А там борщ дадут, а ни картошечки, ничего, а морковки одна плёночка. А здесь, миллион, хорошо* (25.11.2015). [Под капельницей:] *Я весила уже 120 кг, я задыхалась, а дома села (о пенсии) – ещё добавила. Пожрёшь – и ложишься. А пожрать было что. Рёбрышки необрезные запечёшь... Ночью меряю: 220 на 200 и пульс 75* (25.11.2015). [В палате о журнале «Веста»:] *Что вы прочитали, Людмила Ивановна? – Да тут интересного много. Тут и про готовку много, и про любовь! – Про готовку – это только нам! (смеётся) Рулетки...* (27.11.2015). [Женщина 67 л. по сотовому родственнице:] *Да что приготовишь, то и... Да всё что угодно, только не гречку, Свет. Я не люблю её* (27.11.2015). [Женщина 77 л.:] *А каша пищённая сегодня хорошая! Даже видно, что на молоке сделана. Беленькая...* (27.11.2015). [В столовой:] *Спасибо! Чай отличный! – А как же! Я старалась! Душу вложила* (29.11.2015). [Пациент лет 50 шутливо раздатчице:] *Шашлык! Красное вино!* (30.11.2015). [Санитарка-раздатчица:] *На ужин идём! На ужин! Кашечка жиденькая-жиденькая!* (01.12.2015).

Естественно, в больнице артикулируется и вкус лекарств, тем более в ситуациях с капельницами. [Женщина под капельницей:] *Лекарства подороже я куплю, а таблетки подешевле. Я выпила, она растворилась, я привкус чувствую...* (23.11.2015). [Под капельницей о лекарстве:] *Воздух собрался – нужно было иглочку вставить. Вы сейчас почувствуете во рту...* (24.11.2015).

Приведённые перцептивные высказывания подчинены тематике больницы и различны по обрисовке каналов восприятия, однако в речи пациентов преобладают, как видим, примеры не только на ожидаемо лидирующий зрительный модус, но, что характерно для ситуации больницы, много примеров на вкусовые воспоминания и переживания.

В целом же из-за ощущаемой пациентами боли перцепция будто бы уходит на второй план, уступая место интероцепции.

[Женщина 80 лет вспоминает молодость на Чукотке:] *Какая это боль – внematочная! – А что, сначала немного болело? – Нет, кровь пошла. А потом вышел вот такой (с пальчик показывает), а как больно! – Мальчик или девочка? – Мальчик!* (26.11.2015). [В коридоре женщина 74 л.:] *У меня тромб в лёгочной артерии. Начинает повышаться давление. Такая боль! Я говорю дочке: вызывай скорую! Меня сюда. Но пока все анализы... А капельницу поставили – легче стало...* (26.11.2015). [Женщина лет 50 у окна по сотовому после гастроскопии:] *И горлу больно! Это ж разодрано всё. Кашлять больно. Такой шланг глотать!* (27.11.2015). [В палате женщина 67 л. советует соседке 77 л.:] *Чего вы? Не стесняйтесь! Чего ж мучаться будете! При полной больнице врачей! Цэ ж позор! Скажи, что у меня невралгия, сегодня весь день боль адская. – Давайте я пойду! – Да она быстрее сбегает, а то я боюсь: до обеда не вытерплю. Межрёберная невралгия, стрелы прямо пронизывают, а нога – это сопутствующее... <...> Подействовал укол? – Подействовал. Там где-то в глубине отдаётся, а острой боли нет. Надо было раньше. А я терпела! – А чего ж терпеть? Это ж больница! – Да не хотела, у них и так много работы. Стеснительный я человек, это очень плохо!* (27.11.2015). [Женщина с невралгией:] *Ой, болит. Ой, Господи! Ой, Господи!* (28.11.2015). [По сотовому телефону дочери во время тихого часа:] *Ой! Слушай, Ирина, ты ж не представляешь, какая у меня боль была ночью и утром. Я каталась, хорошо, что с матраса не упала. Это не передать.* (28.11.2015).

Как видно из приведённых реплик, больничному дискурсу свойственно прямое обозначение боли с подчёркиванием её силы и/или внезапности: *какая это боль, кашлять больно, боль адская...* Метафорических описаний немного: *Стрелы прямо пронизывают, волной стекает.*

Экспликацию внутрителесных ощущений нередко обуславливает удивление пациентов тому факту, что привычные, знакомые действия вдруг становятся болезненными. [Бывшая медсестра под капельницей:] *Кашлянуть – больно!* (26.11.2015).

Интероцепция в ситуациях больницы достаточно часто связана с фиксацией действия препаратов, лекарств. [Медсестра объясняет:] *Это мелкие таблетки, разжиживает кровь, а это снимает напряжение в желудке* (26.11.2015). [Девушка лет 26 с поликистозом печени по сотовому телефону:] *Но я и ношу, и обезболиваюцие пила, но они не помогли мне ни секундочки. А что ж*

делать! (27.11.2015). [По телефону дочери во время тихого часа:] *Ирина, я не хотела тебя беспокоить, но не получается. Ты, может, демос принесёшь? А то обезбаливающий сделали, а он не действует. А через приёмную нельзя? Извини, пожалуйста! <...> Ладно, слушай, не надо приходить...* (28.11.2015). [Женщина лет 35 в коридоре:] *А у меня аллергия. Как горло распухло, я вся отекала, руки-ноги вот такие, мне плохо, всё чешется, я к соседке, у неё от аллергии было лекарство. Я выпила – и отпустило!* (30.11.2015).

При изучении аналоговых моделей интероцепции зарубежные учёные выделяют целый ряд выразительных проекций. Тело – дом, тело – механизм, тело – биологический организм, тело – социум, тело – компаньон [1, с. 95-112].

Применительно к больничному дискурсу проекцию ТЕЛО КАК ДОМ (вместилище, хранилище) можно проиллюстрировать такими высказываниями, как: [Соседке по палате:] *Константиновна, знаешь, как больно ходить, когда кишечник натуженный! Ни пол не помыть, ни сварить...* (25.11.2015). [В палате:] *Валентина Ивановна, а как укол сделали, когда вам легче становится? – Да ещё нелегко. Ой, не знаю! Иногда укол сделают – она уходит куда-то, а сейчас ещё «работает»* (28.11.2015). Осознание тела как дома, вместилища вызывает в ситуациях сильнейшей боли желание избавиться от того, что внутри. [В палате:] *Ой, как болит! Как боли-ит. Хочется нож взять и рассечь, вынуть там всё. А иногда ничего, отпускает. И ночью может этот приступ, и днём. Плохо стареть...* (21.11.2015).

Восприятие ТЕЛА КАК МЕХАНИЗМА отражено в репликах: [Женщина 77 л.:] *Сердце. А как стрелы стреляет. <...> Она такая ноющая, тяжёлая боль. От неё и повернуться нельзя* (28.11.2015). [Новенькая в палате 56 л.:] *Артерии мне надо протолкнуть, ноги мёрзнут. – Ноги? – И ноги, и спина, и (показывает на руки) <...> Ноги-подошвы как приклеенные. Тяжесть в ногах. Венарус попила...* (03.12.2015).

Проекцию ТЕЛО – БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ отражают реплики: [Больная о грыже:] *Ой, повывлазила опять! Горит вся...* (23.11.2015). [В палате:] *Что, что это? Хватает тошнота меня. В обед тошнило...* (23.11.2015). [В палате по сотовому телефону:] *Помнишь, я тебе начала говорить, тогда ещё сердце начало отдавать. Мне в поликлинике сказали: у вас здесь ещё, здесь. В общем, она сказала, что это хондроз, вот он и взял своё!* (28.11.2015).

Проекция ТЕЛО – СОЦИУМ с его иерархией, административным центром отражена в высказываниях: [Больная и медсестра:] *В час ночи привезли. Приступ. Есть хочется, желудок не выдержит. – Желудок всё выдержит, а вот организм... Три дня поголодаете – стройнее будете!* (26.11.2015). [Женщина лет 35 в коридоре:] *Он говорит: это аллергия? А я знаю? Но у меня дыхание не прихватывало. Она говорила: это такая болезнь, её до конца жизни не узнаешь! А мне приходится крутиться, как челнок в станке ткацком* (30.11.2015).

Однако больше всего примеров наряду с «домом» даёт проекция ТЕЛО КАК КОМПАНЬОН. [Соседке по палате:] *Постирать надо, сварить. А у меня руки не работают, режут прямо...* (23.11.2015). [Под капельницей женщина лет 65:] *Слабеют ноги. Они ж у меня, как связанные были. А то расслабит – опять, расслабит – опять сахар. В три ночи 3 был, потом – 7, а то 14!* (23.11.2015). [В палате утром:] *Как у вас, болит? – Можно жить! Оно уже всё болит!* (28.11.2015). [В коридоре:] *Ну, как? – Вот иду, вот досюда живот шевелится, а дальше изморозь какая-то по телу. – А вы свечку ставили, что я дала?* (30.11.2015). [В палате:] *Чулки и бинты эластичные надо надевать! Бинтовать надо лёжа, задрать ногу и нежно разглаживать вниз. Потому что когда ты ногу поднимаешь, вены расправляются и кровь идёт туда, куда нужно. И потом вы фиксируете это...* (01.12.2015).

Все приведённые высказывания, согласится, выглядят несколько (если не сказать – весьма) натянуто, и в этом ещё одна специфика «больничной интероцепции». Боль и болезнь, хирургическое вмешательство и болезненная процедура (например, гастроскопия) в подтексте реплик демонстрируют, что тело, оказывается, плохой дом, плохой компаньон, плохой механизм, коль скоро его обладатель оказывается в больнице. А как биологический механизм и как социум тело во время болезни выходит из-под контроля, диктуя свои права заболевшего.

При том, что за две недели наблюдений и фиксации интероцептивных высказываний накоплено сравнительно немного, тем не менее и это даёт возможность пронаблюдать в интероцепции не только вышеуказанные проекции на дом, механизм, биологический организм, но также следы доменов.

То, что ранее подводилось под понятие тематических групп слов, становящихся сырьём для образования метафоры, в современной лингвистике получает расширенную интерпретацию. Авторы используют категориальное понятие доменов. Это домен «экстероцептивное взаимодействие с окружающей средой», включающий в себя субдомены: «орудия», «живые существа», «природные явления». Анализируется также домен «движения» с параметрами «траектория», «интенсивность», «скорость», «вес» и пр. [Нагорная, 2014: 160-219]. На наш взгляд, здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом допуска, презумпции метафоры. Так, в собранном материале метафора

«ураган» («шторм», «буря») отсутствует, однако у больной диабетом зафиксирована реплика: *сахар бушует, сахар всё рушит*. [Под капельницей:] *Когда сахар бушует – в организме всё рушит. Он всё рушит в организме. Сколько единиц вам дают? – 14. – Это немного. Мне 70* (28.11.2015). Нет в собранной картотеке и номинанта «человек» или, к примеру, «заяц», но есть высказывание с олицетворением: *сахар подпрыгнул*. [Под капельницей:] *А у меня от нервов. Двое детей под машину попали. Из Днепропетровска их привезла. Вот сахар и подпрыгнул!* (23.11.2015). Едва ли не единственным примером, действительно содержащим метафору, оказывается уже приводившаяся реплика «со стрелами», иллюстрирующая субдомен «орудия», в котором на функциональной основе объединены орудие и, как в этой реплике, оружие. В признаниях пациентов, что у них «раскалывается голова», субдомен «орудие» представлен в скрытом виде. Вторая «реальная» (гидрологическая) метафора, точнее творительный сравнения: *волной стекает*. Однако признаемся, что это единственная включённая в картотеку реплика, принадлежащая непосредственно автору статьи. [Во время визита коллеги:] *Боль такая сильная – лежишь – ничего, а встаёшь – она волной стекает по ноге. Я терпела. Не знала, что это вены. – Если б я поняла, что это невыносимая боль, это бывает только при венах! Когда оно толкает – это вены!* (01.12.2015). Метафорический глагол «толкает» – это уже намёк на орудие.

Идея орудия может распространяться и на систему лекарств, как в следующем высказывании. [Родственница по телефону о диабете:] *Это до-олго. Да эти клетки поджелудочной пока раскочегаришь...* (26.11.2015).

Медицинский инструментарий тем более осмысливается как орудие боли. [В палате медсестре:] *Она начала пхать. А надо же аккуратно! – Да если аккуратно – не протолкнёшь!* (24.11.2015). [В палате:] *А сама в трёх очках! Но я её не люблю: грубая. Самолюбивая. Она мне так шпыранула в глаз! Самой под 80, а и ночью дежурит* (24.11.2015). [Медсестра медсестре:] *Дед говорит: лучше умереть, чем этот зонд!* (29.11.2015). [Пациентка юрист о практиканте, делающем укол:] *Какой молоденький! Как старательно делает! А сёстры привыкли, как дротиком! А эти так стараются!* (30.11.2015).

На первый взгляд, в приведённых высказываниях собственно интероцепция отсутствует, но, согласимся, она здесь подразумевается. Пытаясь уяснить причины недомоганий и болей, само переживание и характеристику боли пациентом, автором реплики переводит в подтекст.

Приведём ещё одну цитату из монографии, ставшей для нас своего рода учебником изучения интероцепции. А.В. Нагорная, цитируя Д. Биро, пишет: «Метафоры, по его словам, устаревают и, подобно антибиотикам, приобретают резистентность, которая лишает их описательной и объяснительной силы. Сказать, что у вас раскалывается голова, уже недостаточно; фраза стала настолько банальной, что она не позволяет нам действительно увидеть это ощущение. Эффективная коммуникация перцептивного опыта требует постоянной работы над оживлением стёртых и стирающихся образов» [1, с. 157]. Прокомментируем саму идею замены стёршихся метафор.

В обществе есть языкотворцы, создающие свой язык и использующие любую возможность высказаться поярче, поинтереснее, и есть носители обычного языка, для которых яркое «индивидуально-авторское» слово, скорее, исключение, нежели правило. Полагаем, что Д. Биро имел в виду первую категорию людей, тем более писателей, творцов собственного стиля. Мы же полагаем, что так называемые стёртые метафоры сохраняются в языке не случайно. При сплошной фиксации используемых говорящими «банальных» глагольных метафор они составляют если не весомый, то, во всяком случае, заметный процент. Многие высказывания, посвящённые боли, содержат интенсив, гиперболу, яркий перцептивный образ: *как рванёт, глаза пылают, голова прямо лопается, горит огнём, печёт...*

[Соседке о грыже, трогает её:] *Слышишь, если б ты тут попробовала, здесь температура, наверно, сорок! Всё горит огнём!* (23.11.2015). [Мать 80 л. и сын 51 г.:] *А это у меня схватила грыжа, горит огнём. Боли не описать, какие! – Чего ты в 55 лет не вырезала? Сейчас ты старая, тебе не будут делать!* (25.11.2015). [В палате:] *Мама бедная так мучалась, у неё печёт. Я забегу: она вся скрюченная. А я на работе!* (28.11.2015). [Женщина по сотовому в коридоре:] *Это вот плохо! Боль в горле. Глаза прямо пылают! Это, знаешь, у меня такое состояние: голова прямо лопается. Да ела я нормально, я не отказываюсь, таблетки я регулярно пИла* (29.11.2015). [Женщина лет 35 в коридоре:] *Попрошу на ночь укол, а то как рванёт!* (30.11.2015).

«Стёртые» метафоры потому и не уходят из языка, что обслуживают роковые для человека моменты острейшей боли, когда говорящему не до разнообразия используемых средств. Другое дело лёгкие, «непонятные» недомогания, требующие «авторского» описания, но такой материал сосредоточен не в отделении хирургии. Подобные интероцептивные контексты можно найти в упомянутом романе А.И. Солженицына «Раковый корпус».

Показательно, что не одна только яркость привычных, «стёртых» метафор, но и приём повтора работает на передачу болезненных внутрителесных переживаний: *А то расслабит – опять, расслабит – опять сахар; Ой, болит. Ой, Господи! Ой, Господи!*

Любые факты языка напоминают о противоположных феноменах. «Отрицательный материал» по данной тематике парадоксально высвечивает признания позитивного характера – уменьшение или даже отсутствие болевых ощущений. [Медсестра медсестре, смеясь:] *Он говорит: я родился с утра!* (23.11.2015). [Обе под капельницами:] *А так я не чувствую сахара. У меня не чешется ничего, только иногда голова* (пальцем описывает круги) (25.11.2015). [В коридоре:] *Ну как? – Боль сняли, голова не разрывается теперь!* (30.11.2015). [Женщина 77 л.:] *Ночью проснулась – так легко-легко в груди, там где-то в глубине боль есть. Сходила в туалет... Когда боли нет, так комфортно-комфортно...* (01.12.2015).

Изучение интероцептивного опыта говорящих включает в себя и такое направление, как интероцептивные повествования, нарративы. Описания боли нередко сопровождаются рассказами, тем паче в больнице, когда остальные события отодвигаются на второй план. Переживания боли хорошо помнятся, то есть сохраняют повествовательные фрагменты, не единожды, похоже, рассказанные. [В палате:] *Взял невестку и перевернул, а у неё резкая боль: аппендицит. Так за месяц до свадьбы и прооперировали. Врач говорит: хорошо, что тряхнул, опрокинул!* (23.11.2015). [Женщина вспоминает:] *Я должна была планомерно оперироваться здесь у Петрова двадцать лет назад. А позвонила сестре в Караганду, а у той знакомый очень хороший проктолог. Прилетай. Там отрезали, пролежала две недели и сюда прилетела – боюсь по-большому, отверстие маленькое. Петров: ну и лети туда, пусть расширяют, а сам двумя пальцами как изорвёт – я сознание потеряла. По щекам бьют. Но – расширили* (03.12.2015).

Типичные нарративы – рассказы о событиях, непосредственно предшествующих госпитализации. [Женщина 80 л. о соседях:] *Адские боли! Каталась по полу. Сбежались все. Что делать? Что делать? Полис забыла...* (23.11.2015). [Медсестра знакомой под капельницей:] *А в палате женщину прооперировали. Такой бульжник в мочевом пузыре (свела большой и указательный палец в кольцо). Она в областной: всё нормально. А ей хуже! А здесь неделю подлечили, острый панкреатит ставили, ещё и сахар подскочил. А потом операция* (25.11.2015). Не случайно нарративная часть начинается с глаголов *начались, стали* и под. [В палате:] *Начались боли в желудке, а оказалось: по наследству поликистоз печени и почек. Зонд очень больно один делает...* (01.12.2015). [Под капельницей:] *Я не знала, что у меня сахар. Стало печь ноги. Не дай Бог! Я дотронушь пальчиками до табуретки – тогда всё. И мужу кричу: не дотрагивайся!* (24.11.2015).

Интероцепция становится пусковым механизмом, триггером таких повествований, когда пациент рассказывает о повторяющихся болях в прошлом и способах их снятия, что тоже типично для больничного дискурса. [Соседка 80 л.] *Грыжа болит. Ноет-ноет. А как схватит, тогда всё, смерть подходит, ущемление! Второй раз. То у меня ущемление начнётся, я упала на кровать – оно обычно само проходит. А тут не прошли* (23.11.2015). [Бывшая медсестра 74 л. под капельницей рассказывает:] *Полено берёзовое восстанавливает энергию, а осинное забирает плохое. И про полёшечки эти, плашечки, колёса порежет муж. Сердце забьётся-забьётся – приложишь, а их через полгода надо обновлять полёшечку, ко всему привыкаешь...* (25.11.2015).

Приведём ещё один пример типичного больничного нарратива, посвящённого внутрителесным ощущениям. [Под капельницей:] *Боли такие от позвоночника! Сделали пять блокад – боли стихли, а ноги онемели! Я их не чувствую. Грыжа в позвоночнике. Я пять дней на балконе висела... <...> А он сказал: боли мы вам сняли, а то всё не лечится* (24.11.2015).

Интероцепция в условиях больницы – это не только боль, но и зуд, тяжесть, тошнота, головокружение, сухость в горле. [В палате:] *Во рту сохнет, тошнит ужасно. И так хочется чего-то жевнуть...* (23.11.2015). [Соседке по палате:] *Тошнило? – Я чувствовала: рвота идёт, идёт рвота, но не тошнило* (23.11.2015). [Под капельницей:] *Я сама отрегулирую! Вчера как пустила струйно, меня затошнило сразу!* (23.11.2015). [В палате, отходя от раковины:] *Они зонд толкали, всё попорывали там... кровит. А кому скажешь? Я смочила, а оно через минуту пересыхает...* (23.11.2015). [Молодая женщина по сотовому об аппендиците:] *Всё, мам, давай, не будем причитать. Хоть ты меня пожалей. Ты плохо причитаешь. Он чешется, этот шрам, хочу почесать – и не могу* (30.11.2015).

Зафиксированные реплики принадлежали в основном самим пациентам. Что же касается врачей и медсестёр, то помимо кратких вопросов: *Где болит? А так? Когда заболело?* – вопросов, важных для постановки диагноза и назначения лечения, имеют место адресованные пациентам напоминания, что болезнь и боль быстро не проходят. И возраст, и запущенность лечения дают о себе знать. [В палате:] *С капельницей мне больно! – Девочки, ей с капельницей больно! – А что вы хотите – это больница!* (23.11.2015). [Врач:] *Вам полегчало? Хорошо? Боль прошла?* (25.11.2015). [Дежурный врач во время обхода:] *Меня не интересует, что дома делали. Здесь лучше*

стало или хуже? **А вы хотите, чтоб за один укол? И по полгода болит, и по году!** А что вы хотите?! [Больная после обхода:] *А что это такое межрёберная невралгия, говорит. Да не дай Бог вам знать, что это такое!* (29.11.2015).

Болевые и другие тревожные симптомы нередко проявляются в комплексе, что отражается в содержании высказываний. [Делится ощущениями:] *А ещё я пошухарила: поясница у меня болит, нету спасу. А я про грыжу сказала, а про поясницу не сказала!* (23.11.2015). [После капельницы:] *Посижу. И позвоночник заболел, и голова закружилась. Тяжело! Три бутылки...* (24.11.2015).

Собственные болевые ощущения пациента могут сопровождаться эмоциями обиды, как в следующем высказывании 80-летней женщины, хотя, по нашим двухнедельным наблюдениям, и врачи, и медсёстры не только квалифицированно, но и добросердечно исполняли непростые свои обязанности в отделении, где, например, в urgentный день, в понедельник 24 ноября находилось 78 больных. [Соседка 80 л.:] *В горле ободрали. Видишь, харкаю кровью. А скажи! Кто слушает здесь кого?!* (23.11.2015).

Чужие внутрителесные ощущения в больничном дискурсе сопровождаются эмпатией и/или советами. [Женщина лет 35 в коридоре:] *Там бабушка жалилась. Больно ей...* (30.11.2015). [Сын 50 лет пришёл в палату к матери, говорит о своём:] *Опять нога болит! – Чаще катай каталку. И мой ноги. И хлебом натурай* (23.11.2015).

Выводы

1. Больничный дискурс накладывает свой отпечаток на каждый из пяти артикулируемых в общении модусов перцепции (зрительный, слуховой, осязательный, одорический и вкусовой). Показательно обращение пациентов к вкусовым ощущениям в ситуациях ограничения приёма пищи и наложения табу на любимые яства.

2. Больничный дискурс содержит щедрый и концентрированный материал по языку интероцепции, особенно по репрезентантам концепта БОЛЬ, что накладывает отпечаток и на типичные нарративы: что привело в больницу, как человек пытался противостоять болевым ощущениям, каковы были аналогичные симптомы у знакомых и родственников и т.п.

3. В языке интероцепции из пяти известных доменов у пациентов хирургического отделения преобладают: тело как дом, а также тело как компаньон, хотя представлены и иные проекции: как механизм, как биологический организм, как социум.

4. Язык боли обнаруживает приверженность говорящих к так называемым стёртым метафорам и повтору.

5. «Больничная интероцепция» включает в себя, помимо ведущего переживания боли, также ощущения жжения, сухости, тошноты, головокружения, слабости с редкой, но значимой речевой регистрацией начавшегося облегчения, «комфорта».

Список литературы

1. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений / А.В. Нагорная. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.
2. Нагорная А.В. Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Нагорная. – М., 2015. – 44 с.
3. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII – XIX веков / К.А. Богданов. – М.: ОГИ, 2005. – 504 с.
4. Водолазкин Е. Лавр: роман / Е. Водолазкин. – М.: АСТ, 2015. – 440 с.
5. Солженицын А.И. Раковый корпус: роман / А.И. Солженицын. – М.: Книжная палата, 1990.
6. Щепанская Т.Л. К культуре эмоций (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) / Т.Л. Щепанская // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М.: Российский гуманитарный ун-т, 2001. – С. 236-265.
7. Харченко В.К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты / В.К. Харченко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373.7

К ВОПРОСУ О СИНОНИМИИ И ВАРИАТИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО АФРИКАНИЗМА

TO THE QUESTION OF SYNONYMY AND VARIATION OF PHRASEOLOGICAL AFRICANISM

Ж. Багана
J. Baghana

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: baghana@bsu.edu.ru

Данная статья посвящена вопросам фразеологии французского языка Африки. Автором рассматриваются явления синонимии и вариативности среди фразеологических африканизмов. Разбираются примеры из языковых вариантов различных стран с точки зрения их грамматической структуры и лексического состава. Дается анализ фактического материала, который может служить основой для исследований в области фразеологии и языковой вариативности французского языка.

This article deals with the issues of the French phraseology in Africa. The author considers the phenomenon of synonymy and variability among phraseological Africanisms. The article points out the examples of language versions of the various countries in terms of their grammatical and lexical structures. The analysis of the actual material can serve as a basis for research in the field of phraseology and language variation of the French language.

Ключевые слова: фразеология, Африка, французский язык, синонимия, вариативность, фразеологические африканизмы.

Key words: phraseology, Africa, French, synonymy, variability, phraseological Africanism.

Чтобы понять своеобразие той или иной культуры, той или иной картины мира, необходимо установить соотношение в ней интернациональных и национальных компонентов, а также иерархию общечеловеческих ценностей на национальной шкале.

Сопоставительный анализ фразеологических единиц позволяет выявить различные степени сходства и расхождения в построении фразеологических образов, лежащих в основе внутренней формы фразеологизмов, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о сходстве или различии культурных ценностей и стереотипов носителей анализируемых языков. По внутренней форме фразеологических единиц можно реконструировать и сами культурные архетипы, и те сущностные моменты географической, геополитической, хозяйственной, социальной, политической, религиозной реальности, которые оказали влияние на их формирование. Однако следует отметить, что фразеологические единицы, в основе внутренней формы которых лежат реалии, уникальные для данного социума, отражают культурные архетипы только конкретного народа [14].

У многих народов Африки, не состоящих в родстве, не общающихся друг с другом, находящихся на различных ступенях развития, можно обнаружить одинаковые по смыслу фразеологические африканизмы. В частности, Р.А. Будагов отмечает три основных сходства пословиц и поговорок различных народов мира: 1) историко-типологическое, 2) историко-генетическое и 3) сходство, обусловленное заимствованием [3]. При этом историко-типологическое сходство фразеологических африканизмов различных народов считается самым главным, так как у разных народов существует достаточное количество общих понятий, что связано с объективными условиями человеческой жизни. Г.Л. Пермяков отмечает, что все общее между схожими фразеологическими африканизмами разных народов заключается в логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между различными аспектами реальной жизни. Данные «параллели совпадают по своей логической структуре, т.е. по моделируемому в них отношению между предметно-образными элементами пословицы, но различаются самими этими элементами» [12]. Причиной сходства он считает общность основных языковых функций фразеологических

африканизмов. Таким образом, независимое развитие фразеологических параллелей связано с универсальностью лингвистических средств фразеологии.

«Универсальность основных видов семантических преобразований определяется общечеловеческим характером логико-мыслительных операций и ассоциаций, связанных с установлением различных типов сходств, отношений, функций, их замен, комбинаций и пр., относящихся к внеязыковой действительности и мыслимых как реальные и нереальные» [10].

В данной работе под сходными фразеологическими африканизмами понимаются «разноструктурные и одноструктурные фразеологические единицы, имеющие одинаковое значение при различной форме образной мотивированности единиц и возможных различиях в семантических оттенках значения, функционально-стилистической принадлежности и сочетаемости» [16], т.е. фразеологические синонимы.

«Фразеологические синонимы, – отмечает В.П. Жуков, – часто отражают такие стороны действительности, которые не переданы лексической синонимией. Иными словами, фразеологические синонимы имеют самостоятельную познавательную ценность» [7].

С одной стороны, синонимия, в том числе и фразеологическая, является ярким и бесспорным показателем семантического многообразия, эмоционально-экспрессивной выразительности языка. Это своего рода свидетельство языкового «расширения», т.е. обогащения семантических, образных и стилистических ресурсов языка. С другой стороны, как верно заметил О.Н. Трубачев, «есть не только вечные, неустаревающие понятия, словесные выражения которых устаревают, но и вечные слова».

Рассмотрим синонимические фразеологические африканизмы, имеющие общий компонент – название частей тела или внутренних органов человека с лексемой *coeur*:

- *refroidir son coeur* (Того) (букв. *охлаждать сердце*) – «успокаиваться»;
- *trapper son coeur* (Кот д'Ивуар) (букв. *закрывать сердце*) – «успокаиваться»;
- *laisser souffler son coeur* (Бенин) (букв. *дать передохнуть сердцу*) – «успокаиваться».

Для выражения одного и того же состояния данные лексемы коррелируют с различными существительными:

- *avoir le ventre amer* (Кот д'Ивуар) (букв. *иметь горький живот*) – «быть злым»;
- *avoir les yeux rouges* (рег.) (букв. *иметь красные глаза*) – «сердиться, быть злым»;
- *avoir le coeur noir* (рег.) – (букв. *иметь черное сердце*) – «злиться».

Фразеологические африканизмы с указанной лексемой приобрели общее значение – «выражать негативные эмоции».

Отметим, что многие синонимичные фразеологические африканизмы образуют синонимические ряды, включающие по 8-10 (а иногда и более) фразеологических синонимов. Так, в различных странах Африки на тему «*hypocrisie*» (лицемерие) существует около 15 синонимичных фразеологических африканизмов, большинство из которых различаются как по лексическому составу, так и по грамматической (синтаксической) структуре (см. А. Kouyouma «*Grand livre des proverbes africaines*»; Larousse Equipe Ifa):

– Кот д'Ивуар (язык бамбара): *ce qui se dit sur le cadavre du lion ne peut être dit devant lui vivant* (букв. *то, что говорится над трупом льва, никогда не может быть сказано перед ним живым*) – «опасаться сказать что-либо в лицо, напрямую»;

– Мали (язык массаи): *le lion mort, c'est la fête des léopards* (букв. *лев умер, у леопардов – праздник*) – то же;

– Бурунди (язык самбала): *l'épervier mort, les poules reprennent leur saquet* (букв. *ястреб умирает, куры возобновляют квотанье*) – то же;

– Сенегал (язык малинке): *quand le chat est absent, les souris sortent le tam-tam* – (букв. *когда кот отсутствует, мыши достают тамтам*) – то же;

– Конго (язык балари): *quand le léopard s'en va, les chacals élèvent la voix* – (букв. *когда леопард уходит, шакалы повышают голос*) – то же.

Аналогичное сходство можно наблюдать во фразеологических африканизмах с лексемой *père* (отец):

– Сенегал (язык малинке): *si tu entends le petit Peul dire: "Levons-nous", c'est qu'il l'a entendu du vieux Peul* (букв. *если ты слышишь от маленького Пёля «Встаем», это значит, что он услышал это от старшего Пёля*) – каков отец, таков и сын;

– Мали (язык додон): *partout où est passé l'ancêtre, suit également le petit* (букв. *везде, где прошел старший, следует младший*) – то же;

– Камерун (язык мананго): *telle danse, tels battements de tambour* (букв. *каков танец, таковы ритмы барабана*) – то же;

– Буркина-Фасо (язык месси): *le bélier porte des cornes comme son père* (букв. *баран носит рога, так же как и отец*) – то же;

– Гвинея (язык мандинг): *l'irréprochable engendre des blancs* (букв. *безупречный порождает белых (невинных)*) – то же;

– Руанда (язык косси): *un fou en laisse un autre* (букв. *сумасшедший оставляет такого же*) – то же.

Несмотря на то, что региональные и общепольские фразеологизмы могут иметь в своем составе различные лексемы, их семантические значения сходны. Например:

– р е г и о н а л ь н ы й: *le chien qui a quatre pattes ne suit qu'un seul chemin* (букв. *собака, у которой четыре лапы, идет только в одном направлении*) – «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь»;

– о б щ е ф р а н ц у з с к и й: *il ne faut pas courir deux lièvres à la fois* (букв. *не нужно бежать за двумя зайцами одновременно*) – то же.

Итак, как видно из приведенных примеров, зоонимы *lion, chèvre, léopard, épervier, poule, souris, chacal* при помощи фразеологической синонимии объединились в группу с одной тематикой – «*hyocrisie*». Проведенный анализ позволяет выявить данное значение в различных фразеологических африканизмах.

Синонимические отношения лексем *coeur, ventre, yeux* и т.д. объединяют фразеологические африканизмы с их участием в группу со значением «выражение эмоций / отношений».

Значение «единство действия» зафиксировано во фразеологических африканизмах с различным лексическим составом и грамматической структурой: *Le chien qui a quatre pattes ne suit qu'un seul chemin / Il ne faut pas courir deux lièvres à la fois*.

Таким образом, мы видим, что среди фразеологических синонимов во французском языке Африки наиболее часто встречаются фразеологические африканизмы, различающиеся как по лексическому составу, так и по грамматической структуре, которые в содержательном плане, прежде всего, охватывают сферу модальных оценок.

На наш взгляд, фразеологические синонимы обогащают язык лексическими средствами и придают ему выразительность и экспрессивность, т.е. коннотативный компонент выполняет здесь доминирующую функцию.

Стремление африканского варианта французского языка к обновлению своих лексических средств наиболее ярко проявляется в сфере фразеологических африканизмов, которые обладают яркой образностью и самобытным колоритом.

Еще одной особенностью фразеологических африканизмов является их вариантность. По мнению Н.М. Шанского, под вариантностью фразеологизма понимаются «его лексико-грамматические разновидности, тождественные по значению и степени семантической слитности» [17].

Языковая вариантность, вызванная контактом европейских языков со множеством местных языков Африки, заслуживает пристального внимания ученых главным образом потому, что социальный эффект этого явления весьма важен. Языковая вариантность рассматривается как объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемые в языке подсистемы и единицы в плане формы и содержания, в синхронии и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения «язык – внешний мир».

Вариантность структуры непосредственно зависит от характера мотивировки фразеологизма и от степени спаянности компонентов. Существуют варианты фразеологического африканизма, в которых спаянность компонентов достаточно велика. Согласно А.Г. Назаряну, если фразеологические варианты обладают единством образа, восходят к одному источнику и по смысловому содержанию равноценны, то количество их значений, как правило, также совпадает [11]. Обычно новое значение фразеологического африканизма распространяется на его варианты. Однако наблюдаются редкие случаи, когда такое значение развивается только у одного варианта, в результате чего последний образует отдельное значение в рамках полисемантического фразеологического африканизма, продолжая по-прежнему оставаться вариантом этого фразеологического африканизма в его первом (или предыдущем) значении. Например, словосочетания *faire zonzing à qn* и *faire son zonzing à qn* (ДРК) [21] (*zonzing* – от африканского глагола *zonza* – «говорить» + английский суффикс *-ing*), имеющие одинаковую образную основу, являются вариантами фразеологических африканизмов со значением «договариваться». Но второй вариант имеет еще и другое значение – «ухаживать за кем-либо», которое не свойственно первому варианту. В этом значении *faire son zonzing à qn*, естественно, не входит в вариантные отношения с формой *faire zonzing à qn*.

Следует также отметить, что совпадение языковых функций и лексико-грамматических значений обуславливает вариантность фразеологических африканизмов. Если подобного совпадения нет, то фразеологические африканизмы нельзя считать вариантами, даже если в их основе лежит единый образ. Например, *mal aux abeilles – avoir mal aux abeilles* (ЦАР) – «быть разбитым, чувствовать ломоту»; *faire coco taillé – il faut faire coco taillé* (Бенин) – «стричься наголо» [19].

Кроме фразеологических африканизмов с постоянным лексическим составом, А. Мфуту указывает фразеологические африканизмы, включающие в себя лексемы-наименования частей тела человека, которые варьируются путем изменения морфологического состава, проявляющегося в числе существительного. Например:

- avoir un oeil (букв. *иметь глаз*) – «иметь глазную боль»,
- avoir des yeux (букв. *иметь глаза*) – «иметь хорошее зрение»;
- avoir une oreille (букв. *иметь ухо*) – «иметь боль в ушах»,
- avoir des oreilles (букв. *иметь уши*) – «иметь хороший слух» [20].

Использование множественного числа существительного обычно выражает хвалебную оценку; и наоборот, употребление единственного числа выражает негативную оценку.

Разговорный язык различных человеческих общностей во многом зависит от общего опыта и специфической логики каждой из них. Отношения предмета речи и просто предмета в языке отражаются как отражение процесса познания. В присутствии определенного класса соотносительностей (материальные вещи, отношения и т.д.) предмет речи проявляет свои соотносительности в зависимости от системы классификации, которую ему предоставил используемый язык. Если абстрактности или конкретности являются операциями мысли данного конкретного человеческого общества, то они проявляются непосредственно в языке.

Список литературы

1. Багана Ж. Общая характеристика произношения африканских франкофонов // Вопросы языкознания. – № 6. – 2006. – С. 76-82.
2. Байкова О.В. Вариативность языка немецких поселенцев в условиях иноязычного окружения / Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Сер. «Филология. Искусствоведение». – Вып. 37. – С. 14-19.
3. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М.: Высш. школа, 1967. – 261 с.
4. Бухаров В.М. Варианты норм произношения в современном немецком литературном языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Н. Новгород, 1995. – С. 5.
5. Девкин В.Д. Различное понимание вариантности. – М.: Наука, 1988. – С. 14.
6. Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. – Л.: Наука, 2005. – С. 862-863.
7. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Наука, 1986. – 309 с.
8. Кожина М.Н. Вариантность языка в функционально-стилистическом аспекте // Вариантность как свойство языковой системы : тез. докл. – Ч. 1. – М., 1982. – С. 129.
9. Копчук Л.Б. Развитие обиходно-разговорного языка в немецкоязычных странах в свете социолингвистической концепции языковой эволюции. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 2 – С. 52-53.
10. Коробка П.Л. Идиоматическая фразеология как лингвистическая и культурологическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.
11. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1976. – 318 с.
12. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремииологии. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
13. Солнцев В.М. Вариантность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. – № 2, 1984. – С. 31.
14. Тахтарова С.С., Ренц Т.Г. Лингвокультурная специфика фразеологизмов // Проблемы прикладной лингвистики: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 343-346.
15. Трубочев О.Н. Меняющийся мир и вечные слова // Отечественные лексикографы XVIII – XX вв. / под ред. Г.А. Богатовой. – М.: Наука, 2000. – С. 5-29.
16. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Наука, 1970. – 200 с.
17. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.
18. Amanshauser M. 100.000 verkaufte Exemplare. – Wien, 2013. – S. 47.
19. Equipe Ifa. Inventaire des particularités lexicales du français en Afrique. – P.: Larousse, 1970. – 156 p.
20. M'foutou J.-A. L'expression du générique et du spécifique dans la désignation des organes du corps humain chez les francophones congolais // Bulletin de ROFCAN. – Paris, 1995. – № 10. – P. 117-128.
21. N'Sial S. La francophonie au cœur de l'Afrique. Le français Zaïrois. – Paris: Didier – Erudition, 1993. – 211 p.

УДК 81'373.7

**«УРОЖАЙ» СЕМЕНА АВТОРСКОГО ТВОРЧЕСТВА
«THE CROP»: DISSEMINATING THE WRITER'S SEEDS****Б. Пернель
B. Pernelle**

*Университет Ниццы – Софии Антиполис, Франция, 06000, г. Ницца, бул. Эдуар Эррио, 98
University of Nice – Sophia Antipolis, 98, Edouard Herriot boulevard, Nice, 06000, France*

E-mail: beatrix.pernelle@unice.fr

This paper suggests a deconstructionist approach of O'Connor's story and discusses the possibilities and conditions required to "start" a text according to the theories of French philosopher Jacques Derrida. In that perspective, the notion of an impossible and always deferred beginning calls into question the traditional logocentric vision of writing mainly based on *arché* and *eschaton* and *telos*, as well as the concept of presence as origin upholding it. Reflecting on the general decentring at work in the text, the article explores one aspect of the nature of a "text" as a fabric of traces and admits the principle of Derrida's concept of dissemination as the main structure that organizes it, and takes it as the literal and metaphorical seed or semen of the title.

Key words: American literature; dissemination; différance; deconstruction; Derrida; O'Connor Flannery.

Introduction

First written in February 1946, "The Crop" was part of O'Connor's MFA. As such, this early work constitutes nearly a beginning or a near origin, a point which will appear as central in this reading of the story. Although it already gave more than a glimpse of the stylistic achievement that she was later to develop in her mature texts, the story was deemed to be "UNPUBLISHABLE" in 1953 by F. O'Connor herself. In this supposedly flawed work then, the young O'Connor derides a "bad", didactic would-be writer (Miss Willerton) who proves unable to write a story (though she fancies herself a good writer); quite unsurprisingly, it is set in the very familiar Southern background of her home, where she is described in her everyday life and domestic chores, including that of crumbing the kitchen table; ironically, the first thing that the protagonist seems to harvest is actually a crop of crumbs!

But Willie (as she soon appears to be called) has a much more serious task to perform (and to complete): that of "writing a story". Retiring to her desk in order to start her writer's work, very conventionally, she has to "think of a subject to write about." But in that stereotyped situation Miss Willerton soon faces the well-known "writer's block": "That was always the hardest part of writing a story, she always said. She spent more time thinking of something to write about than she did writing" [10. P. 33].

From the outset, the issue of writing clearly appears as a major question in this short-story, and more specifically, that of the failure of the writer, a figure in which many critics agree to find a significant part of Flannery O'Connor herself. For all its supposed flaws, this early work obviously displays much self-mockery here, and beyond the humour of the anecdotal, literal level, a deeper questioning comes up, namely the putting into question of a certain notion of the text and of writing: Miss Willerton's failed attempt clearly resorts to the conventional logocentric (even phallogocentric) conception of writing, based on the notion of center and origin. As such principles clearly cannot hold in "The Crop", the idea of the text and of writing in general must be reassessed, taking into account what Jacques Derrida calls *Dissemination*, as he exposes it in his seminal eponymous work.

The aim of this paper is then to suggest a deconstructionist approach of O'Connor's story, accepting the principle of dissemination as the main structure of the text, and taking it as the literal and metaphorical seed or semen that, after sowing, will yield the long-awaited "crop" of the title.

1. How to start? The impossible beginning

The logocentric, traditional conception of Western literature and more generally, of fiction writing, implicitly involves a conventional structure of the text, which very simply rests on the presence of a beginning and an ending. Such basic requirements, as simple as they may appear, nonetheless pose a major problem to Miss Willerton, who faces the well-known ordeal of the writer: how to start? Yet it seems that this plain but

crucial and indispensable step cannot be completed, and beginning the story clearly emerges as an impossible task to perform. Very logically, the first thing the writer has to do is to choose a good subject.

Miss Willerton discards topic after topic, starting with bakers, (rejected because of their lack of picturesqueness), moving on to teachers, which she also dismisses, as they make her feel peculiar and do not even raise any thought-provoking social issue, before she finally thinks of “sharecroppers”: “Sharecroppers!” A “semantic”, or at least connotative unity is suggested in the first lines of O’Connor’s fiction, quite noticeable since bakers are indirectly related to the crumbs that the main character has to collect in the opening page, as she harvests a crop of bread crumbs (i.e. made by the bakers that she had turned down as an inappropriate subject matter). The other possible topic, “teachers”, also conveys an implicit connection with the same field, through the mention of the name of the college she attended: “Willowpool Female Seminary, Miss Willerton remembered. She didn’t like the phrase, Willowpool Female Seminary – it sounded biological” [10. P.34].

Miss Willerton also makes it clear that the problem is the “phrase” itself, as the etymology of the word “Seminary” connects to the “Seed”/ “semen” field:

Seminar: Latin *seminarium* nursery (Webster).

Semen: from Latin, seed, semen (Webster).

This may also account for the unease of the not-so-young “Miss” Willerton (44 years old as she herself declares in the story), who also confesses that “*Men teachers made [her] feel as if she were going to mispronounce something*” [10. P. 34]. Another main issue appears too: that of sexual difference, and of the handling of sexuality in fiction writing.

The final choice of the novice writer, “sharecroppers”, deserves to be commented: “Miss Willerton had never been intimately connected with sharecroppers but, she reflected, they would make as arty a subject as any”; once again, the word itself shows the full scope of its significance: according to Webster’s dictionary, a sharecropper is “*a farmer especially in the southern U.S. who raises crops for the owner of a piece of land and is paid a portion of the money from the sale of the crops.*”

Beyond the superficial anecdote and funny expression of a writer’s shortcomings, such an emphasis on the “theme” conveys a deeper significance in terms of textual/ formal structure of the text. Derrida explores and analyses the issue of theme (“thème”) in *Dissemination*, where he defines the theme as a “nuclear unit of meaning, posed there before the eye, present outside of its signifier and referring only to itself” [3, P. 250]. Such a conception of the theme then entails a unity and “fixity” of meaning in all its expression. According to Derrida, it is “the reappropriation of the seed within presence” [3. P. 351].

In other words, the theme is what allows the re-introduction of “presence”, conveyed through the existence of a reassuring center of meaning, as it constitutes a founding structure which provides a stable basis to the text to come. The ideal subject or perfect “theme” must then allow the emerging of the first sentence, another crucial element in the making of what is considered “good writing”, a central element Miss Willerton desperately needs to “build her story up”. Yet the difficulties she faces when she comes to write a story, and significantly through strict observation of the academic rules of creative writing, tend to display the impossibility of a beginning, conceived as “origin”, in terms of “presence without difference” [5. P. 215], as an ideal moment of pure, unmediated ‘firstness’.

So, for Derrida there is no origin except originary difference; everything begins then in representation, **as** representation, and can never leave this behind. Being part of the “logic of identity”, of “the principle of classical ontology”, representation is a perfect example of secondariness since representation is always the representation of a presence that comes first: “there is nothing outside of the text (...) there is no outside-text” [5, P. 158]. We may conclude that there is nothing outside originary difference or the work of supplementarity, nothing outside ‘the absence of the referent or the transcendental signified’ (*ibid.*). The impossible beginning of Miss Willerton’s story and the thorough choice of subject conspicuously focus on the notion introduced by the title itself: “The Crop”. Obviously, the harvest which is at the center of the story is human, developing from the collecting of physical bread crumbs, to the birth (as ad-venir or advent) of a child, even if the “gain” of a baby entails the literal and literary loss of the crop i.e. of the text which is “in progress”, but which will never “come”, nor even “crop up”!

2. Dissemination and the deconstruction of phallogocentrism

It becomes clear then that the absence of a singular origin means that it is impossible to begin, that any beginning comes “after” as a supplement, so that any beginning is a quotation. As everything is text, and because there is nothing that is prior to textuality, then really there is no such thing as representation. A text is not, for Derrida, the imitation of a presence; instead presence is an effect of textuality.

Writing therefore cannot come from any type of begetting nor insemination, it cannot nor from any father-like origin: it can only be produced by the law of dissemination (as a movement of constant shifting) which underlines at the same time the “secondariness” of the text: it is rather an echo a fable, a pure mechanism

which does not refer to anything outside itself.

Writing thus starts with a decentring of the formerly “sacred” origin, conceived as Logos, with all its traditional connotations of truth and meaning, as well as the religious, onto-theological significance of the term: “In the beginning was the Word” (or Logos), as St John’s Gospel affirms.

O’Connor critics have often focused on then theological aspect of her texts, emphasizing the ethical aspect of her work, her deep Catholic faith centered on the relation Man/ God which metaphorically leads to a more metaphysical reflection about a larger relationship including “the Other”, which in Derridean perspective could come down to his famous phrase “inventing the other”. This raises a major issue: what is “invention”, or creation ?

The Bible provides a first logocentric answer, based on the divine power of the Word; but O’Connor’s story deals with a much humbler type of beginning – introducing a beginner, significantly and ironically named “Willie”, a nickname whose strong sexual inuendo cannot be missed. The “phallic” pun is obvious, and as Flannery O’ Connor hardly ever resorted to sexuality in her texts, unless a right amount of sex would serve to develop the story, or convey the meaning, we may infer that this has some importance in the whole economy of her story. The phallic pun on the name of the female writer sends us back to the formerly mentioned “semen/ seed” cluster, together with the question of insemination / dissemination as a phallic movement, the scattering of the seeds both of a future harvest and of a text to come, but also of a de-construction of the notion of “center” of meaning (Derrida).

The question of dissemination must be mentioned here, and the opening sentence of *Dissemination* reads: “This (therefore) will not have been a book.” As Barbara Johnson notes in her introduction to her translation of Derrida’s work, the sentence is written in the future perfect tense, as to have a determined meaning. Dissemination usually means to scatter and to sow, but what dissemination ‘means’ in (and as) *Dissemination* is not reducible to that. No doubt something (a sense, perhaps, or the sense of a sense) is ‘sown’ here, but all the same the meaning of the sentence is ‘scattered’ in several directions at once. This – a plurivocal drive or energy – discloses not so much a theme or an intending consciousness, or a particular stylistic approach, but a force within writing itself.

Allegorical mentions of this disseminating process or movement appear in “The Crop”, where the different threads and elements introduced from the very start, even in the failed lead sentence, interweave or at least connect the different ties of motherhood, artistry, and literature as the crop; once the all too obvious stereotypes of writing as metaphorical birth (“the child must have a good start”, the narrator declares) are overcome and the main principle of decentring has been accepted, the question yet remains : how to start ? Can a story “start” really, and be truly “original” ? It clearly cannot, since there is always a “before”, a supplement, and the concept of the text itself is called into question.

In *Dissemination*, Derrida defines the text as first and foremost a texture, a fabric:

“A text is henceforth no longer a finished corpus of writing, some content enclosed in a book or its margins, but a differential network, a fabric of traces referring endlessly to something other than itself, to other differential traces” [2. P. 84].

Hence a text is a “fabric of traces”, governed by the logic of non-presence, which endlessly refers to other texts, in other words, to contexts:

The presence of other “texts” in “The Crop” shows through a number of hinted allusions to other texts, resorting to intertextuality or hypertextuality, as G. Genette defined them in his *Palimpsests* essay:

Intertextuality is all that sets the text in a relationship, whether obvious or concealed, with other texts.” Further, the author identifies five types of transtextual relationships. Intertextuality is the actual presence of one text within another, by way of such mechanisms as quoting, plagiarism, and allusion.

Hypertextuality is the proper subject of *Palimpsest*. Hypertextuality refers to “any relationship uniting a text B (which I shall call the hypertext) to an earlier text A (I shall, of course, call it the hypotext), upon which it is grafted in a manner that is not that of commentary; hypertextual possibilities include playful transformation (parody), satirical transformation (travesty), serious transformation (transposition), playful imitation (pastiche), satirical imitation (caricature).

This concept of the text as secondary (and as essentially differing) leads us to re-think the concept of reference, and also that of the text as doubling.

The first major and blatant intertext is that of the Bible, supposedly the “original” book according to the Christian dogma, but itself a book whose mysterious origin seems to be lost forever !

The reference to crop and seeds indirectly alludes to St Mark’s Gospel:

*26 And he said, So is the kingdom of God, as if a man should cast seed into the ground;
27 And should sleep, and rise night and day, and the seed should spring and grow up, he knoweth not how.*

*28 For the earth bringeth forth fruit of herself; first the blade, then **the ear**, after that the full corn in **the ear**.*

29 But when the fruit is brought forth, immediately he putteth in the sickle, because the harvest is come.

Beyond the agricultural context of sharecropping, sowing, reaping then garnering (as the name of “old Garner” seems to suggest), the story itself starts with a title which points rather to the end and result of a process which has never actually begun. The first lines of the text display the typical *in medias res* beginning O'Connor will favor in her later fiction, a good illustration of Derrida's declaration :

“To write is to have the passion of the origin” [6, P. 372] and to research “arché, eschaton and telos” Derrida goes on, in an essentially mimetic text which aims at reflecting an original truth. But in the absence of a “source” the logic of supplement prevails, and entails the disruption of what is usually understood by “end” or “beginning”. As there is “nothing outside text” [5, P.158], all is textuality and there is nothing outside context: therefore, any beginning is a quotation. This rule seems to apply to O'Connor's text, as well as to her main character's aborted story :

A number of echoes and allusions to other texts show through O'Connor's lines, on a rather palimpsestic mode. Her use of narrative technique, already insisting on the exclusion of “telling” and emphasizing the necessity of “showing” [11, PP. 75-76] may account for her choice in terms of narrative mode, but it also proves oddly reminiscent of Woolf's technique in *Mrs Dalloway*, particularly in the opening paragraph of the story. More generally the literary context of Faulkner's *South*, or even Steinbeck's *Grapes of Wrath* may be mentioned, with Willerton's allusions to Lot Motun and his wife's fat ankles and “muddy-coloured” eyes, a possible variation of Ma Joad's “hazel eyes”. Incidentally Miss Willerton explains her writing technique in what she likes to call “a literary venture”, relying on her strong belief in “phonetic art”. She exposes her theory “to a group at the United Daughters of the Colonies”, which is phonetically very similar to the title of K. Mansfield's short-story “The Daughters of the Late Colonel” (1922); moreover, the two protagonists of this text are shown as replying to a huge number of letters of condolence after the decease of their father, while one of the young girls feels sorry for the little mouse they've heard because “there aren't any crumbs”.

Coming back to the biblical intertext, it expands when it comes to the difficult question of names and naming: Miss Willerton's main protagonist is called Lot Motun, with no hesitation. Lot (in Hebrew; “veil” or “covering”) is mentioned in the *Book of Genesis* chapters 11–14 and 19, in the well-known episodes of his flight from the destruction of Sodom and Gomorrah, during which his wife was turned into a pillar of salt, and of the seduction by his daughters.

The presumptive incest between Lot and his daughters has raised many theological questions, debates, and theories, but in O'Connor's fiction, it could be related to Lot's very ambiguous declaration “I have two Willies”. The phallic, inseminating principle emerges once again, and merges with the “seed/semen” cluster, inseminating rather than disseminating in this case. But we may as well understand Lot's declaration as metaphorically “unveiling” and revealing the absence of a single, true origin. The mention of “two willies” points to the underlying process of “doubling” (ironically applying to two females, as if to ironically suggest the end of phallogocentric system), as a loss (of the crop) which is in fact a gain: that of “two Willies”.

Another interesting similarity appears in both O'Connor's story and in the Bible: Lot's wife is not named, a narrative trick which allows “Willie” the writer to enter the text and become a character herself, yet this also raises another issue about the status of the author/ writer who turns into the reader of a text, of many intertexts before becoming part of the text in progress.

3. What is a text?

The very postmodern notion of loss-as-gain appears then in O'Connor's story, as the clear impossibility to start, and to write a story using the traditional principles of arché and eschaton. How to write a text?

Through the many “doublings”, erasings, repetitions and Miss Willerton's difficulties, the question of writing itself appears: on the one hand, the conception that the would-be writer evidences, i.e. a theory of writing based on logocentrism. In that perspective, “speech” is superior to writing (as her particular liking of what she calls “phonetic art” or “tonal quality” shows), and the visibility of “presence” is a fundamental, hence the clear emphasis on the eye supposed to “form a picture” which actually determines the success of the literary venture. On the other hand, the notion of a text that “disseminates”. This calls into question what “writing” and “literature” mean; disseminating is more a way of writing, which involves a certain disruption of the concept of literature, and the ideal form/ convention that should define it. Among others, dissemination rejects the concept of text as a unity (form, style) and the notion of “presence”, the idea it has its own identity. While quoting from another text, Willie's obsession with the importance of the first sentence (also a satiric feature, as O'Connor's work is famous for its first sentences), suggests the impossibility of a beginning, conceived as a new “start”, or a new text. “Writing is grafting”, Derrida declares in *Dissemination* (3, P. 395], as dissemination is a force within language already, before an author may be said to choose to write any particular book in a particular style.

Here O'Connor deliberately satirizes her own creative process, thus using the postmodernist concept of metafiction while remaining faithful to the old tradition of plot. Yet postmodern literary composition often involves deconstructionist devices, among which metafiction & metaconsciousness which problematize the author-reader relationship. By calling attention onto its own texture and mode of production, O'Connor's story focuses on the issue of textuality and the notion of text. As a modernist writer, she would search to occupy spiritual and intellectual borderlands. This echoes (and even announces) the idea of deconstruction as

deliberately eccentric, and implies that writing means working in the margins: "marginal, fringe' cases... always constitute the most certain and most decisive indices wherever essential conditions are to be grasped"[2. P. 209].

The notion of author becomes more problematic: the author is included in the text - because there is nothing outside the text; he becomes himself or herself a text to be read, and can not longer be regarded as a governing presence. "... *what [deconstruction] calls into question is the presence of a fulfilled and actualised intentionality, adequate to itself and its contents*" [2. P. 202-203].

The common conception of the Author as a godlike, logocentric figure shifts, becomes more "marginal" (if seminal), and follows the force of dissemination. The "borders" seem to blur as Willie the writer mingles with Willie the character, who in turn produces a double or a copy of herself, "when late March came", i.e. a time of year which oddly echoes O'Connor's own birthdate, March 25th. The traditional notion of a text is deeply questioned, especially the notions of borders, frontiers, limits. Beyond the fantasy of Willerton, the underlying questioning that pervades the whole story could well be:

What is a text? Once again, Derrida's concept of "overrun" ("débordement") may be helpful in understanding the working of this text:

"Thus the text overruns all the limits assigned to it so far (not submerging or drowning them in an undifferentiated homogeneity, but rather making them more complex, dividing and multiplying strokes and lines) - all the limits, everything that was to be set up in opposition to writing (speech, life, the world, the real, history, and what not, every field of reference- to body or mind, conscious or unconscious, politics, economics, and so forth.) [2. P.84].

Conclusion

The ironical, even satirical "crop" developed in O'Connor's story uses the misleading pretext of biblical, agricultural seeds and more biological semen. Although the author uses and refuses sex through the rejection of "passionate scenes", she strongly suggests the insemination process and an obvious phallic significance in her main character's name. Such conspicuous narrative "tricks", (strict application of the academic principle of the first sentence, characterization) resort to and focus on rather postmodern concerns, mainly the question of self-referentiality while O'Connor deliberately mocks the usual "exercises" in creative writing. Miss Willerton's failure in composing a text however raises crucial issues about what a text is: from the very beginning, in fact before any beginning – dissemination is then at play, such that every text 'will not have been a text', from the very first inking of an idea. Whatever it will have been when it is 'finished', or may have been since Willie's text remains in a state of utter incompleteness), it will not have been a text, or what is usually considered as such (i.e organized around a concept of unity). As the main force of writing and textuality in general, dissemination happens always in the middle of things, without origin or telos, before every beginning and past every end. What a writer "should" do is the main point here: What a text is, and how writing occurs; it is certainly no coincidence if Willie's artistic capabilities seem to develop when she gives up her "sharecropper" story, turning her back mentally to the "traditional", logocentric concept of a text : unlike Lot's Wife in the Bible she will not be turned into a pillar of salt, a frozen, rigid phallic column whose only remarkable feature lies in its *rigor mortis* ; but moving on to a new topic and new literary venture, "Willie" might finally manage to disseminate the crop of writer's "seeds" she had so thoroughly harvested.

References

1. Bieber Lake, Christina. "The Violence of technique and the Technique of Violence", in Derrida Jacques, *Writing and Difference*, translated by Alan Bass, London and New York, Routledge Classics, 2001.
2. Derrida, Jacques, "Living On", trans James Hulbert, in *Deconstruction and Criticism*, by Harold Bloom, Paul de Man, Jacques Derrida, Geoffrey Hartman and J. Hillis Miller, The Continuum Publishing Company, London, New York, 2004.
3. Derrida, Jacques. *Dissemination*, trans. Barbara Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
4. Derrida, Jacques. *Limited Inc*, ed. Gerald Graff. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1988.
5. Derrida, Jacques. *Of Grammatology*, trans. Gayatri Chakravorty Spivak. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1976.
6. Jacques Derrida, *Writing and Difference*, translated by Alan Bass, London and New York, Routledge Classics, 2001.
7. Genette, Gérard. *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Trans. Channa Newman and Claude Doubinsky. Lincoln: U of Nebraska P, 1997.
8. Hewitt Avis and Donahoo Robert, Ed. *Flannery O'Connor in the Age of Terrorism: Essays on Violence and Grace*, Univ. of Tennessee Press. – Jul. – 28. – 2010. – P. 25-40.
9. Kehl, D. G. "Flannery O'Connor's "Fourth Dimension": The Role of Sexuality in Her Fiction." *The Mississippi Quarterly* 48.2 (1995): 255+. *Questia*. Web. 14 Jan. 2014.
10. O'Connor, Flannery "The Crop", in *The Complete Stories*, New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1971. – P. 33-41.
11. O'Connor, Flannery *Mystery and Manners: Occasional Prose*. Ed. Sally and Robert Fitzgerald. New York: Farrar, 1970.

LITTÉRATURE ET HARMONIE DU MONDE AU XVIIE SIÈCLE LITERATURE AND HARMONY OF THE WORLD IN SIXTEENTH CENTURY

Ж. Риё
J. Rieu

Университет Ниццы – Софии Антиполис, Франция, 06000, г. Ницца, бул. Эдуар Эррио, 98
University of Nice – Sophia Antipolis, 98, Edouard Herriot boulevard, Nice, 06000, France

E-mail: josiane.rieu@unice.fr

The French Renaissance is shared between the humanists' ideals of peace and the spectacle of conflicts that present the failure of the speech before barbarism. To understand the value of literature shared by the people of that time, we have to come to metaphysical resonance with the notions of music and harmony of the world, but also to see why the cohesion and unity were promoted in that time. Facing the danger of the fragmentation of the world, the humanists attempted the big synthesis to evoke the unity of knowledge, times and intellectual, mental and emotional human capacities. The poets desired to reveal the secret of the forces governing the Universe, and by this revelation to establish the harmony from the human souls to cosmic rhythms, and to transform the history. Scève uses the poetry for the harmonization of the soul, while Ronsard considers his working to have the mystery sounding in the historical reality.

La renaissance française est partagée entre les idéaux humanistes de paix grâce à la culture, et le spectacle des conflits qui montrent l'échec de la parole devant la barbarie. Pour comprendre la valeur que les hommes de ce temps prêtaient à la littérature, il faut entrer dans les résonances métaphysiques des notions de musique et d'harmonie du monde, mais aussi voir pourquoi à ce moment de l'histoire que l'on promet la cohésion et de l'unité. Contre la menace apportée par la fragmentation du monde, les humanistes tentent de grandes synthèses qui cherchent à faire apparaître l'unité des savoirs, des époques, et des capacités humaines intellectuelles, spirituelles et sensibles. Bientôt, les poètes veulent découvrir le secret des nombres qui régissent l'univers, et par leur création parvenir à une harmonisation féconde qui s'étende du cœur humain jusqu'aux rythmes cosmiques, et transforme l'histoire. Scève utilise la parole poétique pour une harmonisation de l'intériorité de l'âme, et Ronsard ambitionne que sa création ait un retentissement mystérieux sur la réalité historique.

Key words: Renaissance, humanism, poetry, worldview, music and poetry, harmony, poet's mission, Scève, Ronsard, French literature of the XVIth century, history of mentality.

Mots clefs : Renaissance, humanisme, création poétique, vision du monde, musique et poésie, harmonie, mission du poète, Scève, Ronsard, littérature française du XVIe siècle, histoire des mentalités.

La Renaissance française est placée sous le signe de l'idéal de pacification grâce à la diffusion de la culture, et consciente de la menace omniprésente d'une régression à la barbarie. L'accroissement des tensions aboutira d'ailleurs aux guerres civiles et ravageront toute la 2e moitié du siècle. Les auteurs humanistes, au XVIe siècle, sont donc immédiatement placés devant cette contradiction et cet échec des idéaux, même s'ils proclament toujours l'éminente dignité des Lettres. La poésie rend compte des risques de dislocation et de retour au chaos, de disparition de la civilisation, tout en continuant à proclamer son pouvoir de transformer la réalité par la seule force de l'harmonie poétique. S'agit-il d'une affirmation métaphorique ? A quoi sert la parole littéraire ? Est-elle un leurre, un divertissement vain, un refuge dans un paradis de substitution, ou bien les hommes de ce temps croyaient-ils vraiment qu'elle pourrait avoir une efficacité sur l'histoire et un retentissement dans le monde ? Nous voudrions examiner ici cette relation complexe, douloureuse, à l'idéal littéraire, qui donne une profondeur éthique et métaphysique surprenante aux œuvres de cette époque.

Pour saisir les résonances des notions et leurs enjeux, il faut remonter à la situation historique qui les a façonnés. Pourquoi l'humanisme, qui naît dans les milieux intellectuels aux XIVe et XVe siècles en Italie, et opère pour certains historiens un tournant dans le processus de sécularisation, s'oriente-t-il à la fin du XVe siècle et au début du XVIe siècle vers la recherche de l'unité et développe-t-il une vision harmonique de la Création ? Pourquoi les poètes réaffirment au milieu du siècle d'avantage encore la force et l'énergie d'une parole poétique prophétique ?

Nous devons d'abord voir pourquoi ce rêve d'harmonie est si fort au début du XVIe siècle. La conception musicale et poétique du monde permet d'imaginer une thérapie de l'univers et de l'âme qui devient un combat pour la civilisation à cette époque troublée. Les œuvres de Maurice Scève et de Ronsard en sont des exemples, chacune à sa manière.

1. Le rêve d'harmonie universelle

Ce rêve traverse la Renaissance. Il peut être illustré par l'imaginaire musical qui permettait de penser à la fois les mystères de la Création, du cosmos, et de la production artistique et littéraire. Il s'appuie sur les conceptions pythagoriciennes et platoniciennes. Pour l'antiquité, la « musique » est l'art des Muses, c'est-à-dire s'étend à toute la culture artistique et intellectuelle. Le système des études depuis le Moyen Age comportait le *Trivium* : grammaire, rhétorique, dialectique ; puis le *Quadrivium* : arithmétique, géométrie, astronomie, musique (harmonie). La musique est l'aboutissement des arts de la parole et de l'intelligence. Au XVIe siècle, la poésie et la musique apparaissent comme des arts du « nombre » ou du rythme, par excellence, particulièrement capables d'entrer en résonance, mystérieusement, avec le principe structurel qui régit l'univers. Une des caractéristiques de la création à la Renaissance est d'associer différents arts (on chantait les poèmes en s'accompagnant du luth), et de faire dialoguer les disciplines.

Quelques rappels historiques nous permettront de comprendre ce regain de fascination pour l'harmonie au début du XVIe siècle. Les XIVe et XVe siècles sont traversés de drames d'une grande violence, au niveau social, religieux, culturel. La guerre de Cent Ans (1337-1453) dévaste les villes entraînant des mutations sociales, la Peste noire (1348) décime un tiers de la population. La création artistique devient tourmentée, montre les corps souffrants, la mort, tandis que, par réaction, s'exprime un appétit de jouissance, un goût de l'ornement souvent excessif. Dans ce contexte, la Renaissance italienne semble apporter un désir d'équilibre et de sobriété.

Sur le plan intellectuel, le nominalisme (en particulier depuis Guillaume d'Ockham, 1288-1348), qui considère que les signes sont arbitraires et sans relation aux choses, s'impose dans les universités. Malgré les efforts de Saint Thomas d'Aquin pour maintenir l'unité et la cohésion des démarches de l'intelligence humaine et l'illumination de la foi, le mouvement nominaliste aboutit à la séparation de plus en plus acceptée des domaines de la raison (celui de la pensée humaine) et de la foi (placée ainsi du côté de « l'irrationnel »). Chaque discipline construit son univers et son langage. En Italie apparaissent même des conceptions matérialistes à partir de la lecture d'Aristote par Averroès. On renonce à concilier la science et la théologie.

Sur le plan religieux, le schisme d'occident (1378-1417) a divisé la chrétienté, affaibli la papauté et laissé le champ libre aux recrudescences de sorcellerie, aux prophétismes fanatiques, aux courants hétérodoxes qui mettent en question l'église et le pouvoir pontifical. La piété se fait plus mystique, affective, dramatique. Ainsi, l'Art gothique flamboyant au Nord et le début de la Renaissance en Italie sont plus proches dans leur vision du monde qu'il ne paraît. Chacun à sa manière est placé sous le signe de l'émancipation individuelle, et d'une représentation épistémologique de plus en plus fragmentée, à la mesure de la diversité de groupes culturels autonomes et rivaux. Le pouvoir ne vient plus « d'en haut » mais d'une organisation horizontale de l'économie et des règles sociales. Si en Italie, au XVe s., on rejette « l'art de France » barbare (le gothique), pour s'inspirer des modèles antiques, c'est pour en récupérer l'héritage prestigieux au service d'une politique de revendication nationaliste.

Or, alors que tout semble aller dans le sens du morcellement, vont apparaître des forces nouvelles de résistance en faveur de la cohésion. La redécouverte du Platonisme, offre une alternative à l'aristotélisme et à la scolastique rationaliste. Après la prise de Constantinople en 1453 par les Turcs, de nombreux byzantins se réfugient à Florence, avec des ouvrages sauvés de l'incendie de la bibliothèque et des monastères. La découverte du patrimoine grec donne une nouvelle impulsion à la culture, amplifiée par la diffusion de l'imprimerie ; Bessarion (1393-1472), parvient à réunir 600 manuscrits grecs qu'il lègue à Venise. Marsile Ficin (1433-1499) lui-même philosophe, théologien et médecin à Florence, traduit et commente Platon. Il anime l'Académie florentine, ouverte en 1440 sous Cosme de Médicis. Le néoplatonisme se vulgarise en art et en littérature. Les humanistes, par exemple Pic de la Mirandole (1463-1494), rêvent de grandes synthèses et de réunification des savoirs, et tentent de rassembler dans une même généalogie les traditions bibliques, platoniciennes, hermétiques⁴... La pensée intellectuelle s'ouvre ainsi à d'autres formes de connaissance, plus mystiques, prenant en compte la totalité de l'homme, dans toute sa sensibilité.

Avec *l'Eloge de la Folie*, 1511, Erasme critique l'univers philosophique qui prétend parvenir à la sagesse pure en comptant sur ses propres forces, et rappelle que la nature humaine est mystérieuse, qu'elle contient une part de folie qui l'ouvre à un au-delà de la raison, et la mène à la folie supérieure du Christ : « Dieu n'a-t-il pas frappé de folie la sagesse du monde ? » (I Cor, 20). L'Évangélisme s'appuie constamment sur Saint Paul. Il ne suffit plus de vouloir accumuler des savoirs, de faire preuve de virtuosité intellectuelle, il faut que la science serve à ce que l'homme devienne davantage homme : « On ne naît pas homme, on le devient » dit Erasme

Guillaume Budé loue l'étude des lettres comme le moyen de lutter contre la régression à la barbarie qui menace toujours l'homme s'il ne travaille pas à « accomplir » son humanité grâce aux « arts que les anciens Romains ont honorés du nom de sciences humaines : ils estimaient en effet que sans eux les hommes n'étaient guère capables d'accomplir et de conserver leur humanité ». Le célèbre « connais-toi toi-même », dit-il un peu plus loin, signifie la nécessité de prendre conscience de la position d'équilibre instable de l'homme, entre l'animal et le divin, un homme qui doit faire un choix pour rejoindre son identité. C'est aussi le sens du célèbre texte de

⁴ Cette période est riche en éditions d'ouvrages de tradition hermétique (1470), de Plotin (1484).

Jean Pic de la Mirandole (1463-1494), *De la Dignité de l'homme*, 1486 : « Si je t'ai mis dans le monde en position intermédiaire, -dit Dieu à l'homme- c'est pour que de là tu examines plus à ton aise tout ce qui se trouve dans le monde alentour. Si nous ne t'avons fait ni céleste ni terrestre, ni mortel ni immortel, c'est afin que, doté pour ainsi dire du pouvoir arbitral et honorifique de te modeler et de te façonner toi-même, tu te donnes la forme qui aurait eu ta préférence. Tu pourras dégénérer en formes inférieures, qui sont bestiales; tu pourras, par décision de ton esprit, te régénérer en formes supérieures, qui sont divines. »

Ainsi, il y a bien rupture, au début du XVIe siècle, mais à l'intérieur de l'humanisme lui-même. Aux côtés d'une tendance rationaliste, se développe sous l'influence du néoplatonisme une vision poétique et harmonique du monde, en accord avec la conception chrétienne du dessein de Dieu dans la Création.

Nous pouvons retenir deux traits majeurs de cette vision totalisante : la volonté d'harmoniser l'Antiquité avec le christianisme, et le profane avec le sacré. Dans *L'École d'Athènes* de Raphaël (1512), Platon et Aristote sont réunis l'un réintégrant le ciel dans la philosophie, l'autre désignant la terre et les études scientifiques. Les deux ne sont pas contradictoires mais complémentaires, car ils préludent à la révélation chrétienne de la transcendance incarnée. Le Logos se fait chair, le Ciel vient habiter la terre et la culture humaine est « baptisée ». Pour saint Augustin, l'étude des arts libéraux est une propédeutique à la lecture des textes sacrés. En 1455, Bessarion publie *La Concorde de Platon et d'Aristote*. En 1518, Lefèvre d'Étaples écrit : « Tout homme qui aura su voir que les choses naturelles nous conduisent aux choses divines comprendra que la doctrine péripatéticienne est le chemin qui conduit à la sagesse platonicienne ». L'humanisme est loin de promouvoir un « syncrétisme » qui mêlerait tout. Dans le sillage de la tradition patristique, il voit l'antiquité comme une préparation au christianisme, qui seul donne la clef de l'histoire. Pour Erasme, le chrétien est un soldat qui lutte contre le démon avec deux armes : la prière et la science (science de la parole de Dieu) : « Je ne désapprouverais nullement que l'on prélude à cette vie de soldat par une sorte d'exercice dans les écrits des Poètes et des Philosophes païens, pourvu qu'on en tâte modérément, provisoirement, [...] qu'on ne se laisse pas pourrir auprès d'eux comme aux rochers des sirènes. [...] Ces lettres (profanes) façonnent et fortifient l'esprit de l'enfant et le préparent admirablement à l'intelligence des divines Écritures, sur lesquelles c'est presque une espèce de sacrilège de se précipiter tout d'un coup, sans avoir pieds et mains lavés. [...] C'est toute la littérature profane qu'il y aura profit à examiner [...] avec précaution et choix ; de plus en passant, à la manière d'un voyageur, et enfin, ce qui est le plus important, que tout soit rapporté au Christ (*si omnia ad Christum referantur*). »

Pour dire l'harmonie entre les sciences, Budé invente le mot composé « *encyclopaedia* », dont il voit une illustration dans la danse des muses : « leur danse sur les monts solitaires [...], et l'espèce de ronde qu'elles forment en se passant une corde de main en main signifient avant tout et représentent manifestement l'harmonie des sciences et la parenté de leurs études. On estimait même qu'une ou deux d'entre elles, isolées des autres, étaient infirmes, privées de leurs nécessaires appuis ». Or, toutes convergent vers un centre qui oriente leur mouvement, toutes sont subordonnées à la théologie. Cet horizon spirituel est une polarisation essentielle de l'univers mental de l'époque.

Budé, en 1515, propose une image pour comprendre cet agencement hiérarchique :

« Les oiseaux qui s'envolent vers un sommet abrupt ne le gagnent pas en ligne droite mais s'élèvent bien plus aisément en tournoyant. Ainsi l'esprit humain peut faire son ascension vers la contemplation de la sagesse de façon meilleure et plus éclairée par les détours d'une méthode appropriée plutôt qu'en faisant l'économie de l'étude et en se portant directement du plus bas degré de connaissance vers le plus haut, escamotant ainsi les étapes successives du savoir. [...] Il ne faut pas craindre de recueillir à travers tous les systèmes de la philosophie séculière et ancienne les traces de la sagesse [...] et de cerner avec précision et ténacité les bois et les monts où elle tient son séjour. Ainsi quand nous serons parvenus aux études plus saintes, et lorsque nous nous serons rapprochés du nid de la vérité et de la sagesse, nous saurons avec plus de certitude reconnaître leur présence... ».

Les humanistes cherchent à embrasser la multiplicité apparente et divergente des choses dans de vastes synthèses pour en mettre à jour l'unité organique. Ils s'efforcent de déceler le sens de l'histoire et de comprendre la place de l'homme dans un monde bouleversé, où toutes les valeurs sont à repenser. L'éducation est une initiation sans fin, où l'homme apprend à tisser les liens entre les choses découvertes et à en déceler progressivement l'harmonie, pour parvenir à l'illumination de ce qui fonde leur unité : le dessein de Dieu dans la création et dans l'histoire.

Le deuxième trait est la volonté d'harmoniser le profane et le sacré. Les artistes et poètes rêvent d'une porosité des domaines qui manifeste la présence de la Grâce à l'œuvre dans l'homme. En cela, ils réagissent contre l'apparition d'une nouvelle anthropologie, qui refuse cette porosité. L'anthropologie réformée perçoit en effet comme une immixtion dangereuse la notion de transformation ou de divinisation de l'homme (qui appartient à la tradition catholique et orthodoxe), ainsi que celle de Présence réelle, et accentue la scission entre l'humain et le divin. La Réforme insiste sur la corruption de la nature humaine, toute asservie au péché, et donc privée de sa liberté ; ce qui dénie toute valeur spirituelle à ses « œuvres ». La réaction de l'humanisme évangéliste et catholique est alors de réaffirmer toujours davantage la transformation de la personne par la Grâce, une transformation à laquelle l'homme est appelé à *collaborer librement*, et de détailler les modalités de cette collaboration du libre arbitre et de la Grâce dans la psychologie humaine.

La valorisation des disciplines artistiques à la Renaissance est liée à un nouvel idéal d'homme, dont le Prince est le représentant : mécène, il est investi d'une mission civilisatrice qui assure la paix et l'unité. Chacun doit reproduire au niveau individuel cet idéal de maîtrise harmonieuse des facultés corporelles et intellectuelles de façon à quitter l'état primitif, grossier, dominer ses passions et affiner son être, en faire un instrument docile à la Grâce qui l'habite. Castiglione, dans *Le Courtisan*, composé autour de 1510 à la demande de François 1er et publié en 1528, analyse la grâce du comportement et des gestes comme le rayonnement d'une Grâce intérieure, qu'il faut apprendre à cultiver. L'éducation est une œuvre d'art, où l'homme collabore à l'œuvre divine en lui, et où il devient responsable de l'harmonie qu'il parvient à réaliser en lui et de proche en proche, autour de lui, jusqu'à l'infini.

A partir du début du XVIe siècle, l'idéal d'une harmonie à redécouvrir et à reconquérir s'impose parmi les humanistes. Il est soutenu par une conception musicale et poétique du monde.

2. Conception musicale et poétique du monde

La musique et la poésie contribuent particulièrement à la reconquête de l'harmonie, de façon quasi thérapeutique au sens médical, puisque leur influence s'étend du corporel au spirituel et peut même agir sur l'ordre du monde.

Qu'est-ce que l'harmonie ? L'harmonie correspond à la beauté des proportions du cosmos, qui sont la signature de la perfection de la Création divine. Les Pythagoriciens concevaient cet ordre supérieur en termes de lois de nombres. Après Platon, Plotin, Porphyre, Jamblique, poursuivent cette tradition. Jusqu'à la fin du XVIe siècle, on imagine le cosmos fermé et plein, composé de sphères emboîtées les unes dans les autres, qui supportent chacune un astre ou une planète, et sont entraînées dans un mouvement de rotation, mais leur vitesse et leur sens sont différents. Chaque sphère en frottant contre les autres émet un son subtil, imperceptible pour une oreille humaine, mais audible par les anges et les âmes élevées. Porphyre, au IIIe siècle, écrit que Pythagore « percevait l'harmonie universelle des sphères et des astres dont les mouvements sont réglés sur elles, alors que nous ne sommes pas capables, nous, de l'entendre, à cause de l'étroitesse de nos facultés ». L'ensemble produit une harmonie, à partir de cette *concordia discors*, que les chrétiens vont associer au concert inaudible des anges. Les vibrations ont un retentissement sur tous les éléments de l'univers sublunaire : les minéraux, les végétaux, les animaux et l'homme.

Pour Ficin « il existe une attraction continue qui part de Dieu passe dans le monde, et finalement se termine en Dieu et qui comme un cercle, se trouve à nouveau à son point de départ ». Dans ce circuit (*circulus amorusus*), la création est de plus en plus irriguée des ondes de l'amour mutuel et l'homme peut en bénéficier à la fois directement et par ricochet. C'est à lui de s'ouvrir à la Grâce, et d'user des créatures qui en sont les médiations. Dans son ouvrage *De Vita*, Ficin part de l'idée que le sage et le médecin doivent chercher à utiliser au mieux les correspondances qui relient l'homme au cosmos, et capter les influx de telle planète, pour soigner une maladie ou pour mettre son âme en condition de s'élever vers sa patrie céleste.

La médecine astrologique et humorale à la Renaissance repose sur cette conception du monde comme un Tout vivant, auquel chaque élément participe, de même que dans le corps chaque membre, chaque organe est en relation avec l'ensemble. L'autre image fréquemment utilisée pour représenter le monde ou le corps est celle d'une lyre, dont chaque corde et chaque son participe à l'harmonie ou la dysharmonie. On diffuse largement à cette époque des gravures de « l'homme zodiacal », montrant les correspondances des organes et des planètes ou constellations qui les régissent. Le médecin-philosophe compose ainsi des médicaments, dont il accroît l'effet en s'exposant aux rayons bénéfiques du soleil par ex., en buvant un peu de vin, en humant certaines senteurs et enfin écoutant des chants et des mélodies qui le mettent directement sous l'influence des ondes planétaires. Ficin s'inscrit dans une longue tradition de recherche de musicothérapie, illustrée au Moyen Age notamment par Hildegarde de Bingen. Le chap. XXI du livre III du *De Vita* s'intitule « De la vertu des paroles et du chant pour s'emparer de la faveur céleste, et des sept degrés conduisant aux choses célestes ». De même que l'on compose des médicaments dont l'efficacité vient de l'association de certaines herbes, « ...de même, à partir de tons assurément choisis ...ensuite combinés entre eux [...], il se fait en quelque sorte une forme commune, et en elle se reforme quelque vertu [=puissance] céleste ... ». Ficin donne des conseils pour se mettre en situation d'écoute, entrer en relation avec les mystères profonds de l'univers et réaliser en soi une véritable chambre d'écho.

Peut-on parler d'un risque de pratique magique ? Les hommes de la renaissance étaient très soucieux de cette distinction, mais pour eux, elle se résolvait dans la manière d'utiliser les éléments. Dans la magie, la personne veut se servir des forces occultes, qui à un moment la dominent ; dans la pratique chrétienne, la personne doit veiller à ordonner les moyens à la fin, qui est spirituelle, et s'en remettre à Dieu, comme dans une prière en acte. Certes, la musique ou la poésie pourraient devenir des incantations, ou simplement détourner l'attention de l'homme de sa finalité. Mais ce danger ne doit empêcher l'homme de louer son Créateur en faisant fructifier les moyens que Dieu même a mis à sa disposition pour le conduire à une plus grande harmonie. Saint Augustin dans les *Confessions* évoque les dangers de la

musique. Les paroles saintes chantées, dit-il, « ...m'enflamment d'une piété plus religieuse et plus ardente que si elles étaient sans accompagnement. C'est que toutes les émotions de notre âme ont, selon leur caractères divers, leur mode d'expression propre dans la voix et le chant, qui par je ne sais quelle mystérieuse affinité les stimule. Mais le plaisir des sens par quoi il ne faut pas laisser énerver l'âme [la priver de sa force], me trompe souvent ; la sensation ne s'en tient pas à accompagner la raison en la suivant modestement, mais elle... cherche à la précéder et à la conduire. »

Il faut veiller à ne pas tomber dans ce piège. La fable d'Orphée, selon Boèce, dit cette ambivalence. Si Orphée a été capable de charmer les bêtes et de ramener Eurydice des enfers, il l'a aussi perdue. Pourquoi ? : « C'est vous que cette fable concerne, vous qui que vous soyez qui cherchez à mener votre esprit à la lumière supérieure, car qui a [...] tourné ses yeux vers la caverne du Tartare perd tout ce qu'il emporte de précieux quand il regarde en dessous de lui »⁵. La démarche artistique doit être ordonnée vers la lumière ; s'en détourner, c'est replonger dans la mort. Boèce décrit l'organisation du monde en termes mathématiques, pour découvrir en son terme l'amour souverain : « Cette série de choses est liée par ce qui régit les terres et la mer, et commande au ciel : l'amour... Ô heureuse race des hommes si l'amour régit vos âmes comme il régit le ciel ! ». Dante à la fin du Paradis parvient à l'intuition de la correspondance universelle, là où toute parole et toute image s'évanouissent :

*Ici ma fantaisie succomba sous l'extase
Mais déjà commandait aux rouages dociles
De mon désir, de mon vouloir, l'Amour
Qui meut le soleil et les autres étoiles.*

Le poète est parvenu à harmoniser son vouloir, son cœur et toutes ses facultés avec l'Amour divin qui soutient la création et le cœur de son âme. Dans la révélation trinitaire, l'Être n'est pas figé mais en perpétuel échange interne, en circulation et palpitation d'amour. Le rythme profond de Dieu demeure incompréhensible, certes, pourtant il peut s'éprouver à mesure humaine dans les rythmes de la création vivante et dans ceux de la vie intérieure.

Nous comprenons un peu mieux en quoi la notion d'harmonie est essentielle. La question concerne chaque époque : comme parvenir à l'unité à partir de la multiplicité discordante ? Une première réponse intellectuelle est la réduction au même et la résorption des différences. C'est ce que nous trouvons dans les modèles mathématiques ou idéologiques. La réponse humaniste est autre. Elle recourt au modèle naturel de la création, où la diversité des êtres est appelée à faire communion sans absorption. Selon la Bible, Dieu crée chaque jour en séparant les divers éléments, et le refrain est « Dieu vit que cela était bon » ; car ce principe de séparation appelle une réunification volontaire, par amour. En Dieu, tout est déjà achevé et réalisé, certes, mais dans l'histoire humaine la création en transformation et en expansion contient une harmonie propre qui la conduit à l'union à Dieu (Eph, 1, 4-12). Saint Augustin dit que si nous pouvions saisir l'ensemble du dessein divin, comme dans un tableau, nous verrions sa beauté composée de l'agencement de chaque élément, sombre ou lumineux ; mais comme nous en avons une vision partielle, nous croyons voir des choses mêlées et monstrueuses, nous ne comprenons pas pourquoi le mal coexiste avec le bien⁶. Les conceptions antiques se représentaient une perfection absolue, immobile, radicalement distincte du monde sensible. La conception chrétienne se représente la perfection des créatures dans le mouvement ontologique même qui les porte vers la vie en Dieu. Pour Grégoire de Nysse : « Il faut... manifester une grande ardeur à ne pas manquer la perfection dont on est capable et à acquérir tout ce qu'on peut en contenir. Qui sait en effet, si la disposition qui consiste à tendre toujours à un plus grand bien n'est pas la perfection de la nature humaine ? »

Le perfectionnement en ce monde (dont l'harmonie musicale est une image) a cependant un autre mérite. Il laisse à l'homme le temps de comprendre et d'apprendre à aimer, en se donnant lui-même dans un véritable acte de foi dans la bonté de Dieu, quoi qu'il arrive. Dans l'au-delà, chacun verra que tout est grâce et harmonie, mais en attendant, l'épreuve de la dysharmonie (la maladie du corps, de l'âme ou du monde) est l'occasion d'ajuster sa volonté à celle de Dieu.

En effet, pourquoi l'homme doit-il rechercher l'harmonie ? Est-ce seulement pour être mieux, pour être en accord avec les lois de l'univers ? La finalité est que l'homme devienne tout entier en accord avec la volonté divine, tel instrument musical réceptif aux moindres souffles de l'Esprit, prompt à obéir (écouter cette voix intime), et à coopérer librement. Les grands mystiques du XVIe siècle (Ignace de Loyola, Thérèse d'Avila, Jean de La Croix) développent ces notions de perfectionnement et de contemplation dans l'action. L'idéal d'Ignace est le libre jeu des facultés sous les motions de l'Esprit, qui donne dans l'action comme dans la contemplation la même joie unitive. Le saint eut lui-même une vision de la Trinité sous la forme sensible de trois touches d'orgues unies pour rendre une harmonie.

⁵ *La consolation de la philosophie*. III. 12. Le livre de poche. 2005. P. 209.

⁶ *Confessions*. VII. 13.

Les arts temporels, comme la musique et la poésie, offrent l'image concrète d'un temps créateur et non destructeur, à condition de l'utiliser pour construire un surcroît de sens, une augmentation de vérité, et non pour dissiper les ressources de l'intelligence et de la sensibilité dans des labyrinthes d'erreur et des vertiges stériles.

Les œuvres poétiques du XVIe siècle sont animées de cette ambition créatrice d'harmonie. Une lecture qui ne tiendrait pas compte des conceptions humanistes et de la situation historique dont nous avons parlé, risquerait de passer à côté de cette dimension métaphysique pourtant inhérente au projet poétique.

3. L'harmonisation poétique

Le questionnement humaniste sur la valeur de la littérature rejaillit directement sur la production poétique. Alors que la renaissance commence en France avec François Ier, qui appelle de ses vœux un nouvel essor de la poésie en langue française, les poètes restent dans le sillage des pratiques poétiques précédentes. Marot, par ses choix confessionnels (il adhère aux idées réformées), prend ses distances par rapport à l'écriture poétique, et ne propose pas de renouveau radical. Il offre plutôt une contestation interne de la création, par une autodérision qu'on appelle le badinage marotique, et qui empêche de prendre au sérieux la production poétique, vouée à la critique et à l'autocritique. Sa dernière période de production consiste en un effacement de sa propre parole au profit du seul texte sacré, dans les traductions des Psaumes notamment⁷. C'est la renaissance lyonnaise qui constitue le premier renouveau poétique en France, avant la Pléiade.

Au XVIe siècle, la poésie amoureuse devient le lieu d'une investigation psychologique, qui décrit à sa manière combien l'amour humain engage l'homme dans un processus de transformation et d'harmonisation intérieure. Lyon est une ville charnière entre la Renaissance italienne et de la première Renaissance française, c'est là que se diffuse le néoplatonisme dans le premier tiers du XVIe siècle. Maurice Scève écrit *Délie*, le premier *canzoniere* français, imité de Pétrarque, et publié en 1544⁸.

Ce recueil décrit une véritable initiation amoureuse et spirituelle. L'amour est le principe d'une révélation intérieure, et d'une élévation. On a voulu voir dans le prénom Délie l'anagramme de « l'Idée » ; Délie est aussi celle qui « lie » et « délie » l'âme. L'itinéraire n'est pas ascensionnel, mais décrit les « retombées » et des doutes comme autant d'épreuves incompréhensibles auxquelles le poète va donner finalement un sens. Nous pourrions y lire l'expérience souvent douloureuse de l'agrandissement de l'âme et de sa capacité d'amour, synonyme d'accroissement d'être et de vie, scandée par le passage de différents seuils de mort à soi-même. L'épigramme liminaire annonce : « les mortz, qu'en moy tu renouvelles /Je t'ay voulu en cest Œuvre descrire ».

Le désir n'est pas rejeté, sauf lorsqu'il tente d'égarer dans des pièges. Il devient même le moteur de la transformation spirituelle. Le dernier dizain évoque l'équivalence qui finit par s'établir entre le feu du désir et le feu de la vie éternelle:

*Aussi je voy bien peu de différence
Entre l'ardeur, qui noz cœurs poursuyvra
Et la vertu, qui vive nous suyvra
Oultre le Ciel amplement long et large.
Nostre Genève ainsi doncques vivra
Non offensé d'aucun mortel Létharge.
(Dizain 449)*

Le génévrier est symbole d'immortalité; le Léthé est le fleuve de l'oubli, expression du « sommeil » que traverse celui qui meurt avant de renaître. Selon Ficin, l'oubli de soi est l'aube d'une nouvelle vie.

L'être est en perpétuelle « extase », envahi du bonheur physique d'éprouver cette transformation. Le dizain met en œuvre une écriture -explication du processus qui le conduit toujours plus loin au centre insaisissable de l'âme:

*[...] mes sospirs dès leurs centres profondz
Si haultement eslevent leurs voix vives,
Que plongeant l'Ame et la memoire au fonds
Tout je m'abysme aux oblieuses rives.
(Dizain 118)*

⁷ Gérard Defaux. *Le Poète en son jardin. Étude sur Clément Marot*. Paris. Champion « Unichamp », 1996 ; et du même auteur « Entre parole et silence: l'espace poétique de Clément Marot », dans *Marot, Rabelais, Montaigne: l'écriture comme présence*, Paris. Champion, 1987.

⁸ Maurice Scève. *Délie, objet de plus haulte vertu*, édition établie par E. Parturier. STFM. Paris. Nizet, 1987.

La représentation de l'être est concentrique : les sens, les émotions, la raison, l'âme, puis enfin « l'âme de mon âme » qui débouche comme un sablier sur un nouvel univers infini. En voyant la beauté de la Dame, dit le poète:

*Je songe et voy, et voyant m'esmerveille
De ses doux ryz, et elegantes mœurs.
Les admirant si doucement je meurs,
Que plus profond à y penser je r'entre
Et y pensant, mes silentes clameurs
Se font ouyr et des Cieulx, et du Centre.*

(Dizain 228)

Les effets de relances rythmiques et les assonances (*on, an*), suggèrent bien cette investigation soutenue. Au cœur de son être, le poète découvre le jaillissement même de la vie. L'oxymore (« mes silentes clameurs ») suggère un cri que la poésie va moduler jusqu'à ce qu'il devienne musique et relation. L'être se révèle ouvert en permanence à la relation à Dieu : « Mes silentes clameurs / **Se font ouyr** et des Cieulx et du Centre ». Maurice Scève invente une écriture en qui se reflètent sans cesse les relations entre le microcosme et le macrocosme. Les paysages qu'il a sous les yeux sont de grands signes pour lire son amour⁹. Les yeux de la dame lui ouvrent les beautés célestes. Mais ce qui le fascine est la musique qu'elle joue et qui entraîne son âme:

*Tes doigtz tirantz non le doux son des cordes,
Mais des haultz cieulx l'Angélique harmonie,
Tiennent encore en telle symphonie,
Et tellement les oreilles concordes,
Que paix et guerre ensemble tu accordes
En ce concert [=harmonie] que lors je conveys:
Car du plaisir qu'avecques toy j'avois,
Comme le vent se joue avec la flamme,
L'esprit divin de ta céleste voix
Soudain m'estainct, et plus soudain m'enflamme.*
(Dizain 196)

La musique a le pouvoir d'accorder les contraires (paix et guerre) en s'élevant au niveau supérieur de l'harmonie céleste. Le poète entre dans ce rythme et vit une régénération : « soudain m'éteint et plus soudain m'enflamme ». Il évoque à plusieurs reprises l'influence profonde et essentielle de la musique sur le corps et l'âme:

*Me ravissant ta divine harmonie
Souventes fois jusques aux Cieulx me tire:
Dont transporté de si douce manye [=fureur, inspiration]
Le Corps tressue en si plaisant martyre
Que plus j'escoutte et plus à soy m'attire
D'un tel concert la delectation.*
(Dizain 157)

Cette influence opère une thérapie : le poète, d'abord attiré, vit une phase de purification, de « martyre », mais s'il poursuit encore et expérimente une harmonie nouvelle. Chaque dizain est un miroir du trouble de l'âme et de sa résolution, il ramène la multiplicité du désordre intérieur à l'unité parfaite (dix vers de décasyllabes). De façon visible et audible, le lecteur assiste à une *concordia discors*. L'art poétique et musical est un relais nécessaire:

*Leuth resonnant, et le doux son des cordes,
Et le concert [=accord, concert] de mon affection,
Comment ensemble unyment tu accordes
Ton harmonie avec ma passion!
Lors que je suis sans occupation
Si vivement l'exprit tu m'exercites,
Qu'ore à joye, ore à deuil tu m'incites
Par tes accordz, non aux miens ressemblantz,
Car plus que moy mes maulx tu luy recites,
Correspondant à mes sospirs tremblantz.*
(Dizain 344)

⁹ Cf. les célèbres dizains du Rhône D. 17. 208.

On le voit, il ne s'agit pas de vouloir dissocier l'âme du corps (comme l'envisageait idéalement le néoplatonisme médiéval ou celui du premier humanisme), mais plutôt d'éprouver la résistance de leur union et, dans cette tension même, de les unifier davantage. La musique et la poésie sont les agents de cet entrelacement et de cette pacification. De façon performative, le poème réalise une forme de communion qui révèle déjà quelque chose du perfectionnement dynamique de l'être.

Un autre théoricien de l'harmonie platonicienne, ami de Scève, est Pontus de Tyard (1521-1605), qui publie deux ouvrages décisifs : *Solitaire premier* en 1552, consacré à la « fureur poétique », et *Solitaire second* en 1555, consacré à la musique. Dans *Solitaire premier*, deux personnages, Solitaire et Pasithée jouent du luth en parlant aimablement de philosophie et poésie : la jeune femme invite Solitaire à exposer sa théorie de l'inspiration. L'âme est sujette à « [...] un horrible discord et désordre [...]. Incompatible par ce point semble estre en elle toute juste action, si par quelque moien cest horrible discord n'est transmué en douce symphonie, et ce désordre [...] réduit en égalité mesurée, bien ordonnée... Et de [cela est chargée] la fureur poétique, resveillant par les tons de Musique l'Ame en ce qu'elle est endormie, et confortant par la suavité et douceur de l'harmonie la partie perturbée, puis par la diversité bien accordée des Musiciens accords chassant la dissonante discorde, et en fin reduisant [ramenant] le désordre en certaine égalité [...] par gracieuse et grave facilité de vers [...] en curieuse [soigneuse] observance de nombres et mesures. »¹⁰

Les poètes du XVIe siècle étaient conscients des résonances psychologiques, métaphysiques et spirituelles de leur création, et de leur responsabilité. Maurice Scève met en scène une orchestration harmonieuse de son être : les variations douloureuses et discordantes nourrissent un processus d'unification et de croissance de l'être, et sont un exemple fécond pour le lecteur.

La renaissance lyonnaise explore l'unification de l'intériorité psychologique, mais avec la Pléiade, en particulier Ronsard, la poésie va prétendre à une efficacité universelle. Pourtant, dans « Les Isles Fortunées », en 1553, c'est-à-dire au moment où il commence sa carrière poétique, le jeune poète est déjà tenté de fuir loin des guerres, dans un pays mythique où règne la communion poétique :

*Puisqu'Enyon [déesse de la guerre] d'une effroïable trope
Piés contremont bouleverse l'Europe,
La pauvre Europe, et que l'horrible Mars
Le sang Chrestien répand de toutes pars [...]
Parton Muret, alon cherche ailleurs
Un ciel meilleur, et d'autres chams meilleurs [...]*¹¹.

Il imagine un refuge pour ses amis poètes dans des îles mythiques, pour une vie nourrie de littérature « Loin de l'Europe et loin de ses combas » (v. 91). Il renonce à cette tentation, et s'engage en poésie, en connaissance de cause, sans illusion naïve. Avec ses compagnons, il ressent l'urgence d'un sauvetage de la culture et de la civilisation, comme si le moment historique était décisif pour l'avenir de l'humanité. Le combat pour la langue française et pour son illustration en littérature prend une dimension épique et métaphysique¹².

La création poétique devient une victoire sur le chaos, et il faut être soutenu par une grande passion pour continuer le combat. Le même souffle anime les Odes et les Amours¹³, son œuvre manifeste sa participation consciente et personnelle à la mission surnaturelle qui lui a été attribuée, comme le montre le volontarisme expansif des *Amours* de 1552, avec les nombreuses anaphores « Je veux » qui soutiennent un lyrisme conquérant¹⁴.

Le poète mène l'inspiration qu'il a reçue, la « fureur » à son achèvement dans le poème construit, de la même façon que l'homme, selon les conceptions de la Renaissance, doit prolonger l'œuvre du Créateur¹⁵. C'est un devoir métaphysique. Son être a été créé pour ce dépassement et l'univers attend son action. La fureur pousse le poète à se métamorphoser jusqu'à étendre son être aux limites du monde, et actualiser par le tissage des mots, les liens universels qui disent l'accord profond de la Création et de la créature.

A partir d'une référence directe à Platon, le poème 82 développe une réflexion sur la relation qui s'instaure entre le poète et le monde :

*Pardonne moi, Platon, si je ne cuide
Que sous la voûte et grande arche des dieus,*

¹⁰ Pontus de Tyard. *Solitaire premier*, éd. Suzanne Baridon. Genève. Droz, 1950. P. 19-20.

¹¹ Ronsard. « Les Isles Fortunées ». *Cinquième livre des Odes*, in *Œuvres complètes*, éd. Paul Laumonier. T. V. V. 1-40. P. 175-177.

¹² Voir Josiane Rieu. *L'esthétique de Du Bellay*. Paris. Nathan-Sedes, 1995.

¹³ L'imaginaire guerrier des *Amours* de 1552-53 (guerre de Troie, mythologie sanglante...) a pu choquer dans une poésie amoureuse.

¹⁴ Voir par exemple les sonnets 16, 20, 47, 167,...

¹⁵ Voir Josiane Rieu. « La fureur lyrique dans les *Amours* de Ronsard (1552-53) », *Aspects du lyrisme du XVIe au XVIIIe siècle*, éd. Réunies par M. H. Cotoni, J. Rieu, J.M. Seillan, Publications de la Faculté des Lettres de Nice. Paris. C.I.D. Diffusion, 1998. P. 17-34.

*Soit hors du monde, ou au profond des lieux
Que Styx emmure, il n'i ait quelque vuide.
Si l'aer est plein en sa courbure humide,
Qui reçoit donc tant de pleurs de mes yeux,
Tant de soupirs, que je sanglote aus cieus,
Lors qu'à mon dueuil Amour lâche la bride ?
Il est du vague, ou certes, s'il n'en est,
D'un aer pressé le comblement ne naist:
Plus tôt le ciel, qui benin se dispose
A recevoir l'effet de mes douleurs,
De toutes pars se comble de mes pleurs,
Et de mes vers qu'en mourant je compose.
(Sonnet 82)*

Le sonnet se présente comme un raisonnement argumenté sur le problème du vide et sur le devenir des larmes. Sous une allure plaisante, puisque, par un jeu hyperbolique, le poète compare le fonctionnement de l'univers à sa propre douleur, se cache une question plus essentielle. Les larmes, et leur place dans le monde, sont une production du poète, comme les vers: les deux sont mis en parallèle au dernier tercet. Le poème dit en substance : il faut imaginer l'existence de vide dans le monde ; car si l'air est plein, qui reçoit le surplus (« mes larmes »)? C'est-à-dire, si le monde est déjà complet, harmonieux et autosuffisant, comment comprendre la présence de l'homme et de ses productions ? L'homme est-il un étranger au monde, ou le macrocosme attend-il sa perfection du microcosme ? Il faut qu'il y ait du vide, dit Ronsard, ou bien, s'il n'y en a pas, le « comblement » ne vient pas d'un resserrement de la matière sur elle-même (« d'un air pressé »), mais le ciel a prévu ces pleurs ou cette création artistique qui le comblent. Le ciel attend, avec bienveillance, cette participation et « se dispose » en vue de cet achèvement. Les pleurs ne sont d'ailleurs pas des manifestations d'une passion désordonnée, puisqu'Amour les régule (leur « lâche la bride » à certains moments) ; ils sont orientés vers les cieus ou le monde (et non repliés sur une relation entre deux amants), et vont emplir l'univers, de toutes parts, retrouvant ainsi la correspondance préparée par la « courbure humide » du cosmos. Le dernier vers délivre plus clairement le sens de l'image : c'est bien le sens et la valeur de la production humaine qui sont en jeu : les pleurs sur le plan affectif, les vers le plan poétique, ne sont pas superflus. Ils disent un véritable sacrifice du poète (« Et de mes vers qu'en mourant je compose »), qui se dissémine dans le ciel, pour achever l'être cosmique. C'est le poète en effet qui recompose l'harmonie du tout, selon l'attente programmée du ciel, tandis que « l'amour » impose aux passions le rythme de l'expression lyrique. Le ciel attend l'homme, et le monde attend le poète, qui contribue, par sa création poétique, à la pulsation vitale du cosmos.

Pour Ronsard, la parole poétique lancée vers les cieus voudrait se confondre avec le langage même de la création, signe parmi les signes, de même nature, sinon qu'elle seule traduit, « interprète »¹⁶, et rend visible la secrète alliance du projet divin et du monde humain:

*Je veus darder par l'univers ma peine [...]
Je veus changer mes pensers en oiseaus,
Mes dous soupirs en Zephyres nouveaux
Qui par le monde évanteront ma plainte.
Et veus encor de ma palle couleur,
Aus bors du Loir enfanter une fleur,
Qui de mon nom et de mon mal soit peinte.
(Sonnet 16)*

Le poète surcharge l'univers d'une réécriture, comme il imagine mettre ses pas dans les pas des Muses, et entrer dans leur danse¹⁷. La danse des Muses, contrairement au délire bachique, représente l'harmonie apollinienne qui recrée l'ordre du monde dans la beauté. Les *Amours* présentent les deux aspects de la fureur passionnelle : l'une, indomptable et sauvage, peut conduire le poète à un trop-plein d'inspiration et à une impossibilité de parler (sonnet 27) ; l'autre, accommodée à la mesure humaine (la mesure aussi qui régit les mouvements de l'univers¹⁸), permet une dynamique harmonieuse. Le poète parvient à se fondre dans les rythmes de la création toute entière:

¹⁶« Ce sont les seuls intèrpretes / Des vrais Dieux que les poètes... » *Bocage* 1550, II, v. 53-54, Laum, II, p. 159. Sur la question de l'interprétation, voir Josiane Rieu, « L'inspiration et l'harmonie du monde dans les Odes de Ronsard », *Le lent brassement des livres, des rites et de la vie*, textes recueillis par M. Léonard, Xavier Leroux et Fr. Roudaut, Paris, Champion, 2009. P. 359-382.

¹⁷Voir L'Hymne de l'automne (1563): « J'allois apres la danse et craitif je pressois /Mes pas dedans la trac des Nymphes et pensois /Que pour mettre mon pied en leur trace poudreuse /J'aurois incontinent l'ame plus genereuse, /Ainsi que l'Ascrean qui gravement sonna /Quand l'une des neuf Sœurs du laurier luy donna. /Or je ne fu trompé de ma douce entreprise... » v. 43-49, *Hymnes*, éd. A. Py, Genève, Droz, 1978. P. 394.

¹⁸Nathalie Dauvois observe aussi chez Ronsard cet idéal inspiré des théories pythagoriciennes en vogue à la Renaissance: « L'œuvre

*Avant qu'Amour du Chaos ocieus
 Ouvrist le sein qui couvoit la lumière,
 Avec la terre, avec l'onde première,
 Sans art, sans forme, estoient brouillés les cieus.
 Ainsi mon Tout erroit sedicieux
 Dans le giron de ma lourde matière,
 Sans art, sans forme, et sans figure entière:
 Alors qu'Amour le perça de ses yeux.
 Il arrondit de mes affections
 Les petis cors en leurs perfections,
 Il anima mes pensers de sa flamme.
 Il me donna la vie et le pouvoir,
 Et de son branle il fit d'ordre mouvoir
 Les pas suivis du globe de mon ame.*
 (Sonnet 53)

Les « affections » du poète servent à polir et parfaire les éléments qui composent le monde: la passion dont le poète se sert pour sa création entre dans un procès ontologique, qui concerne à la fois son être propre et l'univers, puisque le but à atteindre est bien leur mise à l'unisson. Si les éléments de « l'amoureux univers » devaient se dissocier, ils ne se résoudre pas en eau, air, terre ou flamme, dit Ronsard, « Non, mais en vois qui toujours de ma dame / Par le grand Tout les honneurs sonnera » (sonnet 37). La création poétique continue à résonner, au-delà des subjectivités, l'art permet la construction d'un univers qui s'entremêle désormais davantage à l'univers tout entier plutôt qu'il ne reste lié à la personne qui l'a produit. C'est pourquoi le poète vit sa création comme une dissémination de lui-même, par séries de métamorphoses infinies, jusqu'aux confins du monde visible. Il devient le monde et l'imaginaire du monde (dont les personnages mythologiques sont des représentations particulièrement suggestives), et son écriture aussi se fonde dans le monde. Comme Narcisse, qui sent « de son beau sang naistre une belle fleur » (sonnet 153). La parole engendre à nouveau le monde, et le monde, en écho, répercute la parole du poète (« Je vous suppli, ciel, aer et vent, monts et plaines, / Taillis, forêts, rivages et fontaines, / Antres, prés fleurs, dites-le lui pour moi », sonnet 67). Dire, nommer, c'est créer en retour non pas les choses ni même le sujet, mais un lien d'être à être, qui est en lui-même une nomination originelle : originelle parce qu'elle a à voir avec un surgissement absolu. Les « énumérations extatiques »¹⁹ qui scandent les *Amours* placent le pouvoir incantatoire de la poésie au-dessus de toute évocation descriptive, elles ré-ancrent la présence dans la parole prononcée et re-prononcée : « Ce beau corail, ce marbre qui soupire [...] / Me sont au cœur en si profond émoi [...] / Et le plaisir qui ne se peut passer, / De les songer, penser, et repenser, / Songer, penser et repenser encore » (sonnet 23). Dans la simple nomination poétique se joue une relation ontologique qui engage un don de l'être, —et un accroissement réciproque d'être—. Car le don sacrificiel de la personne du poète est aussi un acte de possession, où la métamorphose aboutit à une mise en harmonie avec l'univers:

*« D'une vapeur enclose sous la terre,
 Ne s'est pas fait cet esprit ventueux [...]
 Seuls mes soupirs ont ce vent enfanté,
 Et de mes pleurs le Loir s'est augmenté
 Pour le départ d'une beauté si fière :
 Et m'esbaïs de tant continuer
 Soupirs et pleurs que je n'ai veu muer
 Mon cœur en vent et mes yeus en rivière.*
 (Sonnet 208)

Ronsard croyait-il pouvoir retrouver les rythmes profonds et originels de la Création, par la poésie, ou bien croyait-il seulement à la puissance entraînant d'une passion communicative ? De la même façon qu'il concevait une « contagion » de l'inspiration²⁰, il peut imaginer une efficacité de la musique sur les mouvements de l'âme, qui soit psychologique, et au-delà, spirituelle, grâce à la participation d'une passion contrôlée et néanmoins effusive, toujours en débordement vers l'inconnu²¹. La douceur, ou l'harmonie, provient de cette rencontre entre une réalité indicible, insaisissable, et le rythme de la parole qui la porte à sa communication. La dame chante, et son chant emporte l'âme de l'auditeur dans une ondulation rythmique apaisante, parce que les rythmes profonds de chacun s'y « marient » :

poétique est pour Ronsard, comme la peinture pour Léonard, « *secunda creazione* », parce qu'elle obéit au même principe de proportion, d'harmonie, de cohésion formelle que la nature », *Mnemosyne, Ronsard, une poétique de la mémoire*. Paris. Champion, 1992. P. 225.

¹⁹Selon la belle expression d'André Gendre, Introduction aux *Amours*, éd. Cite. P. 11.

²⁰Cette notion de contagion vient de Platon, *Ion* (§ 503-536).

²¹Voir Josiane Rieu, « Fureur et passion dans les *Amours* de Ronsard », *La Poétique des passions à la Renaissance*, études réunies par F. Lecercle et S. Perrier. Paris. Champion, 2001. P. 73-89.

*Dous est son ris, et sa vois qui me pousse
L'ame du cors pour errer lentement
Devant son chant marié gentement
Avec mes vers animés de son pouce [...].
(Sonnet 38)*

Jupiter lui-même est apaisé par les chants des Muses (sonnet 108), ou bien, —autre métaphore de l'harmonie—, par la beauté des gestes et du sourire de la dame, qui dissipent l'orage (sonnets 43, 142), et ramènent le printemps en hiver (sonnet 107). Le langage pétrarquiste et les notions néo-platoniciennes servent une évocation plus directement méta-textuelle de la poésie, comme moment épiphanique où se rencontrent la passion humaine et la grâce surnaturelle. A force de volonté et de ténacité, la grâce de l'art a creusé un réceptacle pour accueillir la surprise de l'imprévisible Grâce. Dans la poésie amoureuse comme dans toute poésie inspirée, le poète « travaille » avec la surhumaine « merveille » :

*Comme un qui prend une coupe,
Seul honneur de son tresor,
Et donne à boire à la troupe
Du vin qui rit dedans l'or:
Ainsi versant la rousée,
Dont ma langue est arousée,
Sur la race des Valois,
En mon dous nectar j'abreuve
Le plus grand Roi qui se treuve
[...] Muse, ma douce espérance,
Quel Prince frapperons-nous
L'enfonçant parmi la France ?
Sera-ce pas nostre Roi,
Duquel la divine oreille
Humera cette merveille
Qui n'obéist qu'à ma loi ? ²²*

Le poète est le charmeur de grâce, celui qui ordonne et régule la loi de son apparition, qui dispose la coupe et joue avec le feu (le vin, la fureur). Dans ce jeu dangereux, il donne sa vie pour accomplir sa mission pacificatrice, pour réordonner l'univers que le chaos menace toujours : par sa création, il participe à l'unité et à la beauté enfin visible de la Création.

Le lyrisme retrouve ainsi sa vocation originelle. Dans l'imaginaire de l'époque, les personnages mythologiques et bibliques emblématiques de l'alliance entre poésie et musique, David et Orphée²³, se rejoignent car ils témoignent de la perméabilité de l'homme au souffle de l'inspiration divine et de l'origine de la forme lyrique, c'est-à-dire « mesurée à la lyre » (cantique, psaumes), lorsque la parole soulevée par l'Esprit entre dans un rythme qui la transfigure. Même si les arts ont été séparés au fil du temps (comme après Babel la langue unique s'est trouvée éparpillée en une diversité de langages), les poètes et humanistes jusqu'à la fin du XVIe siècle n'ont cessé de vouloir comprendre leur unité profonde. En 1570, Jean-Antoine de Baif fonde l'Académie de Poésie et de Musique, qui a précisément pour vocation de chercher le lien profond et subtil qui unit les arts, et de remonter au plus près de l'origine de cette union, en s'inspirant de la technique des vers mesurés à l'antique. Voici le projet : « Afin de remettre en usage la Musique selon sa perfection, qui est de représenter la parole en chant accompli de son harmonie et melodie, qui consistent au choix, regle des voix, sons et accords bien accommodés pour faire l'effet selon que le sens de la lettre le requiert, ou resserrant ou desserrant, ou accroissant l'esprit, renouvelant aussi l'ancienne façon de composer Vers mesurez pour y accommoder le chant pareillement mesure selon l'Art Metrique. Afin aussi que par ce moyen les esprits des Auditeurs accoustumez et dressez à la musique par forme de ses membres se composent pour estre capables de plus haute connoissance, après qu'ils seront repurgez de ce qui pourroit leur rester de barbarie, sous le bon-plaisir du Roy nostre souverain Seigneur, nous avons convenu dresser une Academie ou Compagnie composée de Musiciens et Auditeurs »²⁴.

²² Odes, I, I, Laum, I. P. 61-63. C'est nous qui soulignons.

²³ Voir Françoise Joukovsky. *Orphée et ses disciples dans la poésie française et néo-latine du XVIe siècle*, Genève. Droz, 1970.

УДК 81'272:811.1

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ LANGUAGE CONTACTS IN A CONTEXT OF SWISS MULTILINGUALISM

Л.И. Родина
L.I. Rodina

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: lilichka.r@mail.ru

В настоящей статье рассматривается вопрос о языковых контактах на территории Швейцарской Конфедерации. Швейцария – небольшое государство в центре Европы, известное своим многоязычием. Языковая политика, проводимая в стране, создает особые условия для языковых контактов, вызывающих интерес у лингвистов. Анализ языковой ситуации и политики позволяет разобраться в тонкостях языковых контактов в условиях многоязычия.

This article deals with the problem of language contacts in Swiss Confederation. Switzerland is not big country in central Europe, known for its multilingualism. Language policy creates special conditions for the language contact, which are interest among linguists. Analysis of the linguistic environment and the policy allows understanding the peculiarities of language contact in the context of multilingualism.

*Ключевые слова: языковая ситуация, языковая политика, языковые контакты, заимствования.
Keywords: language environment, language policy, language contacts, loanword.*

Функционирование языка зависит от множества факторов: общества, его истории, структуры и политики государства. Швейцария, многоязычная страна, расположенная в центре Европы, с богатой историей и «окруженная» такими мировыми культурными, политическими и экономическими центрами, как Франция, Германия, Италия и др., она представляет собой большой интерес для лингвистов.

Рассматривая языковую ситуацию в Швейцарии, отметим языковое многообразие. Швейцария является конфедеративным государством, в котором сегодня представлено 4 языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Кроме того, в стране насчитывается множество диалектов и языков, на которых говорят иностранные граждане, проживающие на территории Швейцарии. В 2013 году в Швейцарии насчитывалось около 7,945 млн. человек, из них немецкоязычное население составляет 63,5% (около 5 045 000 человек), франкоязычное – 22,5% (около 1 780 000 человек), итальянское – 8,1% (около 640 000 человек), ретороманское – 0,5 % (менее 40 000 человек), остальные языки – 5,4% (440 000 человек). Статистика за последние десятилетия показывает сокращение численности немецкоязычного и ретороманского населения, в то время как франкоязычное и италияязычное население увеличивается [11].

Языковая политика

Языковая политика в Швейцарии достаточно противоречива. Некоторые исследователи и вовсе говорят о ее отсутствии как таковой, что трудно представить возможным в стране с такой богатой языковой палитрой. Становление языковой политики в Швейцарии можно отнести к 1848 году, когда был принят первый закон о языках. В нем немецкий, французский и итальянский языки объявлялись национальными и говорилось, что расходы по переводу документов общешвейцарского значения берет на себя государство. Внесенные в конституцию поправки в последующие годы, так или иначе, были направлены на поддержание только немецкого, французского и итальянского языков, дискриминируя тем самым другие формы речи, существовавшие в то время в Швейцарии. Это касалось и ретороманского языка, пока в 1938 году по просьбе властей кантона Граубюнден в конституцию не было внесено изменение, согласно которому ретороманский язык был дополнительно включен в число национальных. Этот шаг властей объясняли желанием швейцарцев продемонстрировать свое уважение к малым национальным группам и традиционную приверженность принципам демократии на фоне расцвета в тот период в соседней Германии

нацизма. Такая политика сохраняется и по сей день, несмотря на большие расходы, связанные с поддержанием ретороманских диалектов. Это позволило не только сохранить ретороманские диалекты, но и образовать на их основе единый ретороманский стандарт [6, 37].

В настоящий момент официальными языками Конфедерации являются немецкий, французский и итальянский. Ретороманский язык также является официальным языком, он служит средством общения Конфедерации с лицами, пользующимися ретороманским языком.

Противоречивость языковой политики по отношению к литературным языкам и диалектам, на которых говорят в Швейцарии, находит свое отражение и в правовых принципах использования языков.

Принцип равноправия языков. Право граждан на пользование любым языком страны означает возможность обращения к представителям государственной власти на всей территории Швейцарии на любом из официальных языков и обязанность служащих исполнять свои функции на каждом из этих языков. Данный принцип соблюдается не всегда строго, особенно на провинциальном уровне, где не исключаются случаи дискриминации малых неофициальных языков.

Принцип свободы языкового выбора. Гарантия свободы выбора языка не только является демократической ценностью, но и направлена на поддержание национальных языков страны. Принцип свободы языка вступает, однако, в противоречие со следующим принципом.

Принцип языковой территориальности. Данным принципом предусматривается применение некоторых юридических правил, связанных с существованием языков на определенной территории. Так, закон устанавливает использование мажоритарного языка региона во всех официальных областях социальной жизни. Например, несмотря на принцип свободы языкового выбора, школьное образование будет предоставляться только на официальном языке данной территории. Таким образом сохраняется языковая ситуация в Швейцарии и исключается возможность угрозы культуре, распространенной на определенной территории. В пограничных районах, где в связи с социальными процессами соотношение языков меняется быстро, защита языковых границ ослабляется искусственно ради исключения социальных конфликтов [6, 41].

Языковая политика на территории Швейцарии создает особые условия для языковых контактов.

Языковые контакты

Среди зарубежных исследователей, стоявших у истоков контактной лингвистики, следует отметить таких как У. Вайнрайх, А. Мартине, Э. Сепир, У. Д. Уитни, Э. Хауген, Г. Шухардт и др. Что касается отечественных лингвистов, то интерес к данному вопросу проявляли И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба и др. В настоящее время вопросам языкового контактирования также уделяется значительное внимание. Они рассматривались в работах Р. Аппеля, П. Муискена, А. Кеффелека, С. Лафаж, О. Массуму, К. Майерс-Скоттон, М.М. Нгалассо, С.Г. Томасона, Т. Кауфмана и др., а также отечественных лингвистов – Ж. Багана, В.А. Виноградова, В.М. Дебова, В.Т. Клокова, Н.Б. Мечковской, А.М. Молодкина, А.Ю. Русакова.

Как и многие фундаментальные научные понятия, понятие языковой контакт не имеет строгой дефиниции. В отечественном языкознании встречается определение языкового контакта как «речевого общения между двумя языковыми коллективами» [9]. О. С. Ахманова также понимает этот термин, как «...соприкосновение языков, возникающее вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения человеческих коллективов, говорящих на разных языках» [9, 535].

В современных трудах можно встретить следующие определения: «взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру и словарь одного или многих из них» [5, 237]; «языковой контакт – это предельно широкий класс языковых процессов, обусловленных разного рода взаимодействием языков» [7, 178].

Однако в последнее время некоторые лингвисты склоняются к мнению, что термин «языковые контакты» – это лишь метафора, пусть довольно удачная и широко распространенная в научной литературе. На самом деле возможны контакты не языков, а их носителей. Действительно, заимствование иноязычных элементов возможно лишь в условиях межкультурной коммуникации, то есть коммуникации между представителями различных культур. Любая ситуация общения определяется конкретными участниками этого общения и их целями, она является неповторимой в силу субъективного характера как самих целей общения, так и других субъективных характеристик вступающих в контакт людей. Наряду с субъективными характеристиками существуют и объективные, социальные аспекты, представленные нормами речевого поведения, принятыми в каждой конкретной культуре для социально маркированных ситуаций [2,11].

А. М. Молодкин в монографии «Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте» сводит круг вопросов, касающихся языковых контактов к трем основным проблемам: двуязычию, интерференции и конвергенции [8].

У. Вайнрайх определяет двуязычие как «практику попеременного пользования двумя языками» [3, 27]. Двуязычие – частный случай многоязычия, но поскольку двуязычные ситуации представляют собой наиболее распространенный случай многоязычия, термин «двуязычие» чаще употребляется, чем «многоязычие», и нередко используется вместо последнего. Наряду с ними широко известны и употребляемы термины «билингвизм» и «мультилингвизм». Под интерференцией У. Вайнрайх понимает «...случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [4, 2]. Конвергенция, по определению В. Ю. Розенцвейга, это – «изменение контактирующих языков, которое лингвистически описывается как уподобление характеристик их означаемых и означающих и правил обращения с ними и исторически интерпретируется как результат контактов».

Контактируя, языки оказывают друг на друга определенное влияние в области лексики, грамматики, синтаксиса и т.д. Многие лингвисты считают основным результатом взаимодействия языков заимствования. Как уже неоднократно отмечалось многими исследователями, заимствование – это явление социолингвистическое, которое характерно для любого периода развития языка, при этом источники заимствования меняются в зависимости от ориентации общественных интересов в каждую историческую эпоху.

Одна из наиболее полных классификаций языковых контактов была приведена С. В. Семчинским:

1. Одностороннее воздействие на одном лингвистическом уровне определенного языка.
2. Двустороннее воздействие на одном лингвистическом уровне взаимодействия языков.
3. Одностороннее воздействие на разных лингвистических уровнях одного языка.
4. Двустороннее воздействие на разных лингвистических уровнях взаимодействующих языков. [10]

Что касается языковых контактов на территории Швейцарии, то на них большое влияние оказало множество факторов: исторический, политический, географический, экономический и др.

Так, отметим, что на момент принятия первого закона о языках в Швейцарии литературными формами немецкого, французского и итальянского пользовались только представители элиты, и зачастую, будучи полиглотами, они могли свободно общаться с иноязычными швейцарцами. Народные массы с литературными стандартами были знакомы мало и общались главным образом на алеманских, франко-провансальских, ретороманских и итальянских диалектах, что затрудняло межэтническое общение. Придание немецкому, французскому и итальянскому языкам национального статуса обязало всех учить и пользоваться этими языками в зонах их распространения. Но постепенно в немецкой и французской зонах стали проявляться противоположные тенденции: франко-швейцарцы стремились к развитию литературного, пусть и неродного, французского, языка (в основном путем распространения грамотности через религиозное и школьное образование), и к сокращению роли франко-провансальского языка. Немецкоязычное население, наоборот, продолжало и продолжает ориентироваться на родные алеманские диалекты, пренебрегая литературным стандартом чужого, немецкого, языка. Большая разница между немецким официальным языком Швейцарии и алеманскими диалектами, отказ от использования немецкого языка в большинстве сфер общения дает основание некоторым исследователям расценивать литературный немецкий язык как иностранный для немецкоязычного населения Швейцарии. Такое положение вещей позволяет рассуждать о языковых контактах на внутриэтническом уровне. Литературный стандарт испытывает непосредственно влияние местных и региональных диалектов. Такое прямое воздействие проявляется в частности в наличии в письменном языке реликтов более ранних ступеней развития (например, *Rank*, свн. *ranc* „*Kurve*“).

В качестве межэтнического контакта стоит рассмотреть взаимодействие немецкого и французского языков. В сложившейся экономической ситуации после Второй мировой войны, когда в немецкой части Швейцарии установились тесные торговые связи с Федеративной Республикой Германией, в то время как связи франкоязычных швейцарцев с соседней Францией складывались не так благоприятно, север Швейцарской Конфедерации довольно быстро превратился в развитый промышленный и торговый район страны, обогнав Французскую Швейцарию. Помощь швейцарских немцев в восстановлении или создании промышленных предприятий на романской территории воспринималась как попытка экономической колонизации, так как ведущие посты в управлении на таких предприятиях отводились представителям Немецкой Швейцарии. Несмотря на это все, было замечено, что если романоязычные швейцарцы, переселившиеся в немецкоязычные кантоны, минимально подвержены ассимиляции, то немецкоязычные переселенцы в романоязычных регионах Швейцарии легко поддаются романизации. Отсюда следует, что

представителям франкоязычной Швейцарии немецкоязычная культура практически не угрожает, причем как при миграции франкофонов в немецкоязычные кантоны, так и при миграции швейцарских немцев во Французскую Швейцарию. Многие немецкие швейцарцы, переселившиеся в романскую часть страны, уже во втором поколении полностью забывают язык своих предков. А в немецком языке в свою очередь появляется все больше французских заимствований из самых разных сфер деятельности: *Camion* (грузовая машина), *Decor* (украшение, художественное оформление), *Depot* (залог за займы), *Email* (эмаль), *Equerre* (треугольник, угломер), *Fauteuil* (мягкое кресло), *Kondukteur* (кондуктор, проводник), *Manicure* (маникюр), *Neglige* (неглиже, утренний, домашний халат), *Patron* (работодатель, владелец предприятия), *Salär* (заработная плата), *Tenue* (костюм, униформа), *Velo* (велосипед) и др. В данном случае можно говорить о преимущественно одностороннем воздействии французского языка на немецкий.

Таким образом, языковые контакты в условиях многоязычия Швейцарии разнообразны и требуют особого подхода к их анализу и классификации. В результате особой языковой ситуации и политики на территории Швейцарии можно говорить о языковых контактах на межэтническом (например, французский – немецкий) и внутриэтническом (например, немецкий – алеманский диалект) уровнях.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Багана Ж., Хапилина Е. В. Контактная лингвистика: Взаимодействие языков и билингвизм: монография – М.: Флинта: Наука, 2010. – 128 с.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 25-60.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования / пер. с англ. – Киев: Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те, 1979. – 263 с.
5. Иванов В.С. Языковые контакты // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 237-238.
6. Клоков В.Т. Французский язык в Швейцарии // Территориальные варианты романских языков. – Саратов: Издат. центр «Наука», 2009. – 216 с.
7. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 207 с.
8. Молодкин А.М. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 184 с.
9. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 5-22.
10. Семчинский С.В. Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Киев, 1973. – С. 34..
11. BFS, Neuchâtel. Sprachen, Religionen – Daten, Indikatoren Sprachen [Электронный ресурс] / Statistik Schweiz – Режим доступа: <http://www.bfs.admin.ch/bfs/portal/de/index/themen/01/05/blank/key/sprachen.html> (дата обращения – 20.09.2015).

УДК 821.133.1-93

**ОТ ЗВУКА К СМЫСЛУ: ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ****FROM SOUND TO SENSE: PHONOSTYLISTIC DEVICES
IN THE FRENCH POETRY FOR YOUNG READERS****М.П. Тихонова
M.P. Tikhonova**

*Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Smolensk State University, 4, Przhevalsky St., Smolensk, 214000, Russia*

E-mail: brick_67@bk.ru

В статье исследуются разнообразные формы игры со звуком, встречающиеся в творчестве современных французских поэтов, пишущих для детей. Отмечается значимость звуковой стороны в детской поэзии в связи с психолого-физиологическими особенностями ребенка. Рассматриваются вопросы звукописи и звукового символизма. Анализируются как распространенные (аллитерации, ассонансы, ономатопеи), так и более редкие фоностилистические приемы (графон, рифма-«бабебина», эхо-рифма, таутограмма, таутофония, липограмма, панторифма).

The article deals with various forms of the sound play which are present in the works by contemporary French poets writing for children. The author points out the importance of the sound aspect in the children's poetry which is due to psychological and physiological peculiarities of the child. Some examples of sound patterns and sound symbolism are observed. The article presents also an analysis of the common phonostylistic devices (alliteration, assonance, onomatopoeia), as well as of the rarer ones (cacography, "babebine" rhyme, echo rhyme, tautogram, tautophony, lipogram, holorime).

Ключевые слова: современная французская поэзия для детей, фоностилистические приемы, звуковой символизм, звукопись, формы игры со звуком.

Key words: contemporary French children's poetry, phonostylistic devices, sound symbolism, sound patterns, forms of sound play.

Введение

Как известно, звуковая сторона стиха является активным проводником смысла. Это неотъемлемая, глубоко органичная часть в системе средств поэтической коммуникации. Особенность стихов во многом определяется именно их звуковым обликом, хотя чаще всего не ограничивается лишь этой стороной. Л.П. Якубинский, определяя место «звуковому» в поэзии, говорит о возникновении, существовании и осознании незвукового аспекта только по отношению к звуковому: «Звуковое определяет стихи» [8, с. 194].

Безусловно, звуковая сторона поэтической речи не может быть сведена только к набору звуков, к их скопленению. Особые звуковые средства используются в интересах текста как смыслового целого и в зависимости от конкретных коммуникативно-эстетических задач могут подавляться преимущественным вниманием к другим сторонам текста.

Можно предположить, что в детской поэзии звуковой аспект играет более значимую роль, чем в поэзии для взрослого читателя. Это связано со специфическими физиологическими и психическими особенностями ребенка, с его особым восприятием окружающей действительности, реально-предметным складом мышления.

Для ребенка характерна страсть к игре звуками, повторы, «обкатывание» звуков, их соединение в разные комбинации. Такой игре дети могут предаваться бесконечно, получая огромное удовольствие от своих «фонетических упражнений». Вспомним работу французского писателя и поэта Андре Спиря о поэтическом и мышечном удовольствии «Plaisir poétique et plaisir musculaire» [20]. Российский исследователь литературы С.Б. Рассадин говорит о «материальном ощущении звука», свойственном ребенку: любое сочетание звуков может для него реализоваться во что-то зримое, осязаемое [6].

Авторы, пишущие для детей, безусловно, учитывают указанную специфику, ведь детская поэзия прежде всего предназначена для чтения вслух. Слуховая, фонетическая оболочка детского стихотворения рассчитана на ребенка-слушателя в большей степени, чем на ребенка-читателя. Главная ценность таких произведений иногда может заключаться именно в музыкальности, в звучной фонетике.

Как известно, звуки обладают определенными характеристиками, способностью соответствовать каким-то качествам, явлениям и выражать различные эмоциональные состояния. Одна из классификаций, показывающих соответствие звуков и состояний, которые они могут передавать, принадлежит известному французскому лингвисту Морису Грамону («*Le vers français*») [16].

Тесной связи между звучанием и смыслом слова посвящена работа Романа Якобсона «Звук и значение» [7]. Автор обращается к поэтическому языку, где звук как таковой имеет самостоятельную значимость: звуковой символизм актуализируется и создает нечто вроде аккомпанемента означаемого. Р. Якобсон пишет: «В силу тесной связи между звуками и значением в слове, у говорящих возникает потребность это внешнее отношение дополнить внутренним, смежность дополнить сходством, “рудиментом” изобразительного начала» [7, с. 89].

Таким образом, свойства звуков, которые разными людьми воспринимаются более или менее одинаково, вызывая те или иные ощущения, ассоциации или эмоции, предоставляют в распоряжение поэтов богатую палитру звуковых красок, с помощью которых они создают яркие картины и образы.

Распространенные и специфические формы игры со звуком во французской детской поэзии

Во французских стихотворениях для детей мы встречаем разнообразные формы игры со звуком, начиная от распространенных, таких как аллитерации, ассонансы, ономотопеи, и заканчивая более редкими, близкими к так называемой «прикладной» поэзии.

Насыщая текст различными гласными и согласными, имеющими какой-то конкретный звуковой прообраз, поэты передают звучание природы. Например, шум ветра в стихотворении Ж.-Л. Моро «*Le vent fou*»:

Le vent fou dans l'herbe folle
Batifole,
Batifole,
Le vent fou dans l'herbe folle
Batifole, et chaque nid.

Sent vibrer dans la ramure
Qui murmure,
Qui murmure,
Sent vibrer dans la ramure
Le grand vent de l'infini.

[17, с. 7]

В этом стихотворении сразу же обращает на себя внимание сгущение гласных *u*, *o*, *i* и согласных *f*, *g*, *l*, которые, являясь единицами ритмико-семантической структуры поэтического целого, неравномерно распределяют между собой функции в текстообразовании. Ассонанс как повтор гласного в позиции под ударением, сам по себе служащий ритмическому подчеркиванию, как бы «обрастает» повторяющимися согласными, что усиливает эмфатический эффект. При этом повторяемым сегментом в аллитерации выступает не согласный сам по себе, а определенная ритмико-фонетическая структура, формируемая консонантно-вокалическими сочетаниями с постоянными ритмическими характеристиками: *fou*, *fol*, *mur*. Сочетания гласных и согласных в приведенном примере имитируют звуки природы: шум ветра и шелест листьев. Мы видим, как умело используемая поэтом игра звуков, выбор которых диктуется содержанием текста, порождает синтез формы и содержания и точно передает реальную зарисовку мимолетного состояния природы, создавая своего рода «озвученный пейзаж».

В фонологической игре поэты опираются на оценочную способность звуков по шкале: приятный – неприятный, красивый – некрасивый, легкий – тяжелый, темный – светлый и т.д., а также на наличие в языке звукоподражательных элементов, т.е. на явление ономотопеи [15].

Прием ономотопеи очень распространен в детской поэзии. Поэты воспроизводят звуки, издаваемые людьми, животными, всевозможными механизмами, а наиболее употребительными

звуковыми имитациями являются те, которые подражают тиканию и бою часов (tic-tac, bim, bam, bom), голосам зверей и птиц (coïn-coïn, quoi-quoi, coucou, ouah-ouah), восклицаниям человека (oh, ah, ha-ha, hou-hou, oh là là), работе различных механизмов и орудий (jiki-jiki, zim, zoum, teuf-teuf, toc-toc, tare-tare), падающим каплям дождя (plic-ploc, floc).

Приведем в качестве примера использования ономотопеи стихотворение Ги Шати «À sa façon»:

Un pinson m'a dit cui cui
là que fais-tu tu lis ?
la la la tu lis tu lis
Oui oui lui répondis-je
toi tu fais bien tu-tu tu-tu
Chacun s'occupe à sa façon
son son dit le pinson

[12]

С помощью ономотопей, передающих пение птиц, как традиционных (cui-cui, tu-tu), так и окказиональных, авторских (la-la, son-son), поэт изображает песню зяблика. Звуковая игра подкреплена созвучными со звукоподражаниями знаменательными словами или их частями: que fais-tu, tu lis, là, tu fais, façon, pinson. Эти слова гармонично вписываются в звуковой рисунок текста благодаря многократному повтору и переключке с омофоничными ономотопеями, что способствует выдвиганию на первый план именно звуковой, музыкальной стороны: грань между смыслом и звуком постепенно стирается.

Игровое использование ономотопеи, которая становится конституирующим принципом построения поэтического текста, мы находим у Жан-Люка Моро в каллиграмме о дожде «Petite pluie». Это пример типографской поэзии, появившейся в XX веке. Такие стихотворения не только содержат код к их интерпретации (расположенные определенным образом элементы текста указывают читателю, как это стихотворение должно быть прочитано), но в их форме отражено содержание текста. В этом случае происходит переход от стихотворения-партитуры к стихотворению-картине:

Plic !

Plic ?...

Plic...

plic,
plic,
plic !

Plic,
ploc,
plic,
ploc,
plic,
plic,
plic
ploc...

Plic, plic ploc plic,
plic, plic, ploc,
plic, plic plic, plic,
plic, plic ploc

Plic-plic-plic-plic-plic-plic-plic
plic-ploc-plic-ploc-plic-ploc-plic
ploc-ploc-ploc-ploc-ploc-ploc-ploc
ploc-plic-ploc-plic-ploc-plic-ploc
plic-plic-plic-plic-plic-plic-plic

Ploc, ploc, plic
ploc, ploc, ploc, ploc,
ploc, ploc, plic,
ploc, ploc, plic, ploc,

Ploc,
plie,
ploc,
plie
ploc
ploc
ploc,
plie...

Ploc,
ploc...

Ploc!

Pl...

[17, с. 68-70]

К игре звуками здесь подключается графическая игра. Слова-ономатопеи этой каллиграммы расположены так, что создают рисунок капающих капель дождя. Используемые автором шрифты различной величины и более или менее близкое расположение ономатопеических элементов стихотворения (plie, ploc) дают вполне определенный способ его устной интерпретации, на который обращает внимание сам автор в предисловии к стихотворению: начинается ливень, сначала медленно падают редкие капли дождя, потом дождь усиливается и в конце затихает. Начало стихотворения произносится шепотом, далее голос становится громче, достигает крещендо и постепенно вновь сводится к шепоту. Как в настоящей музыкальной партитуре, автор прибегает к музыкальной терминологии: *le crescendo culmine dans un furioso suivi d'un decrescendo*: крещендо достигает высшей точки – фуриозо – и затем переходит в декрещендо, т.е. идет на убыль. Поэт предлагает читать это стихотворение группой, оно может быть обыграно в театральной инсценировке или пантомиме. При желании возможно добавление дополнительных звуковых акцентов, например, звуков грома.

Таким образом, автор обращается к рецептивному потенциалу детской поэзии, приглашая юных читателей к активному восприятию текста, к сотворчеству. Игра как основа творческого освоения мира ребенком становится здесь ведущей художественной формой поэзии, реализуя развивающую функцию, которая направлена на эстетическое, психологическое и обучающее воспитание.

Пример стихотворения, состоящего из одной ономатопеи, передающей крик осла – hi han, мы находим и у другого известного французского автора – Жака Рубо. Необычность стихотворения об осле «L'âne» проявляется еще и в том, что оно написано в форме сонета (два катрена и два терцета). Однако оно представляет собой не классическую сложную стихотворную форму. Перед нами пример однофразового (по определению Э.М. Береговской [2; 3]) поэтического текста:

hi
han
han
hi

hi
han
han
hi

hhan
hhan
hhii

hhhan
hhii
hhhhhhaan

[19]

Этот сонет, как шутливо отмечает Ж. Рубо – «из неопубликованного», помещен в послесловие к поэтическому bestiariu «Les animaux de tout le monde». С присущим ему юмором поэт пишет, что он чуть было не забыл включить в сборник этот текст, надиктованный ему самим героем.

Одно из ярких проявлений людической функции в детской поэзии связано со словотворчеством, словообразованием. Результатом индивидуального словотворчества являются авторские образования (стилистические неологизмы, окказионализмы), обладающие непредсказуемостью, образной (оценочной) коннотацией, ненормативностью. Иногда в основу окказионализма ложится оноματοпея:

Plic plac
Il pleut sur la flaque
Plic ploc
La pluie s'en moque
Plic plic
Pa-ra-pluic!

[1, с. 114]

В этой поэтической миниатюре Алена Серра о дожде существительное parapluie (зонт) принимает неожиданное окончание, созвучное с оноματοпеей plic, передающей звук капающей воды, – parapluiс. Это авторское новообразование отличается своей структурной необычностью, которая создается за счет нарушения валентности словообразовательных компонентов. Именно благодаря своей структуре окказионализм сам по себе служит мощным стилистическим сигналом.

Авторское отступление от нормативного написания может реализовываться и в виде графона – фигуре речи, заключающейся «в намеренном и прагматически мотивированном отклонении от нормативного графического и/или орфографического облика слова для достижения какого-либо стилистического эффекта» [9, с. 117-118]. Основная функция этих графических модификаций как фиксации фонетических особенностей произносимого слова и словосочетания – экспрессивно-выделительная, например, при создании колорита живой разговорной речи путем выделения в речевой партии персонажа черт, характеризующих его. Подобные авторские отступления от нормативного написания используются с целью создания речевой характеристики образа для передачи каких-то физических или психологических характеристик героя. Графону присуще и опосредованное значение – создание юмористического или иронического эффекта.

Интересный пример звуковой игры в виде сочетания оноματοпеей и графонов «в духе Реймона Кено» мы находим у молодой французской поэтессы Мари-Ортанс Лакруа.

Автор воссоздает утренний «диалог» между папой и его машиной – «Dialogue entre mon papa et sa voiture (enregistré le 11 janvier 1998 à 7 heures du matin)»: машина никак не заводится, издает чихающие, кашляющие звуки; папа в нетерпении, он никак не может понять, в чем дело, возмущается, ругает, «поторапливает» машину, пока та, в конце концов, не трогается с места:

Glaglagla
Alors alors alors

Hein bon euh hein bon

Ploc ploc

Non mais dis donc là ho dis donc
Savapasspassécommsavapasspassécomm

Glouglou

Abon

Bidule truc bougie machin
Alorskesketakivapa
Kesketaakesketakesketa
Kesketaakesketactactatatata-a-ta-a-a-vroum
Amaitoudmêmmêmmêm !

Tchouf tchouf ploc ploc tchouf tchouf ploc ploc

Hello pretty mo-orning !

[14]

Вслед за Р. Кено, много экспериментировавшего с языком, поэтесса прибегает к разного рода фонетическим деформациям. Особенно любопытны случаи фонетического письма, демонстрирующие недовольство владельца машины: Savapasspassécommsa, Kesketa, Amaitoudmêm. Звуковой эффект этих графонов усиливается за счет их многократного повтора, а также благодаря

звукоподражательным элементам, рассыпанным по всему тексту. В этих ономастопеях мы слышим «голос» машины – причудливые звуки, издаваемые ее неисправным мотором: glaglagla, tchouf tchouf, ploc ploc.

Как известно, большая роль в формировании звуковой стороны стихотворного текста принадлежит рифме. Одной из специфических форм игры со звуками, характерной для французской поэзии, являются так называемые рифмы-«бабебины» – les rimes babébines. Вот как определяет «бабебины» современный французский поэт, пишущий для детей, исследователь поэзии Жак Шарпантро в своем словаре французской поэзии «Dictionnaire de la poésie française»: рифмы-«бабебины» представляют собой отдельные слова или окончания слов, идентичные по составу согласных (это своего рода их «каркас»), но с меняющимися в алфавитном порядке гласными буквами: а, е, і, о, u. Именно такого рода буквосочетания (согласный + гласный) традиционно используют при обучении детей чтению, когда к согласной b (или к любой другой) по очереди присоединяются гласные: ba, be, bi. Отсюда и пошло название приема – les babébines [10, с. 87–88]. Именно строго алфавитная последовательность гласных отличает «бабебины» от обычного контрассонанса, базирующегося на омофонии согласных в конце стиха.

Поскольку во французском алфавите пять гласных букв, классическая форма стихотворения-«бабебина» – пятистишие, или квинтет (le quintil). Интересный стихотворный пример «бабебин» мы находим у Жан-Люка Моро – одного из самых «игровых» современных детских поэтов:

Que les bœufs soient gras,
Je leur en sais gré,
Disait le loup gris,
Mais qu'ils soient si gros,
C'en est incongru !

[18, с. 68]

Волк – герой стихотворения «Les loups et les bœufs» – радуется тому, что быки такие упитанные («жирненькие» – gras), и благодарен им за это, но вместе с тем он упрекает быков в слишком крупном, неудобном для него размере. Волк говорит, что быть такими большими «неприлично».

Ж.-Л. Моро использует в качестве «каркаса» сочетание согласных gr, словно нанизывая на него поочередно гласные: **gras** – **gré** – **gris** – **gros** – **incongru**. Настойчивое повторение согласных звуков, с одной стороны, и поступательная смена гласных, с другой, создают тот самый своеобразный звуковой рисунок, который характерен для рифм-«бабебин».

Особенность стихотворения Ж.-Л. Моро состоит еще и в том, что оно написано редким для французской версификации пятисложным размером – пентаметром (le pentasyllabe, le pentamètre). Благодаря этой необычной метрике текст приобретает законченную, математически совершенную форму: 5 стихов × 5 слогов = 25.

Среди раритетных и очень ярких игровых фоностилистических приемов в детской поэзии встречаются таутограмма, таутофония, липограмма, панторифма (голорим) и некоторые другие. Рассмотрим далее наиболее интересные из встретившихся нам примеров.

Таутограмма, как известно, – это текст или стихотворение, в котором все или почти все слова начинаются с одной и той же буквы (звука) [1, с. 165].

Таутограмма близка скороговорке – игровому жанру, заимствованному из устного народного творчества. Важнейшей характеристикой любой скороговорки является быстрое произнесение фразы из серии слов, состоящих из повторов близких, почти тождественных элементов.

Во французском языке есть множество скороговорок для тренировки произношения звука s. Они существуют в разных вариантах, например: Si six cents scies scient six cents cigares, six cent six scies scieront six cent six cigares. Si six scies scient six cyprès, six cent six scies scient six cent six cyprès. Si six cents scies scient six cents saucisses, six cent six scies scieront six cent six saucissons.

Эти скороговорки и выступили в качестве исходного материала для стихотворения бельгийского франкофонного поэта Пьера Корана «Si six cents couteaux-scies»:

Si six cents couteaux-scies,

Si six cents couteaux-scies
Scient, en six,

Si six cents couteaux-scies
Scient, en six,

Six cent six saucisses,
 Si six cents couteaux-scies
 Scient, en six,
 Six cent six saucisses,
 Qu'obtient-on au total ?
 Une cuisine sale.

[13]

Необычайно высокая концентрация звука *s*, который встречается в этом небольшом по объему тексте 38 раз, превращает стихотворение в длинную труднопроизносимую скороговорку. Однако звуковая игра, выходящая здесь на первый план, дополнена юмористической окраской: после многократно повторенного предположения «что же произойдет, если с помощью 600 ножей разрезать 606 сосисок на шесть частей?» поэт приходит к заключению, что в итоге не получится ничего, кроме грязной кухни.

Мы уже говорили об обучающем потенциале детской поэзии. Анализ современной французской литературы для детей показывает, что она продолжает выполнять во все века свойственную ей дидактическую функцию, образовывать и воспитывать ребенка, формировать его личность. Однако сегодняшние авторы не стремятся поучать, наставлять ребенка, читать ему нотации. Дидактический потенциал детской литературы, как это видно и из наших стихотворных примеров, сегодня чаще всего реализуется в игровой форме.

Рассмотренному нами приему таутограммы близка таутофония, суть которой в том, что в текст включаются слова, обязательно содержащие какую-то заранее выбранную букву. Однако, в отличие от таутограммы, повторяющаяся буква встречается не в начале, а в середине слова [11, с. 162].

Приведем в качестве примера стихотворение-таутофонию Жака Шарпантро «Poésie fleurie». Все слова этой похожей на скороговорку считалки включают букву *i*:

Si Sylvie vient ici
 Dis-lui bien qui sourit:
 Six petites souris
 Cultivent six soucis.

[11, с. 120]

Игра гласным звуком усиливается здесь многократным повтором согласного звука *s*. Подобные структуры могут быть сравнимы с самодостаточным и совершенным микрокосмом, каждый отдельный элемент которого отражает целое.

Противоположностью таутограммы и таутофонии является липограмма, построенная на умышленном исключении того или иного звука (буквы). Липограмматический стих известен с античных времен. Он принадлежит к области так называемой «загадочной поэзии». Особенностью липограммы является ее способность оставаться незамеченной. Вспомним известный роман Жоржа Перека «La Disparition», в котором автор ни разу не употребил слова с буквой *e* – самой частотной во французском языке, и большинство читателей, включая литературную критику, не увидели в романе эту «аномалию».

В детской поэзии липограмма чаще всего присутствует в форме загадки. Авторы, как правило, дают подсказку своим читателям, обращая их внимание на некие особенности текста, предлагают читателям игру – найти ответ на вопрос. Пример загадки-липограммы мы встречаем у Жака Шарпантро:

Son nom
 (lipogramme)
 Là-bas, voilà parti
 Mon ami favori.
 Qui dira sans façon
 Son nom?
 eh?

[11, с. 23]

Как и Перек, Ж. Шарпантро исключает из текста загадки букву *e*, которая появляется лишь в последнем стихе, как намек и подсказка читателям. Эта загадка-липограмма выполняет, помимо ludической, и дидактическую функцию: автор знакомит юных читателей с интересным, новым для них, приемом литературной игры.

Еще один игровой прием – панторим (панторифма), или голорим (*holorime, olorime*) – определяется как стихотворение или часть стихотворения, в котором почти все слова рифмуются между собой [5, с. 192]. Панторим понимают как парные созвучия всех слов или всех слогов в двустипии.

Панторимы, которые активно практиковали Великие риторики (у них множественные созвучия в стихе были выверены ритмически и семантически), со временем потеряли торжественное и приобрели комическое звучание, переместились в детскую и игровую поэзию. Интересный панторим встречается у Люсьены Дену в стихотворении о рассерженном дрессировщике морских животных «*Le dresseur d’animaux marins se fâche*»:

Ce cachalot
Se cache à l’eau.
Cétacé, paraissez,
C’est assez paresser ! [1, с. 80]

В данном случае совпадение звучания парных стихов настолько точное, что можно говорить уже не просто о параллельной рифмовке, а о фонетически точном параллелизме, о полностью омофонических стихах, следующих, по крайней мере по форме, традициям средневековых риториков.

Следует заметить, что французский язык способствует подобным звуковым экспериментам: «богатство омофонами в любых, самых минимальных фонетических последовательностях и приводит к рождению таких “экивоков”, каламбуров и других форм» [4].

Elle trouvait
les lys
trop lisses
et les lilas
trop las

Elle trouvait
les muguets
trop gais
et les ombelles
trop belles

Elle trouvait
les coquelourdes
trop lourdes
et les campanules
trop nulles

Il lui offrit
un bouquet
de simples

Jean-Claude Touzeil «Bouquet» [22]

Капризная героиня процитированного стихотворения отвергает все цветы, которые преподносит лирический герой, и тот, отчаявшись, дарит ей букет из лекарственных растений. Этот поэтический текст выстроен по принципу эхо-рифмы: «рифмующиеся в стихах парные слова, из которых второе, обычно односложное или двусложное, полностью повторяет последний или два последних слога первого» [5, с. 362]. Эхо-рифма создает звуковые повторы-отголоски, определяющие музыкальность стихотворения. Этот прием приобщает ребенка и к тайнам языка, показывая ему, что разные слова могут звучать одинаково (*lys – lisses*), что в одних словах могут «прятаться» другие (*lilas – las, ombelles – belles*).

Заключение

Таким образом, исследованный материал показывает, что современная французская детская поэзия дает нам множество интересных примеров различных сочетаний звуков, которые используются как особый художественный прием с явным людическим эффектом.

Чаще всего в основе фонологической игры лежат ономатопеические элементы, а также аллитерации и ассонансы.

В целом, игра со звуком в детской поэзии определяется прежде всего свойственным ребенку материальным ощущением звука, его любовью к звучной фонетике.

Как мы увидели, фонологическая игра может затрагивать и какие-то смысловые стороны текста. Игровой настрой звукового фона нередко подкрепляется игрой на семантическом уровне, дополняется юмористическим сюжетом, а также особой графикой.

Описанные нами во второй части фоностилистические приемы представляют для автора определенную трудность и в то же время создают ситуацию игрового азарта и удовольствия в преодолении искусственно созданного препятствия. Эта целая система так называемых «литературных протезов» – сознательно заданных формальных ограничений – стимулирует авторское воображение и позволяет отказаться от штампов и стереотипов. По мнению французского исследователя Анри Сюами («La Poétique» [21]), подобные поэтические формы заставляют поэта манипулировать звуками, буквами, слогами, словами, проявляя акробатическое мастерство в создании виртуозной языковой игры.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Живая риторика – Rhétorique vivante. – СПб.: Люмьер, 2011. – 180 с.
2. Береговская Э.М. Одной фразой. – Тула: Автограф, 1992. – 192 с.
3. Береговская Э.М. Стилистика однофразового текста. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 344 с.
4. Бонч-Осмоловская Т.Б. Курс лекций по комбинаторной литературе. URL: http://www.ashtay.ru/main/texts/bonch_course/19a.htm (27 сентября 2015).
5. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 376 с.
6. Рассадин С.Б. Так начинают жить стихом. – М.: Детская литература, 1967. – 318 с.
7. Якобсон Р. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
8. Якубинский Л.П. Избранные работы: язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – 207 с.
9. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под. ред А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2012. – 882 с.
10. Charpentreau J. Dictionnaire de la poésie française. – P.: Fayard, 2005. – 1180 p.
11. Charpentreau J. Poésie en jeu. – P.: Les Éditions Ouvrières, 1981. – 175 p.
12. Chaty G. À cheval sur la lune. – La Meilleraie-Tilly : SOC & FOC, 2012. – Non paginé.
13. Coran P. Comptines pour ne pas zozoter. Série: Direlire. – Paris; Bruxelles : Casterman, 2009. – 29 p.
14. De dire et de créer la poésie. URL: <http://www.cddp91.ac-versailles.fr/IMG/pdf/20131218094747507.pdf> (21 сентября 2015).
15. Delbouille P. Le pouvoir suggestif des sons // Cahiers d'analyse textuelle. – Liège, 1976, № 18. – P. 122-131.
16. Grammont M. Le vers français: ses moyens d'expression, son harmonie. – P.: É. Champion, 1923. – 510 p.
17. Moreau J.-L. L'Arbre perché. – P.: Les Éditions Ouvrières, 1980. – 175 p.
18. Moreau J.-L. Poèmes à saute-mouton. – P.: Hachette jeunesse, 2003. – 152 p.
19. Roubaud J. Les animaux de tout le monde. – P.: Éditions Seghers, 1990. – 94 p.
20. Spire A. Plaisir poétique et plaisir musculaire. – P.: J. Corti, 1949. – 547 p.
21. Suhamy H. La Poétique. – P.: Presses Universitaires de France, 1986. – 125 p.
22. Touzeil J.-C. Remontants et ricochets. – La Meilleraie-Tilly: SOC & FOC, 2012. – Non paginé.

УДК 811

**ВАРИАТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКИ
ЕГО АВСТРИЙСКОГО ВАРИАНТА
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ)**

**MODERN LITERARY GERMAN LANGUAGE SYSTEM VARIABILITY
AND NATIONAL PECULIARITY OF ITS AUSTRIAN VARIANT
(ON THE BASIS OF LEXEMES-NAMES OF FOOD ITEMS)**

**О.О. Чернова
O.O. Chernova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: chernov9@yandex.ru

В статье описывается становление явления «вариативность» и его трактовка в трудах российских лингвистов. Раскрываются специфические особенности австрийского варианта немецкого языка. Анализ лингвистических контекстов проводится на материале лексем-названий продуктов питания.

The article deals with the development of the phenomenon “variability”. It touches upon the specific features of the Austrian variant of the German language. The lexemes-names of food items are under the analysis.

Ключевые слова: вариативность современного литературного немецкого языка, территориальные варианты, австрийский вариант немецкого языка, лексемы-названия продуктов питания

Keywords: modern German language system variability, territorial variants, Austrian variant of German, lexemes-names of food items

Функционирование языковой системы как единого целого определяется конкретным набором ее свойств. Вариативность является одним из указанных системных свойств: «Вариативность языковых средств – неотъемлемое и фундаментальное свойство функционирования языковых систем» [1, 52]. Языковая система изначально устроена таким образом, что каждая ее единица функционирует в виде одного из своих вариантов, специфика которых определяется уровнем, к которому принадлежит данная единица.

Одним из наиболее существенных свойств естественных знаковых систем, к которым относится и человеческий язык является способность к постоянному изменению (или вариативность). «В основе концепций социальной обусловленности языковой эволюции лежит ясное понимание вариативности как естественного свойства языка и четкая ориентация на языковую реальность во всех ее социальных, возрастных, территориальных и прочих ипостасях» [1, 52]. Вариантность языка в историческом плане является следствием языковой эволюции вследствие взаимодействия внешних и внутрисистемных факторов. Предпосылки вариантности языка заложены как в самой внутренней природе языка, так и в социально-исторических формах его существования.

Общие и частные проблемы вариантности исследуются давно. Это позволило накопить и обобщить огромный фактический материал. Но в современном мире действуют процессы глобализации, которые ведут к сближению народов, их культур и языков. Создается основание для того, чтобы по-новому трактовать проблемы вариантности языков.

В отечественном и зарубежном языкознании проблема вариативности языковых единиц изучается не одно десятилетие. Существует множество работ, направленных на исследование отдельных аспектов вариативности. К классическим трудам российской лингвистики в этой области следует отнести монографии О.С. Ахмановой, Ж. Багана, В.В. Виноградова, В.А. Виноградова, Г.О. Винокура, В.Г. Гака, К.С. Горбачевича, В.Т. Клокова, Л.Б. Копчук, А.М. Молодкина, Р.П. Рогожниковой, А.И. Смирницкого, В.М. Солнцева, В.Г. Степанова, Н.М. Фирсовой, В.И. Чернышева, Д.А. Шахбаговой, В.Н. Ярцевой и др.

О.С. Ахманова рассматривает вариативность слов (как отдельных самостоятельных единиц языка) под лексико-семантическим углом. Она считает, что на лексемном уровне пределом языкового варьирования данного рода является омонимия. Явление омонимии изучается в

сравнении с явлением полисемии. При этом случаи омонимии и полисемии последовательно анализируются в отношении имени существительного, прилагательного, глагола и наречия [2, 104-165]. В «Очерках» О.С. Ахманова подвергается разбору «лексико-фразеологическое варьирование слова» и определяет фразеологическую единицу как предельный вариант такого варьирования.

Идея вариативности была проанализирована в сложном взаимоотношении с морфологическими процессами в трудах В.Н. Ярцевой. «Идея вариантности (или, как иногда говорят, вариативности) языка породила множество задач, поскольку необходимо было пересмотреть некоторые старые и устоявшиеся понятия и термины грамматики в свете новых представлений, с одной стороны, и разрабатывать те новые пласты языковых данных, которые обнаруживались при использовании идеи вариантности, с другой» [3, 18]. Далее отмечено, что «человеку для полноты выражения приходится не только использовать варианты, предоставленные ему в структуре языка, но также и их разнообразные комбинации, что приводит к качественно новым ступеням исторического развития языков» [Там же: 19]. В указанной работе В.Н. Ярцева касается сложного вопроса о выборе параметров, «которые позволяют отграничить элементы вариативности от конструкций, относящихся к качественно различным языковым образованиям» [3, 19].

Большое внимание уделяется ученым собственно морфологическому варьированию. Лингвист уточняет, что «морфологическая вариативность возникает как следствие объединения в одном парадигматическом ряду грамматических форм, разновременных по своему происхождению (архаизмы и неологизмы) или различных по своей грамматической структуре (формы синтетические и аналитические)» [Там же: 20].

Интересна авторская трактовка процессов вариативности по отношению к эволюции языковой системы во времени и дефиниции соотнесенности языковых единиц в синхронии и диахронии. Подчеркивается важность процессов варьирования морфологических элементов на синхронном уровне и возможные расхождения вариантов в диахронии. «Если отбор одного из вариантов, бытующих в данном языке, или количественное нарастание вариантов вызывается, в конечном счете, экстралингвистическими условиями, приводящими к специфическим случаям функционирования варьирующихся форм, то распределение вариантов между областями морфологии и синтаксиса должно оцениваться, прежде всего, в плане синхронии. Поэтому соотнесенность одних и тех же элементов языка в различные исторические периоды его развития дает совершенно разную картину их распределения» [Там же: 19].

Современные лингвисты по-разному трактуют понятия вариативности и языковых вариантов. М.Я. Блох интерпретирует вариантность с функциональной точки зрения [4, 6-15]. О.И. Бродович затрагивает теоретические вопросы, связанные с вариативностью, при изучении диалектных особенностей английского языка [5]. Языковая переменная выявляется автором на фоне территориальных особенностей английского языка. Диалектные варианты английского языка описываются как самостоятельные динамически развивающиеся системы, характерные для определенных ареалов распространения на территории Великобритании.

Важное место среди работ по проблеме фонетико-фонологической вариативности занимают два труда Г.П. Торсуева: «Константность и вариативность в фонетической системе» и «Проблемы теоретической фонетики и фонологии» [6, 7]. Описывая фонетическое и фонологическое варьирование языковых единиц, Г.П. Торсуев, с одной стороны, суммирует лингвистические разработки в этой области, с другой, – предлагает собственное видение фонемы как абстрактной единицы системы языка и ее вариантов – аллофонов, появление которых связано с определенным лингвистическим контекстом. Автором вводится понятие «репрезентанта фонемы и слога», изучаются «фонематические противопоставления» как элементы «фонематической системы языка».

Отдельное направление изучения вариативности языковых единиц намечено в исследованиях Д.А. Шахбаговой. Ее анализ интонационных особенностей вариантов английского языка вносит определенный вклад в разработку общей теории вариативности. Характеристики фонетической системы вариантов английского языка (британского, американского, австралийского и канадского) даются на фоне контрастного анализа «константных и вариативных» величин. С точки зрения автора, языковая система обладает двумя взаимоисключающими характеристиками, которые представляют собой единое целое: константность и вариативность. Константность языковой системы способствует сохранению основных системно-структурных элементов, в то время как система языка, постоянно изменяясь, стремится к вариативности, продолжая обслуживать общество как средство коммуникации [8].

Ж. Багана отмечает, что при рассмотрении вопроса вариативности следует обратить внимание на понятия «акролект», «мезолект» и «базилект». При этом уточняется, что акролект – это язык в его устной форме, на котором говорят образованные люди. Это «престижный» вариант языка, он мало подвергается варьированию. Мезолект – это форма обиходного языка среднего

класса, региональная разновидность языка. Базилект – это разновидность языка, которая используется определенным слоем населения с низким уровнем образованности [9, 69-70].

Большой вклад в освещение проблематики вариантности языковых единиц на материале немецкого языка внесли Б.А. Абрамов, М.А. Бородина, А.Л. Воронов, М.М. Гухман, В.Д. Девкин, А.И. Домашнев, Г.Г. Ивлева, Л.Б. Копчук, Н.И. Крепких, Н.Г. Кузьмич, В.Т. Малыгин, О.И. Москальская, Н.Г. Помазан, Н.Н. Семенюк, М.Д. Степанова, Е.И. Шендельс и др.

В работе А.И. Домашнева «Об одном типе отношений «система – норма – вариант» в социолингвистике» предлагается создать целостную теорию языковой вариативности, у которой, по мнению ученого, наблюдаются общие закономерности и своя собственная специфика: онтология вариативности; факторы, которые обеспечивают появление вариантов; ее роль в развитии и функционировании языковой системы; типология вариативности в различных звеньях языковой системы [10, 862]. Отмечается, что понятиями «вариант» и «вариативность» охватываются как различные стороны проявления отношений отдельных единиц разных уровней языковой системы, так и состояние вариативности языковой системы в целом в зависимости от конкретных условий ее функционирования [Там же: 863].

В своих исследованиях В. Д. Девкин подчеркивает, что «вариативность пронизывает весь язык, его систему и ее реализацию в речи» [11, 14]. М.Н. Кожина, изучая проблематику вариативности, детализирует понятие «вариативность» и уточняет, что это одно из фундаментальных свойств, «обеспечивающее творческий характер языка и эффективность общения» [12, 129]. В статье «Вариативность как общее свойство языковой системы» В.М. Солнцев предлагает понимание вариативности как «общего свойства языковой системы, способ существования и функционирования всех без исключения единиц языка, обнаруживающего специфические черты в пределах каждого уровня» [13, 31]. В диссертации В.М. Бухарова на соискание ученой степени доктора филологических наук, говорится о том, что «любое, даже непрофессиональное наблюдение над реально функционирующим языком обнаруживает колоссальное разнообразие способов выражения одного и того же содержания» [14, 5], тем самым подчеркивается способность языковой системы к образованию вариантов языковых единиц.

Современные лингвистические работы в области изучения вариативности системы немецкого языка разрабатывают данную тему на современном языковом материале в свете понимания существования «полинациональных литературных языков в их национальном пространстве» [15, 14-19]. О.В. Байкова отмечает, что современные лингвистические исследования «...объединяет общее представление о том, что национальные варианты представляют собой формы функционирования единого языка, формы адаптации единого литературного языка к условиям, потребностям наций – носителей данного языка» [15, 15].

Придерживаясь данной точки зрения Л.Б. Копчук, анализирует вариативность системы современного литературного немецкого языка и устанавливает, что «свойственная всей системе немецкого языка вариативность средств, вызванная функционально-коммуникативными и социальными факторами, и своеобразие лингвистической ситуации в странах немецкой речи предоставляют особенно актуальный материал для разноаспектных наблюдений и обобщений» [16, 53]. Далее автор, характеризуя национальную вариативность немецкого языка, т.е. «его использование в качестве языка разных государств», показывает «необходимость учета совокупности условий самостоятельного существования национально-государственных общностей носителей данного языка» [там же].

Динамика развития систем национальных вариантов современного литературного немецкого языка такова, что в условиях глобализации, постепенного «стирания» государственных границ для средств массовой информации и интеграции общества, с одной стороны, происходит нивелирование различий между системами национальных вариантов и нормой, с другой стороны «собственная материальная и духовная культура и взаимодействие литературного языка с другими формами (местные диалекты, обиходно-разговорные языки) всегда будут влиять на состояние языковой нормы в каждом социуме» [16, 53]. Но, суммируя наблюдения за поведением систем национальных вариантов немецкого языка, Л.Б. Копчук выдвигает положение о том, «национальные разновидности языка ... закономерно продолжают существовать в качестве форм национальной речи» [там же], так как она является важным средством национальной идентификации.

Если обратиться к корпусу лингвистических контекстов, становится очевидным, что современное состояние системы австрийского языкового немецкоязычного ареала характеризуется сосуществованием двух противоборствующих тенденций: стремлением языковой системы к стандартизированной норме современного литературного немецкого языка Германии и противоположной тенденцией к регионализации, на фоне возрастающего национального самосознания. В повседневной жизни большинство населения пользуются регионально

дифференцированными формами немецкого языка, но параллельно с этим набирает силу тенденция к языковому сближению внутри нации.

Австрийская территориальная разновидность немецкого языка является национальным вариантом немецкого языка и отличается высокой степенью своеобразия, особенно на уровне его обиходно-разговорной разновидности. При непосредственном обращении к лингвистическим контекстам, выясняется, что наиболее многочисленная группа включает в себя лексемы, которые по-разному номинируют предметы и явления действительности в Австрии по сравнению с названиями аналогичных предметов и явлений в Германии. Данное положение может быть проиллюстрировано на материале лексем, обозначающих продукты питания и блюда австрийской кухни. Весь материал исследования можно разделить на несколько групп, каждая из которых характеризуется своими собственными особенностями.

К первой группе лексем мы отнесли те названия продуктов питания и блюд австрийской кухни, которые имеют наиболее общее значение, например названия приемов пищи. Лексемы представлены на контрасте австрийского варианта немецкого языка, *Österreichisches Deutsch (ÖDt)* и стандартного немецкого языка Германии, *Deutschland Deutsch (DDt)*

Abendessen, das (ÖDt) – Abendbrot, das (DDt) – ужин

Schnell eingekauft, schnell vorbereitet, schnell gekocht! So steht das Essen im Handumdrehen auf dem Tisch und es bleibt eine Menge Zeit für das Wichtigste beim Essen: den Genuss! Genau so soll das Abendessen für mich nach einem vollen Tag aussehen! [17, Allgemeine Angaben].

Eine Portion Gemüse gehört bei mir zum Abendessen einfach regelmäßig mit dazu [17, 7].

... mit Gemüse and Käse lasse ich mir immer wieder gerne als vegetarisches Abendessen schmecken am liebsten zusammen mit einem frischen Salat [17, 24].

Данные контексты взяты из новейшей книги по кулинарии, вышедшей в 2015 году, написанной австрийским автором Корнелией Шинхарл. Контексты демонстрируют употребление синонимичной лексемы *das Abendessen*, принятой в системе австрийского варианта немецкого языка. В стандартном немецком языке Германии указанной лексеме соответствует – *das Abendbrot*. Обе лексемы являются сложными образованиями, в которых первая составляющая часть совпадает, при этом вторая составляющая часть отличается.

Ко второй группе анализируемых лексем, обозначающих продукты питания и блюда австрийской кухни, мы отнесли те лексемы, при анализе которых наблюдается употребление двух синонимов в одном из вариантов.

Apfelkoch, das (ÖDt) – Apfelbrei, der (DDt) = Apfelmuss, das (DDt) – мусс из яблок, яблочное пюре

... bei etwa 200 °C im Rohr beidseitig hellbraun braten mit Apfelkoch servieren [19, 110].

Лексема австрийского варианта немецкого языка *das Apfelkoch* имеет в стандартном варианте немецкого языка Германии два синонима: *der Apfelbrei, das Apfelmuss*. Первая часть сложной лексемы совпадает в двух вариантах, вторые части не одинаковы. С. Лайтер, автор книги является известным писателем-кулинаром в Вене, поэтому, он предпочитает употребление синонима, широко распространенного в австрийском варианте немецкого языка.

Еще одну группу составляют лексемы, этимология названий которых различна, но семантика едина. Так, для названия цукатов, приготовленных из кожуры цитрусовых, в австрийском варианте немецкого языка используется лексема *die Aranzini*, представляющая собой персидско-арабское заимствование в латинский язык и перешедшая позже в языки романской группы.

Aranzini, die: pl. (ÖDt) [persisch-arabisch-spanisch-italienisch] – Orangeat, das (DDt) – цукаты из кожицы цитрусовых, кондированные глазированные корочки цитрусовых

90 g Backpulver. 50 g Zitronat und Aranzini. 50 g Rosinen. 2 Eier. Zitronenschale Butter zum Bestreichen, Staubzucker zum Bestreuen Mehl mit Aranzini [20, 276].

Zutaten für 40 Stück. 140 g Butter. 125 g Staubzucker. 150 g Mehl, glatt Orangenschale. Getrieben 2 Eidotter. 1 Ei. 100 g Aranzini [20, 306].

Интерес представляет этимологический анализ следующей пары лексем, используемых в двух вариантах немецкого языка для обозначения «арахис». В австрийском варианте употребляется лексема, этимологически восходящая к названию одного из африканских племен, при этом в стандартном варианте немецкого языка используется сложная лексема, состоящая из двух исконных лексем немецкого языка.

Aschanti, die: -, - (ÖDt) [nach dem afrik. Stamm der Aschanti] – Erdnuß, die (DDt) – арахис

Erdnuß für die einen Aschanti, Arachis oder Kamerrunnuß and Frucht der arachis hypogaea, für die anderen lediglich peanuts [21, 267].

Проведенное краткое описание контекстов лексем, обозначающих продукты питания, и сопоставительный анализ австрийского варианта немецкого языка и стандартного варианта немецкого языка Германии, подтверждает основной вывод нашего исследования: параллельно с процессами глобализации современного мира, действуют также процессы роста национального

самосознания народов, которые в лингвистическом плане выражаются в употреблении лексем, характерных только для определенного языкового варианта.

Список литературы

1. Копчук Л.Б. Развитие обиходно-разговорного языка в немецкоязычных странах в свете социолингвистической концепции языковой эволюции / Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2 – С. 51-61.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. Москва: Учпедгиз, 1957. – С. 104-165.
3. Ярцева В.Н. О территориальной основе социальных диалектов // Норма и социальная дифференциация языка. М., 1983. – С. 18-19.
4. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики. – Москва : Высш. шк., 1986. – С 6-15.
5. Бродович О. И. Диалектная вариативность английского языка. Аспекты теории. М., Либроком, 2009.
6. Торсуев Г. П. Константность и вариативность в фонетической системе (на материале английского языка) АН СССР, Ин-т языкознания . – М. : Наука, 1977.
7. Торсуев Г. П.. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. ЛКИ, 2008.
8. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии: На материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка. – М.: Фоллис, 1992.
9. Багана Ж. Общая характеристика произношения африканских франкофонов. // Вопросы языкознания. №6, 2006. – С.76-82.
10. Домашнев А. И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. – Л: Наука, 2005. – С. 862-863.
11. Девкин В.Д. Различное понимание вариантности. ... Тезисы докладов. – М.: Наука, 1988. – С. 14.
12. Кожина М.Н. Вариантность языка в функционально-стилистическом аспекте // Вариантность как свойство языковой системы : тез. Докл. Ч. 1. М., 1982. – С. 129.
13. Солнцев В.М. Вариантность как общее свойство языковой системы. // Вопросы языкознания. №2, 1984. – С. 31.
14. Бухаров В.М. Варианты норм произношения в современном немецком литературном языке: дис. ... д-ра филол. наук. Нижн. Новгород, 1995. – С. 5.
15. Байкова О. В. Вариативность языка немецких поселенцев в условиях иноязычного / Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 14–19.
16. Копчук Л.Б. Развитие обиходно-разговорного языка в немецкоязычных странах в свете социолингвистической концепции языковой эволюции. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2 – С. 52-53.
17. Schinharl C. Express-Abendessen: Speed-Dating auf dem Teller (GU Küchenratgeber) [Текст] / C. Schinharl. – München: GRÄFE UND UNZER Verlag GmbH, 2015. – S. Allgemeine Angaben.
18. Seiser, K., Neunkirchner M. Österreich vegetarisch [Текст] / K. Seiser, M. Neunkirchner. – Wien: Brandstätter Verlag, 2012. – S. 211, 216.
19. Leiter, C. Die gute alte Küche – Waldviertel [Текст] / C. Leiter. – Wien: Wirtschaftsverlag Ueberreuter, 2007. – S. 110.
20. Plachutta E., Wagner Ch. Die gute Küche: Das Beste aus dem österreichischen Jahrhundert-Kochbuch [Текст] / E. Plachutta, Ch. Wagner. – Wien: Heyne Verlag, 1996. – S. 276, 306.
21. Pini U. Das Gourmet Handbuch Gebundene Ausgabe [Текст] / U. Pini. – Potsdam: h.f. Ullmann, 2013. – S. 267.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 070

СТРУКТУРА РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В ПОЛЬШЕ И ЕЁ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

STRUCTURE OF REGIONAL MEDIA IN POLAND AND ITS SOCIAL CONSEQUENCES

Мариан Геруля
Marian Gierula

*Силезский университет в Катовице, Польша, 400007, г. Катовице, ул. Банкова, 12
Silesian University in Katowice, 12, Bankowa Str., Katowice, 400007, Poland*

Автор характеризует основные правовые факторы изменений в системе массмедиа в Польше после 1989 года, подробно определяет структуру региональных СМИ в период системной трансформации, представляет закономерности и стратегию региональных СМИ на рынке прессы и электронных СМИ (радио и телевидения). Отмечается, что основным фактором, определяющим структуру региональных СМИ в Польше, стали экономические условия их функционирования. Характеризуются общественные последствия сложившегося регионального информационного пространства. Анализируются представления информированности потребителей о региональных делах, о количестве и роде СМИ, употребляемых для приобретения информации о событиях в регионе.

Abstract. The author presents in this paper the most important legal and constitutional factors of transformation of mass media in Poland after 1989. He describes the structure of regional media in period of political transformation, focusing on the strategy of regional media in segments of printed press, radio and television. Then he indicates the economical conditions as a major feature responsible for shaping the structure of regional media in Poland. He discusses the social consequences of that fact in the regional media space, focusing on the feeling of being well informed about the problems of region. Besides of that he analyses the quantity and type of media useful in gaining the regional news.

Ключевые слова: региональные СМИ, структура СМИ, медийная система, прессовое право, Интернет, источник информации, чувство проинформирования.

Key words: regional media, structure of media, media system, press law, Internet, sources of information, feeling of being well informed.

1. Условия функционирования медийной системы в Польше после 1989 года

Медийная система каждой страны обусловлена многими факторами, как политико-общественного, так и культурно-исторического или экономического характера. Однако основное влияние производит существующая в данной стране политическая система, в которой медийная система является подсистемой. Именно политическая система определяет, соответственно существующей медийной доктрине, практически все факторы, которые определяют функционирование данной медийной системы. К самым важным мы можем причислить: структуру собственности и организации медийной системы, функции и задачи, исполняемые по отношению к обществу и государству, действующее законодательство, касающееся массмедиа или роли и места журналистской среды в структуре общества²⁵. Поэтому перемены, которые произошли в Польше после 1989 года, существенным образом изменили большинство условий функционирования польских массмедиа. Эти изменения касались так политического строя в Польше во многих аспектах, как и организации экономической жизни в стране. Одним из аспектов конституционных изменений было новое определение места медийной системы в структуре создаваемой политической системы. В политическом аспекте, медийная система стала формироваться на основе либеральной доктрины, в

²⁵ M. Mrozowski, Media masowe. Władza, rozrywka i biznes, Warszawa 2001, s. 191-192.

противоположность действующей до 1989 г. в Польше «марксистско-ленинской» доктрины. В принципе изменились прежде всего взаимоотношения между медийной и политической системой. Принятые законы об отмене цензуры, изменении медийного права и упразднении концерна прессы, подчинённого коммунистической партии и издающего почти всю информационную и общественно-политическую прессу в Польше (Рабочего издательского кооператива), создали новые правовые условия функционирования медийной системы. Принятие принципов свободной рыночной экономики создало предпосылки для перестройки медийной системы на основе экономических принципов, характерных для остальных сегментов экономики страны.

Существительным показателем изменений был факт, что новые политические элиты, которые перехватили власть в Польше после 1989 года, стремились прежде всего к отмене структуры прежней медийной системы, без внятной стратегии, предусматривающей, как должна строиться новая медийная система²⁶. Следует отметить, что, что в конечный период существования Народной Польши система массмедиа была построена иерархически. В сегменте периодики существовали общенациональные и региональные ежедневники и местные еженедельники. Их охват распространялся на всё общество. В интересующем нас региональном пространстве их структура была представлена следующим образом: существовало 17 ежедневных газет, это были органы коммунистической партии, распространяемые на территории от одного воеводства (Опольское воеводство) до пяти воеводств (на территории Велькопольского региона). В пяти регионах существовали тоже региональные ежедневники коммунистической партии, которые не были её официальными органами. В 11 больших городах, среди которых Краков, Лодзь, Вроцлав, Гданьск и Катовице, выпускались ежедневники «после полудня», хотя они выходили в свет утром²⁷. Они тоже издавались Рабочим издательским кооперативом и были политически подчинены коммунистической партии. Надо однако добавить, что на региональном уровне отсутствовала единообразная структура изданий структуры, поскольку в регионах издавались 1, 2 или 3 региональных ежедневников. Больше всего было регионов с двумя названиями ежедневных газет, то есть ежедневником-органом регионального комитета коммунистической партии и партийным ежедневником, который не декларировался как её орган. На территории 32 воеводств, которые возникли в результате административной реформы 1975 года (в 1975-1999 гг в Польше существовало 49 воеводств, в отличие от 17 до 1975 года и 16 после 1999 года), в гг 1979-1983 были созданы 32 еженедельника Коммунистической партии. В конце концов они должны превратиться в микрорегиональные ежедневники²⁸. Но в период Народной Польши ни один из этих еженедельников не стал ежедневником. Именно эти еженедельники составляли третий уровень информационной прессы в Польше, подчинённый коммунистической партии, и дополняли региональное коммуникационное пространство. Местная пресса информационного характера, как единая организационная структура существовала только на территории Верхней Силезии (то есть в катовицком, бельском и ченстоховском воеводствах). В остальных регионах существовали только отдельные издания, как правило, городские.

Структура радио и телевидения была двухступенной. Существовали 2 телевизионных программы общенационального характера и 7 региональных телецентров²⁹. Радио было представлено четырьмя общенациональными программами и 17 региональными радиостанциями. Радиовещание и телевидение управлялись государственными структурами Комитета по делам радиовещания и телевидения³⁰. Политически они были подчинены Отделу прессы, радио и телевидения центрального комитета коммунистической партии. На региональном уровне они управлялись непосредственно соответствующими воеводскими отделами партии.

2. Изменения регионального коммуникационного пространства в период общественно-системной трансформации в Польше

2.1. Изменения рынка прессы

Региональные СМИ в Польше после 1989 года, независимо от сегмента, входили в новые условия с единой структурой. Однако процессы их изменений проходили разными путями, заметными были отличия в прессе и электронных СМИ (радио и телевидении).

Для сегмента периодической печати были характерны следующие явления:

²⁶ T. Mielczarek, *Monopol, pluralizm, koncentracja. Środki komunikowania masowego w Polsce w latach 1989-2006*, Warszawa 2007, s. 12-24.

²⁷ Z. Bajka, *Czytelnictwo prasy w Polsce Ludowej*, Kraków 1976, s. 263-264.

²⁸ M. Gierula, *Polska prasa lokalna 1989-2000. Typologia i społeczne funkcjonowanie*, Katowice 2005, s. 47-55.

²⁹ K. Pokorna-Ignatowicz, *Telewizja w systemie politycznym i medialnym PRL. Między polityką a widzem*, Kraków 2003, s. 271.

³⁰ S. Jędrzejewski, *Radio w Polsce, [w:] Media i dziennikarstwo w Polsce 1989-1995, pod redakcją G. Koppera, I. Rutkiewicza, K. Schliep*, Kraków 1996, s. 50-51.

- региональные ежедневники, издаваемые Рабочим издательским кооперативом «Пресса-книга-движение» после его отмены были перехвачены польским и зарубежным капиталом. Основная стратегия новых собственников сводилась к адаптации тематики изданий к изменяющимся ожиданиям и потребностям потребителей. Наступали кадровые изменения в редакциях, иногда изменялись названия изданий (например в Катовице «Рабочая трибуна» превратилась в «Силезскую трибуну»,

- в результате отмены формально-политических ограничений и спроса на новые печатные издания стали появляться в регионах новые названия прессы. Это были совсем новые издательские инициативы или изданиями, возникшими в результате разделения журналистских коллективов прежних региональных ежедневников. Больше всего таких инициатив возникло в первой половине 1990. гг. Однако можно отметить выразительную тенденцию: новые ежедневники чаще всего характеризовались микрорегиональным или местным аудиторным охватом. Примеров возникновения регионального ежедневника, способного конкурировать с бывшими партийными изданиями на территории всего пространства географического функционирования, было немного³¹. Это был очень бурный и динамичный процесс, в результате которого в отдельных регионах функционировало от 5 до 7 ежедневников, включая 2-3 региональных ежедневника и 1-3 микрорегиональных ежедневников (например на территории Верхней Силезии издавались региональные ежедневники «Трибуна слёнска», «Дзенник заходни» и «Вечур» и микрорегиональные и местные ежедневники «Курьер заходни», «Дзенник слёнски», «Дзенник бескидски» или «Дзенник ченстоховски – 24 часа»)³²,

- в результате оформлённой так структуры ежедневников в регионах стало проявляться ограничение общественного охвата «старых» региональных ежедневников в пользу новых микрорегиональных и местных названий. Однако в масштабе всего региона положение существовавших ранее, преобразованных ежедневников не находилось под угрозой. Отсутствие новых издательских инициатив в масштабе всего региона было обусловлено прежде всего экономическими причинами. В условиях свободного рынка, где основным фактором учреждения новых СМИ является стремление к экономическому успеху, перед издателями возникла основная проблема: как построить содержание регионального ежедневника, чтобы привлечь читателей на территории всего региона? Поэтому изначальный энтузиазм в регионах заметно уменьшился в середине 1990-х гг.

- Во второй половине этого десятилетия начались процессы, которые определили структуру региональных ежедневников в Польше на последующие годы. Они имели в принципе экономический характер и проходили похожим образом во всех регионах. К важнейшим из них можно причислить, во-первых, консолидацию отдельных названий на уровне данного региона. Это происходило прежде всего через объединение ежедневников, находящихся в руках одного издателя. Протекание этого процесса зависело прежде всего от того, как долго издание, включаемое в объединение, могло приносить финансовые прибыли. Этот процесс происходил соответственно следующей схеме: сперва соединялись организационные структуры редакций, позже рекламные и маркетинговые отделения, а в конце редакции целиком. А в итоге этих перемен большинство польских регионов имеет сегодня только один региональный ежедневник³³. Во-вторых, происходило систематическое приобретение региональных ежедневников зарубежным капиталом, который стал преобладать на этом рынке. Если в первый период изменения медийной системы это был французский, норвежский и польский зарубежный капитал, то с середины 1990-х гг. стало систематически увеличиваться значение немецкого капитала. В итоге с 2014 года немецкий капитал издаёт практически все региональные ежедневники в Польше (кроме одного названия). Почти ни в одном регионе (кроме подкарпатского воеводства) нет конкуренции между изданиями. Во-третьих, со второй половины 1990-х гг. региональные ежедневники, независимо от характера капитала и издателя, стали применять рыночную стратегию, состоящую в укреплении влияния регионального ежедневника среди местных сообществ. Издатели не могли уже рассчитывать, что в масштабе региона найдут столько потребителей региональной информации, которые обеспечат финансовую окупаемость ежедневников.

Стратегия завоевания аудитории местных потребителей осуществлялась в принципе двумя путями. Первый - это приобретение местных изданий и добавление их к региональному. Второй - создание местных приложений к региональному изданию, предназначенных для отдельных местных сообществ³⁴. Второй метод решительно преобладал и осуществляется до сих пор, тоже потому, что немецкий издатель применял аналогичную стратегию на издательском рынке Германии несколько десятков лет. Она имела так положительные, как и отрицательные последствия для формирования местно-регионального коммуникационного пространства в Польше. Наиболее отрицательным эффектом было то, что эта стратегия вместе с концентрационными процессами на рынке привела к тому,

³¹ R.Filas, Czytelnictwo prasy u progu 2000, „Zeszyty Prasoznawcze” 2000, nr 1-2, s. 213-214.

³² „Katalog Prasy-Radia-Telewizji `93 województw: bielskiego, częstochowskiego, katowickiego, opolskiego”. Rocznik 1992/93, Katowice 1992.

³³ T.Mielczarek, Raport o śmierci polskich gazet, Warszawa 2012, s.150-153.

³⁴ М.Геруля, Современная система местной прессы Польши //Известия УрГУ 2007. № 52. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры.Выпуск 22. С. 161-163.

что в местно-региональном коммуникационном пространстве стал решительно преобладать только один издатель. Предлагаемая потребителям региональная информация из-за структуры СМИ, существующей на этом уровне, не предоставляла возможности выбора между разными точками зрения на региональные дела³⁵.

Во-четвёртых, общенациональные ежедневники тоже обратили внимание на роль регионального уровня. Это касалось прежде всего стратегии, которую приняла «Газета выборча». Её организационная структура с самого начала функционирования основывалась на предпосылке, что общенациональное издание будет поддерживаться региональными приложениями. Поэтому во всех регионах и некоторых больших городах, не являющихся столицами регионов (например Ченстохова, Бельско-Бяла)³⁶ стали выходить такого рода издания. Сначала даже была идея создания третьего, местного уровня. Однако слабость местных рекламных рынков сделала невозможным осуществление этой концепции. Не удалось тоже осуществить стратегии достижения постепенной независимости региональных приложений путём создания независимых изданий. Осуществление этой концепции привело бы к реконструкции, в новых экономических условиях, структуры ежедневников коммунистической партии, характерной для эпохи социализма. Конечно, цели и задачи этих структур в принципе отличались бы. Прежде периодика сосредоточивалась на осуществлении политическо-идеологических задач, а сейчас основной целью является достижение экономического успеха. Хотя надо добавить, что политические цели собственников концерна «Агора» (издателя «Газеты выборчей») тоже параллельно реализуются.

Концепция независимости региональных приложений не осуществилась прежде всего по экономическим причинам. Во первых, обеднение общества в результате экономической трансформации привело к существенным ограничениям расходов на прессу, в том числе ежедневники. Во-вторых, региональные приложения встретили сильную конкуренцию со стороны существующих преобразованных региональных ежедневников. Существенную роль сыграл тот факт, что в новых свободно-рыночных условиях эти ежедневники, воспринимаемые читателем как экономические бренды, уже существовали на рынке нескольких десятков лет. Во-третьих, экономическая трансформация привела к тому, что региональный рынок создавал ограниченные средства, которые могли бы предназначать на рекламу и продвижение, то есть обеспечить основной источник выживания прессы, кроме продажи тиражей. Во-четвёртых, характер содержания «Газеты выборчей», которая была предназначена для потребителей с высшим образованием, заинтересованных в общественно-политической жизни и занимающих видные места в общественной структуре, привели к тому, что круг её потребителей был ограниченным.

Эти привели к тому, что почти все региональные приложения «Газеты выборчей» были зависимы от общенационального издания. Заинтересованность в региональных делах среди потребителей было не очень большой. Поэтому «Газета выборча» сосредоточивалась в своём региональном приложении на сообщениях из столицы региона и лишь самих больших городов территории своего функционирования. Похожим образом остальные общенациональные ежедневники («Факт», «Метро», «Мой город») так платные, как и бесплатные, предлагающие региональные приложения, сосредоточивались на освещении столицы региона и её ближайшего окружения. Соответственно экономической цели своего функционирования, они были нацелены не на всестороннюю информацию, подготовка которой требует хорошо подготовленных и затратных журналистических коллективов, но на приобретение рекламы. Поражением окончился во второй половине первой декады XXI века проект основания региональных ежедневников концерном «Польскапрессе» на тех территориях, где они ещё не издавались (восток и север Польши) чтобы построить общепольскую альтернативу для общенациональных ежедневников. Отсутствие местных приложений к новым ежедневникам и существующие региональные ежедневники были основными факторами прекращения реализации этой стратегии. Лишь после нескольких лет, в 2014 году это издательство выкупило у британского инвестиционного фонда существующие там региональные ежедневники и создало настоящую альтернативу для общенациональных издателей ежедневной прессы, которая функционирует под общим названием «Польска The Times», основой которой являются региональные ежедневники³⁷.

2.2. Тенденции на региональном рынке радио и телевидения

Изменения структуры региональных электронных СМИ в Польше после 1989 года определялись прежде всего правовыми и экономическими факторами³⁸. В случае радио они имели сначала бурный

³⁵ M.Gierula, Polska prasa lokalna..., op.cit., s. 188-195.

³⁶ Katalog Prasy..., op.cit., s. 49.

³⁷ T. Mielczarek, Raport..., op.cit. s. 153-154.

³⁸ М. Геруля, Тенденции развития местно-регионального рынка электронных СМИ в Польше // Электронные средства

характер, происходили на основе как выдачи временных разрешений на вещание, как и организацию передач без формальных разрешений. Уже тогда замечено, что создание новой структуры касается практически только местного уровня. Принятие 29 декабря 1992 года закона о радиовещании и телевидении (он вступил в силу 1 марта 1993 года) и придание Государственному совету радиовещания и телевидения статуса государственного органа, наблюдающего за рынком электронных СМИ, создало правовые рамки для преобразований этих СМИ в Польше. Первые концессионные процессы, которые утвердил Государственный совет, оформили основную структуру электронных медиа почти на 20 лет³⁹. Предоставляемые концессии на радиовещание имели характер так общенациональный, надрегиональный, как и местный. Больше всего возникло местных радиостанций, количество которых превысило 200. Были тоже предоставлены многие концессии на вещание региональных программ. Фактически, это были микрорегиональные радиостанции, которые в большой степени сосредоточивались на освещении событий в городе своего нахождения и самих больших городах данного региона. Существовавшие накануне перемен национальные региональные радиостанции, преобразованные в результате закона о радиовещании и телевидении в публичные радиостанции, не имели на территории всего своего функционирования ни частной, ни религиозной конкуренции. Однако они оказались в сложном рыночном положении по следующим причинам. Во-первых, вследствие возникновения многих местных радиостанций разного рода (коммерческих, католических, муниципальных) на территории их функционирования, которые стали отбирать аудиторию на местных рынках. Во-вторых, в результате действия закона о радиовещании и телевидении публичное радиовещание было обязано осуществлять так называемую миссию, которая требовала от них освещать многие общественные, политические, экономические и культурные темы, адресуясь ко всем слушателям. Это вело к тому, что программы содержала много разговорных материалов, лишь дополняемых музыкой. Поэтому публичным вещателям было сложно конкурировать с предложением коммерческих радиостанций, так местных как и общенациональных, которые в большинстве своём предпочитали музыку при отсутствии чёткой структуры программирования. В-третьих, коммерческие радиостанции выработали новый формат функционирования, где преобладала музыка и постоянный контакт с потребителями и сформировали новый вид слушателей, которые очень сдержанно относились к программной ориентации публичного вещателя. Во-четвёртых, коммерческие общенациональные радиостанции (например «Радио РМФ» или «Радио Зет» стали по определённым часам передавать также региональные программы. Эта стратегия стала отвлекать слушателей от публичных региональных радиостанций. Она была запрещена Государственным советом, хотя спустя несколько лет в результате судебных дел он признался в том, что это решение было незаконным. Однако коммерческие радиостанции уже не вернулись к этой стратегии по экономическим причинам. Региональные публичные радиостанции применили похожую стратегию по отношению к местным радиостанциям. Она тоже была запрещена Государственным советом, который удостоверил, что эта стратегия ограничивает развитие местного радиовещания.

На переломе веков стало очевидным существенное влияние экономических факторов на структуру радио в Польше. Оно проявлялось прежде всего в том, что заметно уменьшился интерес к основанию новых радиостанций. Это касалось каждого уровня функционирования – с местного до общегосударственного. Оказалось, что добиться экономического успеха в области радио нелегко. Поэтому на местном и микрорегиональном рынке началось создание радиосетей. Очень быстро большинство местных радиостанций оказалось в такого рода структурах. Это касалось также радиостанций Католического костёла. К самым большим радиальным сетям можно причислить радиостанции Группы Агора, Группу соединённых развлекательных предприятий, Радио Эска, Группу Адпоинт или Группу Радио плюс (Католического костёла). Количество и характер отдельных сетей являются изменчивыми, динамичными. Их общей чертой (кроме католических радиостанций) является ограничение к минимуму разговорных программ и преобладание музыки (разных форматов) в программном предложении. Это ведёт к тому, что участие радиостанций в предоставлении информации и мнений ограничено⁴⁰.

Итак, можно сказать, что публичное региональное радио, несмотря на то, что не имеет конкуренции, в результате концентрационных процессов в коммерческом радиовещании и оформлении нового вида потребителя, который начинает преобладать, потеряло прежнее общественное значение⁴¹.

Региональный телевизионный рынок в период системной трансформации не подвергнулся значительным изменениям⁴². Государственные региональные телевизионные центры в результате

массовой информации. Вчера, сегодня, завтра, научный ред. Е.Е. Корнилова, СПбГУПб, Санкт-Петербург 2011. С. 61-64.

³⁹ K. Jakubowicz, *Polityka medialna a media elektroniczne*, Warszawa 2008, s. 33-35; A. Jaskiernia, *Publiczne media elektroniczne w Europie*, Warszawa 2006, s. 167-178.

⁴⁰ M. Gmerek-Rajchel, *Formatowanie radia lokalnego*, Toruń 2005, s. 51-59.

⁴¹ M. Gierula, *Radio na Śląsku – wolny rynek czy monopol*, [w:] *Radio i telewizja. Informacja, kultura, polityka*, pod red. W. Dudka, Katowice 2000, s. 100-105.

⁴² M. Jachimowski, *Telewizja regionalna w regionalnym systemie informacji*, [w:] *Radio i telewizja...*, op. cit., s. 113-125.

действия закона о радиовещании и телевидении превратились в публичные станции. Инициированные Государственным советом радиовещания и телевидения концессионные процессы подтвердили слабую заинтересованность такого рода телевидением со стороны частного капитала. Возникающие местные телевидения никогда не составляли единой системы в масштабе всей страны⁴³. Лишь в западной части Польши несколько вещателей такого рода, заключив региональный программный договор, создали альтернативу для регионального публичного телевидения. Основным фактором, ограничивающим развитие, были экономические предпосылки. Телевидение как массовое средство коммуникации требует привлечения как больших финансово-организационных затрат, так и многих квалифицированных специалистов в разных областях, от творческих и технических до управленческих. Учитывая, что рекламный рынок был и остаётся относительно ограниченным, экономические предприятия в этой области отличались большим риском. Поэтому к началу первой декады нового века ни в одном регионе не возникла такого рода коммерческая инициатива. В то же время ошибочная стратегия управления публичным телевидением, заключающаяся в том, чтобы на основе региональных телецентров построить третий общегосударственный канал, осуществлялась за счёт ограничения регионального вещания в пользу общей, общегосударственной программы. Большинство региональных телецентров для вещания собственных программ располагало всего лишь двумя-тремя часами в сутки. В Верхней Силезии в 2007 году появилась инициатива создания регионального телевидения под названием Телевидение Силезия. Однако её изначальный успех продолжался не очень долго. Оказалось, что он возможен исключительно на силезской территории. Поэтому это телевидение с самого начала имело микрорегиональный характер. Оказалось, что в настолько многообразном по составу населения регионе трудно предложить программное оформление для всех жителей в масштабе всего региона. Как в случае регионального ежедневника и регионального радио, количество людей, заинтересованных в такого рода содержании является очень ограниченным. Поэтому аудитория этого телевидения, кроме типично силезских территорий, оказалась не очень большой. По этой причине оно не смогло привлечь рекламодателей. Поэтому программное предложение этого телевидения, после изменения названия на TVS, стало изменяться в направлении большей универсальности, чтобы быть привлекательным для зрителей также в других регионах Польши.

С 2014 года стала изменяться тоже стратегия управления публичным телевидением по отношению к региональным центрам. Результатом стало создание общенационального проекта под названием Региональное телевидение, основной задачей которого является перестройка общественного положения публичных региональных телевизионных центров. Это происходит в совсем новых технологических условиях перехода на дигитальное (цифровое) вещание и появления в интернете альтернативы для традиционных СМИ, в том числе телевидения. Следствием этого является ограничение заинтересованности региональным телевидением в традиционном виде. Сейчас в Польше действует 16 региональных центров публичного телевидения, управляемых в рамках одной общегосударственно-региональной организационной структуры. Поэтому в телевизионном региональном коммуникационном пространстве на протяжении всего периода системной трансформации преобладал и по-прежнему преобладает публичный сектор. Можно тоже заметить попытки создания региональными центрами предложения услуг, не связанных с собственно журналистской деятельностью. Примером такого рода действий является региональный центр предупреждений о метеорологических угрозах, передаваемых при посредничестве региональных телевизионных центров.

Можно утверждать, что региональные электронные СМИ находились в более сложном положении, чем сегмент прессы, в перестройке своей позиции в региональном коммуникационном пространстве. Они не могли, по экономическим или правовым причинам (ввиду запрещения со стороны Государственного совета радиовещания и телевидения по отношению к региональному радио) предлагать программирование, благодаря которому смогли бы найти поддержку в местных сообществах. Все эти факторы были существенными при определении роли и места отдельных медийных сегментов в общественном восприятии регионального коммуникационного пространства.

3. Общественные последствия региональной структуры периодических СМИ⁴⁴

Предметом рассуждений будут три аспекта общественного функционирования региональных СМИ в региональном коммуникационном пространстве, проистекающие из их структуры, такие как:

- ощущение информированности о региональных делах;
- предпочитаемые источники информации о региональных вопросах;

⁴³ M.Gierula, M.Jachimowski, *Telewizja w województwach śląskich w okresie transformacji*, [w:] *Transformacja telewizji w Polsce*. Red. naukowy W.Dudek, Katowice 1996, s.82-94.

⁴⁴ Автор цитирует результаты исследований кафедры журналистики Силезского университета в Катовице, проведённых в силезском воеводстве. Такого рода исследования в общегосударственном масштабе, не проводились.

- количество и типы употребляемых информационных каналов.

3.1. Ощущение информированности о региональных делах

Оценка ощущение информированности личности в аспекте удовлетворения информационных нужд, касающихся отдельных коммуникационных пространств, в которых он участвует и которыми интересуется, очевидно, является предпосылкой размышлений о том, насколько существующая медийная система создаёт условия субъектности личности в контактах с общественно-политическим окружением. Только хорошо проинформированный гражданин является субъектом, а не объектом реализуемой по отношению к нему политики в общем или конкретных политических действий в частности.

Исследования, проведённые в 2014 году на территории Силезского воеводства, показывают, что жители этой территории заявляют о наихудшем ощущении информированности о региональных делах. О своём ощущении отличной информированности заявляет менее чем каждый двадцатый опрошенный (4,8%). В случае информированности о местных делах этот показатель составил 12%, что похоже на состояние информированности по международным вопросам (11,3%). Опрошенные решительно чаще всего заявляют об ощущении отличного информирования о вопросах государственного уровня (18,1%). О плохой информированности о региональных вопросах высказались 26% опрошенных. Учитывая эти крайние мнения, необходимо признать, что количество плохо проинформированных о региональных делах впятеро превышает количество заявляющих об очень хорошей информированности. Такой дисбаланс не проявляется в случае остальных коммуникационных пространств, а в случае государственных вопросов количество заявивших об ощущении отличной проинформирования дважды превысило количество давших отрицательную оценку (9,4%). Если к этому добавим, что 7,5% опрошенных высказались, что региональные вопросы их не интересуют, то можно установить, что значительное количество жителей региона не является субъектами этого коммуникационного пространства. Можно выдвинуть тезис, что это является результатом сформированной структуры СМИ. В результате трансформационных и консолидационных процессов на уровне регионов существует только один региональный ежедневник и публичные региональные радио и телевидение. Несмотря на то, что общепольские публичные и коммерческие СМИ всех секторов (прессы, радио, телевидения и интернета) участвуют в формировании регионального коммуникационного пространства, то очевидно, что их программное предложение является не совсем удовлетворительным для регионального потребителя.

3.2. Предпочитаемые источники информации о региональных вопросах⁴⁵

На выбор источников информации влияет много факторов, таких как общественный охват и доступность СМИ, многосторонность содержания, профессиональность журналистской работы, степень закреплённости на медийном рынке, доверие к данному изданию, радио или телепрограмме. Потребитель обычно избирает тот тип СМИ, которые предоставляет ему информацию, которая делает возможной ориентировку в окружающей действительности. Предпочтение для определённых типов СМИ как основных источников информации проистекает тоже из интереса потребителей к определённым аспектам действительности⁴⁶.

В региональном коммуникационном пространстве имели место следующие тенденции:

Во-первых, региональные ежедневники к середине прошлой декады, несмотря на существенное падение тиражей и происходившие концентрационные процессы сохранили позицию лидеров как предпочитаемых источников информации о воеводских делах. Ликвидация в 2004 году «Трибуны слёнской» привела к тому, что на региональном рынке газетной прессы остался только «Дзенник заходни», который как единственная газета сохраняет прочную позицию как источник региональной информации. Конечно, по отношению к началу 90 гг. прошлого века произошло решительное ослабление позиции этого рода СМИ (1991 год – 62,%; 1996 год – 54,8%; 2002 год – 51,3%; 2014 год – 29,2%).

Во-вторых, высокую позицию в течение всего периода трансформации, занимает Телевидение Катовице, несмотря на проблемы на переломе веков, связанные с ошибочной политикой по отношению к публичному телевидению (1991 год – 53,%; 1996 год – 50,6%; 2000 год – 32,7 %; 2002 год – 40,1%; 2014 – 38,5 %) ⁴⁷.

⁴⁵ Исследования кафедры журналистики Силезского университета в 1991-2002 гг. (для бельского, ченстоховского и катовицкого воеводств) и в 2014 году на территории Силезского воеводства, которое в возникло в 1999 году результате соединения трёх прежних воеводств. В общепольском масштабе. такого рода исследования не проводились.

⁴⁶ M. Gierula, Społeczeństwo obywatelskie - wymiar informacyjny. Przypadek Polski, [w:] W. Kaute (red.) Demokracja, liberalizm, społeczeństwo obywatelskie. Doktryna i myśl polityczna, Katowice 2004, s.401;

⁴⁷ M. Gierula, M. Jachimowski, Telewizja w województwach..., op. cit. s. 87-92.

В-третьих, наиболее потеряло своё значение как источника информации публичное радио, которое по сравнению с началом 90. гг. XX века ограничило на 50% количество потребителей, оценивающих его как предпочитаемый источник информации. Последние исследования от 2014 года показывают, что Радио Катовице восстанавливает свою позицию на региональном информационном рынке (1991 год – 44,%; 1996 год – 30,%; 2000 год – 18,%; 2002 год – 19,1%; 2014 год – 25,6%). Они показывают тоже, что имеет место существенное разделение ролей между общенациональным и региональным сегментом. Можно тоже предположить, что почти исключительно музыкальный характер коммерческих радиостанций уже не удовлетворяет более требовательных слушателей, которые склонны искать в радиопередачах более обширную информацию и разнообразные мнения и мнений.

В-четвёртых, высокую позицию на силезском рынке занимают общепольские СМИ (1991 год – 16%; 1996 год – 27,1%; 2000 год – 28,3%; 2002 год – 27,3%; 2014 год – 20,6%)⁴⁸ Не удивляет высокая позиция «Газеты wyborчей», которая имеет регионально-местные приложения на этом рынке, то позиция коммерческого общепольского радио заставляет задуматься (2014 год – 21,6%), как и значение общегосударственного телевидения, независимо от публичного (2014 год – 13,3%) или коммерческого (2014 год – 17,1%) характера. Ведь их структура содержания имеет ограниченное программное предложение, связанное с региональным пространством. Исследования от 2014 года показывают, что их значение в этом пространстве заметно падает, что касается прежде всего публичного телевидения. Надо тоже отметить, что независимо от изменения, коммерческое региональное телевидение TVS является существенным «игроком» на региональном информационном рынке Силезии (2014 год – 17,1%), хотя по сравнению с Телевидением Катовице его значение вдвое меньше.

В-пятых, католическое радиовещание только в ограниченном аспекте участвует в обеспечении коммуникации на региональном уровне. «Радио Мария» это предельно заметное явление на этом рынке (2014 год – 0,5%).

Во-шестых, местно-микрорегиональное коммерческое радиовещание является постоянным участником регионального пространства, хотя его участие относительно нестабильно в отдельные годы, что касалось прежде всего первой декады трансформации. Сейчас каждый восьмой житель региона называет тот тип СМИ как предпочитаемый источник информации о региональных делах. Коммерческие радиостанции сформировали новый тип потребителя, предпочитающего музыку и очень ограниченную информацию.

В-седьмых, интернет появился в этом пространстве лишь в 2000 году, когда 1,6% опрошенных назвало этот канал как предпочитаемый источник информации о региональных делах. Этот показатель повысился на 5,2% в 2002 году. В исследованиях от 2014 году интернет в виде сайтов (так общепольских как и региональных) каждый пятый житель региона называл как предпочитаемый канал региональной информации. Региональные сайты находятся пока в начале утверждения своей информационной позиции среди потребителей. Надо также принять во внимание значение социальных сетей (2014 год – 13,5%). Можно тоже ставить на обсуждение тезис, что они начинают среди молодого поколения перехватывать функции интернетных сайтов и традиционных СМИ. Это существенным образом влияет на диверсификацию картин действительности и восприятие внешнего мира такого рода аудиторий, которая не подвергается объективизации и имеет выраженный субъектный характер.

Отмечая дуальность традиционных и интернетных СМИ на рынке предпочитаемых источников информации о событиях в регионе, можно обозначить характерные черты настоящего состояния:

- традиционные СМИ как отдельные субъекты на рынке преобладают над интернетными СМИ;
- между традиционными СМИ существует своеобразный баланс между сегментами прессы, радио и телевидения;
- среди региональных массмедиа заметно преобладают публичные над коммерческими;
- существенную роль на региональном информационном рынке играют общепольские СМИ - так традиционные, как и интернетные;
- рынок региональных СМИ очень стабильный и мало конкурентоспособный. Это касается так традиционных, как и интернетных медиа. Это связано прежде всего с возможностями предложения содержания СМИ, касающегося регионального пространства, а также и масштабом заинтересованности таким предложением со стороны аудитории.

3.3. Всесторонность проинформирования потребителей о региональных событиях

Каждый человек, как и широкие общественные группы, желающие принимать активное участие в жизни общества, должны в первую очередь быть о нём всесторонне проинформированными. Лишь тогда они становятся субъектами происходящих явлений и процессов. Это касается так

⁴⁸ M. Gierula, M. Jachimowki, Społeczny odbiór i funkcjonowanie mediów na Śląsku w okresie transformacji społeczno-ustrojowej 1989-1999, [w:] Polityka: przedmiot badań i formy jej przejawiania się. Red. P. Dobrowolski, M. Stolarczyk. Katowice 2000, s. 300-301.

взаимоотношений с властью, как и разнообразных общественных взаимодействий, которые в значительной степени определяются сведениями, которыми мы обладаем. Проводимые в конце 90. гг. прошлого века исследования кафедры журналистики Силезского университета определённо указывали на существенную взаимосвязь между знанием о местной власти и выражением мнений о функционировании и потребностях местных сообществ и потреблением местных СМИ, в том прежде всего местной прессы⁴⁹. Проведенные в 2014 году исследования были призваны выявить:

- сколькоими источниками используются потребители, приобретаая информации из определённых коммуникационных пространств;
- каково использование традиционных и интернетных СМИ в приобретении информации из определённых коммуникационных пространств.

Проводя общий анализ названных вопросов можно сформулировать несколько выводов:

- количество источников, используемых потребителями для приобретения информации из местного и регионального пространства, приблизительно одинаково. Похожая ситуация отмечена в случае использования источников из государственного и мирового пространства. Но их структура выразительно отличается. Если в первом случае значительный процент опрошенных заявляет об употреблении одного источника, то в другом случае преобладает использование многих каналов.

Таблица 1

Количество источников, употребляемых для приобретения информации из определённых коммуникационных пространств (данные в %)

Тип пространства	1 источник	2-3 источника	4 и больше источников
О местных делах	33,0	52,7	14,3
О региональных делах	32,5	53,7	13,8
О государственных делах	8,8	45,4	45,8
О мировых делах	12,2	44,3	43,5

Источник: собственное исследование автора.

- Принимая во внимание тип употребляемых СМИ во время приобретения информации можно сказать, что уже существует модель дуального потребления традиционных и интернетных СМИ. Это явление наблюдается прежде всего во время приобретения информации из коммуникационных пространств, касающихся более государственно-мировых чем местно-региональных дел. Надо заметить, что доля исключительных потребителей традиционных СМИ существенно преобладают над исключительными потребителями интернетных СМИ. Что интересно, это явление проявляется независимо от коммуникационного пространства приобретаемых сведений, а перевес традиционных СМИ над интернетными особенно выразительно заметен в случае государственных и мировых дел. Это связано, как можно предполагать, с сильной позицией традиционного телевидения и общеинформационной прессы. В случае интернетных- СМИ об исключительном их потреблении заявляют около 15% опрошенных по отношению в местно-региональному пространству и 10% по отношению к государственно-мировому пространству.

Таблица 2

Тип СМИ употребляемых для приобретения информации (данные в %)

Тип пространства	Употребляю только традиционные СМИ	Употребляю только интернетные СМИ	Употребляю традицион-ные и интернетные СМИ	Я перестал употреблять традицион-ные СМИ в пользу интернетных
О местных делах	35,0	12,1	49,3	3,6
О региональных делах	35,6	12,5	48,5	3,4
О государственных делах	29,0	5,3	61,3	4,4
О мировых делах	29,1	5,5	60,7	4,7

Источник: собственное исследование автора

⁴⁹ M.Gierula, „Kurier Miejski” oraz Radio Rezonans na tle rozwoju mediów lokalnych, „Rocznik Sosnowiecki” 1998. Tom VII, s. 134.

- Анализ заявляемого доверия к отдельным типом СМИ показывает, что интернетные СМИ намного отстают в том аспекте от традиционных СМИ, которые пользуются высшим доверием. Если традиционным СМИ доверяет в очень большой степени каждый четвертый потребитель местных (СМИ) и каждый пятый потребитель региональных СМИ, то в случае интернетных - каждый шестой пользующийся местными СМИ и каждый десятый - региональными. В случае полного отсутствия доверия, на долю традиционных СМИ приходится в 3 раза меньше мнений такого рода, чем на долю интернетных. Независимо от типологической принадлежности (традиционные или интернетные) местные СМИ пользуются большим доверием, чем региональные.

Выводы

Анализируя функционирование регионального коммуникационного пространства, установлено, что оно имеет решительно дуальный характер, если учитывать существующие в нём коммуникационные каналы, как традиционные, так и интернетные СМИ. Перемена между этими массмедиа имеет в принципе характер перемены поколений и связана с участием отдельных его сегментов в структурах информационного общества. Однако традиционные СМИ существенно преобладают с точки зрения количества, разнообразия и разного рода оценок публики. Можно тоже заметить, что структура и значение отдельных традиционных СМИ в региональном пространстве существенным образом отражается в интернетных СМИ в этих пространствах. Очень медленно развиваются региональные информационные сайты. Итак можно сформулировать тезис, что состояние структуры региональных массмедиа, независимо от формы сообщения, определяется похожими факторами как общественного интереса, как и экономическими условиями. Можно тоже утверждать, что региональное пространство интернетных СМИ является пока менее стабильным, чем в случае традиционных СМИ такого рода.

Диверсификация каналов предоставления информации, особенно в виртуальном варианте, ведёт к тому, что всё сложнее строить консенсусную картину действительности и обеспечить ведение общественного дискурса по вопросам, существенных для отдельных общественных групп и всего общества. Исчезновение такого консенсуса имеет, несомненно, отрицательные последствия для общественно-политической жизни. К этому утверждению надо относиться как к гипотезе, так как нет исследований, которые показывали бы взаимозависимость между структурой СМИ и предлагаемым ими содержанием о явлениях общественно-политической жизни, особенно активности личностей и всего общества. Это касается тоже общественного диалога между гражданами и властью.

Приоритет экономических целей в становлении структуры СМИ привёл к обеднению их предложения содержания в аспекте его выбора. В случае регионального коммуникационного пространства это было основной причиной недостатка его развития в общем, как и его плюралистического характера. Интернетные СМИ не оправдали до сих пор надежд, которые с ними связывались в связи с обеспечением разнообразия предоставляемой ими информации и мнений. Это касается прежде всего объективности и надежности предоставляемой информации, которые в значительной мере не подвергаются исправлению.

УДК 070.4

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ МЕДИЙНЫЕ УСЛУГИ ПО ТРЕБОВАНИЮ**AUDIOVISUAL MEDIA SERVICES ON DEMAND****А. Гжещѣк-Хорош
A. Grziesiok-Horosz***Силезский университет в Катовице, Польша, 400007, г. Катовице, ул. Банкова, 12
Silesian University in Katowice, 12, Bankowa Str., Katowice, 400007, Poland*

Автор включается в дискуссию о конвергенции средств массовой информации. Широкое использование новых технологий для распространения аудиовизуального контента, побудило органы Европейского союза к тому, чтобы связанные с ними явления были заново определены директивой об аудиовизуальных медийных услугах, которая была введена в Польше законом об изменении законодательства о радиовещании и телевидении от 12 октября 2012 г. В статье обсуждены избранные постановления данной директивы и адаптированное к ней польское законодательство. По мнению автора, в будущем медийные услуги по требованию смогут частично заменить телевизионное вещание.

The author wishes to take a position in the discussion about media convergence, understood in two ways, in line with the views represented by H. Jenkins. The broader meaning of convergence refers to a situation in which different media systems coexist, and media content is transferred between these systems without obstacles, whereas in the narrower meaning the concept refers to technological, cultural and social changes in the methods of media circulation within culture; transfer of content between different media platforms and migrations of the audience of such media moving freely in search of the desired type of entertainment.⁵⁰

Ключевые слова: линейные аудиовизуальные медийные услуги, нелинейные аудиовизуальные медийные услуги, приспособление законов, директива.

1. Introduction

Convergence of media involves blurring of the boundaries between sectors of “traditional” telecommunication, radio and television broadcast and computers.⁵¹In the literature of the subject, emphasis is put on the multi-dimensional character of the phenomenon of media convergence and its consequences, both for the media and for their audience. Convergence is the reason why –under the influence of expectations of a new type of reader, closer and closer attached to the Internet, and due to the new technological possibilities –publishers and broadcasters started to “operate” in the virtual environment. Convergence results in an almost explosive multiplication of the channels of transmission, as information is facilitated in all forms –by newspapers, magazines, radio, television and on-line transfer.⁵²

The ever more frequent application of new technologies to proliferation of audiovisual contents induced the European Union authorities to introduce new principles governing the relevant phenomena. The Directive 2010/13/EU of the European Parliament and the Council of 10 March 2010 on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services (Audiovisual Media Services Directive)⁵³amended the previous regime of audiovisual services laid down in the Council Directive 89/552/EEC of 3 October 1989 on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the pursuit of television broadcasting activities (Television without Frontiers

⁵⁰H. Jenkins, *Kultura konwergencji, zderzenie starych i nowych mediów*, Warszawa 2007, p.21 ff.

⁵¹J. Barta, R. Markiewicz, *Telewizja interaktywna a prawo autorskie*, Warszawa 2007, p.24.

⁵²J. Kolodzy, *Convergencejournalism: Writing and Reporting cross the News Media*, Lanham 2006, p.3, cited after Z. Kantyka, *Konwergencja mediów a polityczna sfera życia społecznego*, (in:) *Konwergencja mediów masowych i jej skutki dla współczesnego dziennikarstwa*, Vol. 1, (eds.) Z. Oniszczyk, M. Wielopolska–Szymura, Katowice 2012, p. 103 ff.; Z. Bauer, *Dziennikarstwo wobec nowych mediów. Historia - teoria- praktyka*, Kraków 2009, p.21 ff. See also J. Kreft, *Problemy z konwergencją*, „Studia Medioznawcze” 2011, no. 3; T. Mielczarek, *Konwergencja polskich mediów. Próba analizy zjawiska* (in:) *Konwergencja mediów masowych i jej skutki dla współczesnego dziennikarstwa*, Vol. 1, (eds.) Z. Oniszczyk, M. Wielopolska –Szymura, Katowice 2012, p.76.

⁵³OJ UE L 95 of 15 April 2010, p. 1 (hereinafter the “Directive”). For more, see: A. Matlak, *Dyrektywa o audiowizualnych usługach medialnych*, “Prace z prawa własności intelektualnej” 2010, vol. 108, p. 129 ff.; K. Chałubińska- Jentkiewicz, *Audiowizualne usługi medialne. Reglamentacja w warunkach konwergencji cyfrowej*, Warszawa 2013, p. 88 ff.

Directive),⁵⁴regulating, *inter alia*, audiovisual media services provided on demand, that is the services subject to the present considerations.

The process of adaptation of Polish law to the requirements prescribed by the Audiovisual Media Services Directive was not entirely seamless. The UE legislator or dained to align the legislative frameworks of the Member States until 19 December 2010, and the first attempt to implement the Directive was abandoned at the parliamentary stage. Chapter 6a of the Radio and Television Act, entitled “Audiovisual media services on demand” was introduced in Polish law by the Act of 12 October 2012 amending the Radio and Television Act.⁵⁵It entered into force as of 28 February 2013.

Nevertheless, it should be borne in mind that the provisions concerning on-demand services were finally adopted in a version which, as compared to the original draft, seriously mitigated there quirements and burdens imposed on service providers.⁵⁶

The author’s scientific interest in so called non-linear media services on demand, which include, *inter alia*, video-on-demand,is justified by the fact that in future they may partly replace television broadcast. The present considerations are going to address selected provisions of the Audiovisual Services Directive and the Polish law adjusted to these rules – independence of the provider to design the content of the service, principles of identifying the service and its provider, terms of product placement, provision of contents harmful to children, obligation to promote European programs, regulation of prohibited contents and the terms of providing services to the disabled.

2. European law

The definition of an audiovisual media service on demand, alternatively referred to as non-linear audiovisual media service, has been included in Art.1(1)(g)of the Directive. The concept relates to an audiovisual media service, provided by a media services provider,enabling the user to view a program at the time chosen by himself and on his demand out of a catalogue of programs prepared by the media services provider.⁵⁷

It should be pointed out that, in accordance with Recital 21,the regulation of the Directive covers such audiovisual media services which are classified as mass media services, which means that they are intended to be viewed by a considerable portion of the general public and could have significant impact of the viewers.

As laid down in Recital 24 of the directive, a characteristic feature of audiovisual media services on demand is that they assume a quasi-television form, which means that they are addressed to the same recipients as television broadcast, and that their character and the method of access gives the user the reasons to expect regulatory protection.

One consequence of the differences between linear and non-linear services available on demand is the differentiation between the regulatory obligations imposed on both these categories of services.In the environment of services on demand, the user has a wider degree of choice and more control, and lower impact on public opinion, which allows for less stringent minimum obligations imposed on non-linear services. As provided in Recital 58 of the Directive, this means that they should only comply with the basic principles laid down in that piece of EU legislation.⁵⁸

The Directive introduces a two-tier approach to the regulation, differentiating between the obligations in respect to linear and non-linear services. The first-tier regulation refers to all media services, introducing a catalogue of basic standards, relating to the establishment of jurisdiction, consumer protection and respect of human dignity.

All types of media services are covered by, *inter alia*, the requirements presented in this paper with regard to provider identification, as envisaged in Art. 5of the Directive, contents prohibited in media services,laid down in Art. 6of the Directive,and by the inducement of the providers on the part of the

⁵⁴OJ EC L 298 (17/10/1989), p. 23-30. For more, see: A. Matlak, *Międzynarodowe regulacje prawne dotyczące działalności telewizyjnej*, (in:) p. 82 ff.; E. Stasiak- Jazukiewicz, *Polityka medialna Unii Europejskiej*, Warszawa 2005, p. 15 ff.; P. Wiśniewski, *Wpływ prawa Unii Europejskiej na tworzenie prawa mediów w Polsce. Zagadnienia wybrane* (in:) *Praktyczne aspekty wolności wypowiedzi*, (eds.) W. Lis, W. Husak, Toruń 2011, p.178 ff.; I. Kawka, *Dyrektywy Unii Europejskiej w zakresie nowych mediów audiowizualnych* (in:) *Prawo, etyka czy rynek? Zmiany w polskich mediach od 1989 roku*, (eds.) K. Wolny - Zmorzyński, W. Furman, B. Nierenberg, J. Marszałek- Kawa, Toruń 2010, p.71 ff.;seealso M. Pęk, *Nowe podejście regulacyjne do usług audiowizualnych w prawie wspólnotowym – w świetle zmian wprowadzonych dyrektywą o audiowizualnych usługach medialnych*, „Analiza Biura KRRiT” 2007 no. 6, p. 2.

⁵⁵DziennikUstaw 2012, item 1315, hereinafter the “amendment”.

⁵⁶S. Piątek, (in:)W. Dziomdziora, S. Piątek, K. Wojciechowski, *Ustawa o radiofonii i telewizji.Komentarz*,(ed.) S. Piątek, Warszawa 2014, p. 455.

⁵⁷K. Chałubińska- Jentkiewicz, *Audiowizualne usługi medialne....*,p. 92.

⁵⁸ A. Matlak,*Dyrektywa o audiowizualnych usługach medialnych*, p. 143; M. Pęk,*Nowe podejście regulacyjne do usług audiowizualnych*, p. 10.

Member States to ensure that the services provided by the former become gradually available to persons with visual or hearing disabilities, in pursuance of Art.7 of the Directive. The provision of Art. 9 of the Directive prohibits advertising tobacco products, alcohol, medical devices and procedures, and presenting advertising spots which might cause physical or emotional harm to minors. Article 10 refers to appropriate marking of sponsor communications, and Art. 11 – to product placement.

The second tier of the regulation sets more specific standards, which differ with regard to linear and non-linear services.⁵⁹ Among others, these are additional quality standards protecting minors and promoting European audiovisual works, as discussed in this paper.

3. Polish law

A new concept introduced by the discussed amendment was, in accordance with Art. 4(6)(a) of the Radio and Television Act, the notion of public facilitation of an audiovisual media service on demand, understood as its provision in a manner enabling users in general, at any time chosen by the users and at their request, to view a program selected out of the catalogue offered under the service.⁶⁰

Pursuant to Art. 47(a) of the Radio and Television Act, the entity providing an audiovisual service on demand designs the catalogue of such programs independently. Designing of the catalogue consists in the selection of programs, decisions concerning removal of the programs or their sub-division within the catalogue into specific categories, for instance, thematic, genre- or performer-based, which are to make the user's choice of the desired content easier.⁶¹ It also refers to the determination of order in which the programs are offered to users and of the terms of availability relating to specific programs, in respect of their price, technical conditions of broadcast or the method of transmission.⁶²

Moreover, the commented provision envisages that the service provider has the editorial responsibility for any violations taking place in the course of broadcast of the programs.

It must be added that such scope of the service provider's liability does not stand in opposition with legal provisions on third party liability for the content of specific programs, advertisements or other communications, both under civil, administrative and criminal law. Those third parties, such as authors, performers or producers of specific programs are jointly responsible for the contents of the programs.⁶³

According to the provision of Art. 47(b), imposition of the obligation or prohibition to make a specific program or communication available to the public on the provider of an audiovisual service on demand may be ordered only under a provision of statutory law.⁶⁴ The discussed rule complements the principle of independence mentioned above.⁶⁵

Provisions of Art. 47(c) implement Art. 5 of the Directive, which requires providers of audiovisual media services to assure to service users an easy, direct and durable access at least to the information concerning the name of the provider, its address, contact details and the regulatory or supervising authority. National legislators were left the freedom as to the choice of methods which, in practice, are going to enable accomplishment of that goal.⁶⁶

As provided in Art. 47(c), the entity providing an audiovisual media service on demand is obliged to ensure to its users an easy, direct and permanent access to the information allowing for identification of the service and the entity providing the audiovisual media service on demand, especially to the information about the name of the service; name or commercial name of the entity providing the service; address of its seat or contact details, including the mailing address, email and website. As can be seen from the wording of the cited provision, the scope of information subject to disclosure is open. In general, this information is to serve the purpose of identification of the service and the providing entity. Thanks to such information, users of the service learn about the media service provider, and, in the same way, whom to report or sue for a crime or violation of personal interests.⁶⁷ This easy access – already at the initial stage of the electronic contact with the service provider – should be evaluated from the perspective of a user having average knowledge and expertise in the area of media services on demand.⁶⁸ Direct access – offered by means of

⁵⁹ M. Pęk, *Nowe podejście regulacyjne do usług audiowizualnych* ..., p. 11 ff.

⁶⁰ E. Czarny - Drożdziejko proposes to infer from this definition that the provider of services on demand may facilitate only programs. E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji. Komentarz*, LexisNexis, Warszawa 2014, p. 463.

⁶¹ S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 455.

⁶² Ibid.

⁶³ See E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 462; S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 456.

⁶⁴ This may refer not only to the discussed Radio and Television Act but also to the Press Law Act of 26 January 1984 (*Dziennik Ustaw* no. 5, item 24, as amended), the Authorship and Related Rights Act of 4 February 1994 (*Dziennik Ustaw* 2006, no. 90, item 631, as amended) or the Act of 23 April 1964 – Civil Code (*Dziennik Ustaw* 2014, item 121, as amended).

⁶⁵ See S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 456 ff.; E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 463.

⁶⁶ Szerz. zob. A. Matlak, *Dyrektywa o audiowizualnych usługach medialnych*, p. 135 ff.

⁶⁷ E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 464; S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 457 ff.

⁶⁸ S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 458.

electronic communication – signifies that procurement of information must not be made dependent on the use of the provider's services. It has to be possible before viewing the catalogue of available programs.⁶⁹ Permanent access means that the information should be available at any time and at any request of an interested party.

This provision imposes the obligation on the entity providing an audiovisual media service on demand to provide information at the request of the National Radio and Television Council, as the authority competent in matters pertaining to audiovisual media services on demand, so that even a user residing in another Member State could know to whom to complain about the provider's activity.⁷⁰

As set forth in Art. 47(d), it is admissible to place a product within a system of audiovisual media services on demand, however, this may not encroach on the autonomy and editorial independence of the entity providing audiovisual media services on demand, in particular by influencing the content or position of the program in the catalogue, and it does not release this entity from its responsibility for the content of the program.⁷¹

It seems worthwhile to indicate, as E. Czarny-Drożdziejko does,⁷² the central character of the prohibition imposed on the entity placing a product to influence the program's position in the catalogue, which can be of special importance from the point of view of the protection of recipients against excessive commercial load.

The principles outlined above refer as well to sponsorship of programs within the services on demand. They are to serve the purpose of autonomy and editorial independence of the provider of audiovisual media services on demand. The provision of Art. 47(d) prohibits violations on the part of the entities which provide commercial communications involving product placement and sponsoring.

The provision of Art. 47(e) of the Radio and Television Act is intended to protect minors accessing audiovisual media services on demand, by implementing the respective provisions of the Directive. Recital 59 of the Directive prescribes that protection of the physical, intellectual and emotional development of minors is necessary in reference to all audiovisual media services. It is addressed by such measures as the usage of personal identification numbers (PIN codes), filtering or designating systems.⁷³

It is prohibited to publically facilitate an audiovisual media service on demand whose catalogue includes programs or other communications posing a threat to the physical, intellectual or moral development of minors, in particular by presenting pornographic contents or displaying unjustified violence, without applying technical security or other pertinent measures aimed at the protection of minors from the impact of such contents.⁷⁴

The solutions implemented in the Polish Act are similar to those adopted in Art. 12 of the Directive. The entity providing an audiovisual media service on demand, taking into consideration the extent of the harmfulness of a program to minors within specific age groups, is obliged to properly qualify and designate programs and other communications in a manner enabling the user to easily recognize the designation, both at the time of selecting the program and in its course. This is to assure security both to minors and persons who do not wish to view such contents.⁷⁵

The provision of Art. 13 of the Directive obliges the Member States to promote – within the scope of the existing possibilities and in the pertinent manner – the production and distribution of European works through audiovisual media services on demand provided within the area of their jurisdiction, and, consequently, to actively contribute to the promotion of cultural diversity.⁷⁶

Under Art. 47(f) of the Act, entities providing audiovisual media services on demand are obliged to promote European programs, including ones originally created in the Polish language. Among other elements, this promotion is to involve: proper designation of the origin of the programs available in the catalogue and provision of the opportunity to browse for European programs, including ones originally created in the Polish language, or publication of information and materials promoting European programs, including ones originally created in the Polish language.

The provision of Art. 47(f) subparagraph 2 prescribes obligatory participation of European programs in the catalogue of programs on demand, which means that the minimum percentage of 20% of all content of the provider's catalogue – calculated as the sum of the products of the overall and transmission length of the programs on the catalogue in a given calendar quarter – is to be reserved for European programs, including

⁶⁹Ibid.

⁷⁰ E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji*, p. 464.

⁷¹ E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 465.

⁷² E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 465.

⁷³ A. Matlak, *Dyrektywa o audiowizualnych usługach medialnych*, p. 143.

⁷⁴ E. Czarny-Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 466; S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 462 ff.

⁷⁵ A. Matlak, *Dyrektywa o audiowizualnych usługach medialnych*, s. 143 i nast.; zob. także E. Czarny-Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji*..., p. 468.

⁷⁶ I. Kawka, *Dyrektywy Unii Europejskiej w zakresie nowych mediów audiowizualnych*..., p. 77; A. Matlak, *Dyrektywa o audiowizualnych usługach medialnych*, p. 143 ff.

ones originally created in the Polish language.⁷⁷ These programs are to be appropriately displayed in the catalogue.⁷⁸

The provision of Art. 47(h) of the Act provides that the programs provided within audiovisual media services on demand may not include contents which incite hatred or prove discriminatory based on race, disability, sex, confession or nationality. Article 6 of the Directive requires that audiovisual media services provided by the providers of media services subject to the jurisdiction of the Member States may not include any contents inciting hatred based on race, sex, confession or nationality. As can be seen, Polish law proves more stringent than European legislation in the discussed area.⁷⁹

The provision of Art. 47(g) has been formulated as a postulate. It envisages that the entities providing audiovisual media services on demand should strive for the gradual increase in the availability of the provided programs to the disabled with the dysfunction of the organs of sight and hearing – by introducing appropriate facilities, such as audio description, subtitles and interpretation into sign language.⁸⁰ The commented provision implements Recital of 46 of the Directive, pursuant to which the right of the disabled and the elderly to integration and participation in social and cultural life of the Union is inseparably connected with the provision of available audiovisual media services. In addition, this implements the objectives of Art. 7 of the Directive under which the Member States are to encourage providers of media services to make sure that their services become gradually available to persons with sight or hearing disabilities.

It should be also indicated that any violation of the obligations and prohibitions mentioned in Art. 47(a), (b), (c), (d), (e), (f), (h) leads to the imposition of a fine by the President of the National Radio and Television Council (hereinafter referred to as the KRRiT) in a decision delivered under Art. 53(c) subparagraph 1. Maintenance of a program which violates the prohibitions discussed above may result in another decision imposing a penalty.⁸¹

Moreover, entities providing audiovisual media services on demand are obliged to annually submit to the KRRiT – until 31 March of the following year – reports on the performance of obligations aimed at the protection of minors and promotion of European programs. This reporting duty is intended to enable the KRRiT to monitor the execution of major obligations imposed on the providers of such services.⁸² Such report should be composed of three parts and contain: the details of the entity and the method of public provision of the audiovisual media service on demand; description of the types of technical security or other appropriate measures aimed at the protection of minors from the access which are actually applied by a specific provider; and the description of the methods of promotion of European programs (designation, browsing possibilities, promotional materials), including ones originally created in the Polish language, used by a given provider, including the share of such programs in the quantitative and time dimensions.⁸³

4. Summary

Convergence has set new challenges for media policies. One of such challenges was to regulate the increasingly popular media services on demand. The standard broadcast of television programs, where the viewer is dependent on the contents composed and transmitted by the broadcaster at a given time, is, to an ever growing degree, supplemented or even replaced by interactive communications in which it is the viewer to decide what programs are to be made available to him at any specific moment. Thanks to the convergence, understood as mutual approaching of the traditional television technology and the IT and telecommunication sectors, the offer of audiovisual broadcast is widening, which is favoured by ever newer technical solutions.

In summary of the above considerations relating to audiovisual media services in Polish law, it should be pointed out that Polish legislation is perfectly conforming with the standards laid down in the Audiovisual Services Directive. There are no formal requirements pertaining to the commencement of business activity covering provision of services on demand. Moreover, in line with the principle of technological neutrality, recipients should be ensured the basic scope of protection regardless of the method of provision of audiovisual contents. Services on demand may be provided over the Internet, cable networks, digital platforms or in any other way, e.g. over mobile networks. In any of the above cases,

⁷⁷ E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 473 ff.; S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 469.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 476 ff. Zob. także S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 470.

⁸⁰ Szerz. E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 475 ff.; S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 469.

⁸¹ More on the penalties in: E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 502 ff.; S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 490 ff.

⁸² S. Piątek, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 472.

⁸³ See E. Czarny - Drożdziejko, *Ustawa o radiofonii i telewizji...*, p. 481 ff.

protection afforded to the viewer should be the same. Bearing in mind the specific character of audiovisual services on demand, especially their opinion-forming character, it is essential that users know precisely who is responsible for the content of the provided services. In addition, attention has been paid – in connection with new platforms and products –to the problem of access to contents harmful to minors. As a result, it was found necessary to introduce provisions intended to protect the development of minors. The provision on the protection of minors against contents which are harmful to them and on the promotion of European works pertains exclusively to media services on demand.

The enacted amendment must be evaluated positively. However, one should make sure that excessive regulation, adopted in the name of consumer protection, does not actually turn against the consumer, quelling the freedom of expression and media pluralism, as well as competition among various providers of media services.

УДК 070

**РОЛЬ БЕЛГОРОДСКИХ МАСС-МЕДИА В УПРАВЛЕНИИ
РЕПУТАЦИОННЫМ КАПИТАЛОМ РЕГИОНА****THE ROLE OF REGIONAL MASS MEDIA IN THE MANAGEMENT OF THE
REPUTATIONAL CAPITAL OF BELGOROD REGION****С.А. Захарова
S.A. Zakharova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

e-mail: maraba_svs75@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены актуальные вопросы теории и практики формирования и управления репутационным капиталом региона, исследуется процесс формирования репутационного капитала Белгородской области при помощи региональных масс-медиа.

Abstract: Actual theoretical and practical questions of reputational capital formation and management have seen in this article. The process of formation of Belgorod Region's reputational capital by means of regional mass-media has investigated too.

*Ключевые слова: репутационный капитал, бренд, брендинг, социокультурные проекты, масс-медиа.
Keywords: reputational capital, brand, branding, sociocultural projects, mass-media.*

Мир сегодня – это единое пространство, экономическое, информационное и социальное. При этом в последние годы все яснее намечается тенденция перераспределения финансовых, инвестиционных потоков из центров к периферии; именно в провинцию ныне устремлены взоры крупных бизнесменов в поисках привлекательных активов: промышленных, торговых, туристических. И динамичное развитие регионов, в большинстве своем, происходит не за счет федеральных дотаций и займов, а благодаря притоку крупных частных инвестиций. Вот почему в сложившейся ситуации территориям так важно уметь выгодно «подать себя», доказать свою инвестиционную привлекательность. Важную роль в повышении этой привлекательности, – а значит, и в социально-экономическом развитии субъекта – играет ее репутационный капитал, формирование, сохранение и эмоциональная окраска (положительная / отрицательная) которого во многом зависит от массмедийной репрезентации.

Понятие «репутационный капитал» появилось в языке специалистов и передовых региональных топ-менеджеров относительно недавно. И пока еще довольно часто с ним отождествляют такие понятия, как «бренд» и «имидж» территории. Мы считаем, что эти термины необходимо дифференцировать.

Г.Л. Тульчинский под образом (имиджем) территории понимает «символически выраженное представление о своеобразии и специфике (возможно уникальности) региона, его репутации, сформировавшейся в общественном мнении»⁸⁴. В свою очередь, исследователи концепции репутационного менеджмента Ф.Ю. Кравчук и Е.С. Тихомирова в своей статье «Репутационный капитал региона: вопросы создания и оценки» пишут: «*имидж* отдельного региона представляет собой искусственно созданный в общественном сознании образ. Под *брендом* региона понимается совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики региона, получившие общественное признание и известность, пользующиеся стабильным спросом потребителей. Другими словами, имидж и бренд региона основываются, прежде всего, на эмоциональном отношении к определенной территории. Репутационный же капитал региона – это развернутый комплекс оценочных представлений, сформированный на основе объективных параметров. Репутационный капитал в значительной мере зависит от имиджа и бренда региона и формируется в результате их влияния на общественность»⁸⁵.

⁸⁴ Тульчинский Г.Л. PR фирмы: технология и эффективность. - СПб, 2001. – с. 28

⁸⁵ Кравчук Ф.Ю., Тихомирова Е.С. Репутационный капитал региона: вопросы создания и оценки // Ярославский педагогический вестник – 2010 - №4 – Том 1 (Гуманитарные науки). - с. 112

Отметим, что «использование термина «репутационный капитал» имеет смысл только в случае исследования информационно-коммуникативных процессов, т.е. совокупности скоординированных действий, формирующих отношение к стране или региону»⁸⁶. Бренд же является своеобразным символическим выражением репутационного капитала территории. При этом ни в коем случае не следует отождествлять бренд территории и её название⁸⁷.

В основу российских разработок по концепции брендов регионов и отдельных городов положены работы ряда известных зарубежных специалистов в области репутационного менеджмента и брендинга территорий – и, в первую очередь, опыт британского исследователя С. Анхольта, который считается одним из ведущих мировых специалистов в области брендинга стран, регионов и отдельных городов. Имея в активе десятки весьма успешных опытов формирования репутационного капитала и продвижения брендов отдельных территорий и целых стран и за 20 лет практики проконсультировав более 50 глав государств и правительств по всему миру, «отец национального брендинга» С. Анхольт составил и запатентовал собственную концепцию всемирного рейтинга национальных брендов (см. Рис. 1).

В рейтингах Анхольта страны оцениваются по шести факторам: туристическая привлекательность, человеческий капитал, качество экспортируемых товаров, инвестиционная и иммиграционная привлекательность, справедливость правительства и, наконец, уровень культуры и культурного наследия⁸⁸. Те же факторы определенно могут быть положены в основу формирования репутационного капитала территории и продвижения ее бренда⁸⁹.

Рис. 1. «Шестиугольник» Анхольта.

Принимая во внимание вышеизложенные факторы, можно предположить, что Белгородская область обладает весьма высоким потенциалом для формирования позитивного репутационного капитала.

⁸⁶ Большаков С.Н., Григорьев А.Н. Масс-медиа в управлении репутационным капиталом региона // Вопросы управления. – Выпуск №1(22). – Март 2013 г. – Интернет-версия: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2013/01/04/?print>

⁸⁷ Визгалов Д. В. Брендинг города. – М.: Институт экономики города, 2011. – с. 37

⁸⁸ Анхольт С.. Создание бренда страны // Бренд-менеджмент – 2007 - 01(32). - с. 14-15

⁸⁹ Большаков С.Н., Григорьев А.Н. Масс-медиа в управлении репутационным капиталом региона // <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2013/01/04/?print>

По данным ведущих рейтинговых агентств, наш регион стабильно занимает верхние строчки в российских рейтингах инвестиционной привлекательности. Это обусловлено стабильным социально-экономическим положением территории, наличием мощных сырьевых, промышленных, инфраструктурных ресурсов. В последние годы область демонстрирует устойчивый рост показателей производства валового регионального продукта в целом и на душу населения. Благодаря миллиардам инвестиционных рублей, вложенным в металлургическое производство, агропромышленный комплекс, строительную индустрию мы живем на своеобразном благоустроенном «островке», где есть хорошие дороги, красивые города и поселки, украшенные клумбами, парками и фонтанами; ухоженные поля и много людей, в целом довольных своей жизнью. Многие представители федеральных СМИ (причем, не только «проправительственных», но и оппозиционных), говоря о Белгородской области, отмечают разительное – и выгодное – отличие ее от других регионов России: «Это [история развития Белгородской области – С.З.] история успеха. Таких историй в России очень мало – Белгородская, Ленинградская, отчасти Калининградская область. (...) Динамика валового регионального продукта, то есть экономики, за 10-11 лет в Белгородской области рост в 2,3 раза, в среднем по России в два. Промышленное производство выросло почти в два раза по сравнению с советским периодом – это уникальный показатель. Вся Россия до кризиса еще на 15% не дотягивала советского уровня. Если посмотреть инвестиции – это очень приличный уровень, близкий к среднероссийскому, это немало, потому что в среднероссийском сидят нефтегазовые инвестиции, которых нет в Белгородской области. Ввод жилья почти в два раза выше, чем в среднем по стране, и так далее, и тому подобное. Очень низкий показатель бедности населения по сравнению со среднероссийским. В России 13, в Белгородской области 10»⁹⁰.

Вместе с тем, считаем необходимым отметить, что до настоящего времени в Белгородской области не проводились собственные научно-практические исследования процесса формирования брендинга и репутационного капитала региона, их оценки и практики управления, как это сделано, например, в Калужской, Ярославской, Ленинградской, Новгородской, Московской областях, Краснодарской крае. Таким образом, эта тема весьма актуальна для нашего региона.

Помимо этого, на данный момент в Белгородской области отсутствует единая концепция формирования репутационного капитала территории и продвижения отдельных его составляющих – в частности, регионального бренда, – как, впрочем, отсутствует и сам бренд как таковой⁹¹. Однако в последнее время региональные власти уделяют все больше внимания формированию позитивного имиджа области, затрачивая солидные усилия на продвижение туристического, спортивного и культурного потенциала Белгородчины.

Этому способствуют новые масштабные социокультурные проекты, которые, на наш взгляд, успешно реализованы в Белгородской области за неполные три квартала текущего года. Среди них – фестиваль «Узорный хоровод: кривые танки Грайворонского района», прошедший в г. Грайвороне в мае 2015 г.. Во время фестиваля был установлен мировой рекорд: составлен самый длинный по протяженности и масштабный по числу участников хоровод. Рекорд был зафиксирован официальными российскими представителями Книги Рекордов Гиннеса. По данным организаторов, в фестивале приняли участие свыше 5,5 тыс. человек. Также большой резонанс получили Первый Белгородский международный фестиваль мела «БелМелФест» (г. Белгород, август) и Первый всероссийский фестиваль ГТО (г. Белгород, август). Помимо этого, в 2015 году в Белгородской области во второй раз прошли патриотический фестиваль воздухоплавания «Небосвод Белогорья» (г. Белгород – п. Прохоровка – Белгородский район, июнь) и фестиваль исторической реконструкции «Юсуповские вечера» (п. Ракитное, июль), в четвертый раз – международный музыкальный фестиваль «BelgorodMusicFest: Борислав Струлев и друзья» (г. Белгород, март).

Принимая во внимание, что самым распространенным и очевидным критерием оценки результатов деятельности по формированию репутационного капитала территории является упоминаемость в СМИ (причем, значение имеет не только и не столько количество публикаций, но и статус издания, а также контекст упоминания), проведем исследование, используя для работы систему мониторинга, разработанную специалистами международного информагентства «Интерфакс» (www.scan-interfax.ru). Информационная база данных (ИБД) «СКАН» (Система Комплексного Анализа Новостей) представляет собой одну из крупнейших в мире баз данных, содержащую архивы и текущие материалы информационных агентств (в том числе – с закрытых лент), газет и журналов, аналитических изданий, интернет-ресурсов, транскрипты телевизионных и

⁹⁰ Российские регионы: Белгородская область. Авторская программа Ирины Лагуниной на Радио «Свобода». Эфир от 14 июня 2011 года // Скрипт: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24235948.html>

⁹¹ Захарова С.А. Масс-медиа в управлении репутационным капиталом региона: опыт Белгородской области. // I Международная научно-практическая конференция «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования»: Сборник научных работ. – Белгород, 2014. – с. 347

радиопередач. На сегодняшний день база «СКАН» содержит свыше 19,8 тыс. наименований источников, и их число продолжает увеличиваться. Общее количество документов, импортированных в базу данных «СКАН» на 31 августа 2015 года, составляет почти 196,0 млн. Ежедневно в базу данных «СКАН» поступает более 200 тыс. документов.

Проанализируем публикации о нашем регионе, опубликованные в федеральных, региональных и зарубежных СМИ, содержащихся в ИБД «СКАН», за текущий год.

Чтобы сузить параметры поиска, зададим системе запрос: искать тег «Белгородская область» как географическое название во всех источниках, кроме пресс-релизов и раскрытия информации, а также обзоров рынков и анонсов и календарей.

Указанный запрос (на 17:00 по московскому времени 31 августа 2015 г.) дает нам 142580 публикаций, 89037 из которых опубликованы в региональных масс-медиа, 48769 – в федеральных, а 7443 – в зарубежных СМИ.

Это публикации по 25 темам, среди которых – экономические («Макроэкономика», «Бюджет», «Финансовые результаты», «Тарифы» и др.), политические («Политика и государство», «Госрегулирование» и т.п.), социальные («Спорт», «Искусство и культура», «Религия и вера», «Социальные вопросы» и проч.) и криминальные («Чрезвычайные происшествия», «Криминал» и «Суды, конфликты, расследования»).

Для получения более объективной картины применим к мониторингу фильтр «Все, исключая одинаковые» (в этом случае система «СКАН» исключит из результатов поиска все публикации, где повторяются более трех абзацев подряд). После применения указанного фильтра получаем 87818 публикаций.

Отметим, что если ранее в мониторингах неизменно лидировала тема «Чрезвычайные происшествия, чрезвычайные ситуации» (вместе с темами «Преступления и криминал» и «Суды, конфликты, расследования» они составляли абсолютное большинство публикаций об области)⁹², то по результатам настоящего мониторинга на первое место впервые вышла тема «Искусство и культура»: 11296 публикаций, или 12,9 процента. Традиционный лидер – тема «Чрезвычайные происшествия, чрезвычайные ситуации» – находится на втором месте по упоминаемости (10697 публикаций, или 12,2 процента). На третьем месте – тема «Спорт» (10435 публикаций, или 11,9 процента), на четвертом – «Политика и государство» (8565 публикаций, или 9,8 процента). Замыкает топ-5 самых частотных тем «Преступления и криминал» с результатом 8107 публикаций, или 9,2 процента.

Результаты исследования, таким образом, дают нам основания утверждать, что в Белгородской области достаточно успешно действует когнитивный менеджмент социокультурной направленности (под когнитивным менеджментом мы понимаем некую систему управления «производством, а также интеллектуальными, финансовыми и др. ресурсами», основанную на ЗНАНИИ, ИНТЕЛЛЕКТЕ, владении технологиями ПОЗНАНИЯ, а значит, и на умении использовать для этого новейшие достижения в различных областях знаний – инновации, – или инновационную стратегию теорий управления в информационном обществе⁹³). Иными словами, в нашем регионе происходит достаточно событий, которые могут послужить информационными поводами для новостных публикаций подобной тематики.

Таким образом, общий информационный фон когнитивного пространства Белгородской области имеет ярко выраженный позитивный оттенок. В основе когнитивного менеджмента региона лежит философия успеха, идея неразрывной связи с духовными традициями прошлого – но, при этом, инновационности, динамичности развития. Это помогает формированию у жителей региона вполне определенных мировоззренческих установок и системы жизненных ценностей, которые можно сформулировать как духовное единение, социальный оптимизм и доверие к местной власти. Во многом вышесказанному способствует деятельность массмедиа, по большей части – региональных. Ведь «средства массовой информации являются субъектом политической коммуникации, участвующим в процессе формирования, удержания и продвижения репутационного капитала вовне»⁹⁴.

Наиболее заметные из региональных массмедиа Белгородской области – Государственная телерадиокомпания «Белгород», информационное агентство «Бел.Ру» и информационный холдинг «БелПресса», в состав которого входят новостной сайт «БелПресса.рф», газеты «Белгородские известия», «Смена», «Большая переменка» и «ОнОнас», а также телерадиокомпания «Мир

⁹² Захарова С.А. Масс-медиа в управлении репутационным капиталом региона: опыт Белгородской области. – Белгород, 2014. – с. 345

⁹³ Петрова Г. И. Когнитивный менеджмент – инновационная стратегия теорий управления в информационном обществе [Текст] / Г. И. Петрова, Ю. М. Стаховская // Вестник Томского государственного университета, №2 (10), 2010. – с. 101.

⁹⁴ Большаков С.Н., Григорьев А.Н.. Масс-медиа в управлении репутационным капиталом региона // <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2013/01/04/?print>

Белогорья». Безусловно, заслуживают внимания и два новых сетевых региональных ресурса, начавших свою работу в 2015 году. Это информационные порталы Go31 и FonarTV. Эти проекты, на наш взгляд, заполнили пустовавшую до недавних пор в нашем регионе нишу интерактивных массмедиа, интересных молодым, социально активным жителям области. Они занимают промежуточное положение между новостным СМИ и социальными сетями. Необходимо также отметить деятельность региональных представителей «Российской газеты», «Комсомольской правды», «АиФ» и крупнейших федеральных информагентств: ИА «ТАСС», РИА «Новости» (до апреля 2014 г.), а также негосударственного информагентства «Интерфакс». Последнее в феврале 2014 г. открыло в Белгороде региональное бюро, а в июне 2014 г. – региональный пресс-центр, ставший ведущей информационной площадкой для встреч белгородских журналистов с представителями власти и бизнеса.

Все вышеизложенное дает нам основания утверждать, что в Белгородской области сформирована хорошая база для создания прочного репутационного капитала и конкурентного регионального бренда, необходимых для упрочения инвестиционной привлекательности региона. Региональные массмедиа, по нашему мнению, играют в этом процессе одну из ключевых ролей, т.к. именно они чаще всего первыми сообщают о важных событиях, влияющих на формирование репутационного капитала региона. Федеральные же и зарубежные СМИ (за исключением тех, что имеют представительства или собкорров в регионе) обычно выпускают свои информационные сообщения уже со ссылкой на эти публикации. Другой немаловажной стороной процесса формирования репутационного капитала территории являются эффективные менеджеры новой формации, способные наладить плодотворное взаимодействие между разработчиками социокультурных проектов, теми, кто воплощает их в жизнь, и представителями масс-медиа, призванными обеспечить «продвижение репутационного капитала вовне»⁹⁵. Чаще всего звеном, соединяющим вместе все три указанные составляющие, становится пресс-служба.

Именно представители пресс-служб, по нашему мнению, должны обеспечивать не только и не столько менеджмент новостей, но менеджмент событий – системный, последовательный и долговременный. Считаем, что взаимодействие пресс-служб с массмедиа, а также построение работы пресс-служб с учетом принципов когнитивного менеджмента должны стать темой перспективного научного исследования, так как это поможет значительно усилить позиции Белгородской области в российском и глобальном экономическом пространстве, будет способствовать формированию, укреплению и продвижению репутационного капитала региона.

Проведенные нами исследования, на наш взгляд, могут стать основой для формирования комплекса задач, направленных на укрепление репутационного капитала Белгородской области.

⁹⁵ Большаков С.Н., Григорьев А.Н.. Масс-медиа в управлении репутационным капиталом региона // <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2013/01/04/?print>

УДК 070

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЕДИАХОЛДИНГОВ THE FORMATION OF MODERN RUSSIAN MEDIA HOLDINGS

Ю.В. Маркина
Y.V. Markina

*Ростовский государственный экономический университет,
Россия, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
Rostov State Economical University, 69, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344007, Russia*

E-mail: yulia_markina@list.ru

Аннотация. В России с периода перехода на рыночные отношения появилось огромное количество предприятий, использующих в своих названиях равносильные термины *холдинг* или *холдинговая компания*. В медиаиндустрии холдинговые структуры развиваются особенно активно. Их основной характеристикой является многопрофильность, так как они производят широкий спектр информационных продуктов (печатных, виртуальных и аудиовизуальных). В данной статье рассматриваются основные этапы формирования медиарынка в России, дается общая характеристика наиболее успешных российских медиахолдингов.

Abstract. In Russia a huge number of enterprises using in their names equivalent to the terms of the holding company or holding company has appeared since the transition to market relations in the country. In the media industry holding structures are developing especially actively. Their main characteristic is the versatility, as they produce a wide range of products (print, virtual and audiovisual). This article examines the main stages of the Russian media market's formation, provides an overview of the most successful Russian media holdings.

Ключевые слова: медиаиндустрия, медиахолдинг, процессы концентрации СМИ.

Keywords: media industry, media company and media holding, processes of media concentration.

Переход к рынку потребовал кардинальных преобразований в системе средств массовой информации России. Были созданы необходимые правовые и организационные предпосылки для рыночного функционирования медиаиндустрии. Основные изменения произошли в сфере собственности СМИ. Наряду с государственными компаниями на сегодняшний день действуют также частные, корпоративные, муниципальные и другие медиапредприятия. Конкуренция на информационно-коммуникационном рынке, как и на любом другом, быстро приобретает все более сложные формы. В конечном итоге она непременно приводит к концентрации капитала.

В рыночных условиях, сложившихся в России, индивидуальные производители медийных продуктов могут эффективно существовать и развиваться только при наличии бюджетной спонсорской или иной финансовой поддержки. Низкий уровень платежеспособности массового потребителя, неконтролируемый рост затрат, связанных с производством и реализацией продукции, не обеспечивают тот желаемый уровень рентабельности, который был бы достаточным для развития. Неэкономические же формы финансирования, очевидно, чреватые потерей независимости прессы.

Российские исследователи отмечают, что изменения принципиального характера в системной и структурной сферах российских СМИ происходили в постсоветский период. В числе этих изменений – «стремительный процесс монополизации со всеми присущими ему издержками и деформациями развития, характерными как для отечественного, так и для глобального уровня. Соответствующее влияние оказала пребывающая в неустойчивом состоянии система правового регулирования, несовершенный механизм использования форм и методов решения имущественных проблем. Массмедиа стали предметом рыночных отношений со всеми вытекающими последствиями⁹⁶.

За 20 лет в России сформировался разноплановый медийный ландшафт. Преобладающее число редакций отечественных изданий стали предприятиями, а это значит, что их деятельность теперь определяется законами рынка. В конечном итоге их работа нацелена на обеспечение экономической независимости и получение прибыли. Это развитие, конечно, имеет национальные особенности и черты. Но на сегодняшний день можно говорить о том, что его характер и специфика уже определились.

⁹⁶ Мисонжников Б.Я. Современный медиахолдинг: генезис, состояние и перспективы развития // Журналистский ежегодник. 2012. - № 1. - С. 30-32.

Для начального этапа, как считает С.М. Гуревич, «были характерны отсутствие у руководителей редакций СМИ, ставших рыночными предприятиями, знаний и опыта, необходимых для успешной коммерческой деятельности. Кроме того, проблему составляла нехватка финансовых средств и отсутствие в руководстве опытных менеджеров, специализирующихся и достигающих успехов в данной отрасли. *Редакция-предприятие* по сути являлась в это время основной *формой* существования СМИ на медиарынке»⁹⁷. Только спустя некоторое время руководители редакций, переживших трудности переходного этапа и кризиса, начали искать новые возможности расширить свою целевую аудиторию и укрепить финансовую базу. Так, появилась идея, которую подхватили многие издания, выпускать приложения, а также организовать и развивать коммерческую деятельность. Таким образом, постепенно начали создаваться приредакционные структуры, в задачи которых входило получение прибыли (информационные центры, рекламные агентства и т.д.).

Накопив опыт, приобретя коммерческие навыки с учетом требований и условий медиарынка, сформировав достаточно крепкую финансовую базу, многие медийные редакции переходили к следующему этапу своего экономического развития. На данной стали появляться и успешно развиваться *издательские дома (ИД)*, что стало возможным благодаря процессам дальнейшей капитализации предприятий (редакций СМИ) – обеспечением постоянной прибыли, а также владением средств, достаточных для расширения и укрепления производственной и коммерческой деятельности. Владелец издательского дома уже не ограничивался одним печатным изданием. Одним из первых в России был открыт московский издательский дом «Коммерсантъ», который и сегодня продолжает успешную деятельность. Кроме того, в числе крупных издательских домов – ИД «Комсомольская правда» (в чьи активы входят крупные, многотиражные издания страны «Комсомольская правда», «Экспресс газета», «Советский спорт», «Телепрограмма»), ИД «Собеседник» (включающий газету «Собеседник», веб-портал sobesednik.ru, журнал «Только звезды», «Желтую газету», журнал «Между нами, женщинами») и другие. Доминирующую роль в процессе объединения редакций сыграла конкуренция, которая в итоге привела к концентрации СМИ, вследствие которой происходило объединение компаний, владеющих капиталом во всех сферах медиаиндустрии⁹⁸.

Как отмечено выше, один из главных критериев возникновения издательского дома – это прочная материально-финансовая база, которая нередко формировалась в результате прихода к руководству редакцией сторонней организации, например банка, финансовой или промышленной компании, осознавшей, что медиаиндустрия может приносить высокие доходы и реализовывать политику взаимодействия с властью. В результате основания издательского дома, его владелец и руководитель могут более выгодно распределять и концентрировать финансовые средства между входящими в его систему изданиями; возмещать потери, возникающих в редакции одного из них, за счет прибылей, полученных другой редакцией; проводить единую информационную и редакционную политику во всех изданиях. С ростом дальнейшей капитализации на российском рынке стали появляться *информационно-финансовые холдинги*, включающие в себя не только газетные и журнальные редакции, но и радиостанции, телекомпании, рекламные и информационные агентства и даже целые издательские дома. Для формирования данной структуры требуются также весьма значительные средства и более высокий уровень менеджмента. Но в данном случае создатель получает возможность возместить свои расходы и получать прибыль относительно быстро. Холдинговая система обладает преимуществами, позволяющими владельцам крупных капиталов добиваться успеха на медиарынке. Например, возможность в ходе конкурентной борьбы увеличивать размеры холдинга, включая в него экономически слабые редакции СМИ. В то же время холдинг позволяет его владельцу экономить средства, обеспечивающие управление всеми элементами холдинговой структуры.

Холдинг (с английского «holding» – владение) – это производственная комплексная организация, в состав которой входят другие дочерние компании. «В журналистике холдинги выполняют те же функции, что и в промышленной сфере: производство – результат производства. В медиа-холдинг входят редакции Интернет-сайтов, газет, телевидения и радио. Благодаря этому создается единая медиакомпания, которая контролирует дочерние предприятия и позволяет экономить финансовые ресурсы»⁹⁹. Таким образом, в течение двадцати лет на российском медиарынке появился ряд крупнейших холдингов, которые представляют собой несколько мощных финансово-промышленных групп, возглавляемых владельцами и руководителями известных российских банков и промышленно-энергетических компаний.

Выделяют медиахолдинги *регионального* и *общенационального* уровня.

⁹⁷ Гуревич, С.М. От издательского дома – к медиахолдингу // Медиаскоп.- 2006. - №1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/184> (Дата обращения: 12.05.2015)

⁹⁸ См: Основы медиабизнеса / Е.Л. Вартанова, В.Л. Иваницкий, М.И. Макеенко и др. - М., 2009. - С. 154-155.:

⁹⁹ Карпыков Т.М., Кунгурова О.Г. Медиа-холдинг как современная форма позиционирования на информационном рынке // Массовая коммуникация в современном мире: вызовы и перспективы. Курск. - 2014. – С. 71-73.

Появление медиахолдингов на российском региональном информационном рынке – закономерное явление в условиях унификации медийного пространства. Монополизация медиапространства в регионах чревата сужением зоны плюрализма, усилением цензуры и самоцензуры. В то же время концентрация капитала в медиабизнесе позволяет расширить спектр услуг, углубить аналитические материалы, сделать медийный рынок более многообразным.

Некоторые региональные медиахолдинги играют заметную роль в общественно-политической жизни как своего региона, так и всей страны. Например, на Северо-Западе Российской Федерации осуществляет деятельность «*Балтийская медиагруппа*» – холдинг, основанный в 2004 году О.К. Рудновым, владевшим на тот момент радиостанцией «Балтика». В течение нескольких лет в состав «Балтийской медиагруппы» вошли газеты «Вечерний Петербург», «Смена», «Невское время», телеканал СТО и Балтийское информационное агентство¹⁰⁰.

Информационные холдинги, объединяющие краевую и несколько местных газет, журнальных изданий, краевую радио- и телестанции, успешно действуют и в других регионах России («*Вольная Кубань*» в Краснодарском крае, «*Южный регион*» в Ростовской области, «*Прима медиа*» на Дальнем Востоке, «*Регион- Медиа*» в Самарской области и другие).

Общенациональные российские медиахолдинги

Одним из лидеров и одной из крупнейших общенациональных медийных корпораций на постсоветском пространстве является холдинг «*Газпром-Медиа*», занимающий особое место в системе российских СМИ и контролируемый мощной финансово-промышленной компанией «РАО Газпром». Под его контролем находится около 200 компаний, работающих в различных сегментах медиабизнеса: печать, телевидение, радиовещание, кинематография, реклама, PR-деятельность, онлайн-медиа¹⁰¹. Этот холдинг объединяет газеты «Известия», «Трибуна», журналы «Газовая трибуна» и «Фактор», телекомпанию «НТВ», радиостанцию «Открытое радио», спутниковую сеть АСТ, ряд региональных печатных изданий, спонсирует газету «Труд» и др. (см. таблицу 1).

Холдинг строится по принципу «перекрестной» (диагональной) концентрации, которая на протяжении последних лет является наиболее характерной тенденцией развития российских СМИ. Владелец ОАО «Газпром-Медиа» – ОАО «Газпром» – акционируется государством (Правительством РФ) на 51%, в то же время ОАО «Газпром» имеет примерно 86% в ОАО «Газпром-Медиа». Холдинг контролирует хозяйственную деятельность СМИ, самостоятельно определяет свою финансовую политику, формирует команды управленцев и т.д. Речь идет о существовании полноценного медиахолдинга в рамках топливно-энергетического концерна.

Историю «Газпром-Медиа» условно разделяют на два этапа:

- 1) 1997 – 2011 гг. – период становления компании,
- 2) с 2011 г. по настоящее время – период ее расцвета.

О создании РАО «Газпром» собственного информационного холдинга стало известно в 1997 году, а юридически общество было учреждено 21 января 1998 года с формулировкой «для более эффективного управления пакетами акций, принадлежащими РАО в федеральных и региональных средствах массовой информации»¹⁰². Первым руководителем холдинга «Газпром-Медиа» был главный идеолог его создания, член совета директоров ОАО «Газпром» Виктор Илюшин. В начале существования информационного холдинга присутствие «Газпрома» в медиасистеме Российской Федерации ощущалось слабо.

В конце 1998 года «Газпром-Медиа» прекратил свое существование как самостоятельная структура. Финансовый кризис 1998 г. негативно сказался на положении газового монополиста ОАО «Газпром», что привело к закрытию ряда дочерних предприятий. И лишь весной 2000 года было принято решение о возрождении медиахолдинга, главной задачей которого стало востребование кредиторской задолженности с медиаструктур группы «Мост» В. Гусинского, являвшейся в то время заметным игроком на медиарынке России¹⁰³. К 2001 году в собственности холдинга находились такие СМИ, как газета «Труд», «Рабочая трибуна», «Деловой вторник», более ста региональных изданий и многотиражек, журналы «Газовая индустрия», «Газ и капитал», «Фактор», телеканал «АСТ Прометей», радиостанция «Открытое радио», а также 50 региональных телекомпаний.

В собственности группы «Мост» находились влиятельные СМИ, в числе которых – газета «Сегодня», телекомпания НТВ, журнал «Итоги», радиостанция «Эхо Москвы». Экономические

¹⁰⁰ Мисонжников Б.Я. Современный медиахолдинг: генезис, состояние и перспективы развития // Журналистский ежегодник. - 2012. - № 1. - С. 30-32.

¹⁰¹ Смирнов С.С. Холдинг Газпром-Медиа в системе СМИ России // *Медиа@льманах*. - 2005. - № 2. - С. 25-32.

¹⁰² Официальный сайт «Газпром-Медиа» URL: <http://www.gazprom-media.com/>. (Дата обращения: 29.05.2015)

¹⁰³ ЗАО «Медиа-Мост». История. URL: <http://web.archive.org/web>. (Дата обращения: 20.06.2015).

отношение «Газпрома» с этой компанией стали решающим фактором в развитии холдинга «Газпром-Медиа». После выборов Президента РФ в 2000 г. группа «Мост» продолжила свое расширение на рынке СМИ. Перечень средств массовой информации, находящихся под контролем Владимира Гусинского, пополнялся новыми печатными изданиями, телеканалами, радиостанциями и т.д. В начале 1997 года все эти компании объединились в холдинг «Медиа-Мост».

Контрольные пакеты акций всех компаний «Медиа-Мост» постепенно перешли в собственность «Газпром-Медиа». В 2001 году завершился скандальный процесс перераспределения медиа-собственности, и этот факт считается вехой начала новой истории крупнейшего холдинга «Газпром-Медиа». Новым генеральным директором возрожденного холдинга был назначен Альфред Кох. Под его руководством «Газпром-Медиа» в 2001 году был установлен контроль над средствами массовой информации группы «Медиа-Моста». К уже существовавшим в структурах «Газпром-Медиа» СМИ прибавились более тридцати организаций, в том числе ЗАО «НТВ-Холдинг», ЗАО «ИД «Семь дней», ЗАО «М-Пул+», ЗАО «Кино-Мост» и ЗАО «Мемонет».

Позже холдинг «Газпром-Медиа» возглавляли экс-руководитель телекомпании НТВ Борис Йордан (2001–2003), председатель Совета директоров холдинга Александр Дыбаль (2003–2004), Николай Синкевич, оставивший для этого пост генерального директора телекомпании НТВ (2004 – 2013), Михаил Лесин (2013 – 2015). С 2015 года «Газпром-Медиа» возглавляет предприниматель и спортивный функционер Дмитрий Чернышенко.

В настоящее время основным направлением деятельности холдинга его руководство считает аккумуляцию и развитие медийных активов. Каждый информационный продукт в соответствии с политикой компании должен быть не просто качественным, но занимать собственную нишу. В связи с этим информационные, аналитические, развлекательные проекты холдинга востребованы и отвечают запросам населения.

Сегодня в структуру «Газпром-Медиа» входят 20 телеканалов, 10 радиостанций, 6 печатных изданий, 4 кинопродюсерских компаний, 4 интернет-платформы, 4 компании управляющие и владеющие недвижимостью, 2 рекламные компании¹⁰⁴:

Таблица 1

Медиаактивы «Газпром-Медиа Холдинга»

телеканалы	НТВ, НТВ+, ТНТ, ТНТ-Comedy, Пятница, ТВ-3, 2x2, 365 дней ТВ, Русская ночь, STV, Euroa Plus TV, HD life, Авто плюс, Индия ТВ, Боец, Комедия ТВ, ЛЯ-минор, Кухня ТВ, Много ТВ, Интересное ТВ.
радиостанции	Эхо Москвы, Авторадио, Юмор FM, Радио Romantica, Relax FM, Comedy Radio, Радио Energy, City FM, Детское радио, 101.ru
Пресса	ИД «Семь дней», Итоги, Караван историй, Коллекция Караван историй, Трибуна, Панорама ТВ, Семь дней ТВ-программа
кинопроизводство	НТВ-Кино, Comedy Club Production, Central Partnership, Гудсторимедиа
Интернет	Видеохостинг «Rutube», видеопортал/ онлайн-кинотеатр «Now.Ru», техническая платформа «Gazprom-Media Technology»
недвижимость	Кинотеатры «Кристалл Палас» и «Киноцентр Октябрь», ОАО "Телебазис", ООО "КОМСТЭК".
Сейлс-хаусы – агентства, продающие рекламу в интернете, радио, ТВ и прессе.	Рекламная компания СМС, «Gazprom-Media Digital», Аура-Медиа.

В числе крупных сделок холдинга – покупка 100% акций холдинга «ПрофМедиа» (сделка завершена в феврале 2014 года), рассказать о котором стоит отдельно¹⁰⁵.

Холдинг «ПрофМедиа» был создан в 1997 году и до 2013 года входил в группу «Интеррос».

«ПрофМедиа» к моменту заключения сделки являлся одним из крупнейших частных медиахолдингов страны. В его активы входили Издательский Дом «Афиша» (с 2006 г.), фильмный телеканалы ТВ-3, молодежные телеканалы «Пятница» и я 2x2, радиостанции «Авторадио», «Юмор-FM» и «Energy», кинокомпания «Централ Партнершип», телеканал «Rambler телесеть», музыкальный канал MTV Россия. В 2013 г. в ходе слияния ИД «Афиша» и телекомпании «Rambler телесеть» была основана

¹⁰⁴ Официальный сайт «Газпром-Медиа» URL: <http://www.gazprom-media.com/>. (Дата обращения: 29.05.2015)

¹⁰⁵ «Газпром-Медиа» закрыла сделку по покупке «Профмедиа». <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/02/03> (Дата обращения: 31.03.2015)

отдельная компания «Рамблер-Афиша», которая в свою очередь объединилась с SUP Media. Медиактивы компании «Афиша-Рамблер» выведены из медиахолдинга

«ПрофМедиа» в новую структуру компании «Рамблер-Афиша-СУП» (в апреле 2014 года переименована в Rambler&Co)¹⁰⁶.

Холдинг «РБК»

Существуют специализированные медиахолдинги, в сфере интересов которых находятся конкретные сферы человеческой деятельности. Одним из примеров такой структуры медиагруппа «РБК», образованная Дмитрием Беликом, Германом Каплуном и Александром Моргульчиком 17 июня 1993 на базе существовавшего в то время информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг» (РБК). Агентство специализировалось на предоставлении ежедневной финансово-экономической (преимущественно инсайдерской) информации, востребованной определенными социальными группами от работников Центробанка и других ведомств¹⁰⁷.

За двадцать лет небольшое информационное агентство РБК выросло в диверсифицированную компанию. Деятельность холдинга ведется сразу в нескольких востребованных сегментах – IT, телевидение и пресса. В 1995 году впервые был создан собственный интернет-сервер, который годом позднее стал полноценной информационной онлайн-системой для трансляции процесса торгов.

В 1998 году создается полноценный интернет-портал, на который во время кризиса 1998 года аудитории предоставляется бесплатный доступ. Это обстоятельство вызвало всплеск посещений и быстрый рост популярности. В результате нового экономического кризиса 2008 года компания понесла серьезные потери от инвестиций в ценные бумаги. Она оказалась не в состоянии обслуживать накопившуюся задолженность. В итоге часть акций перешла из залога в собственность банков. В это время руководством компании был осуществлен ряд сделок, как результат – «РБК» потеряла контроль над телеканалом «РБК-ТВ», информационным агентством «Росбизнесконсалтинг», газетой «РБК daily».

«В июле 2009 года акционеры «РБК» договорились с группой «ОНЭКСИМ» Михаила Прохорова о покупке последней дополнительной эмиссии в 51 % акций компании за \$80 млн., половина которых покрыла долги. Вопрос о выводе активов рассматривался в суде. Общий долг «РБК» на конец августа 2009 года оценивался кредиторами компании в \$207 млн. В июне 2010 года сделка была завершена: «ОНЭКСИМ» за \$80 млн. выкупил дополнительную эмиссию компании «РБК ТВ Москва», контролировавшей большинство активов РБК»¹⁰⁸.

Основными видами деятельности медиахолдинга РБК на сегодняшний день являются предоставление услуг по размещению рекламы, информационных услуг, издательская деятельность, телевизионное вещание. Кроме того, услуги интернет-хостинга предоставляются как на территории Российской Федерации, так и за рубежом.

По сферам деятельности все продукты компании можно в общем виде поделить на основные группы: информационное агентство, интернет, телевидение и пресса (см. таблицу 2).

Таблица 2

Структура медиактивов медиахолдинга РБК

Информационное агентство	РИА «РосБизнесКонсалтинг»
Интернет-сайты	www.rbc.ru, www.rbcdaily.ru (ежедневная деловая газета), www.snews.ru (сайт о высоких технологиях), www.autonews.ru (сайт автоновостей), www.quote.ru (портал финансовой информации), www.quotetotal.ru (информационно-аналитический терминал), www.realty.rbc.ru (сайт о недвижимости), turist.ru (все о туризме), интернет-мессенджер QIP.ru, Smotri.com (сайт обмена видео-файлами), Pochta.ru (почтовая служба), Loveplanet.ru (сайт знакомств), Readme.ru (новостной агрегатор), Photofile.ru (сервис обмена фото-файлами), Utro.ru (ежедневная газета), блоги (например, Fishki.net), Tvidi.ru (детская социальная сеть).
основные интернет-сервисы	услуги веб-хостинга и регистрации доменных имен, система Интернет-платежей Rbkmoney.ru, онлайн-игры, продажа маркетинговых исследований.
РБК	канал деловой информации «РБК-ТВ»
Телевидение	
пресса	ежедневная финансово-аналитическая газета «РБК дейли», ежемесячный деловой журнал «РБК», журнал о личных средствах «Наши деньги» и о новостройках «М2». В сегменте российской интерьерной прессы – Издательский Дом «Салон-Пресс», включающий журналы «Идеи Вашего Дома» и «Salon interior» («Салон Интериор»).

¹⁰⁶ Официальный сайт группы компаний «ПрофМедиа» URL: <http://www.profmedia.ru/> (Дата обращения: 31.03.2015)

¹⁰⁷ Официальный сайт «РБК» URL: <http://www.rbc.ru/> (Дата обращения: 1.06.2015)

¹⁰⁸ Дзядко Т. Последний вариант «Онэксима» // Ведомости. - № 158(2428). - 25 августа 2009. - С. 4.

Новостной основой всех медиапродуктов холдинга является РИА «РосБизнесКонсалтинг» — ленты новостей политики, экономики и финансов, комментарии и прогнозы, аналитические материалы, тематические статьи, оперативные данные по всем сегментам бизнеса, трансляция торгов ведущих российских биржевых площадок. «Агентство собирает информацию об экономических и финансовых событиях в России, СНГ, странах Балтии и в мире (РБК располагает разветвленной корреспондентской сетью). Отдел новостей готовит обзоры деятельности большого числа российских компаний, банков, эмитентов, государственных структур. Вся информация выходит в режиме реального времени»¹⁰⁹.

«Национальная Медиа Группа»

Есть все основания полагать, что закрытое акционерное общество «Национальная Медиа Группа», созданное в феврале 2008 г., занимает лидирующие позиции на российском медиарынке. Холдинг объединяет многие ключевые сегменты российского медиарынка. В нем с целью повышения конкурентоспособности объединились медийные активы ОАО «Сургутнефтегаз» А.А. Мордашова, страховой группы «Согаз» ОАО и «АБ «Россия». Одной из характерных для подобных процессов задач стало построение системы более эффективного управления¹¹⁰.

На сегодняшний день «Национальная Медиа Группа» в состав холдинга входят: радиостанция «Русская Служба Новостей» (100% выкуплены в 2011 г. у «Русской Медиагруппы»), телерадиокомпания «Петербург-Пятый канал» (72,4%), телеканал РЕН ТВ (68%), газета «Известия» (73,2%), ОАО «Первый канал» (25% выкуплены в 2011 г. у Р. Абрамовича), ООО «Арт Пикчерс Вижн», успешный в России производитель ТВ-фильмов и телесериалов (50% акций уставного капитала), издательского дома «New Media» (50 % акций минус одна), «СТС Медиа» (25, 2% акций)¹¹¹.

В числе последних крупных сделок холдинга известно приобретение в октябре 2013 года 100% акций издательского дома «Три короны», к которому относится популярная региональная газета «Metro Санкт-Петербург».

Сегодня «Национальная медиа группа» - один из наиболее влиятельных медиахолдингов страны. Генеральным директором холдинга на сегодняшний день является Александр Орджоникидзе. Совет директоров Национальной Медиа Группы возглавляет Алина Кабаева¹¹².

Итак, можно резюмировать, что на современном этапе российский медиарынок является достаточно обширным. Отмечается, что отечественные средства массовой информации в целом идут по тому же пути, который давно прошли зарубежные СМИ в экономически развитых странах Запада.

В настоящее время осязаемое большинство редакций СМИ стало предприятиями, деятельность которых определяется законами рынка. Их работа нацелена на получение прибыли, достижение экономической самостоятельности. Разумеется, это развитие имеет свои, национальные особенности, однако его направление и цели уже вполне определились. На сегодняшний день в России сформировались и активно работают как крупные издательские дома, так и влиятельные медиахолдинги.

После создания медиахолдинга такая структура начинает упрощать управление входящих в него СМИ. Обычно владелец (или владельцы) холдинга создает управленческий (головной) центр, которому подчинены все редакции и активы медиахолдинга. Это позволяет обеспечивать проведение ими единой, прежде всего, экономической политики. Управленческий центр осуществляет контроль за использованием финансовых и других ресурсов, которые предоставляет холдингу его владелец.

До сих пор признается не решенным окончательно вопрос о социальных последствиях дальнейшей концентрации капитала (монополия или свободная конкуренция) в медиапроизводстве. Основное опасение экспертов и потребителей - не появится ли в результате слияния холдинговых предприятий тенденция к образованию гигантских монополий национального масштаба? Не будет ли обществу навязываться выгодная кому-то информационная политика? Согласно некоторым социологическим исследованиям, многие практикующие журналисты хоть и в теории не поддерживают поглощения крупными холдингами мелких изданий, но признают, что конкуренция была, остается и всегда будет. Кроме того, являясь частью какого-либо холдинга, издания могут не беспокоиться о решении сложных управленческих задач, принятии важных финансовых решений, так как эти вопросы начинают решать профессиональные

¹⁰⁹ Кулев В.С. Холдинг как форма организации и управления медиабизнесом // Вопросы теории и практики журналистики. - 2012. - № 2. - С. 165-170.

¹¹⁰ Официальный сайт «Национальная Медиа Группа». URL: <http://www.nm-g.ru/> (Дата обращения: 12.06.2015).

¹¹¹ «Национальная Медиа Группа». URL: <http://ria.ru/spravka/20140915/1024237640.html>. (Дата обращения: 10.06. 2015).

¹¹² «Что такое «Национальная Медиа Группа», которую возглавит Алина Кабаева?» URL: <http://www.aif.ru/dontknows/actual/1339328> (Дата обращения: 31.03.2015).

менеджеры. В то же время издания могут заботиться об информационной составляющей и качестве публикуемых материалов.

Список литературы

1. Мисонжников Б.Я. Современный медиахолдинг: генезис, состояние и перспективы развития // Журналистский ежегодник. 2012. - № 1. - С. 30-32.
2. Гуревич С.М. От издательского дома – к медиахолдингу // Медиаскоп.- 2006. - №1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/184> (дата обращения: 12.05.2015)
3. Карпыков Т.М., Кунгурова О.Г. Медиа-холдинг как современная форма позиционирования на информационном рынке // Массовая коммуникация в современном мире: вызовы и перспективы. Курск. - 2014. - С. 71-73.
4. Мисонжников Б.Я. Современный медиахолдинг: генезис, состояние и перспективы развития // Журналистский ежегодник. - 2012. - № 1. - С. 30-32.
5. Смирнов С.С. Холдинг Газпром-Медиа в системе СМИ России // Меди@льманах. - 2005. - № 2. - С. 25-32.
6. ЗАО «Медиа-Мост». История. URL: <http://web.archive.org/web>. (Дата обращения: 20.06.2015).
7. Официальный сайт «Газпром-Медиа». URL: <http://www.gazprom-media.com/>. (Дата обращения: 29.05.2015)
8. Газпром-Медиа» закрыла сделку по покупке «Профмедиа. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/02/03> (Дата обращения: 31.03.2015)
9. Официальный сайт группы компаний «ПрофМедиа». URL: <http://www.profmedia.ru/> (Дата обращения: 31.03.2015)
10. Официальный сайт «РБК». URL: <http://www.rbc.ru/> (Дата обращения: 1.06.2015)
11. Дзядко Т. Последний вариант «Онэксима» // Ведомости. № 158 (2428). - 25 августа 2009. - С.4.
12. Кулев В.С. Холдинг как форма организации и управления медиабизнесом // Вопросы теории и практики журналистики.- 2012. - № 2. - С. 165-170.
13. Официальный сайт «Национальная Медиа Группа». URL: <http://www.nm-g.ru/> (Дата обращения: 12.06.2015).
14. «Национальная Медиа Группа». URL: <http://ria.ru/spravka/20140915> (Дата обращения: 10.06.2015)
15. «Что такое «Национальная Медиа Группа», которую возглавит Алина Кабаева?» URL: <http://www.aif.ru/dontknows/actual/1339328> (Дата обращения: 31.05.2015).

УДК 070

**ОБРАЗ АВТОРА В МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ: ТИПОЛОГИЯ,
ПОРЯДОК КОНСТРУИРОВАНИЯ****THE IMAGE OF THE AUTHOR IN MUSIC JOURNALISM: TYPOLOGY, PROCEDURE
DESIGN****А.Э. Семенова****A.E. Semenova**

*Казанский Федеральный университет, Россия, Казань, ул. Кремлевская 18
Kazan Federal University, 18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia*

E-mail: semenova89ade@yandex.ru

В представленной публикации в основу типологии текстов музыкальной журналистики положена типология образов автора, которая в свою очередь выстраивается через определение доминирующей модальности журналистских произведений. Предлагаемая методика текстологического анализа включает в себя алгоритм определения уровней конструирования вариаций авторских образов. Рассматриваются текстологические примеры обозначенных вариаций.

In the present publication the basis of the typology of texts music journalism on the typology of images of the author, which in turn is formed through the definition of the dominant modality of journalistic products. The proposed methodology of textual analysis includes an algorithm for determining levels of design variations copyright images. Discusses textual examples marked variations.

Ключевые слова: музыкальная журналистика, образ автора, модальность, речевые структуры, журналистские типы.

Keywords: music journalism, the image of the author, modality, speech patterns, journalistic types.

Понятие «образ автора» пришло в теорию журналистики из филологии. Одним из первых его исследователей в 30-е гг. XX в. был В.В. Виноградов - русский лингвист и литературовед, обозначавший его в своих трудах как наивысшую категорию в цепи «производитель речи – субъект повествования – образ автора» [1, с. 102]. В «Теории стилистики» советского литературоведа А. Н. Соколова оно трактуется как «выражение личности художника в его творении» [1;126]. Выражение личности в тексте происходит посредством конкретных категорий таких как: речевые структуры [1, с. 135], особенности мировосприятия действительности и т.д.

Чаще всего образ автора в журналистских текстах реализуется через модальность. Еще один термин, зародившийся и существующий в филологической научной среде. Он ближе всего к теории журналистики. Модальность, по Соколову, это «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций» [1, с. 137]. Это тот самый аспект, ведущий от объекта к субъекту, от изображаемого к художнику.

Интересен тот факт, что в музыкальной журналистике, в сравнении с другими областями современной журналистики, субъективное начало будет превалировать над объективным. Особенно это касается специфичной отрасли музыкальной журналистики - музыкальной критики, где автор имеет возможность высказываться от собственного Я и оценивать современное ему музыкальное искусство согласно его профессиональному (слуховому, теоретическому и аналитическому) опыту.

Однако, модальность понятие не эфемерное, а конкретное. Его конструирование заключается в подборе речевых структур, составляющих в итоге семантико-стилистические единицы, объединяющиеся в журналистском тексте. Таким образом, методика изучения образа автора отчасти базируется на принципах лингвистического анализа текста и включает в себя следующие этапы: выбор объекта осмысления, определение жанра, определение характерных речевых структур для конкретного жанра, выявление модальности в журналистском сочинении путем конструирования семантико-стилистической картины текста, описание образа автора и определение его согласно типологии.

Последний пункт требует разъяснений. В ходе исследования истории возникновения и развития музыкальной журналистики в России, мы выделили пять типов авторов текстов о музыке: *журналист-музыкант, журналист-критик, журналист-идеолог, журналист-исследователь и журналист-информатор*. Отметим, что данная типология в научных исследованиях в области музыкальной журналистики применяется впервые. Она помогает конкретизировать каждый из оформившихся

образов музыкальных журналистов и подытоживает их. Первая часть указывает на принадлежность профессии (журналист), вторая – предметное составляющее (музыкант, критик, идеолог и т.д. – то, что указывает на специфику образа, его особенности). К примеру, образ автора подходящий под тип журналиста-музыканта объясняет профессиональную принадлежность автора. Кстати, автор текста не всегда напрямую является представителем журналистской деятельности. В данном случае понятие «журналист» применяется к нему в качестве обозначения рода деятельности в конкретный момент, связанный с написанием текста для средств массовой информации. Что касается понятия «музыкант», то оно указывает на то, какой спецификой обладают его тексты: глубокое погружение в изучение предмета, многогранное освещение, профессиональная оценка события с позиции музыканта и т.д.

Типология, примененная к классификации авторов, в номинальном и в содержательном аспекте совпадает с функциями и ролями, изучаемыми в теории журналистской системы. Но в условиях специфичной музыкальной журналистики типы выходят за области исключительно задач, они становятся творческим кредо авторов и уже существуют на протяжении всего творческого периода трансформируясь и переплетаясь между собой. В то время как функции и роли носят локальный характер, типы характеризуют творчество музыкального журналиста. Определение типа автора позволяет вывести его печатный образ в особый концепт, относящийся к ключевым моментам в формировании музыкального пространства. Благодаря уточнению типа журналиста, образ автора выходит за рамки понятия и перерастает в концепт – идейное зерно публикации, поскольку оформившийся тип концентрирует все основные характеристики авторского начала, направляя на конкретное восприятие образа автора в тексте, а значит становится ключом к пониманию главной идеи, заложенной в материале.

Между тем, все эти типы могут сочетаться, а некоторые особенные черты одного типа перекликаться с характеристиками другого. Как это выходит, к примеру, в случае, если автор текста подходит под обе типологии – журналист-музыкант и журналист-критик: глубокое погружение в предмет и его разностороннее освещение присутствует и в том, и в другом типе.

Каждый из обозначенных типов работает для определенной читательской аудитории. Исследователи, критики и музыканты, к примеру, находят ее больше в профессиональной музыкальной среде или среди меломанов, интересующихся определенным направлением в музыке, а значит публикуются в специализированных изданиях. В качестве примера, мы обратились к материалам журнала «Музыкальная академия» – издания с многолетней историей (выпускается с 1933 года). Авторами публикаций в нем выступают, как правило, музыковеды и исполнители. Так, рубрику «Концертное обозрение» в журнале ведет Евгения Кривицкая – автор многочисленных публикаций в области освещения музыкальных событий в сфере классической музыки. Это тот автор в творчестве которого раскрываются во взаимосвязи сразу два типа *журналист-музыкант* и *журналист-критик*. В качестве примера, возьмем обзорную статью под названием «Перелистывая страницы дневника» [2, с. 114]. В актуальности материала сомнений нет: в статье речь идет о недавно прошедшем фестивале ко дню рождения австрийского композитора В. А. Моцарта. Подобные материалы типичны для специализированных изданий в силу популярности посвящений в области академического музыкального искусства: концерты в честь юбиляра, ко дню рождения композитора, к юбилею и т.д. Типична и форма общения с читателем – обзор. Наиболее масштабный жанр, дающий простор к выходу как аналитики, так и иллюстративности в подаче события. Явной задачей автора, в данном случае, является непосредственно описание музыкального события, с обоснованием его особой значимости, путем трансляции в ретроспективе и критическом осмыслении: «<...>это (фестиваль – прим. авт.) своего рода продолжение «Исторических концертов», которые давал Антон Рубинштейн в позапрошлом веке» [2, там же] и «<...> хотя общий стройный ансамбль несколько испортили киксы гобоя, но «картинка» вышла эффектная, а очаровательная музыка <...> вызвала бурные овации зала» [2, с. 115]. С ней связан тип журналиста-критика, в область полномочий которого входит полное погружение в освещаемый предмет и осмысление его, как того, что связано как с прошлым, так и с настоящим истории музыкального искусства.

На втором плане (в данном случае под «вторым планом» мы будем понимать выстраивание структуры текста) задачи, имеющие отношение к реализации такого понятия как модальность. В тексте Кривицкой это выражение своего собственного мнения в отношении исполнения солистов, принимавших участие в фестивале. Реализация данной цели связана с типом журналиста-музыканта: персональный подход к оценке исполнительского искусства каждого из исполнителей («<...> запомнился естественностью фразировки и прекрасным звучанием рояля» или «<...>с изумительной пластикой фраз, с безукоризненным звучанием рояля»). Такой личностный подход, тончайшее вырисовывание деталей исполнительского искусства музыкантов, не мог не придать особенную выразительность тексту журналиста. В лексическом плане это выражалось непосредственно в тщательном подборе эпитетов. В синтаксическом – использование сложных предложений, позволяющих придать мысли журналиста широту и законченность. Естественным и понятным

представляется язык текстов Евгении Кривицкой, как для профессиональных музыкантов, так и любителей музыкального искусства. Не чужд он был бы и для массового читателя, если бы немаловажный факт: специфичность события. События классического музыкального искусства, в особенности его детального раскрытия в печатном слове – удел специализированной прессы. Таким образом, выходит что, тип журналиста-музыканта наиболее демократичен в языковом плане, специфичен в выборе площадке выхода и типичен для современной музыкальной журналистики России в своем консерватизме и неизменности ориентиров на профессиональную аудиторию.

Синтетические типы с двумя и большими сочетаниями наиболее типичны для современной журналистской системы. Что касается образа журналиста-критика и журналиста-музыканта Евгении Кривицкой, то необходимо отметить его универсальность, то есть возможность существования материалов автора и на страницах массовой печати. Легкость восприятия текста автора за счет гармоничной, не перегруженной профессиональными терминами с одной стороны; с другой – специфичность информационного повода и его детальное освещение.

Тип журналиста-идеолога, сформировавшийся в период советской власти сегодня претерпел значительные изменения. Современные журналисты-идеологи, тиражирующие публикации о творчестве популярных для современности музыкантов, располагают в основном аудиторией молодежной, т.е. людьми, чьи вкусы формируются в большинстве своем под влиянием современных электронных СМИ. Подчеркиваем, электронных, поскольку, когда в ход идут инструменты PR-технологий, первыми каналами, по которым они распространяются, являются телевидение и Интернет. Затем подключаются печатные издания. Сегодня, более точным определением для подобного образа является скорее журналист-пиарщик. Так, тип *журналиста-идеолога* в современной музыкальной журналистике трансформируется в *журналиста-пиарщика*. Выходит, что идеология политическая перерождается в идеологию массовой музыкальной культуры. Характерным тому примером являются многочисленные материалы современной массовой печати о музыке, где в большинстве своем героями публикаций выступают представители популярной музыки, в частности их жизнь и творчество. Такой вывод был сделан в результате контент-анализа популярных печатных изданий «Комсомольская правда» и «Аргументы и факты» за период с 2011 по 2014 гг.

Несмотря на то, что типология универсальна как для специализированной, так и для массовой печати, каждый тип журналиста существует в них по-разному. Принципиальное отличие заключается в разности подходов – яркое проявление индивидуальности в специализированной прессе и обезличивание текстов во втором, проявляющееся в создании общего, типичного для большинства массовых изданий авторского образа. Корни суждения нужно искать в истории развития музыкальной журналистики. Обратим внимание на то, что одни из первых публикаций о музыке, появившиеся на рубеже XIX-XX вв. были созданы композиторами – личностями, в интересах которых было популяризировать музыкальное искусство, сделать его достоянием широкой общественности. Целью их деятельности было просвещение. Среди композиторов, писавших о музыке П. А. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков, Ц. Кюи, П. И. Чайковский. Литературное наследие последнего, а именно так именуются во всех трудах о композиторе его музыкально-критическая деятельность, составляет 60 публикаций. Во всех них мы четко прослеживаем линии литературной критики, идущие от Белинского и Чернышевского. Начав свою деятельность как обозреватель музыкальной жизни Москвы в 1868 году, замещая временно оставившего свой пост критика Г. А. Лароша, он с тех пор в плоть до 1876 года занимался музыкальной критикой. С его личностью связывают музыкально-критический отдел в московском органе печати «Русские ведомости» (с 1972 года). Журналистская деятельность Чайковского заканчивается «корреспонденциями из Байрейта (Бавария) о вагнеровских спектаклях» [3, с. 2].

Особый интерес представляют обзоры композитора. В качестве примера обратимся к материалу, опубликованному 10 января 1973 года под названием «Шестое собрание Русского музыкального общества.- Итальянская опера. – Квартетный сеанс». Сразу обращает на себя внимание яркое авторское начало и повествование от Я. Автор начинает свой обзор со слов «Я в долгу перед читателями <...>. Теперь спешу пополнить значительный пробел <...>». Эти вводные конструкции позволяют настроить читателя на открытый диалог, где автор рассчитывает на полное понимание со стороны читателя. Еще один факт, требующий разъяснения, обзор в данном случае непосредственно связан с активной авторской позицией и выражается в критическом осмыслении событий. Структура материала характерна для обзора. Последовательное изложение событий, представление музыкальных сочинений. Разница обзора музыкального, созданного композитором на рубеже XIX-XX вв. с обзором, принадлежащим перу журналиста широкого профиля современности, публикующего материалы в массовой печати в том, что в цели первого включены позиции не только информативного, но и аналитического порядка. Отсюда особая ценность материала и его перспективность в качестве основы будущих научных изысканий молодых ученых.

В семантико-стилистическом плане обзор Чайковского переключается в некоторой степени с художественным сочинением. Художественный язык, выражающийся в построении сложных

синтаксических конструкциях и проникнутый многочисленными превосходными эпитетами - «<...> Керубини является образцовым художником» или «Хоры из «Прометея» Листа превосходны» [3, с. 108-109]; или не менее яркими ироничными образами музыкантов – «оркестровые музыканты любят играть подобные сочинения, производящие эффект, не требуя притом от исполнителей каких бы то ни было усилий ...» [3, там же], - все это свидетельство сходства публикации Чайковского с литературным сочинением. Витиеватость языка публикации, его художественность определены еще и веяниями времени. Он типичен для публикаций, к примеру, Белинского, Чернышевского. За событиями в материале стоит не просто компетентный и талантливый человек, рассказывающий о не менее талантливых людях, еще и художник слова.

Глубоко личное осознание современной композитору музыкальной действительности, не что иное, как выражение модальности, которая сквозит практически в каждом его высказывании. Такой профессиональный персональный взгляд служит сегодня классическим образцом музыкально-критической мысли для журналистов специализированных изданий и исследователей в области музыковедения. В массовой же печати сегодня эти позиции навсегда утрачены.

Возможность обсуждать музыкальное искусство не только в кулуарах музыкальных салонов, но и в печати было большим прорывом. К тому же, также как и каждое композиторское сочинение было сугубо индивидуально, так и их слово о музыке несло за собой свои собственные, исключительные суждения.

Советский этап вовсе специализировался на тиражировании *креативных* (выд. авт.) публикаций. Мы сейчас опускаем момент политического, идеологического подтекста, подробно о нем мы говорили ранее, когда разбирали тип *журналиста-идеолога*. В данном случае нас интересуют выдающиеся имена музыкальных журналистов, чьи публикации в дальнейшем стали золотым фондом российской музыкальной журналистики: Б. Асафьев, С. Корев, М. Друскин, А. Острцов, И. Ямпольский и многих других. Период гениев публичного слова о музыке рождал индивидуальности. Взять хотя бы И. Ямпольского, чьи статьи, публиковавшиеся в журнале «Музыкальная жизнь», посвященные творчеству выдающихся скрипичных исполнителей стали хрестоматийными для студентов струнного отделения, как средне - специальных учебных заведений, так и для консерватории. Его журналистско-исследовательский тип автора с ярко выраженным критическим осмыслением творчества исполнителей и индивидуальностью в оценке игры музыкантов характерен для всех без исключения публикаций. Обратим внимание на структуру его материалов. Вооружившись материалами выдающегося исследователя в области скрипичного искусства Л. Ауэра, опубликованных в труде «Моя школа игры на скрипке», он выстраивает свою собственную систему оценок исполнительского мастерства, отражающую как техническую, так и глубинную составляющую музыкантов. Взять хотя бы публикацию о выдающемся скрипаче Е. Цимбалисте [4, с. 70-72] . Эпиграф, представляющий собой выдержку из вышеуказанного сочинения Ауэра, постулирующий мысль о субъективности исполнительского искусства, действующий как послы к следующему материалу, также субъективному и глубоко индивидуальному, как исполнитель, которому посвящен материал, полностью погружает нас в созерцание сразу нескольких выдающихся личностей: скрипача Е. Цимбалиста, журналиста-исследователя И. Ямпольского и педагога – скрипача Л. Ауэра, который вполне зримо присутствует в его материалах через цитаты из книги.

В семантико-стилистическом плане публикации Ямпольского полностью соответствуют исследовательским материалам, где логика повествования соответствует следующей схеме: выдвигание постулата («замечательный поэт звука, большой камерный художник, Е. Цимбалист...») [4, с. 71] - его обоснование, через детализацию и анализ личных исполнительских качеств («Как исполнитель Цимбалист не поражает внешним блеском виртуоза, хотя качество техники у него – высшего класса. <...> он прежде всего – лиричен и интимен») [4, там же] – подтверждение выдвинутого в самом начале публикации утверждения и включение личности исполнителя в мировое пространство музыкального искусства («После концертов Хейфеца Цимбалист еще раз продемонстрировал значительность той культурной линии скрипичного искусства, которую представлял Л. Ауэр – один из замечательнейших артистов и педагогов») [4, с. 72]. Самые важные моменты даются в тексте разреженным шрифтом, чтобы акцентировать на них момент. Как правило, это выводы, касающиеся исполнительской манеры музыканта. Логичное построение структуры материала в совокупности с профессиональной и образной лексикой, подкрепленной высказываниями Л. Ауэра, позволяю ясно сформулировать собственное отношение к исполнителю, как одному из выдающихся представителей скрипичного искусства.

Обратим внимание, несмотря на явное тяготение к логичности и научности изложения, язык автора не представляет собой застывшую глыбу, понятную исключительно профессионалам, он живой и подвижный, так же, как и само музыкальное, в частности исполнительское, искусство. Яркое и субъективное оно по-разному предстает перед музыкантами и журналистами. Ямпольский предстает перед нами как хороший портретист, четко и ясно представляющий то, как важно умело использовать эпитеты: «статистическая успокоенность» «лирическая закругленность звучания», «несвойственные

порывистые движения или резкие контрасты» и т.д. Это далеко не все выражения, встречающиеся в публикации. Благодаря эпитетам можно не только прочесть об игре скрипача, но и практически увидеть ее.

Вполне естественно, что, несмотря на живой и увлекательный текст, данный очерк вряд ли покажется интересным обывателю, если только он не интересуется скрипичным искусством. Обилие профессиональных характеристик и заостренное внимание на исполнении конкретных сочинений, позволяет говорить о том, что в поле зрения автора профессиональная аудитория – скрипачи, если брать шире исполнители. Таким образом, перед нами типичный для советского периода журналист-исследователь, характерными особенностями которого является глубокий анализ в сочетании с ярким и живым языком, являющимся пропуском не только в специализированные, но и в массовые издания, но в силу специфики тематики, все же, ориентированный на подготовленную аудиторию. Это тот универсальный и удачный тип, актуальность и потребность в котором будет всегда по одной простой причине: он способен преподнести сложную информацию образным языком, а значит, умеет заинтересовать читателя.

Безусловно, в современной массовой печати успешно трудятся авторы, занимающиеся освещением музыкальной культуры России, но они, как правило, специализируются на культуре вообще, т.е. рассказывают еще и о живописи, театре, киноискусстве и т.д. Таким образом, назвать их специалистами в области музыкального искусства было бы неверным. Это типичные представители такого журналистского типа, как *журналист-информатор*, несмотря на то, что в некоторых материалах есть попытка анализа или оценки события. Вот, к примеру, материал Марии Купцовой в «Российской газете» о гастролях Мариинского театра в США данный под актуальным современной ситуации заголовком «Кто дирижирует Америкой?» [5]. Модальность в случае с данной статьей не нужно выискивать. Она четко и ясно сформулирована в самых первых строчках материала. Автор постулирует идею о безграничности и объединяющем начале искусства. Еще один лейтмотив статьи, лежащий на поверхности – успех артистов Мариинского театра в США, несмотря на сложные политические отношения наших стран. Обратим внимание на то, что главным субъектом в статье о музыкальном искусстве выступает не столько музыкальное событие, сколько все, что происходит вокруг него: акции протеста, политические отношения стран и многое другое. Автор включает материал о непосредственно программе гастролей в свою основную идею, не забывая вскользь сказать о высоком исполнительском уровне мариинцев, руководствуясь выдержками из публикаций зарубежных изданий, таких как «New York Times» и «Wall Street Journal». Журналист информирует о гастролях за рубежом русских музыкантов и комментирует его с точки зрения актуальной сегодня политической обстановки. Такой тип журналиста, на сегодняшний день является наиболее востребованным и актуальным в современной массовой печати.

К слову, обращая внимание на современные публикации о музыке в массовой печати, мы всегда должны иметь в виду контекст, в котором они публикуются. Таким образом, музыкальное искусство интересно не само по себе, а только в той мере, в какой оно актуально, и в той степени в какой оно включено в контекст времени.

Связаны данные примеры со спецификой текстов массовой печати, точнее со скоростью их выхода и непосредственно сравнительно небольшим (по отношению к статьям о событиях в других сферах общественной жизни) объемом статей. Не стоит забывать еще об одном факторе, влияющем на формировании полос в массовой печати – редакционной политике, которая тиражирует материалы актуальные конкретному времени. Так, изучая образ автора в специализированных изданиях, мы будем анализировать творчество конкретных журналистов, т.е. персонализируем подход, в массовой прессе - конструировать типичный образ журналиста широкого профиля.

Важно заметить, что в процессе существования образа автора на страницах современной печати, он, как правило, обростает новыми подробностями посредством восприятия его читателем, что в полной мере может подтверждать идею, изложенную в трудах Соколова о видоизменении и трансформации образа автора высказанную в отношении литературного сочинения и полностью соответствующую возможности ее реализации в рамках журналистского творчества. Кроме внешних процессов, трансформация возможна и внутри самого образа конкретного автора. Это тот случай, когда во главе угла оказывается персона, конкретный журналист. Трансформации образа в этом случае могут происходить по нескольким направлениям. Первое, вариация в рамках образа конкретной личности возможна в выборе объекта осмысления - музыкального направления (джаз, классическая, рок и поп музыка и т.д.). Второе связано с выбором формы общения с читательской аудиторией: предпочтение автора в определенный период творческой деятельности жанра аналитической статьи рецензии или наоборот и т.п. Третий момент, трансформация по типу: от журналиста-исследователя к журналисту-критику или от журналиста-информатора к журналисту-критику и т.д. Однако, в силу многогранности творческого процесса, его непредсказуемости сложно уловить грань между очевидной трансформацией и экспериментами в творческом процессе личности, поэтому исследования в области трансформации образов укладываются, как правило, в определенные хронологические рамки.

Гибкость и подвижность образа автора в музыкальной журналистике является одним из факторов, свидетельствующих о трансформации всей системы современной музыкальной журналистики и возможностях ее объективно-субъективного восприятия. Где объективным является непосредственно информационный повод и его разностороннее освещение, а субъективным – форма общения автора с аудиторией и индивидуальный подход в ее реализации.

При всей объективно-субъективной природе понятия «образ автора», оно устойчиво как категория, позволяющая глубинно исследовать музыкальную журналистику как систему с позиции авторского начала.

Подытоживая вышесказанное, вырисовывается следующая картина: порядок формирования образа автора в текстах о музыке состоит из нескольких уровней:

1) *Тематический*. Выявляем специфику публикации в контексте конкретного издания: выбор музыкального события и его актуальность.

2) *Текстологический*. Определяем форму общения с читателем. Соотносим его с задачами автора. Анализируем речевые структуры на предмет определения модальности в тексте. Конструируем семантико-стилистическую картину текста.

3) *Социальный*. Выявляем потенциальную аудиторию данного текста и степень реализации авторских задач в рамках данной аудитории.

4) *Конструктивный*. Обобщаем полученные сведения. Конструируем образ автора. Соотносим его с определенным журналистским типом и характеризуем с точки зрения выявленных или потенциальных процессов трансформаций.

5) *Психологический*. Оценка перспективы восприятия, успешности и жизнеспособности конкретного образа в рамках современных процессов в музыкальной журналистике и степень его влияния на формирование современного музыкального пространства.

Итак, методика формирования образа автора в музыкальной журналистике основана на результатах исследований в области филологии, с учетом специфики музыкальной журналистики, как самобытной области современной журналистики, в природе которой кроются дуалистические корни ее зарождения и существования – музыковедческие и журналистские.

Список литературы

- Виноградов В.В. 1971. О теории художественной речи. М., «Высшая школа», 240.
- Кривицкая Е. Перелистывая страницы дневника // Музыкальная академия. 2014. №1. С. 114-120.
- Чайковский П. И. 1953. Шестое собрание Русского музыкального общества.- Итальянская опера. – Квартетный сеанс. Асафьев Б.В. В кн. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка М.: Музгиз, 1953. С. 108-110.
- Ямпольский И. Е. 1934. Цимбалист. Советская музыка (№8). С. 70-72.
- Кушцова М. 2015. Кто дирижирует Америкой? «Российская газета» (№21).

УДК 811.111:801

**КОНВЕРГЕНТНАЯ РЕДАКЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ИМИДЖЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ**

**CONVERGENT EDITORIAL OFFICE AS A TOOL FOR IMAGE MAKING IN THE
CONTEMPORARY MEDIA**

**В.А. Смирнова
V.A. Smirnova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: smirnova_v@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье анализируются функциональные возможности конвергентных масс-медиа в современном информационном пространстве. Автор рассматривает, как редакция медиа-холдинга может решать проблемы формирования и корректировки имиджей.

Abstract. The article examines the functional capabilities of converged mass media in the contemporary media space. The author considers how an editorial board of media holding can resolve the problems of forming and correction of public images.

Ключевые слова: меритократия, формирование имиджа, конвергентная редакция, контент, коммуникации, средства массовой информации, целевая аудитория.

Key words: meritocracy, image building, convergent editorial office, information content, communication, mass-media, target audience.

Такие понятия как мультимедийность и конвергенция доминируют в современном медиа-менеджменте, но применительно к масс-медиа термин «конвергенция» стал использоваться сравнительно недавно. Первоначально он обозначал процессы взаимопроникновения и слияния в биологии, этнографии, языкознании. Затем, в 50-е годы, понятие конвергенции стали употреблять западные философы, исследуя общественно-политические процессы постиндустриального периода. Ряд учёных-футурологов - Д.Белл¹¹³, О.Тоффлер¹¹⁴, У.Росту¹¹⁵ и другие выявляли закономерности и разработали прогнозы дальнейшего развития общества, которое в 60-е годы прошлого века уже начали обозначать как информационное. Вывод о возникновении такого типа общества сделал в своей книге «Конец идеологии», вышедшей в 1962 году, американский социолог Дениэл Белл¹¹⁶, который спрогнозировал, что общество будет опираться на технологии знаний и на информационную индустрию как на две важнейшие составляющие экономики. Практически одновременно с ним другой американский социолог и экономист Уолт Росту выделил и описал пять стадий экономического роста, предположив, что завершающей является стадия высокого массового потребления и преобладания сферы услуг над сферой производства. Но позже учёный пришёл к выводу, что существует шестая стадия – поиска нового качества жизни, основанного на преобладании духовных ценностей. Именно Росту применил и понятие конвергенции для обозначения сглаживания различий между капиталистическим и социалистическим обществами в результате научно-технической революции.

Обобщая научные исследования предшественников, российский учёный В.Л. Иноземцев¹¹⁷ в одной из своих статей отмечает, что к концу XX века в экономически развитых странах мотив приумножения личного материального богатства перестает быть главным. Не столь важными для большинства населения становятся и перспективы профессионального роста, если ради этого надо пожертвовать досугом, семьёй, увлечениями. Начинают доминировать мотивы самосовершенствования, отнесенные А. Маслоу¹¹⁸ к высшему типу ценностей. При этом современное общество, в котором знания

¹¹³ Белл, Д. Социальные рамки информационного общества. / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1988. 430 с.

¹¹⁴ Тоффлер, О. Третья волна Текст. / О. Тоффлер // США экономика, политика, идеология. - 1982. - № 7. - с. 32-47.

¹¹⁵ Rostow Walt Whitman. The stages of economic growth. A non-communist manifesto", Camb., 1960

¹¹⁶ Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. — N.Y.: Free Press, 1965.

¹¹⁷ В.Л. Иноземцев. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности. // Иноземцев В.Л. // Российский химический журнал, № 6, 1999 г.

¹¹⁸ Maslow, A. H., Motivation and Personality. N.-Y., 1970.

и информация являются и средством производства, и главным, причём, возобновляемым ресурсом, направляет сам процесс самосовершенствования людей именно в сторону развития интеллекта, расширения знаний, научного прогресса.

С одной стороны, это способствовало созданию «класса интеллектуалов»¹¹⁹ и развитию меритократии, благодаря которой в развитых демократических государствах наблюдался мощный научно-технический прогресс и экономический рост. По мнению В.Л. Иноземцева, то общество, которое окажется самым "меритократичным" по своей природе и в XXI веке, будет наиболее успешным. С другой стороны, меритократическая система ужесточает конкуренцию, прежде всего, между представителями класса интеллектуалов за внимание и признание аудитории, которое, в свою очередь, открывает доступ к материальным благам и новым возможностям для развития. А поскольку для победы в конкурентной борьбе требуется не только непрерывное обучение, но и общественное признание, многократно увеличивается роль средств массовых коммуникаций, манипулятивных технологий и профессионалов в области имиджмейкинга, связей с общественностью и журналистики. То есть всех тех, кто может подтвердить и зафиксировать в общественном сознании повышение личностного роста и статуса субъекта. Такое подтверждение требуется и работодателям, и инвесторам, которые используют для принятия решений результаты рейтингов, тестирования, мониторинга СМИ, социологических и экспертных опросов. Таким образом, в коллективах, где большинство сотрудников мотивированы не материалистически, предоставление им возможностей интеллектуального роста, улучшения своего имиджа становится важнее традиционных методов управления, основанных, прежде всего, на экономических стимулах.

Постматериалистическая мотивация поставила новые задачи не только в системе управления, но и в организации работы средств массовой информации, перераспределении каналов распространения информации. Необходимость в постоянном подтверждении своей значимости становится мощным стимулом для повышения активности в средствах массовых коммуникаций, прежде всего, в социальных сетях, где гораздо больше возможностей для самостоятельно продвижения собственного имиджа. Конкурируя за привлечение аудитории с блогосферой, традиционные СМИ также расширили свои интерактивные функции, предоставив физическим и юридическим лицам возможность совмещать различные информационные носители для своего позиционирования. Отсюда можно сделать вывод о влиянии меритократии на ускорение процесса медиа-конвергенции.

Уже с 80-х годов XX века конвергенция окончательно закрепила как понятие для обозначения интеграции информационных и коммуникационных технологических устройств – компьютеров, телефонов, телевизоров. А с внедрением Интернета в 90-х годах термин получил дальнейшее развитие, став синонимом магистральных преобразований в медиа-сфере. Речь идёт о медиа-конвергенции, как об организационном и технологическом слиянии печатных и электронных, традиционных и новейших средств массовой информации и массовых коммуникаций. В этих условиях производство мультимедийного информационного продукта становится всё более технологичным, подразумевая совмещение видео, аудио, текстовых и графических материалов. Соответственно, от журналистов требуется владение различными технологиями производства информации.

Конвергенция существенно повлияла на сбор, создание и распространение информационного продукта и, в результате, кардинально изменила подходы к управлению информацией, что потребовало создания новой организационной структуры СМИ и формирования принципиально новой медийной бизнес-модели – медиа-холдинга с конвергентной редакцией.

Суть конвергентной редакции в консолидации, объединении и последовательной интеграции всех типов имеющихся сегодня форматов – печатного, онлайн-ового, мобильного и вещательного. То есть конвергентная журналистика – это редакция, производящая новости одновременно для всех видов СМИ, входящих в состав медиа холдинга: Интернет, радио, телевидение, пресса. Внедрение таких моделей в работе СМИ уже продемонстрировало свою жизнеспособность на уровне крупных холдингов, в которые преобразовались издательский дом (ИД) «Коммерсант», ИД «Комсомольская правда», «Российская газета», «Аргументы и Факты» и другие федеральные СМИ. Тут надо отметить, что, по данным исследователей процесса становления конвергентных редакций, сложнее всего идёт адаптация к новым условиям сотрудников редакций традиционных СМИ, преобразовавшихся в конвергентные. Ключевыми проблемами при формировании такой редакции, по мнению практиков и теоретиков¹²⁰, являются недооценка роли координатора и отсутствие журналистских кадров, обладающих мультимедийными навыками. Но, как считает, например, А.А.Калмыков¹²¹, основывая свои выводы на

¹¹⁹ В.Л. Иноземцев. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности. // Иноземцев В.Л. // Российский химический журнал, № 6, 1999 г.

¹²⁰ Медиаконвергенция и «ситуация человека»: новые вызовы, старые вопросы / В помощь преподавателю журналистики: учеб. пособие / под ред. С.К. Шайхитдиновой. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 140 с.

¹²¹ Калмыков А.А. Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности // <http://jarki.ru/wpress/2011/04/28/2198/>

теории и практике менеджмента, организационные изменения управляемы: в разрешении проблемных ситуаций такого рода не последнюю роль играет хорошо налаженный процесс адаптации работников к новым условиям деятельности.

Рассмотрим процесс медиа-конвергенции на других уровнях функционирования СМИ. К примеру, 3 – 5 лет назад на региональном уровне начался процесс слияния редакций, подконтрольных органам власти, начали активно создаваться медиа-холдинги на базе областных общественно-политических газет. Прежде всего, преследовалась цель - оптимизировать затраты на производство печатных изданий, что позволит добавлять новые информационные продукты, расширять их присутствие в Интернете. Этот процесс можно наблюдать на примере ИД «Мир Белогорья» в Белгородской области. Показательно, что холдинг, возникший на базе областных газет «Белгородские известия» и «Смена» был назван аналогично региональной телерадиокомпания - ТРК «Мир Белогорья», которая также представляет собой медиа-холдинг, объединяя электронные СМИ, финансируемые из бюджета области – телевидение, радио и интернет-портал.

Но, несмотря на единый источник финансирования, фактического и юридического объединения двух одноимённых медиа-холдингов пока не произошло. При этом, ИД «Мир Белогорья» не только расширил количество выпускаемых печатных СМИ и создал интернет-портал «Белпресса.ру», но и пытается внедрить небольшие телевизионные форматы. В свою очередь, свой интернет-портал активно продвигает и телерадиокомпания «Мир Белогорья». Слиться в один медиа-холдинг два коллектива с собственными организационными моделями и системой управления не смогли. Соответственно, нет оснований говорить и об оптимизации бюджетных затрат на издание СМИ, что является одной из целей медиа-конвергенции. Такая конкуренция средств массовой информации, формирующих имидж власти и работающих на одном информационном поле, на наш взгляд, может быть оправдана, если стимулирует создавать разнообразный контент и расширяет аудиторию. С точки зрения формирования и корректировки имиджей конкретных личностей и образа власти в целом, в такой организации СМИ больше маневра и возможностей для воздействия на разные целевые группы.

Другой пример - объединение в единый медиа-холдинг «Белгород-медиа» муниципальных СМИ города Белгород, формирующих имидж муниципальной власти и, прежде всего, мэра города. Объединение газеты «Наш Белгород» и телевидения «Белый город» одновременно с созданием и развитием редакции городского радио и интернет-портала «Белновости» происходило под общим руководством, и в настоящее время работа редакций всех входящих в холдинг СМИ координируется одним главным редактором. Такая классическая для медиа-холдинга организационная модель позволяет оптимизировать средства. Но при этом неминуемо приходится унифицировать контент. А однообразие подачи материала, невозможность создавать продукт для разных целевых аудиторий, сужает имиджеформирующие возможности входящих в данный холдинг СМИ.

Таким образом, опыт создания конвергентных редакций на федеральном, региональном и муниципальном уровне показывает, что наиболее эффективным является не слияние редакций СМИ разного формата, а расширение и преобразование в конвергентную редакцию базового СМИ, которое постепенно осваивает новые форматы, одновременно обучая кадры и выстраивая организационную модель. Такая модель позволяет оптимизировать бюджет и расширить охват аудитории, но унификация контента, которые производят одни и те же журналисты, снижает эффективность воздействия на разные целевые группы, если за каждым форматом не закреплён редактор, адаптирующий журналистские материалы под восприятие конкретных социальных групп.

Для проверки этой гипотезы был проведён эксперимент по созданию модели корпоративного медиа-холдинга на базе Управления по связям с общественностью и СМИ НИУ «БелГУ». Для эффективного функционирования медиа-холдинга в условиях конвергентной редакции надо было обеспечить консолидацию, объединение и последовательную интеграцию всех типов имеющихся в распоряжении управления форматов – печатного, онлайн-ового, мобильного и вещательного. За основу была взята редакция корпоративного издания университета - зарегистрированной как СМИ областной информационно-образовательной газеты «Вести БелГУ».

Эксперимент начался в 2012 году с дополнения к имеющемуся печатному изданию студенческого приложения – газеты «Nota Bene» и создания в рамках этой же студенческой редакции радиокompании «БЕЛый ГУсь». Выпуски радио также создаются на базе управления, где имеется аудиостудия и необходимое оборудование для звукозаписи. Радио вещает два раза в неделю во внутрикампусной сети.

Ещё через год добавилось студенческое телевидение «Твоё Университетское Телевидение» («ТУТ»), выпуски которого изначально размещались на официальной странице вуза на YouTube.com и были доступны всем пользователям этого видеохостинга. Осенью 2013 ссылка на сюжеты «ТУТ» появилась на главной странице официального сайта университета «Белгу.рф» (www.bsu.edu.ru.). С мая 2014 года и по настоящее время сюжеты еженедельно выходят на мониторах, подключённых к внутрикампусной вещательной сети НИУ «БелГУ».

Каждое студенческое СМИ имеет паблик в социальной сети «ВКонтакте». Последним информационным продуктом холдинга стал сайт «Медиа-холдинг БелГУ» (www.media.bsu.edu.ru) с мобильной версией и интерактивными функциями. С 2013 года отмечен рост аудитории в сетевых ресурсах: основной паблик БелГУ во ВКонтакте имеет более 8 тысяч подписчиков, паблик ТУТ – более 700, паблик «Nota Bene» - более 600, паблик радио «БЕЛый Гусь» - более тысячи. Сайт Медиа-холдинга имеет интерактивные рубрики и мобильную версию. Наличие информационных носителей разного формата и конвергентной редакции позволяет точно воздействовать на различные целевые аудитории с помощью адаптированного под конкретные группы медийного контента.

Созданный студенческий медиа-холдинг имеет единый координационный центр в составе редакционного отдела управления по связям с общественностью и СМИ. Но каждым ресурсом руководит самостоятельно редактор-координатор, работающий в штате управления, определяющий, каким будет контент его ресурса и подбирающий внештатных корреспондентов из числа заинтересованных в сотрудничестве студентов всех факультетов и студентов факультета журналистики, проходящих в управлении практику. То есть, говорить о высокой квалификации журналистских кадров не приходится, но здесь как раз наблюдается нематериальная мотивация сотрудников, формирующих свой имидж посредством работы в редакции. Поэтому у каждого студенческого СМИ есть собственное лицо, своя манера подачи материалов, свой костяк корреспондентов, которые работают исключительно на одну редакцию. Все корреспонденты должны уметь и обязаны готовить информационные сообщения для новостной ленты сайта, но в дальнейшем полученная фактура перерабатывается под формат конкретного СМИ. При этом обязательным условием является наличие уникального контента. Именно через него можно решать задачи корректировки имиджей. В то время как унифицированный контент позволяет поддерживать созданный образ объекта.

За два года работы конвергентная редакция студенческого медиа-холдинга выпустила более 150 радио-программ, около 100 телевизионных выпусков, 24 номера газеты. Созданная организационная модель показала, что при наличии устойчивой схемы, квалифицированных координаторов, необходимого мультимедийного оборудования можно обходиться минимальным количеством штатных сотрудников, но сотрудничающие с конвергентной редакцией журналисты обязательно должны иметь мультимедийные навыки.

В условиях медиа-холдинга входящие в него СМИ поддерживают друг друга и продвигают при помощи кросс-промоушна, обмениваясь рекламными площадями, информацией, анонсами, ссылками на материалы включенных в процесс медиа. Холдинг позволяет создать открытую и симметричную коммуникацию, предназначенную для осуществления взаимного и равного влияния для всех участников коммуникационных процессов. Такой результат достигается и за счёт того, что сам контент также становится конвергентным, выполняя не только традиционные функции информирования, просвещения и развлечения, но и рекламы, популяризации, пропаганды и формирования имиджей. Но имиджевый эффект при этом будет достигаться только в том случае, если при ссылке укажут на новые факты и стороны объекта, имидж которого формируется или корректируется, а не на одну и ту же информацию. При правильной организации работы и расстановке сил это позволяет готовить материалы, сочетающие в себе глубину газетной журналистики, эмоциональность видео и онлайн-интерактивность.

Список литературы

1. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. — N.Y.: Free Press, 1965.
2. Rostow Walt Whitman. The stages of economic growth. A non-communist manifesto", Camb., 1960
3. Maslow, A. H., Motivation and Personality. N.-Y., 1970.
4. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества. / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1988. 430 с.
5. В.Л. Иноземцев. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности. // Иноземцев В.Л. // Российский химический журнал, № 6, 1999 г.
6. Калмыков А.А. Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности // <http://jarki.ru/wppress/2011/04/28/2198/>
7. Медиаконвергенция и «ситуация человека»: новые вызовы, старые вопросы/ В помощь преподавателю журналистики: учеб. пособие / под ред. С.К. Шайхитдиновой. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – 140 с.
8. Тоффлер, О. Третья волна Текст. / О. Тоффлер // США экономика, политика, идеология. - 1982. - № 7. - с. 32-47.

УДК 791.5:070

БАЗОВЫЕ РИТОРИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МАССОВОГО КИНЕМАТОГРАФА**BASIC RHETORICAL COMPLEXES OF MASS CINEMA****Я.И. Тяжлов****Y.I. Tyazhlov**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: smirnova_v@bsu.edu.ru*

Выявление механизмов воздействия на зрительскую аудиторию, обнаружение манипулятивного потенциала кинопродукции является одной из ключевых задач современной газетно-журнальной кинокритики. В статье рассматриваются базовые риторические комплексы кинематографа с точки зрения аудитории и отправителя; выявляется их манипулятивный потенциал; актуализируются связанные с этим медиапросветительские возможности современной кинокритики.

The paper considers the basic rhetorical complexes of cinema from the point of view of audience and a sender. It also discusses their manipulative potential and the media enlightenment affordances of contemporary film critics connected with it.

Ключевые слова: массовое кино, кинематографический код, базовые риторические комплексы кино, прагматика отправителя, кинокритика, медиапросвещение.

Keywords: mass cinema, cinematic code, the basic rhetorical cinema complexes, sender pragmatics, film critic, media enlightenment

Введение

Рыночная экономика, основанная на маркетинговых показателях, стремится использовать разнообразные формы и тексты культуры для получения «монетарного» результата. Кинобизнес стремится к удовлетворению потребительского спроса, охвату максимально широкой аудитории. Сегодня кино — это высокобюджетная конкурентная сфера, неразрывно связанная с медиабизнесом в целом, следствием чего является увеличение количества кинотеатров, оптимизация технологий трансляции и съемки.

Так, например, важной составляющей киноиндустрии сегодня являются нейромаркетинговые тестирования на стадии производства фильма. В России и за рубежом функционируют компании, специализирующиеся на таких исследованиях. По данным независимой исследовательской компании «Movie Research», с 2009 по 2014 гг. треть кассовых сборов российского кино приходилась на фильмы, прошедшие тестирование российской нейромаркетинговой компанией «Neuro Trend». «Нейромаркетинговое тестирование подразумевает регистрацию неосознанных реакций людей на тестируемый материал» (1). Нейрофизиологические тестирования включают в себя регистрацию физиологических показателей реципиентов, осуществляющуюся непосредственно во время просмотра предложенного аудиовизуального материала: направление взгляда и движения глаз, биоэлектрическую активность мозга, вегетативные реакции (частота сердечных сокращений, дыхание, кожно-гальваническая реакция). Полученные данные сопоставляются с осознанными вербализованными мнениями респондентов, интерпретируются и переводятся в маркетинговые характеристики, такие как внимание, интерес, эмоция, запоминание. «Эти показатели выводятся как по фильму в целом, так и по отдельным его эпизодам, что позволяет увидеть динамику восприятия» [1]. Данные исследований формируются в единый аналитический отчет с выводами и рекомендациями по доработке фильма. «С помощью нейромаркетингового исследования мы можем понять, где эмоциональный накал нужно увеличить, а где сократить, чтобы дать зрителю передохнуть».

Показательным в этом отношении является утверждение руководителя первой в России нейромаркетинговой компании «Neuro Trend» Н. Галкиной: «Мало кто скажет, что ему понравилась сцена убийства — это социально неприемлемая реакция. А на самом деле эпизод важен, потому что затем, как правило, следует наказание убийцы. Сцену, скажем, издевательства зрители будут оценивать на предмет не режиссерского мастерства, а своих ощущений. Этот риск всегда существует,

тогда как для заказчика важна максимальная эмоциональная вовлеченность. Зритель может в этот момент закрыть глаза и ничего не увидеть, но мы зафиксируем активацию мозга и вегетативные реакции и четко оценим, насколько сильно зрители были вовлечены» (1).

Сегодня вокруг каждого фильма, выходящего в широкий прокат, отчасти стихийно, но в значительной степени целенаправленно формируется определенный контекст, обеспечивающий эффективную маркетинговую кампанию. Выход фильма сопровождают реклама, кинокритика, интервью с создателями фильма; фестивали, премии, трейлеры, тизеры, фильмы о съемочном процессе, рекламные флаеры, постеры, розыгрыши билетов, сопутствующая продукция (книги, видеоигры, комиксы, игрушки и даже средства гигиены); оптические диски (в том числе и коллекционные издания с различными бонусами), рейтинги ожиданий, бокс-офисов и т.д. «Не передача данных о свойствах товара/услуги, т. е. рациональная денотация объекта, а создание его образа, мобилизующего аффективные коннотации, приносит прибыль в современной экономике» [1, с. 12].

Важной статьей дохода киноиндустрии является медиафранчайзинг. Так, к дате выхода сиквела мультфильма «Как приручить дракона» в ассортименте интернет-магазина OZON.RU насчитывалось 45 наименований товаров, связанных с франшизой.

Очевидна и глобализация кинорынка. Часто производство фильмов имеет транснациональный характер и распространяется на международную аудиторию, с чем связаны и поиски общего транснационального антигероя: терроризм, природный катаклизм, угроза инопланетного вторжения, вирус. Тренд интернационализации распространяется как на производство сериалов, так и в целом на производство телевизионного контента.

Сегодня в высокобюджетном кино герои не курят. И это не связано с кардинальным изменением общественных пристрастий, а также является результатом производственной оптимизации и нацеленности на высокую рентабельность. В 2007 году в США курение в кино было приравнено к сценам насилия, секса и использованию нецензурной лексики. Это повышает возрастной ценз, что сокращает потенциальную аудиторию. Именно поэтому в США не только руководство страны, но и кинопрокатчики оказывают давление на киностудии, требуя снизить количество картин с обилием соответствующих сцен. Дж. Фитиан, президент и генеральный директор Национальной ассоциации владельцев кинотеатров (NATO), выступая в 2013 году в Лас-Вегасе на крупном форуме владельцев кинотеатров и киностудий «Cinemascope», отметил, что главной причиной спада финансовых показателей индустрии в 2013 году стало «резкое сокращение числа семейных картин и лент с мягкими рейтингами в целом» (Variety Russia, май 2013, с 34).

В ситуации увеличения экономических рисков возрастает влияние на кинопроизводство самой аудитории, формирующей спрос. Существенную прибыль приносят проверенные временем высокобюджетные франшизы, в то время как освоение новых дискурсивных областей сопряжено с возможными убытками конкурирующих мейджоров (неприятием со стороны зрителей, дистрибуторов).

Ж.-Ф. Лиотар, говоря о художественном поиске в эпоху постмодерна, утверждает, что ему грозит опасность с двух сторон: со стороны культурной политики и со стороны рынка: «То по одному, то по другому каналу ему рекомендуется поставлять такие творения, которые, во-первых, соотносились бы с темами, имеющими право на существование в глазах публики, которой они адресуются, и, во-вторых, были бы сделаны таким образом («хорошо оформлены»), чтобы эта публика распознала, о чем в них идет речь, поняла, что они означают, могла с полным знанием дела наградить их своим одобрением или же отказать им в нем и даже, если возможно, извлечь из тех, что заслужили ее одобрение, некое утешение» [2, с. 21]. Это во многом объясняет, почему ключевыми чертами современного массового кино является его тяготение к нормативному, универсальному коду, комбинирование в нем крупных нарративных синтагм, а также трансляция устоявшихся, апробированных, узуальных концептов. Массовое кино апеллирует к нормативной синтактике, догматической (утешительной) риторике и прогнозируемой адресантом прагматике.

Кинематограф, маркированный как массовый, ориентирован на самую широкую аудиторию. Массовое кино часто и, следует признать, с большой долей условности противопоставляется элитарному авторскому кино, арт-кино, требующему вдумчивого просмотра, рефлексии, что в свою очередь предполагает развитый эстетический вкус, эстетический опыт, владение не только основами нормативного кинокода, но и способностью декодировать и интерпретировать сложные синтактические и семантические комбинации.

Синтактика, композиционная стратегия массового кинематографа строится на комбинировании крупных нарративных синтагм. «Нарративные технологии следуют схемам, установленным через принцип регулярности, и, как правило, представлены двумя вариантами: «сложной» драматургией ... и структурой «шоустопперов. (...) В первом случае вариации связаны с перестановками элементов, или изменением финала; во втором — все предсказуемо, но эффект

достигается от технического совершенства «аттракциона». Подобные манипуляции позволяют сделать синтаксическое оформление умозаключения (свадисигнума) «разнообразным» и, вместе с тем, декодируемым без нарушения базовых правил того или иного лексикода» [3, с. 130]. По утверждению У. Эко, догматическая (утешительная) риторика проявляется в установке на поддержку убеждений, уже имеющихся у адресата. Этот тип риторики исходит из таких предпосылок, аргументов и использует такой стиль, которые «относятся к тому, что уже принято, апробировано и устоялось, и, стало быть, призывает сделать, создавая иллюзию новизны, то, что мы, в сущности, уже много раз делали» [4, с. 103]. Исследователи видят в риторическом монтаже потенциал осуществления «побудительной функции, направленной на трансляцию некоторой системы норм и ценностей. В этом контексте игровое кино часто играет роль пропагандистского дискурса, но, как правило, идеологемы, которые оно транслирует, являются репрезентациями уже известной системы идей, «аранжированных» при помощи кинотропов» [3, с. 131].

Д. К. Манохин утверждает, что «прагматика массового кино строится на стремлении адресанта создать условия игры со зрителем, от участия в которой адресат получил бы гарантированное удовольствие. Адресатом является не конгениальный автору субъект, знающий всю историю мирового кинематографа как формы искусства и готовый оценить переворот в области киносинтаксиса и т.п., а представитель определенной группы, разделяющей взгляды на тип эмоциональной реакции, или анонимный субъект т.н. «широкой аудитории» [5, с. 13].

Анализ значительного массива киноматериала позволил выделить пять ключевых риторических комплексов разного качества: ужас, эротика, драма, смех, насилие, позволяющих отправителю вызвать прогнозируемую реакцию аудитории. Соответственно, эти риторические комплексы могут быть рассмотрены как с точки зрения аудитории (адресата), так и с точки зрения отправителя (адресанта).

Рассматриваемые с точки зрения массовой аудитории выделенные риторические комплексы кинематографа относятся к внезапным условиям коммуникации. Они не артикулированы и могут вызывать неосознанные или даже сенсомоторные реакции, что позволяет рассматривать их как «комплексы ощущений, вызывающих ту или иную реакцию» [4, с. 206]. В то же время мы допускаем, что риторические комплексы могут оказывать определенное влияние на выбор коннотативных лексикодов и, соответственно, на интерпретацию фильма зрителем.

Рассматриваемые с точки зрения отправителя, стремящегося к прогнозируемому эмоциональному эффекту, базовые риторические комплексы артикулируются как набор кинематографических средств, обретая тем самым знаковый характер.

Мы не утверждаем, что список анализируемых нами риторических комплексов является исчерпывающим, однако он представляется нам достаточным для решения ключевых задач. Изучение репертуара ключевых риторических комплексов массового кино позволяет не только уточнить описание «правил игры» адресанта и реципиента, но и выявить их риторический (а следовательно, идеологический, манипулятивный) потенциал, актуализировать связанные с этим медиапросветительские задачи современной кинокритики.

Безусловно, реакции аудитории на указанные риторические комплексы до известной степени упрощены, как в методологических целях идеализирован и сам зритель, рассматриваемый как часть довольно абстрактного в академическом понимании феномена массовой аудитории. В то же время следует помнить о том, что, посещая кинотеатр, зритель готов подвергнуть себя воздействию риторических комплексов кинематографа, более того, в большинстве случаев реципиент имеет подобный опыт и способен самостоятельно прогнозировать свою реакцию, на чем нередко и бывает основан выбор им киноленты для просмотра.

Очевидно, что степень реализации этих ожиданий предопределяет и оценку кинофильма реципиентом. Выбирая для просмотра фильм, маркированный в афише как «триллер», зритель тем самым делает выбор в пользу определенных узуальных и опосредованных индивидуальным опытом атрибутов жанра. Нарушение ожиданий способно вызвать отторжение, неприятие. Кинокритик Д. Е. Комм в своей книге «Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов» пишет: «Общие условия договора, по которому зрители платят деньги за билет, а создатели фильма средствами кино программируют получение ими определенных эмоций, понятны даже самым неискушенным посетителям кинотеатров. Если комедия не смешит, а фильм ужасов не пугает, зрители чувствуют себя обманутыми: контракт нарушен, обязательства, данные авторами, когда они квалифицировали свой фильм как комедию или хоррор, — не выполнены» [6, с. 8].

Соответственно, эстетические аспекты кино при изучении его репрезентации в медиадискурсе не являются релевантными, поскольку эстетическая составляющая кино относится к области эстетики, искусствознания и киноведения в частности. В рамках данного исследования представляется релевантным заданный или фактический эффект, который производит тот или иной кинофильм как макроречевой акт в пределах медиасреды, общее намерение отправителя, цель высказывания. Это отражается и в функциях современной кинокритики, совмещающей как

традиционные задачи художественной критики, направленной на анализ эстетической составляющей кино как вида художественного творчества, так и медиакритики, которая рассматривает кино как мощный медиаресурс.

Следует подчеркнуть, что кинематографический код как базовая система передачи смысла лежит не только в основе полнометражных игровых художественных фильмов, преимущественно транслируемых в кинотеатрах, но и в основе кинодокументалистики, кинохроники, сериалов, рекламных видеороликов и телевидения в целом. Это основание также сближает кинокритику с медиакритикой. Многие издания, позиционируемые как кинокритические, уделяют немало внимания современному телевидению, рекламе, индустрии сериалов. Таким образом, современная кинокритика включает в свое предметное поле не только игровое художественное кино, но и области, развивающиеся на основе идентичных коммуникативных систем.

Эти общие положения позволяют перейти к непосредственной характеристике выделенных нами риторических комплексов кинематографа. Анализ в целом базируется на семиотическом подходе, позволяющем одновременно выделять значимые структурные элементы и давать им прагматическую интерпретацию с точки зрения адресанта и адресата.

Насилие

Одним из ключевых риторических комплексов кино является насилие. Оно разнообразно и реализуется через подавление, страдание, унижение, месть, принуждение, жертву, наказание, ритуал, нетабуированную жестокость; насилие может быть физическим психологическим, сексуальным. Насилие и сегодня является не только средством решения геополитических конфликтов, инструментом правового принуждения, но и составляющей бытовой этики. Насилие имеет амбивалентный характер: с одной стороны, это легитимная часть человеческого бытия, с другой стороны, оно относится к антиценностям, являясь квинтэссенцией зла. Но, отрицая насилие в целом, в конкретной ситуации массовое сознание склонно искать и находить ему оправдание. Насилие как неотъемлемый элемент истории человечества привлекательно и для художников, и для аудитории.

Первобытные петроглифы изображают сцены охоты, античные амфоры — сражения героев. Натуралистичными деталями изобилуют гекзаметры «Илиады», средневековые изображения безобразного (искушений, распятий, мученичества, апокалипсиса, боли и страданий в преисподней) призывают искать спасения в лоне церкви. К миру насилия, смерти и ужаса (необычному, способному вызвать удивление) тяготеет эстетика барокко. Исследуя грани красоты XVIII столетия — века разума и неистовых чувств, века Канта и Де Сада, века «мужчин и женщин, столь же утонченных, сколь и жестоких», У. Эко отмечает: «Жестокость заложена в самой природе человека, страдание — это средство достижения удовольствия, единственной цели в этом мире, озаренном безжалостным светом безграничного разума, который населяет мир своими кошмарами» [7, с. 269]. Говоря о пристрастиях людей разных эпох к жестоким зрелищам (римский амфитеатр, лобное место), исследователь делает иронический вывод: «Если сегодня мы представляем себя людьми «цивилизованными», возможно, причина лишь в том, что кино предоставило в наше распоряжение сцены насилия, которые не смущают совесть зрителя, ибо изначально маркируются как ненастоящие» [8, с. 220].

Медиакритики все чаще говорят о катастрофическом наводнении насилием современных средств массовой коммуникации как об одной из основных тенденций их развития. В соответствии с поправками к Федеральному закону о «О государственном языке Российской Федерации» от 05.05.2014 с 1 июля 2014 года прокатное удостоверение не выдается на фильм, в случае если лента содержит материалы, пропагандирующие «культ насилия и жестокости, в фильме используются скрытые вставки и иные технические приемы и способы распространения информации, воздействующие на подсознание людей и (или) оказывающие вредное влияние на их здоровье» [9]. Однако если обращать внимание на социокультурный контекст, то изображение насилия явление не новое. Новое здесь скорее медиа.

Насилие в XX веке, оставаясь частью эстетики, риторики, идеологии, как упомянутые выше изображения ужасов ада, стало к тому же за счет своей привлекательности, экзотичности, экстремальности, силы воздействия и востребованности еще и средством конкуренции самих каналов распространения информации.

1960-е гг. становятся одновременно и бурным временем последних открытий в области киноязыка (французская «новая волна», советская «оттепель» и т.д.), и началом застоя. Уже в это время телевидение становится не только серьезным конкурентом кинематографа, но и доминирующим средством массовой коммуникации. «Прямой эфир» притягивает зрителя

оперативностью и эффектом присутствия. Однако телевидение вплоть до 1980-х гг. продолжает сильно уступать кино в отношении репертуара языковых средств, а также в качестве изображения.

Затянувшаяся пауза в развитии киноязыка компенсировалась развитием содержательно-тематическим. Именно в это время американский кинематограф начинает все чаще обращаться к проблеме насилия в разных его проявлениях («Бонни и Клайд», 1967 г., реж. А. Паркер, «Дикая банда», 1969 г. реж. С. Пекинпа). Некоторое время спустя к американским кинематографистам подключаются режиссеры других континентов. С.А Филиппов отмечает, что подобные процессы начались в Европе на 20 лет позже, чем в США, а в экономически неразвитых странах массовый кинематограф не обращается к этой теме до сих пор. Исследователь связывает это с уходом самого насилия из «актуальной жизни большинства населения» [10, с. 110]. Подобную мысль высказывает и С. Сонтаг в своем эссе «Америка в фотографиях: сквозь тусклое стекло», когда говорит о работах Д. Арбус, которая предпочитала фотографировать людей, во внешности, образе жизни или поведении которых можно было наблюдать отклонения от нормы. С. Сонтаг цитирует Д. Арбус: «Среди прочего, от чего я страдала в детстве, это незнакомство с настоящими несчастьями. Я ощущала себя отгороженной от реальности... И чувство защищенности, как ни абсурдно это звучит, было болезненным» [11, с. 62].

Для общества потребления и социального благополучия насилие, жестокость, различного рода аномалии становятся привлекательной экзотикой. В эстетике конца XX века (и в современной эстетике, нередко классифицируемой как необарокко), стиле жизни и состоянии культуры многие исследователи часто видят сходство с эпохой барокко, мироощущение которого характеризуется «глубинным чувством призрачности, неподлинности, театральности жизни, которое скрывается за внешней карнавальностью, пышностью, демонстративным благополучием и легкостью» [12, с. 259-260].

Телевидение, демонстрируя сцены жестокости, тем самым в определенной мере удовлетворяет запрос самой аудитории. А недавняя история кинематографа (1960 – 1970-е гг.) отмечена поиском новых средств изображения сцен насилия: специфический монтаж, рапид, звуковые эффекты были призваны превратить сцены насилия в зрелище, эстетизировать смерть на экране. Насилие становится движущим механизмом действия.

А. Р. Усманова утверждает: «Насилию всегда была присуща высокая степень технологичности, но в наше время медиализация и зрелищность оказываются его первостепенными характеристиками: сцена публичной казни в XVII в. несопоставима со зрелищем террористического акта в начале XXI в. — по своим целям, масштабам, воздействию и размерам «аудитории» [13, с. 5].

Аристотель утверждал в «Поэтике»: «На что смотреть неприятно, изображения того мы рассматриваем с удовольствием, как, например, изображения отвратительных животных и трупов» [14, с. 151]. 11 сентября 2001 года аудитория всего мира была прикована к телеэкранам, наблюдая, как снова и снова рушатся небоскребы Всемирного торгового центра. «Мы хотели видеть снова и снова те же самые кадры, повторяющиеся *ad nauseam*, и странное удовлетворение, которое мы получали от этого, было *jouissance* в чистом виде», — пишет словенский культуролог С. Жижек в своей книге «Добро пожаловать в пустыню реального» [15, с. 18].

С. Сонтаг сравнивает фотографические изображения с грамматикой и этикой зрения. То же можно сказать и о кино. Кинематограф постоянно открывает и исследует новые для себя дискурсы, киноязык постоянно меняется, границы того, что можно показывать на большом экране, постоянно расширяются. Градус насилия в отдельных кинофильмах настолько высок, что, казалось бы, невозможно поднять планку, однако кино, поощряемое кассовыми сборами, постоянно доказывает, что нет ничего невозможного. Насилие дозируется в зависимости от жанра, сегмента аудитории. Эффект саспенса (сюжетное напряжение, тревога ожидания) призван предотвратить семантическое насыщение зрителя, его эмоциональное выгорание.

С. Сонтаг утверждает, что изображение потрясает тогда, когда показывает нечто новое. «Та же закономерность, что действует в отношении зла, действует и в отношении порнографии. Шок от картин зверства притупляется при повторении, так же удивление и неловкость, испытываемые впервые при демонстрации порнофильма, выветриваются в дальнейшем. Ощущение запретного, рождающее в нас негодование и печаль, не намного прочнее того ощущения запретного, которое определяет для нас границы непристойности. И то и другое в последние годы изрядно замусолены. Огромный фотографический каталог несчастий и несправедливостей в мире сделал зрелище жестокостей отчасти привычным, и ужасное стало казаться более обыкновенным, знакомым, далеким («это всего лишь фотография»), неизбежным» [11, с. 34 – 35].

А. Р. Усманова утверждает, что обыденность насилия заслуживает отдельного антропологического исследования: «Репрезентация насилия в кино, фотографии и на телевидении (от фильмов-ужасов до телевизионных новостей) достигла такой критической точки, когда насилие не ощущается зрителями ни в своем реальном, ни в своем символическом аспектах...» [13, с. 25].

Таким образом, необходимо признать, что насилие в аудиовизуальных средствах массовой коммуникации имеет место и, очевидно, будет представлено в дальнейшем. Однако цель данного исследования, непосредственно связанная с медиаобразованием, медиапросвещением, медиакритикой и кинокритикой, требует анализа прагматической обращенности дискурса насилия к аудитории, анализа насилия как риторического комплекса.

Кандидат социологических наук, доктор культурологии К. А. Тарасов определяет насилие в кино как «разновидность социального взаимодействия, в котором одно действующее лицо (или группа лиц) осуществляет негативное принуждение по отношению к другому посредством угрозы или реального применения физической силы через телесные повреждения, моральный или имущественный ущерб» [16].

Насилие в кино в большинстве случаев не однонаправленно. Конфликт рождается из противостояния двух или более сторон. Зритель выбирает определенную сторону, обычно этот выбор задается риторикой сообщения и производится реципиентом невольно или даже заранее.

В риторическом отношении насилие на экране обладает не меньшей силой воздействия, чем смех, который также является эффективным инструментом убеждения и интерпретации тех или иных событий. Так, наполненный иронией фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм» (1965 г.) и сегодня остается одним из лучших примеров пропагандистского кино не только антифашистской, но и антиимпериалистической направленности. О риторических возможностях смеха пойдет речь ниже.

Отличительной чертой массового кино является ясность, прямолинейность риторики, прозрачность акцентов «свой» — «чужой». За счет риторических средств зритель способен безошибочно идентифицировать героев и злодеев. На пути героев к благородной цели (свободе, отмщению) зритель не только готов простить жертвы, но и эмоционально поощряет насилие, что подтверждает мощный манипулятивный потенциал риторики насилия

В этом аспекте показателен кунг-фу-боевик гонконгского режиссера Вэй Ло «Кулак ярости» (1972 г.) с Брюсом Ли в главной роли. Герой возвращается в оккупированный японской армией Шанхай, чтобы отомстить за смерть своего учителя. Зритель не способен сочувствовать гротескно агрессивным и вероломным японцам. Напротив, он эмоционально поощряет путь отмщения, расправы над захватчиками, выбранный героем, в то время как его соратники (ученики погибшего учителя) всеми силами пытаются остановить насилие. Их благородная цель (повиновение ради мира) кажется обреченной на провал, а радикальные методы главного героя видятся единственно верными.

Персонификация насилия способна подтолкнуть зрителя, не владеющего контекстом, к ложным индуктивным выводам. Так, основываясь на образе японских солдат в фильме «Кулак ярости», неподготовленный зритель способен прийти к выводу, что *все японцы агрессивны и склонны к дискриминации китайцев по этническому признаку*. Вариантов подобных умозаключений, основанных на экранных образах тех или иных социальных, этнических, религиозных групп, может быть множество: «все мусульмане террористы», «все итальянцы принадлежат к мафии», «все южане США расисты» и т.д. Несмотря на очевидную бездоказательность этих суждений, следует признать, что формируемые таким образом стереотипы культивируются и перманентно воспроизводятся массовым кинематографом, а это в свою очередь упрощает узнавание зрителем той или иной социальной группы, маркированной специфическим признаком (например, многоцветная татуировка на спине — знак члена банды якудза).

Протагонист в кино идеализирован, благороден. Его отрицательные черты с лихвой компенсируются положительными. Антагонист, напротив, демонизирован, его моральное падение подчеркнуто морфологическими особенностями. Его кредо не разделяется зрителем. Праведным слезам добра противопоставлен дьявольский смех зла. В этом случае «смех и зло окончательно соединяются друг с другом и проступают в личине смеющегося дьявола, в ухмылках всех его двойников, заместителей и слуг: бесовский мир наполняется бесовским хохотом» [17, с. 44].

Экранное насилие мотивировано, оно направлено на достижение той или иной цели. Реципиент же, как правило, разделяет цели положительного героя или социальной группы, которым он сопереживает. Немотивированное насилие — признак исключительного зла, экзистенциальной катастрофы. В ленте венгерского режиссера Белы Тарра «Гармонии Веркмейстера» (2000 г.) по неясным причинам толпа врывается в больницу, жестоко избивая всех, кого она встречает на своем пути. Нападающие не произносят ни слова. Молчат, не просят пощады их беспомощные жертвы. Подобные риторические фигуры обладают чрезвычайной силой воздействия и чаще используются кинематографом, который мы называем авторским, нежели в массовом «комфортном» кино.

Насилие экспрессивно, а иконичность весьма убедительна. Так, фотография Ника Ута (Nick Ut), на которой изображена нагая вьетнамская девочка с распростертыми руками, убегающая от

американского напалма, облетела весь мир и во многом изменила отношение общественности к войне во Вьетнаме. Подобные изображения несут в себе гораздо более сильный эмоциональный заряд, нежели безликие, пусть и многозначные цифры жертв среди мирного населения.

Риторика насилия, как и любая риторика, апеллирующая в первую очередь к эмоциям, а не к разуму, по своей природе является спекулятивной. Так, изображение убитого в ходе вооруженного конфликта невинного ребенка окажет большее воздействие, нежели изображение сраженного в противостоянии комбатанта. Еще Аристотель видел в этом составляющую истинной трагедии: «Сострадание возникает к безвинно несчастному, а страх — перед несчастьем нам подобного» [14, с. 160 — 161]. Кинематограф, как и другие средства массовой коммуникации, учитывает и широко использует подобные коммуникативные возможности изображения. Таким образом, риторика насилия является разновидностью догматической риторики. Безусловно, изображение насилия может являться и составной частью эвристической риторики, компонентом эстетического сообщения, идиолекта, инструментом рефлексии, в том числе и саморефлексии.

Необходимо отметить, что и детская анимация не лишена сцен насилия. Более того, исследования ученых Университетского колледжа в Лондоне и Университета Оттавы в Канаде говорят о том, что две трети детских мультфильмов показывают смерть одного из ключевых персонажей. Характерно, что картины для взрослой аудитории демонстрируют смерть ключевого персонажа лишь в половине случаев (2).

Таким образом, насилие позиционируется современным массовым кинематографом как развлекательный жанровый компонент наряду со смехом в различных его проявлениях, эротикой и т.д. Насилие в кино не призвано травмировать аудиторию, оно стало неотъемлемой частью индустрии развлечений, что подтверждает американский теоретик в области искусства написания киносценариев Р. Макки: «Любой фильм, привлекающий внимание, удерживающий его и оправдывающий участие в этом ритуале, — развлечение» [18, с. 140]. В соответствии с этим, насилие в кино не предполагает травмировать аудиторию, насилие в кино — своеобразный структурный компонент индустрии развлечений, и в массовом кино оно не должно выходить за рамки зоны психологического комфорта аудитории.

Развлекательная функция кинематографа является своего рода питательной средой для риторики и идеологии. Развлекательная оболочка становится идеальным проводником ключевых идеологических установок, механизмом воздействия на массовое сознание. Источником этих установок могут являться совершенно различные социальные институты и группы, стремящиеся оказать влияние на общественное мнение или даже патерналистски навязать свою волю реципиенту. Р. Макки отмечает: «... убеждающая сила истории настолько велика, что мы можем поверить в происходящее, даже если сочтем его отталкивающим с точки зрения морали» [18, с. 140].

Смех

Не менее значимым риторическим комплексом кинематографа является смех. В обыденном понимании смех — положительное явление. Смех относится к разряду позитивных ценностей, но в то же время смеху есть время и место. С одной стороны, смех не позволяет сосредоточиться на конструктивном анализе, с другой — обнаруживает существенные противоречия предмета. «Смех — дитя интеллекта, и он же — бессознателен, неосознаваем в своих истоках» [17, с. 177]. Объект смеха обладает некими комическими чертами, стимулирующими смех субъекта. Платон и Аристотель определяли комическое через безобразное. По Аристотелю, суть поэзии — в подражании, и виды поэзии различаются в зависимости от средств подражания: если трагедия предпочитает изображать людей лучшими, нежели они есть, то комедия — худшими, акцентируя внимание на пороках, безобразности. «Смешное — это некоторая ошибка или безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное, так, чтобы не далеко ходить за примером, комическая маска есть нечто безобразное и искаженное, но без выражения страдания» [14, с. 153]. Для Сократа ирония была способом привести собеседника к противоречию с самим собой. На свойстве комического уничтожать объекты видимости строится кантовская трактовка социальной функции осмеяния. «Удовольствие от комического нередко связывалось с рассеиванием той или иной иллюзии и с избавлением от видимости» [19, с. 277].

Смех в разных своих проявлениях (юмор, сатира, ирония, гротеск) способен не только доставлять удовольствие, но и служить инструментом риторики. «Комическое в искусстве всегда включает в себя высокоразвитое критическое начало. «Смех — эстетическая форма критики. При этом цель, накал, направление критики, соотношение утверждающего и отрицающего начал могут быть различны. То, что общество начинает осмеивать, оно стремится исправить или уничтожить» [20, с. 18].

На первом киносеансе 28 декабря 1895 года братья Люмьер продемонстрировали комедию «Политый поливальщик». Именно в комедии как аттракционе, максимально отвечающем вкусам широкой аудитории, создатели кино увидели наибольший коммерческий потенциал.

Впоследствии, развиваясь на основе физического циркового представления, кинокомедия выработала собственный риторический аппарат и разветвленную жанровую систему. Сегодня кинокомедия не только одно из ключевых направлений кинематографа, но и составная часть других его самостоятельных жанров. Кинокомедия стала не только способом рекреации аудитории, но и инструментом пропаганды, механизмом «компенсирующего протеста» [8, с. 135].

Смех в кино обладает определенной спецификой, это не интерактивный карнавальский народно-площадный смех, хотя и имеет некоторые общие с ним черты. По утверждению М.М. Бахтина, главным демаркационным фактором здесь является неизменно присутствующая в кино акцентирующая «рампа» [21, с. 12]. Зритель в кино не является участником происходящего. Он противопоставлен смешному. Зритель не идентифицирует себя с высмеиваемым, комическое не стремится пристыдить зрителя, умалить чувство его достоинства. «Смех ориентирован на другого. Стыд — на самого стыдящегося» [17, с. 68]. То, что подлежит высмеиванию, — это отклонение от нормы, нечто маргинальное, непристойное, пошлое, глупое, курьезное, неуместное, не заслуживающее доверия, безобразное, слабое. Л.В. Карасев, один из крупнейших отечественных исследователей природы и функций смеха, утверждает, что смех является «единственным из наших душевных движений, которое во многом противоречит причине, его породившей. А это означает, что смех, будучи чувством несомненно положительным, оказывается ответом на событие, в котором наш взгляд или ухо, помимо всего прочего, обнаружили и нечто, подлежащее отрицанию или осуждению» [17, с. 17].

Комический объект, помимо непосредственно смеха, может вызывать жалость, сострадание, снисходительную симпатию, отторжение. Зритель способен сопереживать смешному герою, но не отождествляет себя с ним. Зритель противопоставляет себя ему. Смешное чуждо возвышенному, благородному, героическому, священному, одухотворенному.

Смех способен поставить сильный, пугающий в реальности объект в слабую позицию. В то же время слабая позиция высмеиваемого как частного случая противопоставлена нормативной в целом картине мира, общепринятому, социально одобряемому. Так, в фильме американского кинорежиссера Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я научился не волноваться и полюбить атомную бомбу» (1964 г.) мир стоит на грани ядерной войны. В картине показана антисоветская паранойя, охватившая американское общество в разгар Карибского кризиса. Представители американского и советского правительств карикатурно изображены в ленте эксцентричными, беспомощными, неспособными контролировать ситуацию. Американские бомбардировщики, помимо смертельного ядерного заряда, несут на себе регламентированные запасы для экипажа «на случай ядерной войны»: «Один пистолет 45-го калибра, две обоймы патронов, сухой паек на четыре дня, аптечка, куда входят антибиотики, морфин, витамины, стимуляторы, снотворное и транквилизаторы. Карманная Библия и русский разговорник в одном переплете, сто русских рублей, сто долларов золотом, девять жевательных резинок, один презерватив, три губных помады, три пары нейлоновых чулок...» Гибель мира оборачивается фарсом, стечением обстоятельств, глупой ошибкой, детской игрой в войну, заведомо лишённой победителя. В гротескном финале фильма капитан американского бомбардировщика, размахивая ковбойской шляпой, седлает ядерную бомбу, словно быка на родео.

В упомянутом выше фильме «Обыкновенный фашизм» посредством иронии нелепыми показаны лидеры нацистов; глупыми и безысходными — идеи Третьего рейха; беспомощными, недалекими и вследствие этого неспособными распознать настоящую угрозу — главы стран Запада.

В приведенных примерах смех представляется «ответом на зло», однако переменная самого «зла» способна трансформироваться в зависимости от источника сообщения, акцентов отправителя. Так, в упомянутом фильме «Кулак ярости» вероломность японцев и ничтожность коллаборационистов подчеркнута в том числе и комическими элементами: стереотипными, карикатурными чертами, обнаруживающимися в физическом облике персонажей, соматических аномалиях (нелепая причёска, патологический прикус, ожирение, плохое зрение).

Современный массовый кинематограф в большинстве случаев комбинирует смех и насилие, особенно в так называемых попкорн-гигантах. Жанровые ленты (триллер, боевик, комедия) редко становятся лидерами кассовых сборов. Смех и насилие в кино идут рука об руку в большинстве фильмов, претендующих на прокат в мультиплексах. Смех не дает зрителю устать от насилия, удерживая аудиторию на протяжении всего фильма на пике эмоционального напряжения. В конфликте реального и абсурдного, в диссонансе языковых средств смех порой непросто размежевать с ужасом, как, например, в повести Н.В. Гоголя «Нос» или в знаменитом сериале Д.

Линча «Твин Пикс». В сочетании с эротикой, драматическим конфликтом, ужасом смех и насилие стимулируют весь спектр эмоций зрителя.

Кино не только заставляет смеяться, используя уже известные реципиенту стимулы, демонстрируя вариации того, что аудитория уже идентифицирует как смешное, но и вводит в репертуар смешного новые элементы, учит зрителя смеяться, подсказывая монтажом, структурой (скетчевая структура ситкомов), мимикой персонажей, звуковыми эффектами (закадровый смех, условный тональный сигнал) и т.д., в каких местах нужно смеяться. Это напоминает процесс обучения смеху ребенка, описанный Л.В. Карасевым: «Вот совсем еще маленький мальчик смотрит, как на арене спотыкается и падает клоун, все вокруг него смеются, но он не смеется. Он еще не знает о том, что случившееся смешно, что над падением человека можно смеяться: возможно, подражая хохочущему залу, он и засмеется, но сделает это чисто механически. Однако пройдет совсем немного времени, и уже в следующий раз, увидев упавшего на арене человека, мальчик будет хохотать и хлопать в ладоши» [17, с. 23].

Радость и страдание — сходные по силе чувства. Не зря, как отмечает Л.В. Карасев, гримаса смеха подобна гримасе страдания или гнева. И то и другое — области эмоционального, находящиеся за пределами рациональной рефлексии. Манипулирование этими чувствами — эмоциональная игра, в которую играет кино со зрителем. И зритель в этом случае не является жертвой, охотно принимая правила игры, вольно и невольно участвуя в их формировании.

Перефразируя Ж. Батая (эта его мысль относилась к литературе, но имеет силу и в отношении кинематографа), мы можем утверждать: кино есть общение [22, с. 16]. И общение предполагает соблюдение правил игры. Кино небезобидно, поскольку оно есть действие, а именно действие обладает правилами. Осмысление этих правил, выявление спекуляций, поощрение искусных игроков и является задачей кинокритики. Медиапросветительская же функция кинокритики заключается не в том, чтобы спутать карты кинопроизводителей или подбросить козыри кинозрителям. Задача кинокритики — сделать игру честной и открытой. Анализируя риторику того или иного фильма, кинокритик становится проводником для неподготовленного зрителя, оберегая его от возможных опасностей и нежелательных воздействий: заблуждений, неверных выводов и обобщений, принятия условной риторической конструкции за безусловное правило жизни, одновременно предоставляя зрителю инструментарий, оперативные модели для самостоятельного вдумчивого просмотра.

Ужас

Свою специфику имеет и риторический комплекс, воплощающий на киноэкране ужас.

М. Хайдеггер указывает на принципиальное отличие боязни, страха от ужаса. Боязнь вызывается угрожающим нам чем-то конкретным, сущим. Страх касается того, что определено. «Поскольку боязни и страху присуща эта очерченность причины и предмета, боязливый и робкий прочно связаны вещами, среди которых находятся» [23, с. 20]. В ужасе М. Хайдеггер видит такую настроенность, которая подводит человека к Ничто. «Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить» [23, с. 21].

Ужас как аффект, всегда обусловленный внешними факторами (даже в случае, когда речь идет о психическом наваждении), являясь отражением бессознательной субъективной оценки текущей ситуации, обнажает иррациональное начало в человеческом мироощущении, восприятии и понимании действительности. Жуткое, по определению Э. Йенча, вызывает чувство интеллектуальной неуверенности, это нечто, «в чем до некоторой степени не разбираются» [Цит. по: Эко, 2007, с. 312].

Ужас как эстетическая категория имел важное значение для таких художественных направлений, как романтизм, символизм, экспрессионизм. Ужас является неотъемлемым компонентом эстетического кода современного искусства и массовой культуры. У. Эко, анализируя ситуативное безобразие и обращаясь к феномену жуткого, приводит пример: «Представьте, что мы находимся в хорошо знакомой комнате, где на столе стоит красивая лампа, — и вдруг лампа поднимается в воздух. Лампа, стол, комната — все как прежде, ничто безобразным не стало, но сама ситуация стала беспокойной, и мы, не зная, как ее объяснить, относимся к ней с тревогой, а если нервы сдадут, то и со страхом» [8, с. 312].

Воспроизводя подобные ситуации с использованием набора определенных изобразительных приемов, кинематограф способен вызывать у аудитории чувство беспокойства, на чем специализируются некоторые кинематографические жанры. Так, говоря о специфике хорроров, Д. Е. Комм пишет: «Единственное, в чем проявляется уникальность фильмов этого рода, позволяющая

классифицировать их как единый жанр — это легко узнаваемый комплекс драматургических, стилистических, технических приемов, предполагающий эффективное манипулирование психологией восприятия, использование архетипов и мифов массового сознания» [8, с. 9]. Набор риторических средств, позволяющий вызвать у зрителя соответствующие жанру эмоции, Д. Е. Комм называет «технологией страха».

При этом кинематограф в поисках ужасного полагается не столько на воспроизведение пугающих ситуаций, шокирующих натуралистичных деталей, сколько на средства киноязыка, при помощи которых создается атмосфера ужаса: освещение, монтаж, планы и ракурсы, саундтрек, шумы. Так, в ключевой сцене фильма «Молчание ягнят» (1991 г., реж. Дж. Демми) сотрудница ФБР оказывается в доме маньяка-психопата, сдирающего кожу с убитых им женщин. Свет гаснет — героиня и зритель остаются один на один в ограниченном пространстве с темнотой и серийным убийцей, глазами которого (он использует прибор ночного видения) мы наблюдаем за беспомощной жертвой, лишенной возможности видеть. Крупный план, субъективная камера, ее медленный, ровный тревеллинг, противопоставленный светлым движениям сотрудницы бюро, звуковое оформление (резко приглушенный саундтрек, громкое нервное дыхание героини) создают эффект близости смертельной опасности. Искаженное, монохромное некинематографичное изображение (эффект, якобы создающийся прибором ночного видения) имеет целью сделать опасность более реальной. Это заставляет зрителя затаить дыхание. Часто создатели хорроров используют более прямолинейные приемы, воздействующие непосредственно на рефлекс, как, например, резкий, неожиданный звук или движение, заставляющие зрителя вздрогнуть против его воли, даже в случае, если он знаком с подобной конструкцией и ожидает соответствующего сигнала. На таком эффекте построены «скримеры» — короткие пугающие ролики, примитивный вариант шок-контента в интернете.

Эффект неконтролируемого беспокойства может быть вызван и более изощренными приемами. Так, беспокойство может вызвать неопределенность между реальностью и вымыслом, несоответствие эстетического воплощения (свойственного другим жанрам, например мелодраме) сюжетному развитию, как в фильмах Д. Линча. Сама эстетика может вызывать дискомфорт, если ее код устарел или зритель с ним не знаком. Когнитивный диссонанс аудитории может быть вызван эмоциональным обманом. В первой части фильма «Психо» (1960 г., реж. А. Хичкок) зритель настраивается на детективную историю, связанную с кражей денег и погоней. Однако героиню, которую зритель уже определил как главную, неожиданно и жестоко убивают в душе (одна из самых знаменитых сцен убийства в истории кинематографа, сопровождающаяся резкими звуками, подобными ударам ножа). В большинстве случаев рок способен настичь главного героя исключительно на последних минутах, и дальнейшее развитие сюжета становится невозможным. Зритель шокирован таким поворотом событий. Дальнейшее действие развивается как хоррор и практически не имеет сюжетного отношения к первой части фильма. В итоге зритель, настроившись на один тип эмоциональной реакции, получает совершенно иной.

З. Фрейд видел в ужасе вытесненные индивидуальные комплексы, нечто непривычное, ушедшее из памяти, что когда-то было знакомым, что тревожило в детстве (индивидуальном или детстве человечества), актуализируя эти страхи в сфере сексуального, как, например, боязнь кастрации. Кино активно использует подобные страхи аудитории: открытая вода («Челюсти», 1975 г., реж. С. Спилберг), темнота, замкнутые пространства («Куб», 1997 г., реж. В. Натали), пугающие маски («Хэллоуин», 1978 г., реж. Дж. Карпентер), клоуны («Дом 1000 трупов», 2003 г., реж. Р. Зомби), страхи перед животными («Птицы», 1963 г., реж. А. Хичкок), боязнь родительского наказания («Пустой дом», 2004 г., реж. Ким Ки Дук), боязнь потерять родителей («Пересмешник не будет петь» 2001 г., реж. Г. Б. Девенпорт) и т.д.

Ужас, будучи связанным с областью непривычного, неизведанного, по своей природе экзотичен. И кинематографистам не обязательно переносить место действия в потаенные уголки планеты (тем более что телевидение уже не оставило таковых на карте мира), космос или иные реальности. По данным ООН, в 2009 году вследствие высоких темпов урбанизации численность городского населения сравнялась с сельским [3]. Для жителя города, на которой в большей степени рассчитано массовое кино (подавляющее количество кинотеатров находятся в городах), ценности и образ жизни в сельской местности представляются совершенно отличными от городских, а порой даже дикими, варварскими. Этим недоверием часто пользуются кинопроизводители, перенося место действия за пределы мегаполиса: «Психо», «Птицы» (1960 г., 1963 г., реж. А. Хичкок), «Пастораль. Умереть в деревне», (1974 г., реж. С. Тераяма), «Сияние» (1980 г., реж. С. Кубрик), «Мизери» (1990 г., реж. Р. Райнер) и др. Именно из загородной поездки герой фильма «Американский оборотень в Лондоне» (1981 г., реж. Дж. Лэндис) возвращается чудовищем.

Предмет фильма ужаса — это переменная, зависящая от социокультурного контекста. Д. Е. Комм пишет: «Вампиры и оборотни, безумные ученые и взбунтовавшиеся машины, евреи и

коммунисты, шпионы и вредители, террористы и инопланетяне — каждая эпоха рождает как собственные предметы страха, так и отчасти наследует те, что были созданы ранее» [6, с.10].

Несмотря на то, что эмоциональная реакция на фильмы ужасов является наиболее острой (не каждый реципиент готов ее испытать, что ведет жанр к определенной степени маргинальности), возможности идеологического давления на аудиторию здесь весьма ограничены. Зло фильма ужасов трансцендентально, мистично, насилие крайне иррационально, гипертрофированно, а герой борется в большей степени с собственными страхами, его задача не победа, а выживание, спасение собственной души.

Эротика

Эротика также является неотъемлемым риторическим комплексом современного кинематографа. В 1924 г. основатель студий «Paramount Pictures» и «Metro-Goldwyn-Mayer», один из самых известных и успешных продюсеров в истории кинематографа С. Голдвин, предложил З. Фрейду сотрудничество. С. Голдвин обещал знаменитому психоаналитику сто тысяч долларов за его консультации в вопросах сексуального и бессознательного. Фрейд отказался, но факт самого предложения говорит о важности эротического компонента в целомудренном (с точки зрения современной аудитории) американском кинематографе 1920-х гг. Ж. Батай утверждает: «...ни один человек не смог бы действовать с пользой, не зная, что все существа, вовлеченные в полезную деятельность, которая является целью и для него самого, первым делом реагируют на требования эротизма» [Батай, 2007, 10].

Сексуальность сегодня включается в систему индивидуальных положительных ценностей, является элементом рекреации и коммуникации. С одной стороны, кинематограф сохраняет за эротикой маргинальный статус, признавая спекулятивный характер сексуальных стимулов, с другой стороны, массовая культура в целом повсеместно использует эротические компоненты, вызывающие сексуальное возбуждение. Так, ленты содержащие сцены телесной близости, имеют возрастные ограничения, в то же время подчеркнута женственные образы мы находим и в мультфильмах, не имеющих подобных ограничений к показу, в рекламе, телевизионных шоу и т.д. В массовом кинематографе маскулинность является важной чертой образа главного героя, подчеркивающей витальность его «Я». Внешняя привлекательность, соответствие характерным для эпохи идеалам красоты относятся и к героине. Фактор сексуальности играет не последнюю роль в формировании положительного образа персонажа. Так, ярко выраженная сексуальность «роковой женщины» способна наполнить персонаж противоречиями, вызвать сочувствие зрителя. Маргинальность, эпатажность демонстрируемой сексуальности способны вывести зрителя из состояния душевного равновесия и уверенности. Подтверждение этой мысли мы находим у Ж. Батая в «Истории эротизма»: «Человеческое существование приписывает ужас всякой сексуальности; а сам этот ужас придает привлекательную ценность эротизму» [22, 12].

Включение сексуальности в систему индивидуальных положительных ценностей непосредственно связано с потребностями личности в любви, успехе и признании. В связи с этим эротические элементы часто используются в рекламных роликах. Так, в рекламе духов «J'Adore de Diog» (реж. Ж.-Ж. Анно) голливудская дива Шарлиз Терон (ее востребованность не вызывает сомнений) избавляется от дорогих украшений и одежды (также являющихся частью коллекции «Diog Joaillerie»), оставляя на себе лишь изысканный аромат «J'Adore».

За более чем вековую историю столкновений с моральными и цензурными ограничениями кинематограф разработал обширный риторический аппарат, позволяющий вызывать сексуальное возбуждение зрителя. Методы подобного манипулирования, как и в случае ужаса, могут иметь различную степень сложности: от семантически прямолинейных альковных сцен, демонстрации сексуально обусловленных частей тела до изысканных визуальных метафор, конструирующих эмоциональную реакцию темпо-ритмальными средствами монтажа, сочетанием планов, звуковым сопровождением, внутрикадровой символикой и т.д.

Например, в фильме «Чужой» (1979 г.) режиссер Р. Скотт совмещает риторические комплексы эротика и ужаса. Обнажаясь, героиня внезапно обнаруживает (резкое движение, эффект неожиданности) в спасательной шлюпке космического корабля чудовище, от которого на протяжении фильма она пыталась избавиться. В ужасе она замирает. Зритель слышит биение ее сердца, ее дыхание, напоминающее томное дыхание любовного экстаза, камера избирает интимные ракурсы. Тем временем влажная челюсть чудовища выдвигается, уподобляясь эрегированному фаллосу. Зритель испытывает (потенциально) двойственное ощущение ужаса и вожделения. Следует отметить, что облик самого Чужого воплотил художник Г. Р. Гигер, работы которого относятся к направлению эротомеханики.

Драма

«Драма», как и прочие риторические комплексы кино, несет в себе значительный заряд воздействия на зрителя. Рассматривая драму как риторический комплекс, мы рассматриваем ее не как жанр кино, а как трансжанровый конструкт, демонстрирующий эмоциональные переживания, события, влекущие за собой нравственные страдания героев и их преодоление. Драма представляется гораздо более сложным риторическим комплексом, нежели остальные. Драма как риторический комплекс развивается на протяжении всего фильма и в случае успеха вызывает слезы катарсиса у эмоционально вовлеченного зрителя.

Драма апеллирует к идентичному опыту реципиента или отсутствию такового (юношеским надеждам, фантазиям, ностальгии, общечеловеческим и индивидуальным ценностям и т.д.). Герои стремятся к реализации хорошо знакомых зрителю потребностей: реализации способностей, гармонии с окружающим миром, познанию, одобрению и уважению окружающих, взаимной любви, защищенности и т.д. Идентифицируя себя в героях, зритель проникается к ним сочувствием, переживает за их судьбу, и в результате получает удовольствие от благополучного разрешения перипетий, державших его на протяжении фильма в эмоциональном напряжении. Важную роль здесь играет хэппи-энд. Вместе со счастливым концом зритель ощущает облегчение, схожее с разрешением его собственных проблем. У особенно чувствительных зрителей реакцией на облегчение и воодушевление могут стать слезы, которые кинематограф способен дополнительно стимулировать слезами одного из персонажей или смертью второстепенного, но хорошо знакомого аудитории героя.

В риторическом арсенале драмы мощным манипулятивным рычагом являются трагизм и страх смерти. «По Канту, возвышенное чувство, которое есть также и чувство возвышенного, является мощной и двусмысленной эмоцией: оно содержит в себе разом удовольствие и боль. Точнее, удовольствие здесь идет от боли» [2, 2008]. Напоминая аудитории о конечности жизненного пути, кинематограф взывает к имманентным ценностям настоящего опыта зрителя, актуализируя его нереализованное желание вырваться из замкнутого круга рутинной повседневности; возвращает зрителя к не теряющим на протяжении веков актуальности тревожным вопросам ценности жизни и смысла бытия: «Пока не сыграл в ящик» (2007 г., реж. Р. Райнер), «Не сдавайся» (2011 г., реж. Гас Ван Сент), «Любовь» (2012 г., реж. М. Ханеке) и др.

Стоит отметить, что традиции различных национальных киношкол тяготеют к трансляции различных ценностей, укорененных в культуре тех или иных стран, регионов.

Так, американский кинематограф нередко обращается к ценностным категориям успеха, признания, реализации способностей, познания: «Форрест Гамп» (1994 г., реж. Р. Земекис), «Гаттака» (1997 г., реж. Э. Никкол), «Игры разума» (2001 г., реж. Р. Ховард), «В погоне за счастьем» (2006 г., реж. Г. Муччино) и др. Японскому же кинематографу всегда были близки ценности семьи, сохранения традиций: «Токийская повесть» (1953 г., реж. Я. Одзу), «Ушедшие» (2008 г., реж. Йодзиро Такита), «Кабей» (2008 г., реж. Едзи Ямада) и др.

В анализируемых нами примерах доминируют голливудские ленты, что обусловлено целым рядом факторов: американские киностудии являются крупнейшими поставщиками фильмов, транслируемых по всему миру, что заставляет многие страны вести протекционистскую политику в области кинематографа. Ограничения на прокат иностранных фильмов существуют и в России. Именно поэтому многие критики, говоря о негативных последствиях влияния средств массовой аудиовизуальной коммуникации на социум, возлагают основную ответственность на американских производителей.

Анализ современного кинопроцесса не позволяет однозначно провести границу между кинематографом элитарным и массовым. Во многих картинах, которые принято относить к массовому кино, несомненно, присутствует авторский идиолект, как, например, в случае с лентами «Доктор Стрейнджлав», «Молчание ягнят» и «Чужой». Также не вызывает сомнений, что все рассмотренные риторические комплексы использует и кино, которое принято считать элитарным. Более того, представляется, что именно в среде авторского кинематографа, арт-кино, устремленного к поиску нового, к совершенствованию киноязыка, приходится искать истоки большинства риторических элементов кинобизнеса.

Заключение

Изучив репертуар базовых риторических комплексов кинематографа, свойственных как элитарному кино, так и массовому, мы можем утверждать, что они играют важную роль в организации прагматического компонента кинофильма, участвуют в трансляции стереотипов,

ценностных иерархий, моделей поведения и тем самым формируют культурно-идеологический контекст эпохи. Р. Макки утверждает: «Любая история, будь то «Волшебник страны Оз» или «400 ударов», «Сладкая жизнь» или «Белоснежка и три бездельника», не может быть «простой и бесхитростной». Все логически выстроенные истории выражают идею, скрытую внутри эмоционального заклинания» [18, с. 140].

Выявление механизмов воздействия на аудиторию, обнаружение манипулятивного потенциала кинопродукции является одной из ключевых задач современной кинокритики, активно реагирующей на спекуляции кинобизнеса, прямолинейность в использовании репертуара стимулов. Так, кинокритик Дж. Роткопф («Time Out New York») иронически отмечает единственный бросающийся в глаза плюс картины «Красавица и чудовище» (2014 г., реж. Кристоф Ганс): «На счастье Ганса, смотреть на то, как вздымается бюст Леа Сейду (к чему здесь и сводится вся игра звезды «Жизни Адель»), можно бесконечно - при том, что два часа, в которые укладывается фильм, кажутся именно что вечностью» (4). Н.А. Цыркун («Искусство кино») в рецензии на фильм «300 спартанцев: Расцвет империи» (2014, г. реж. Н. Мурро), замечает: «Месседж фильма, таким образом, читается без всякой натуги: демократия побеждает деспотию, хотя и не без жертв. Одно из условий победы – всеобщая консолидация разобщенных городов-полисов, хотя бы временное забвение региональных разногласий, политических предпочтений и индивидуальных культурно-цивилизационных традиций. Месседж подкрепляется часто звучащими лозунгами: «За свободу!», «За демократию!» и даже «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»... «Он (режиссер Н. Мурро) повторяет найденную старшим товарищем (имеется в виду режиссер предыдущей части франшизы З. Снайдер) колористику, явно злоупотребляет фонтанами крови и еще более – приемом *slow mo*, благодаря чему не сильно богатый событиями сюжет по длительности разрастается в масштабное кино, но при этом превращается преимущественно в утомительные батальные сцены» (5).

Тексты кинокритики можно рассматривать как реализованные стратегии медиапросвещения. Обращаясь к риторике фильма, кинокритика учит зритель идентифицировать цель отправителя, соотносить ее с результатом. Обращаясь к социокультурному контексту, анализируя механизмы воздействия на аудиторию, исследуя идиолект фильмов, рассчитанных в том числе на широкую аудиторию, кинокритика содействует развитию эстетического вкуса зрителя, формирует интеллектуальную независимость реципиента, способствует переоценке ценностей.

Список источников

1. «Мы можем посмотреть, что происходит со зрителями во время просмотра» [Электронный ресурс] : интервью с руководителем нейромаркетинговой компании NeuroTrend // Cinemotion. – 2015. – 20 авг. – Режим доступа: http://www.cinemotionlab.com/novosti/02517-my_mozhem_posmotret_chno_proishodit_so_zritelyami_vo_vremya_prosmotra_intervyu_s_rukovoditel_em_neyromarketingovoy_kompanii_neurotrend.
2. Ученые доказали, что в детских мультфильмах больше сцен насилия, чем в фильмах для взрослой аудитории [Электронный ресурс] // Cinemotion. – 2014. – 22 дек. – Режим доступа: http://www.cinemotionlab.com/novosti/01329-uchenye_dokazali_chno_v_detskih_multfilmah_bolshe_scen_nasiliya_chem_v_filmah_dlya_vzrosloy_auditorii.
3. В 2009 году число горожан впервые сравнялось с числом сельских жителей, составив 3,4 миллиарда человек [Электронный ресурс] / рубрику ведет Е. Щербакова // Демоскоп Weekly / гл. ред. А. Вишневский. – 2010. – № 429-430. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0429/barom02.php>.
4. Роткопф, Дж. Красавица и чудовище [Электронный ресурс] // Time Out Москва. - 2014. – Режим доступа: <http://www.timeout.ru/msk/artwork/318907#review>
5. Цыркун, Н. Бог, царь и воинский начальник [Электронный ресурс] // Искусство кино / Блоги, 11.03.2014. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/blogs/bog-tsar-i-voinskij-nachalnik>

Список литературы

1. Иванов, Д. В. Виртуализация общества [Текст] / Д. В. Иванов. – Санкт-Петербург : Петербург. Востоковедение, 2000. – 96 с.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей [Текст] : письма, 1982-1985 / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр., примеч. и общ. ред. А. В. Гараджи ; [Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т «Рус. антропол. шк.»]. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. – 145 с.

3. Кожемякин, Е. А., Манохин, Д.К. Семиотические аспекты массовой культуры [Текст] / Е. А. Кожемякин, Д. К. Манохин // Культура и текст. – 2013. – № 1 (14). – С. 115-131.
4. Эко, У. Отсутствующая структура [Текст] : введение в семиологию / У. Эко ; пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 538 с.
5. Манохин, Д. К. Киносемиозис в массовой культуре [Электронный ресурс] / Д. К. Манохин // Современный дискурс-анализ : электрон. журн. – 2013. – № 7. – С. 12-15. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada7.pdf>.
6. Комм, Д. Е. Формулы страха [Текст] : введение в историю и теорию фильма ужасов / Д. Е. Комм. – Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2012. – 222 с. – (Лаборатория творчества). С. 8.
7. Эко, У. История красоты / под ред. У. Эко; перевод с итал. А.А. Сабашниковой. – М.: Слово/Slovo, 2010. – 440 с.
8. Эко, У. История уродства / под ред. У. Эко; перевод с итал. А.А. Сабашниковой, И. В. Макарова, Е. Л. Кассировой, М. М. Сокольской. – М.: Слово/Slovo, 2007. – 456 с.
9. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка [Текст] : Федер. закон от 05.05.2014 № 101-ФЗ // Российская газета. – 2014. – 7 мая.
10. Филиппов, С. А. Киноязык и история [Текст] : краткая история кинематографа и киноискусства / С. А. Филиппов. – Москва : Клуб Alma Anima, 2006. – 207 с.
11. Сонтаг, С. О фотографии [Текст] / С. Сонтаг ; пер. с англ. В. Г. Голышева. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 272 с.
12. Необарокко [Текст] // Философский словарь / авт.-сост. С. Я. Подопривога, А. С. Подопривога. – 2-е изд., стер. – Ростов на-Дону : Феникс, 2013. – С. 259-260.
13. Усманова, А. Насилие как культурная метафора [Текст] : вместо введения // Визуальное (как) насилие : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Р. Усманова. – Вильнюс, 2007. – С. 5-35.
14. Аристотель. Риторика [Текст] ; Поэтика / пер. с древнегреч. О. П. Цыбенко. – Москва : Лабиринт, 2000. – 224 с. – (Классическая библиотека. Греческая классика).
15. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального [Текст] / С. Жижек ; пер. с англ. А. Смирного. – Москва : Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2002. – 160 с. – (Малая сер.).
16. Тарасов, К. А. Насилие в фильмах: катарсис или мимесис? [Текст] / К. А. Тарасов // Российская наука: «Природой здесь нам суждено...» : сб. науч.-популяр. ст. / ред.: В. П. Скулачев. – Москва, 2003. – С. 312-320.
17. Карасев, Л. В. Философия смеха [Текст] / Л. В. Карасев. – Москва : Рос. гуманитар. ун-т, 1996. – 224 с.
18. Макки, Р. История на миллион долларов [Текст] : мастер-класс для сценаристов, писателей и не только / Р. Макки ; пер. с англ. – 5-е изд. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2013. – 456 с.
19. Любимова, Т. Б. Комическое [Текст] / Т. Б. Любимова // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд ; научно-ред. совет: предс. В. С. Степин. – Москва, 2010.
20. Боров, Ю. Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия [Текст] / Ю. Б. Боров. – Москва : Искусство, 1970. – 269 с.
21. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – Москва : Худож. лит., 1990. – 543 с.
22. Батай, Ж. Литература и Зло [Текст] / Ж. Батай ; пер. с фр. и коммент. Н. В. Бунтман, Е. Г. Домогацкой ; предисл. Н. В. Бунтман. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – 166 с.
23. Хайдеггер, М. Что такое метафизика? [Текст] / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – С. 16-27.

УДК 070

ЯЗЫКОВАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЫ LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE MEDIA POLITICAL PERFORMANCE

М.Н. Черкасова
M.N. Cherkasova

*Ростовский государственный экономический университет,
Россия, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69*
Rostov State Economical University, 69, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344007, Russia

E-mail: cherkasovamn-rostov@rambler.ru

Аннотация. Языковая презентация медиаполитической игры демонстрирует наличие слов и выражений с «идеологическим шлейфом», слов-антонимов для обозначения одного и того же денотата, вербализацию игры-сцены с репрезентацией всей атрибутики драматического искусства (костюмированность, маскарадность, бутафория, распределение ролей и создание образов, заучивание текста, использование заданной символики и т.д.). При этом необходимо различать и понимать «реальную реальность» (действительную реальность, факты) и игровую, смоделированную реальность, медийную реальность.

Language presentation of mass-media political performance demonstrates the words and phrases with so-called “ideological trail”, the words with opposite meanings for the same objects, verbalization of performing and stage effect with representation of all theater attributes (costume drama, stage properties, masquerade, stylization, different roles for actors, labels for special phrases and speeches). It`s necessary to distinguish real life and media activity.

Ключевые слова: медиаполитическая игра, идеологический шлейф, медиаполитический дискурс.

Key words: mass-media political performance, ideological trail, media-political discourse.

В современном информационном поле опосредованность политической коммуникации и масс-медиа становится все более актуальной. Эту интерактивность (двустороннее взаимодействие), функционирующую по определенным законам и в заданных рамках, нельзя не замечать и не изучать. Речь идет о медийном политическом пространстве, медиаполитическом дискурсе, политическом медиадискурсе¹²², медиатизированном дискурсе политики¹²³, медийной политике, политической медийности¹²⁴, где происходит столкновение интересов разных сторон, позиционируются взгляды оппонентов и актуализируется градус напряженности. При этом роль СМИ как медиатора коммуникации, по мнению Е.И. Шейгал¹²⁵, между политиками и народом огромна, так как невозможно отрицать такую функцию СМИ, как непосредственное участие в политическом процессе. И.В. Анненкова подчеркивает ментально-интеллектуальную концентрацию власти и политического дискурса в медиа и, как следствие этого, формирование дискурсивной власти¹²⁶. В этой связи уместно вспомнить и яркие определения Р. Барта для языка СМИ, а именно: «липкий», «язык расхожих мнений», «энкратический» (властный), «торжествующий»¹²⁷.

Анализируемое явление – языковые средства реализации в медиаполитическом поле – достаточно широко и активно обсуждается, и тезис «СМИ – неотъемлемый участник политического процесса» справедлив и актуален. Вербализация, средства языкового выражения новых социально-политических явлений, находит отражение в медийном поле, и это получает официальный «лингвополитический статус», (*сепаратисты, федералы, цветные революции*). Отметим, что речь идет об «идеологемах», при помощи которых, по меткому выражению М.М. Бахтина происходит социальное расслоение языка на “предметно-смысловые” и “экспрессивные кругозоры”, которые выражаются в «типовых различиях осмысления и акцентуирования элементов языка»¹²⁸. Таким образом слова приобретают новые смыслы, коннотации, политическое звучание. За этим стоит та или иная сила, движение, партия, власть:...*майдауны, например, совершенно не помнят предыдущую*

¹²² Добросклонская Т.Г. Язык политического медиадискурса Великобритании и США / Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Моск. ун-та; Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012, с. 741.

¹²³ Шейгал Е.И. Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте / Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Моск. ун-та; Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012, с. 121.

¹²⁴ Володина М.Н., Дедюкова М.В. О медийной политике или политической медийности в современной Германии / Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Моск. ун-та; Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012, с. 785.

¹²⁵ Шейгал Е.И. там же.

¹²⁶ Анненкова И.В. Язык СМИ и политика в риторическом аспекте / Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Моск. ун-та; Фак-т журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012, с. 163.

¹²⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс. 1994.

¹²⁸ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975, с. 102.

«**оранжевую революцию**», а то бы и новую не затевали! (газета «Наше Время», 9.10.2014); Точно такой же вопрос задавали мне эсбэушники на Украине. Ты, хирург, говорят, **сепаратист**. На мой вопрос, почему я **сепаратист**, они отвечают: потому что ты хочешь присоединения Севастополя к России. Я им – нет, я хочу не только присоединения Севастополя к России, а еще и Крыма. ... Я хочу вновь объединить, а вы расколоть. И получается – вы на службе у **сепаратистов**. (Комсомольская Правда. 07.01.15).

Освещение украинского кризиса дало жизнь новым частотным идеологемам: «**Вежливые люди**» открыли неизвестные подробности Крымской весны (http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201503221849-mlz8.htm 2203.15); Грозным оборонительным оружием в эти дни в Крыму стали морские буксиры. Они смело бросались на украинские корабли, диктуя им экстренные правила движения. Угроза быть выброшенным на берег действовала отрезвляюще на «**братанов**». Так в Севастополе моряки-черноморцы называли украинских коллег. (http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201503221849-mlz8.htm 2203.15)

Профессор А. Баранов в интервью «Комсомольской правде» (25.02.2015) проиллюстрировал это свойство языковой стратификации, когда за словом тянется «идеологический» шлейф в результате различных когнитивных контекстов: *Обратите внимание, как именуют стороны конфликта на Украине. Те, кто воюющих в Донбассе людей называет ополченцами, им симпатизирует. Кто-то их называет сепаратистами, это более нейтральная окраска. А противники употребляют слова «бандиты», «боевики», «террористы».* Таким образом, в мировых СМИ на одной оси координат располагаются «ополченцы», «сепаратисты», «боевики» и террористы» для номинации одних и тех же людей.

Одним из конституирующих признаков анализируемого институционального дискурса является игра, т.е. занятие, обусловленное совокупностью определенных правил и приемов. Исходя из дефиниции лексической единицы «игра», предложенный формат анализа явления позволяет использовать и такие лексико-семантические варианты, как «исполнение сценической роли» и «преднамеренный ряд действий, преследующий определенную цель; интриги, тайные замыслы»¹²⁹. Таким образом, с одной стороны, речь идет о драматургии (сценическая постановка, театр и т.д.), а с другой - о провокационном характере этих «драматургических опытов», что подтверждается печатным текстом. В современных медиа происходит рефлексия различных жанров зрелищного искусства со всей его атрибутикой (драматический театр, кукольный театр, различные шоу, киноискусство): *На Украине. За кулисами революции. Операция «Майдан»* (АиФ, 30.01.2015). *Несмотря на поддержку, которую украинская оппозиция получала от Европы, реальными «кукловодами» госпереворота на Украине были США, заявил президент России Владимир Путин* (<http://news.rambler.ru/29505382/>). *Министр иностранных дел Финляндии Эрkki Туомяки назвал внеплановую проверку боеготовности российской армии "политическим шоу и театром", сообщает финская телерадиокомпания Yle.*

В книге «Политическая лингвистика» подчеркивается, что метафора «политика – это театр» - традиционна, а восприятие мира через призму театральности восходит к У. Шекспиру. Намечая параллели «театр» и «современная политическая ситуация», А. Чудинов, говоря о политических выборах, утверждает, что «метафоры из сфер собственно театра, цирка, кино, иных зрелищ позволяют отобразить любые нюансы политической деятельности»¹³⁰. События на украинском политическом Олимпе как нельзя лучше демонстрируют это, когда образ героя киноэпопеи «Звездные войны» Джорджа Лукаса «примеряет» кандидат в президенты: *В их компанию неплохо вписался Дарт Алексеевич Вейдер, лидер «Интернет-партии» Украины. Да, тот самый, из «Звездных войн», в плаще, доспехах и гермошлеме* (КП. 3-10.04.2014); *В прошедшие выходные Дарт Алексеевич Вейдер в присутствии «императора», «дронов империи» и других персонажей легендарных Звездных войн был официально выдвинут кандидатом в президенты Украины* (<http://loveorium.ru/positiv/kandidat-v-prezidenty-ukrainy-dart-vejder.html>); *29 марта 2014 года Дарт Вейдер, наряженный под знаменитого персонажа из «Звёздных войн», подал полный пакет документов, в том числе об уплате избирательного залога в сумме 2,5 млн грн, для регистрации кандидатом в президенты страны* (<http://prikolnovosti.com/dart-vejder-kandidat-s-chelovecheskim-licom-zaxvatil-odessu-biografiya-programma-video/#more-3509>).

Наша позиция, связанная с обязательным наличием медиаполитической игры в современном информационном поле подтверждается и тогда, когда речь идет о военных действиях, политическом перевороте, политическом кризисе. Например, при описании событий на Украине частотны следующие языковые репрезентации: «спектакль юного зрителя», «события по сценарию», «режиссер этих событий», «технология штурма»: *Спектакль для «семерки»; При этом, как сообщают представители ДНР, провокации все чаще происходят по новому сценарию ...* (Российская Газета, №128).

¹²⁹ Словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: РЯ, 1985-1988. Т.1. А-Й. 1985, с. 628.

¹³⁰ Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, Наука. 2006, с. 164.

При этом отметим вербализацию костюмированности, бутафорности, маскарадности, стилизацию, эпатажность, массовость мероприятий, рассчитанных на зрителя, распределение ролей, специфику и маркированность заученных подготовленных и повторяемых фраз и выражений – явлений, характерных для сценического драматического произведения:

1) создание сценического образа в результате костюмированности, бутафории и маскарадности: «Украину режут возглавить Дарт Вейдер и Принцесса майдана»; «Шоколадный король»; «Ее теперь называют Принцессой майдана. Лидер «Батькивщины» быстро смекнула, что уличная демократия сулит в гонке дешевые бонусы, и пошла в народ. Точнее выкатилась. На инвалидной коляске». (КП. 3-10.04 2014). Нейтральное ранее слово «ватники» в медиаполитическом поле получило деривационную активность и «лингвополитический статус»: *Там людей с ватническими настроениями было больше, но это и не удивительно*. <http://svpressa.ru/society/article/116289/>.

2) Распределение ролей: *Титушки* (укр. – «тітушки») – это собирательный термин, которым на Украине в последнее время (чуть более полугода) обозначают молодых людей спортивного телосложения и в спортивных костюмах, выступающих в роли провокаторов либо «защищающих» гражданские акции. Само слово произошло от фамилии спортсмена Вадима Титушко, ставшего прообразом типичного «титушки»-провокатора (АиФ 03.12.2013). Причем, по его словам, их погружение в бои на улице Грушевского дошло «до совместных силовых действий части антифашистов с «правосеками» против «титушек» и «Беркута». (<http://svpressa.ru/society/article/116289/>).

3) Повторяемые фразы, лозунги, заученный текст, коррелирующий с заученной ролью («Слава Украине!» - «Героям слава!»), символика («бендеровский трезубец», «бендеровская кепка») во время массовых шествий, собраний, митингов, маршей: *Последний момент (относительно фанатов московского клуба) подтвердился фотографией, выложенной 24 января с.г. в интернете, где группа фанатов держит баннеры «Крым це Украина» и с символикой ФК «Арсенал» (Москва)* (<http://svpressa.ru/society/article/116289/>). Необходимо отметить, что четкого деления между выделенными группами нет. Это объясняется всем сложным механизмом игрового действия при котором происходит корреляция образов и смыслов, возможна импровизация и, как правило, переплетение театральных элементов. Например, иллюстрации о *титушках* демонстрируют критерий «костюмированность» (спортивный костюм, спортивная одежда, капюшон), «распределение ролей» (запугивание, разгон и избивание демонстрантов, нападение на представителей СМИ; организация провокаций и драк с участниками акций протеста). Мы отнесли эту лексему ко 2 группе, так как критерий «распределение ролей» доминирует.

Заявленная метафора «театр» предполагает игру, т.е. условное моделирование какой-либо деятельности, выполнение определенных действий при определенных условиях. В такой смоделированной медиаполитической ситуации интерпретация *media event*¹³¹ является ключевой в медиадискурсе, так как она представлена в различных образах, картинах, дискурсах. Но именно под воздействием СМИ могут происходить «медиаморфозы, внушающие зрителям ложные представления о жизненных явлениях и процессах»¹³². Например, «сторонники присоединения Крыма будут усматривать в выражении «вежливые люди» положительную окраску, а противники – негативную» (КП. 25.02.2015). Аналогична ситуация и с «русской агрессией Крыма», как это было уже с «агрессией России» в Грузии. Различные СМИ по-разному трактуют одно и то же событие, в результате чего и появляются «медиаморфозы»: *Россия ранее заявляла о беспрецедентном росте активности НАТО у своих границ. США, напротив, заявляют, что российские вооруженные силы действуют «необычно» и увеличивают свое присутствие в мире с помощью полетов стратегических бомбардировщиков. США также повышают военное присутствие в Восточной Европе, чтобы «дать гарантии союзникам» против России.* <http://news.rambler.ru/29639803/>; *Украинский парламент принял заявление «о российской агрессии на Украине»* (<http://news.rambler.ru/28880739/> 27.01.15); *Согласно опросу, организованному газетой Frankfurter Allgemeine Zeitung, больше половины немцев считают, что Россия ответственна за конфликт на Украине (Deutsche Welle); Международная деловая газета Financial Times анализирует высказывания президента Российской Федерации Владимира Путина о событиях в Украине, который заявил, что происходящее в Киеве – это «не революция, а погромы».* <http://nbnews.com.ua/ru/tema/106957/> (19.03.15).

Языковая презентация медиаполитической игры демонстрирует наличие слов и выражений с «идеологическим шлейфом», слов-антонимов для обозначения одного и того же денотата, вербализацию игры-сцены с репрезентацией всей атрибутики драматического искусства (костюмированность, маскарадность, бутафория, распределение ролей и создание образов, заучивание текста, использование заданной символики и т.д.). При этом необходимо различать и понимать «реальную реальность» (действительность, факты) и игровую, смоделированную реальность, медийную реальность.

¹³¹ Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2004, с. 202.

¹³² Землянова, там же.

УДК 070

**ОСВЕЩЕНИЕ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ
ДЕЛОВЫМ ПЕЧАТНЫМ ИЗДАНИЕМ «ЭКСПЕРТ»****ANTI-RUSSIAN SANCTIONS COVERAGE IN BUSINESS MAGAZINE «EXPERT»****А.А. Черкашина, Д.А. Багирова
A.A. Cherkashina, D.A. Bagirova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: cherkashina@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается освещение антироссийских санкций деловым изданием «Эксперт». В публикации дается характеристика понятия делового издания, выявляется основной тематический и жанровый спектр материалов анализируемого издания, который непосредственно коррелирует с предметом исследования. В ходе анализа медиатекстов выявлена и описана тематическая активность издания в первый год после введения санкционных мер. Таким образом, в связи с этим нам видится актуальным рассмотрение особенностей подачи информации и распределении основных тематических акцентов.

Abstract. In this article we have tried to examine the business magazine «Expert» coverage of anti-Russian sanctions. Here we characterize the notion «business edition» and reveal a thematic and genre spectrum of the articles which are directly relevant to the subject of our research. During the analysis we have revealed and studied the thematic activity of the edition within the first year of sanctions. Thus, we consider the gradual research of this issue rather topical i.e. the peculiarities of information presentation and distribution of key thematic points.

Ключевые слова: антироссийские санкции, печатные СМИ, деловой журнал, статья, тематическая активность издания.

Keywords: anti-Russian sanctions, print media, business magazine, article, thematic activity.

Деловая журналистика – это один из самых быстроразвивающихся сегментов СМИ современной России. Это связано с тем, что деловые газеты и журналы, обеспечивающие множественные потребности предпринимателей, как и вся система средств массовой информации, стремится к демассификации, что приводит к разрастанию рынка деловой периодики. Здесь публикуются обзоры, прогнозы, характеристики рынков, международная и внутренняя политическая, экономическая и культурная информация, которая должна быть оперативной и актуальной. Деловое издание – это специализированный вид СМИ, который призван обеспечивать потребности предпринимателей. Эта его функция закреплена во многих трактовках современных исследователей процесса бизнес-коммуникаций. Так, Д. А. Мурзин в своем определении деловой прессы указывает, что это специфический род прессы, социальная функция которой состоит в обеспечении бизнес-коммуникаций. Кроме того, он указывает, что ее влияние не ограничивается только бизнес-сообществом, а в самом общем виде деловая пресса оперирует любой информацией, способной оказать влияние на поведение агентов рынка или процессы, отражающие это поведение [Мурзин, 2003, с. 4]. А. Вырковский определяет деловую прессу как тип качественной прессы, предоставляющей информацию, критически необходимую читателю для принятия наиболее эффективных решений в финансовой, корпоративной (управленческой) либо профессиональной деятельности [Вырковский, 2007, с. 61].

Для расширения и подтверждения отечественного понятия «деловой прессы» мы обратились к западным исследователям. Определение, данное в «Энциклопедии американской журналистики», гласит, что «бизнес-журналистика (здесь и далее перевод наш – А.Ч., Д. Б.) охватывает несколько категорий новостей: новости экономики, включая финансовые рынки, новости о государственном управлении и политике, новости, касающиеся потребительских вопросов и направлений, дает советы по управлению собственными частными финансами» [Vaughn, 2008, p. 70]. Определение, данное Н. Кариити в «Энциклопедии международных СМИ и Коммуникаций», указывает, что бизнес-журналистика занимается освещением информации, касающейся национальных и мировых экономических процессов, а также важных вопросов бизнеса, кроме того затрагиваются локальные экономические проблемы находящиеся в центре внимания [Kariithi, 2003,

р.153]. Деловые издания, в общем смысле, являются необходимым элементом рыночной экономики. Функциональная сущность их заключается в том, что «бизнес-журнал, прежде всего – нужный журнал. Иначе его читатель не стал бы тратить на него время и деньги. Тут есть сведения, необходимые для принятия оперативных решений, анализ, важный для стратегии, корректировки вкладов, есть и прогнозы развития финансовой сферы и различных отраслей, наконец, есть реклама. Такие издания помогают начать дело и успешно его вести» [Бочаров, Шостак, Калашникова, 1996, с. 30]. На наш взгляд, это определение является наиболее полным и объективным. К деловой прессе, таким образом, можно отнести издание, которое способствует работе микро- и макроэкономики, помогает в принятии управленческих волевых решений, освещает полно и объективно весь спектр проблем, стоящих перед бизнес-сообществом. Кроме того, одной из главных задач делового издания является популяризация бизнеса и формирование его положительного образа в глазах читателей. С помощью него предпринимательство может общаться с государством, с потенциальными инвесторами и непосредственными потребителями. Наиболее популярным сегментом среди деловой периодики сегодня стали издания, ориентированные не на специалистов, а на массового потребителя. По мнению Я. Засурского, универсальность языка – это показатель мастерства и успеха деловой прессы. Именно поэтому самой динамично развивающийся сегодня вид деловой прессы – информационно-аналитические еженедельные журналы. По мнению М. В. Шкондина, среди всероссийских журналов ими являются «Коммерсант-Weekly», «Деньги», «Эксперт», «Итоги», «Профиль», «Коммерсант-Власть» и «Компания» [Шкондин, Реснянская, 2009, с. 121].

Современная политическая ситуация, а именно введение антироссийских экономических санкций – все это подразумевает определенные изменения в российской экономике – прежде всего структуры и объема рынков. Сегодня мы можем говорить о том, что за прошедший 2014 год тема санкций являлась самой актуальной во всем глобальном медиапространстве. Тема влияния санкций с различным эмоциональным окрасом, с различной частотой и объективностью освещалась и в различных деловых журналах. В данной статье в качестве объекта исследования был выбран универсальный деловой журнал «Эксперт» – одно из самых влиятельных и цитируемых еженедельных деловых аналитических изданий России. В 2014 году журнал «Эксперт» выпустил 51 номер, а в январе 2015 вышло 2 номера. Общее количество материалов, в которых фигурирует тема санкций, составляет 109 материалов. Важно отметить, что эта тема упоминается лишь в тесной связи с основными темами экономики, внутренней и внешней политики, законодательной системы, исторической панорамы. Главными авторами международной тематики являются Г. Мирзаян, П. Быков, О. Власова. Многие материалы отмечены как редакционные. Главным жанром журналистских материалов стала проблемно-аналитическая статья. Непосредственно о санкциях в материалах журнала авторы начали упоминать к концу марта 2014 года, то есть именно в то время, когда они были введены. Так, в материале «Без возврата», описывая нарастающий кризис на Украине, Г. Мирзаян пишет: *«Резкая радикализация протеста и начало гражданской войны на Украине не входят в список интересов Брюсселя и Вашингтона, поэтому они вопреки обыкновению не занимаются разжиганием и международной легитимацией протеста... Однако, отказа от эскалации недостаточно – в Москве хотят, чтобы Брюссель и Вашингтон поучаствовали в миротворческой операции и помогли России стабилизировать ситуацию на Украине»* (Эксперт. 2014. 3 февраля). В следующем номере А. Привалов в колонке под заголовком «Об опасном соблазне» описывает позицию России в отношении Украины, где рассказывает, что Запад, непосредственно участвуя в конфликте, обвиняет Россию в происходящих событиях и обсуждает возможные решения В. Путина по этому вопросу. В связи с этим автор поясняет: *«Другое дело, что у России, сколько можно судить, нет в распоряжении ни одной новой идеи, как ей действовать в украинском кризисе»* (Эксперт. 2014. 10 февраля). Здесь же выходит редакционная статья, под заголовком «Больше чем тренировка», посвященная окончанию Олимпийских игр в Сочи, где подробно описываются политические заслуги В. Путина, в которой подчеркивается: *«Можно по-разному относиться к Владимиру Путину. Можно по-разному относиться к сочинской Олимпиаде как к проекту. Но одно совершенно бесспорно: эти Игры – его большое личное достижение... Путин как государственный последовательно пытается восстановить дееспособность российского государства по основным направлениям»*.

Авторы и редакция неоднократно упоминают о том, что Россия не только не участвует в военном конфликте на Украине, но и является агитатором миротворческой деятельности. Кроме того, ставится упор на имидж президента, раскрываются его положительные качества как грамотного управленца. До актуализации темы антироссийских санкций, активно обсуждалась и тема российско-американских отношений в ретроспективе и ее перспективы. Колумнист М. Соколов, в этом же номере пишет материал «Служил ты недолго, но честно», где рассказывая об отставке посла США в России М. Макфола, так описывает российско-американские отношения: *«Большую часть из тех восьми лет, что существуют дипломатические отношения между Москвой и*

Вашингтоном, эти отношения находились в диапазоне между неважными и откровенно скверными...» (Эксперт. 2014. 10 февраля).

Не упускаются из виду и западные публикации на эту тему. В редакционной статье «Нехай клеветают» дается отсылка к публикации журнала «The Nation», где журналист Стивен Коэн в своем материале пишет об «истерике западных СМИ»: *«Даже в маститых изданиях New York Times и Washington Post авторы информационных сообщений, редакционных статей и комментариев больше не придерживаются стандартов журналистики, зачастую не сообщают важные факты, не описывают контекст, не проводят четкую разницу между репортажами и аналитическими статьями, не приводят как минимум две разные политические и экспертные точки зрения на крупные события и не публикуют противоположные мнения в колонках комментаторов. В результате американские СМИ пишут сегодня о России менее объективно, менее взвешенно, с большим конформизмом»* (Эксперт. 2014. 17 февраля).

«Эксперт» считает, что противостояние Запада и России в украинском конфликте проявляется не только в информационной войне. Обвинения в сторону России не односторонние и имеют ответную реакцию российских СМИ. В этом же номере публикуется материал двух авторов П. Быкова и О. Власовой под заголовком «Нафталиновое противостояние». В этой статье аналитики выясняют причины ухудшения отношений в направлении Россия-Запад и рассматривают их связь с украинскими событиями. В следующем номере А. Привалов публикует колонку «О пропаганде». Рассказывая о ненависти украинской оппозиции по отношению к России и нападках на российские СМИ, журналист высказывает свою точку зрения, которая состоит в том, что новые киевские власти требуют запретить трансляцию русских телеканалов *«не из-за того, что те говорят о Майдане, да и вообще об Украине, недостаточно восторженно... а из-за того, что говорят о ней мало»* (Эксперт. 2014. 3 марта).

Отметим, что в материалах делается акцент на российско-американских отношениях. Эти публикации характеризуются нейтральной тональностью с нечастым использованием иронии. Внимание в них уделяется не только отношению США к России, но и обратной реакции, не зарубежным странам и их внутриполитическим вопросам, а России – внешнеполитическим связям, отношениям и функционированием отечественных социальных институтов в связи с этими государствами и их политикой. После первой угрозы Запада о вводе антироссийских санкций появляется первый материал на эту тематику. Авторами материала под заголовком «Пугают, а ты не бойся» являются О. Власова и Г. Мирзаян. Здесь обозреватели анализируют «стоимость» присоединения Крымского полуострова к России, а также возможный ущерб от ввода западных экономических санкций. По их мнению, присоединение Крыма принесет России большие дивиденды, а оценки по поводу введения антироссийских санкций сильно преувеличены: *«Между тем России эти санкции не страшны. Введение аналоги «списка Магнитского» не нанесет России особого ущерба, скорее, наоборот, санкции в отношении нашей элиты сослужат России пользу»* (Эксперт. 2014. 17 марта). Этой позицию подтверждается и текстами следующего номера. Редакция в своей статье «Повторим» пишет, что *«урон от этих санкций, впрочем, микроскопический, а если посмотреть на перспективу, то и вовсе может выйти от них для России одна сплошная выгода»* (Эксперт. 2014. 24 марта). В этом же номере журналист А. Хазбиев в своем материале «На вылет», посвященном перспективам развития авиастроительной отрасли России, говорит, что *«решение украинских властей свернуть сотрудничество с Москвой в авиастроении очень выгодно нашей стране, так как избавит российские предприятия от ненужных трат на бесполезные проекты»*.

Однако такая односторонняя позиция издания характерна только в первых материалах. Далее авторы анализируют последствия ввода антироссийских блокирующих санкций, а также более глубоко изучают проблемы поведения рынков. Например, А. Привалов в колонке «О неизбежных шагах», ссылая на слова первого вице-премьера И. Шувалова, пишет *«...опасны не столько гласные санкции, сколько негласные санкции со стороны наших зарубежных партнеров»* (Эксперт. 2014. 31 марта), имея в виду негласные указания западного правительства инвестфондам и рейтинговым агентствам, которые способны в короткое время снизить прибыльность российских компаний и их авторитет на международном рынке. Тем не менее, помимо рассмотрения реальных экономических рисков, редакция не отходит от позиции позитивного влияния антироссийских санкций на внутриполитическую и внутриэкономическую российскую систему. Например, в аналитическом интервью П. Быкова «Подходят друг другу» генеральный директор Russia Consulting У. Шнайдер объясняет, что *«на бизнес компаний из Германии и из большинства других стран Евросоюза санкции никак не отразились... Ни одного человека не видел, который разумно смог бы объяснить, зачем нужны такие санкции»* (Эксперт. 2014. 28 апреля). Публикации в других номерах также рассказывают о положительных тенденциях во внутренней экономической ситуации. Например, в публикации Д. Яковенко «Не от хорошей жизни» говорится о том, что санкции являются двигателем прогресса для банковской системы России. В качестве примера автор приводит

слова директора управления торгового финансирования и корреспондентских отношений Sberbank CIV А. Иванова: *«В первом квартале 2014 года объем выпущенных Сбербанком импортных аккредитивов с финансированием и подтверждением более чем на 50% превысил аналогичный показатель прошлого года. В качестве основных причин подобного роста мы видим нестабильность текущей ситуации...»* (Эксперт. 2014. 2 июня). В публикации Г. Емельянова «Морской огород» рассматривается развитие Сахалинского рынка морепродуктов. Где указывается, что *«санкции подталкивают нас к тому, чтобы внимательнее присмотреться к собственным ресурсам и возможностям»* (Эксперт. 2014. 15 сентября). Помимо этого приводятся и примеры негативного влияния санкций на отдельные отрасли российской экономики. Часто корреспонденции такого тематического наполнения помещаются в блок «Повестка дня» и публикуются без авторства. Например, корреспонденция в номере 23 рассказывает об обострении отношений России и Запада, которое отрицательно влияет на российских производителей программного обеспечения. Или заметка в этом же блоке в номере 28 от 7 июля 2014 года, которая рассказывает о падении объема вложений на рынке недвижимости и рассказывает, что *«аналитики связывают это падение с замедлением роста российской экономики, волатильностью валюты, напряженностью на Украине и международными санкциями»* (Эксперт. 2014. 2 июня).

Помимо информационной и аналитической, издание выполняет и управленческую, контрольную функцию. «Эксперт» настаивает на необходимости политической и законодательной активности власти. Будучи при этом популярным и весомым источником информации, на который опираются и политические и экономические игроки рынков, редакция высказывает мнения и дает советы (Н. Карпова «От революции сланцевой к революции на Украине»): *«Россия, несмотря на вызовы и растущее давление, не должна, на наш взгляд, терять свои позиции, основанные на объективных сравнительных преимуществах. Стране следует крайне аккуратно отнестись к процессам построения европейских партнеров, многие из которых, возможно, оказались под прессингом своих обязательств»* (Эксперт. 2014. 31 марта). В корреспонденции блока «Повестка дня» в номере 27 указывается: *«Если Россия продолжит проводить тонкую, но при этом жесткую линию в украинском вопросе, а также «играть на разделение» ЕС, обращаясь напрямую к заинтересованным в сотрудничестве и газе странам, то вероятность ввода санкций будет сведена к минимуму, а шансы на успешный для России исход украинского противостояния повысятся»* (Эксперт. 2014. 30 июня). Следующий пример – статья Г. Мирзаяна под заголовком «Без романтики», в которой автор пишет: *«Если Россия будет придерживаться простых правил экономического прагматизма, политическая игра против Америки, стратегически хоть и бесполезная, в тактическом плане может принести определенные плоды»* (Эксперт. 2014. 21 июля).

При этом уже с начала июня редакция перешла с позиции отрицания влияния санкций, на рассмотрение причиненных ущербов. В частности, снижение стоимости рубля, оттока капитала и инвестиций, повышение цен на продовольственные товары. Отдельные материалы посвящаются выступлениям президента В. Путина по вопросам экономического кризиса и санкций. Например, прямой линии Президента 17 апреля 2014 года был посвящен материал П. Скоробогатого «Миру – мир, России – Крым, любимый фильм – «Чапаев» в 17 номере от 21 апреля 2014 года, где в форме обозрения журналист рассказал об основных мнениях президента на экономические и политические вопросы. Кроме этого, «Темой номера» и главным информационным поводом редакционной статьи «Сила слова» в номере 45 от 3 ноября 2014 года стало выступление российского президента на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», на котором обсуждалась возросшая популярность российского лидера. Еще одним информационным поводом стало послание президента Федеральному собранию 4 декабря 2014 года. Материал, написанный П. Скоробогатым, под заголовком «Мобилизация свободных» обозревает темы, затронутые президентом в его выступлении. В вопросе санкций автор приводит цитату лидера: *«Если бы не было украинского конфликта, придумали бы какой-нибудь другой повод для того, чтобы сдержать растущие возможности России, повлиять на нее, а еще лучше – использовать в своих интересах»* (Эксперт. 2014. 8 декабря) – эти слова являются самым популярным высказыванием российского президента не раз цитируемом и в западных СМИ, в том числе и в американском деловом журнале «Business Week». Помимо авторитетного мнения президента, для всестороннего описания сложившейся ситуации в своих публикациях «Эксперт» обращается и к функционированию социальных институтов в условиях санкций, например, образование. В статье В. Сараева «Неленинский университет миллионов» автор рассказывает о дистанционных программах обучения студентов, в том числе по программе Стенфордского университета Coursera, которую используют и многие российские университеты. Рассуждая о возможных последствиях, журналист пишет: *«Однако эта платформа уже заблокировала доступ к этому сервису пользователям из Сирии, Судана, Ирана и Кубы в рамках санкций США. В случае введения подобных санкций в отношении России наши студенты могут потерять доступ к нашим же курсам»* (Эксперт. 2014. 7 июля).

Следующий социальный институт – туризм. В номере 29 публикуется материал Н. Литвиновой «В патриотическом настроении», в котором автор рассказывает, что «боязнь санкций» привела к спаду спроса на туры в Европу и рост на внутренние пляжные направления. Так, «Эксперт» рассказывает обо всех сферах жизни общества, объясняя, что существуют как позитивные, так и негативные перспективы, а некоторые уже случившиеся обстоятельства изменили пути функционирования некоторых отраслей российской экономики. Говоря, о показателях этих изменений, главным из которых является государственная валюта, можно отметить, что их анализ по традиции журнала «Эксперт» помещается в рубрике «Индикаторы». По мере введения санкций, эта тема стала обсуждаться и в этом блоке. Например, в номере 30 редакция пишет: *«Ситуация на валютном рынке кардинально изменилась в минувший четверг. Накануне, в ночь со среды на четверг, по московскому времени стало известно, что американцы объявили о запуске очередного пакета санкций в отношении России»* (Эксперт. 2014. 21 июля).

В этой же рубрике в номере 34 редакция пишет, что *«рубль не смог надолго задержаться в районе локальный максимумов, достигнутых в последнюю декаду июня. Уже в июле-августе запуск очередного пакета санкций в отношении России, а также ожидания нарастающей конфронтации с США, ЕС и их союзниками резко усилили давление на отечественную валюту»*. В №39 от 22 сентября 2014 года здесь указывается, что *«основная причина слабости рубля – негативное воздействие международных санкций на российскую экономику»* (Эксперт. 2014. 18 августа). После ввода ответных продовольственных санкций России в отношении Запада эта тема стала фигурировать и в материалах издания. Характер публикаций был нейтральный, представлялись разные позиции по этому поводу. Первым материалом на тему ответных санкций стала статья Д. Инкижиновой, Л. Каляниной, Н. Литвиновой «Укол адреналина», который раскрывает сущность введенных санкций и их последствия. Здесь авторы, ссылаясь на мнения влиятельных российских предпринимателей и экспертов бизнеса, рассказывают: *«Несмотря на очевидные трудности, с которыми столкнется российский бизнес после введения продовольственных санкций, предприниматели считают принятое решение правильным и рассчитывают на то, что инструмент политического давления трансформируется в долгосрочную стратегию защиты и развития российского агропрома»* (Эксперт. 2014. 18 августа).

С номера 36 от 1 сентября 2014 года в издании вводится рубрика «Жизнь в условиях санкций». Здесь помещаются материалы о функционировании отдельных рынков и компаний в условиях антироссийских санкций. По мнению редакции, жизнь в условиях санкций актуальный вопрос не только для России, но и для Европы. По этой причине, с момента ввода ответных санкций политической и экономической ситуации в Европе уделяется большое внимание. В частности вводится специальная рубрика «Европа». В номере 37 под ней выходит материал «Работа над ошибками займет время», в котором Г. Мирзаян повествует о том, что Европа жалеет о предпринятых ранее шагах и желает изменить свою позицию. Автор дает свою оценку происходящей ситуации: *«ЕС оказался в крайне неприятной ситуации. С одной стороны, Брюссель находится под колоссальнейшим давлением со стороны США, требующих введения санкций, с другой – давит здравый смысл и европейский электорат, все понимают, что новые санкции и ответная реакция от них со стороны Москвы повлекут за собой серьезные потери для европейского бюджета»* (Эксперт. 2014. 8 сентября).

В этом же номере редакция возвращается к своей главной роли – консолидации российского народа – и публикует редакционную статью «Без флангов и без тыла», где рассказывает о решительной позиции России в международном сообществе: *«Россия в противоположность Западу, прежде всего США, ведет себя как адекватный ответственный международный игрок, и это лишь усиливает международную (в широком смысле) поддержку нашей страны»*. В следующем номере вводится новая рубрика «Последствия санкций», под которой публикуется материал «Технологии на линии фронта». Авторы материала А. Механик и А. Хазбиев пишут: *«На самом деле объявленные санкции – верхушка айсберга. В отношении российского ВПК и компаний, работающих с технологиями двойного назначения, ведется настоящая война. В некоторых отраслях нам будет сложно ее выиграть»* (Эксперт. 2014. 15 сентября).

Еще одна новая рубрика «Новая экономическая политика» вводится в следующем 39 номере. Под этой рубрикой И. Шемякин пишет статью «Рыночный ответ Чемберленду» и утверждает, что *«лучший способ реакции на западные санкции – не просто поддержать отечественных производителей, но обеспечить сохранение и усиление конкуренции между ними»* (Эксперт. 2014. 22 сентября). Публикации, глубоко анализирующие темы санкций можно отметить как редкие. К концу осени активное обсуждение их влияния практически прекращается. Один материал появляется в №1-3 под заголовком «Эмбарго с отсрочкой исполнения» С. Тихонова, в котором говорится, что даже несмотря на ответные продовольственные санкции, импортные товары с прилавков российских магазинов полностью не исчезли. Итоги 2014 года были подведены в №4,

где основной упор делался на решение Украинского конфликта, а также информационного обзора событий, произошедших в каждом месяце 2014 года. Помимо этого подводились итоги экономики, с которыми Россия начинает 2015 год. Однако, журналисты указывают, что к концу года обстановка на внешне и внутривалютном и экономическом рынке заметно улучшилась. В частности об этом говорится и в материале Ж. Сапира «Россия: уроки кризиса», где обозреватель пишет, что «к концу года мы стали свидетелями некоторого снижения напряжения на российском внутреннем рынке» (Эксперт. 2014. 19 января).

По результатам анализа тематической активности издания в освещении темы санкций мы выявили, что наиболее часто тема санкций затрагивалась в номерах за август и сентябрь 2014 год, то есть в период введения ответных санкций России в отношении Запада. А первые материалы, в которых авторы говорят о санкциях в отношении России появляются только в мартовских номерах, где говорится об угрозах их введения. Тематическую активность издания можно разделить на пять периодов: зима 2014 года, весна 2014 года, лето 2014 года, осень 2014 года и зима 2015 года. Говоря о зиме 2014 года, отметим, что в этот период для изданий были характерны следующие главные темы номера: украинский кризис, российско-американские отношения, нарастающая стагнация в экономике. Весной 2014 года активно обсуждалось влияние первой волны санкций, отрицалось их ключевое значение для экономики России. Основные силы издания были направлены на консолидацию аудитории и повышение имиджа российского президента. Главной темой лета 2014 года был рост последствий антироссийских санкций, стремительное снижение стоимости рубля по отношению к доллару. Осенью 2014 года на центральные позиции вышло обсуждение российского запрета на ввоз продовольственных товаров из стран Европы, а также продолжающееся противостояние США и России. Начало зимы 2014-2015 года знаменовалось ростом внимания к личности президента РФ, на главные позиции вышли его доклады, цитаты, поведенческие характеристики. К началу 2015 года издание подводило итоги и определило, с какими идентификационными показателями входит экономика в новый год, и какие последствия оказались значимыми для внутреннего рынка России. Подводя итоги проведенного анализа можно отметить характерные черты публикаций. Статьи отличаются фактологичностью, высоким уровнем аналитики, насыщены терминологией и очевидно глубокое изучение предмета. Санкции не выделяются в центральную тему, а описываются только по отношению к существующим процессам рынков. Материалы реалистично и живо описывают ситуации, факты, мнения, стараются всесторонне рассказать о ситуации не только внешней политики, но главным образом последствиям и возможностям, которые открывает ввод санкций и антисанкционные меры.

Список литературы

- Бочаров А.Г. Шостак Л.И., Калашникова Л.И. 1996. Журнальная периодика России. М., Инфра-М, 59.
Bocharov A.G. Shostak L.I., Kalashnikova L.I. 1996. Zhurnal'naja periodika Rossii. Moscow, Infra-M, 59. (in Russian)
- Вырковский А.В. 2007. Сравнительный анализ моделей деловых журналов США и России. М., 202.
Vyrkovskij A.V. 2007. Sravnitel'nyj analiz modelej delovyh zhurnalov SShA i Rossii. Moscow, 202. (in Russian)
- Мурзин Д.А. 2003. Очерк типологии деловой прессы. Вестник московского университета. №2: 1-9.
Murzin D.A. 2003. Oчерk tipologii delovoj pressy. Vestnik moskovskogo universiteta. №2: 1-9. (in Russian)
- Шкондин, М.В., Реснянская Л.Л. 2009. Типология периодической печати М., Аспект Пресс, 236.
Shkondin, M.V., Resnjanskaja L.L. 2009. Tipologija periodicheskoj pečati Moscow, Aspekt Press, 236.
- Kariithi N. 2003. Business and Economics Journalism: Encyclopaedia of International Media and Communications. San-Francisco, Academic Press, 317.
- Vaughn S.L. 2008. Enciclopedia of American journalism New York, London, Routledge, 663.

УДК 070

**ДВА ПИСЬМА: К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ А.А. ФЕТА
НАЧАЛА 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА****TWO LETTERS: TO THE QUESTION OF FET'S SOCIAL VIEWS IN 1880S****М.А. Шинков**
M.A. Shinkov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia*

e-mail: mihail.schinkov@yandex.ru

В статье раскрывается позиция А.А. Фета на основе эпистолярной публицистики. В открытых письмах критикуются либеральные и революционные тенденции в общественном мнении русского общества. The article reveals the position of A. A. Fet on the basis of epistolary journalism. Liberal and revolutionary trends in public opinion of Russian society are criticized in open letters of A.A. Fet.

Ключевые слова: революционные демократы, либералы, реформы, суд присяжных, община.
Keywords: revolutionary democrats, liberals, reforms, jury court, community.

Начало 80-х годов в России явилось истинно трагическим временем, которое высветило всю глубину общественных противоречий, возникших в 60-е годы, резко обострившихся в 70-е годы и увенчавшихся царевубийством 1 марта 1881 года. В эти десятилетия в России сформировались два влиятельных общественных направления (либералы и революционные демократы), стремящиеся европеизировать Россию, приверженцы просветительской идеологии (либералы) и утопического социализма (революционные демократы). При всех различиях и спорах между собой они были едины в одном: и те, и другие не принимали сложившееся в России государственное устройство, так как считали абсолютную монархию историческим атавизмом, отбрасывающим страну далеко назад от единственно возможного «европоцентрического» движения, которое, по их мнению, являлось единственной целью и мериллом прогресса.

Революционеры делали ставку на радикальное изменение общественной жизни на началах, высказанных Мором, Фурье, Сен-Симоном, Оуэном. Радикальный переворот позволял, как считали идеологи этого общественного направления, не только догнать Запад, но и сделать Россию лидером в общемировом социально-экономическом развитии.

Либералы надеялись на реформы в духе английского государственного устройства, при котором монархия должна была трансформироваться в конституционную, а дворянство получить права лордов. Должен был быть устроен парламент, который формировал бы правительство, отчитывающееся исключительно перед ним. Нижняя палата парламента формировалась бы путём свободных выборов из представителей всех сословий. Много сторонников этой идеологии подвизалось в земских учреждениях, где отстаивали принципы более широкого влияния земства на государственную власть и подотчётности губернатора земству.

Этим весьма влиятельным, имеющим свои печатные органы и широко пропагандирующим либеральные и революционно-демократические взгляды общественным группам, противостояли течения почвенников и славянофилов. И славянофилы, и почвенники равно отстаивали особый путь развития России, обусловленный ценностями православного христианства как идеологической основы мирозерцания русского народа, в особенности крестьянства, составляющего в XIX веке подавляющее большинство населения Российской империи. В нашу задачу не входит подробный анализ всех идеологических аспектов общественно-политических программ данных течений, но необходимо отметить, что в основу своих убеждений западники и революционные демократы, с одной стороны, и почвенники и славянофилы, с другой стороны, ставили вопрос веры или неверия. В зависимости от решения этого вопроса они и предлагали свои рецепты для дальнейшего развития страны. Реалии повседневной жизни: состояние хозяйства, культура и менталитет народа, администрация объявлялись чем-то преходящим, тем, что при коренном изменении существующей государственно-административной системы подлежит быстрому и благоприятному переделу.

А.А. Фет занимал по отношению к этим спорам совершенно особую позицию, что ярко проявляется в представленных письмах. Точку зрения Афанасия Афанасьевича как практическую постановку решения любого вопроса и опору при проведении любых реформ не на теоретические положения и общечеловеческие вопросы, а на повседневные проблемы, которые само развитие народной жизни ставит перед страной. Теоретические положения, к которым он приходит в публицистике, всегда основываются на всестороннем и глубоком анализе современной реальности, которая диктует то или иное решение, а не на отвлечённых философских теориях, каких бы глобальных мировоззренческих проблем они ни касались. Данная позиция ярко проявляется и в исследуемых нами письмах. Они носят в себе характерные черты эпистолярной публицистики, так как касаются общественно-значимых проблем, носят открытый характер: как замечает А.А. Фет в письменном заявлении председателю Мценского мирового съезда Афанасию Николаевичу Тинькову: «<...> считаю долгом изложить это мнение, которого я не изменил бы и при словесном разъяснении – письменно» [Ф.315. к. 4, 27. Л. 1-2].

Вызывает несомненный интерес круг вопросов, поставленный в этих письмах. А.А. Фет даёт трезвый и нелицеприятный анализ состояния российского общества в письме к Михаилу Тариэловичу Лорис-Меликову. Он учитывает неприкрытую радость либеральных кругов от назначения этого сановника директором временно-распорядительной комиссии с диктаторскими полномочиями. В глазах сторонников прозападнических реформ государственного устройства России Лорис-Меликов был той фигурой, которая могла бы, подавив революционное движение, ввести в стране конституцию. Именно это и вызывает озабоченность А.А. Фета: «От нас требуют разом всенародного образования, школ, женских курсов, больниц, богаделен, библиотек, железных и водяных путей, словом, всей вершины цивилизации, а у нас нет ни одной грунтовой дороги, ни одного моста, ни одного, не пьяного попа и процветает один кабак» [ф. 315, к. 4, ед. хр. 2]. Никакие преобразования невозможны в стране, которая органически не в состоянии их принять. Фет обозначает в письме тему, подробно проанализированную им в «Деревенских очерках» (1862-1871), в которых публицист приходит к однозначному выводу о недопустимости для народа только образования без воспитания, так как оно развивает в учащейся молодёжи нигилизм и убеждённости в том, что для достижения благой цели, возможно использовать любые средства без оглядки на нравственность. «Неужели народное просвещение не догадывается, что оно главное орудие в руках врагов?» – вопрошает Фет государственного сановника. – «Как позволило оно бурсакам (сравнительно самым образованным и по положению завистливым) окончательно отравить все бурсы и затем всех учителей и училища, вербуя посредством ничем не заслуженных стипендий ежегодные полчища новых бунтовщиков – и стараясь всеми силами разослать их в виде народных наставников всюду ...» [ф. 315, к. 4, ед. хр. 2]. Русское образование в том виде, в котором оно находилось в пореформенном российском обществе, по искреннему убеждению Фета, не могло подготовить никого, кроме бунтовщика, обладающего пёстрым набором полужнаний и озлобленного на общество за то, что оно не может оценить новомодных идей его рефлексированного сознания.

Воспитание гражданина, патриота, сознательного, нравственного члена общества жизненно необходимо для преуспевания государства. Особенно, по мнению публициста, жизненно необходимо нравственное воспитание, привитие начал сознательного уважения к закону и праву собственности в сельской школе, так как отсутствие именно этих качеств у крестьянства объясняет экономическую неразбериху и делает невозможным рациональное ведение сельского хозяйства на новой социально-экономической основе договорных отношений между работодателем и работником. Более того, наставники-бунтовщики, играя на невежестве и непонимании крестьянами в отдалённой перспективе их же пользы, способны посеять семена бунта и нравственного растления, которые сделают невозможным дальнейшее поступательное развитие и приведут страну к социальной катастрофе.

В этих условиях не может быть и речи о каком-либо представительном учреждении и законотворческой деятельности, доступной представителям всех сословий. Невозможно творить законы тому, кому неведомо чувство законности, такой вывод делает А.А. Фет. Именно этот вывод определяет вторую важную тему, которая пронизывает оба анализируемых нами письма – тему законности. Судебная реформа и её влияние на общественно-экономическую жизнь России была в центре внимания многих публицистов 60-80-х годов XIX века. Главной особенностью подхода А.А. Фета к этой теме явилось то, что значение и последствия реформы он оценивает по тем результатам, которые она приносит в повседневной жизни.

Судебная реформа была одной из самых радикальных в череде великих реформ 60-х годов XIX века. Суд стал представлять собой «независимую республику» среди государственных учреждений Российской империи. Новыми уставами была провозглашена независимость судей ни от кого, кроме закона, оставлена теория формальных доказательств вины, судебные заседания стали устными и гласными, были предприняты значительные шаги для ускорения судебного следствия, построена система мировых судов для дел «маловажных» и, наконец, для преступлений тяжких,

влекущих за собой наказание наиболее суровое, введена система постановки приговора присяжными заседателями. Именно этот, совершенно новый для отечественного права институт, вызвал ещё при обсуждении проекта судебных уставов больше всего споров среди специалистов. Владимир Данилович Спасович, в будущем «король российской адвокатуры», а в 1860-м году профессор Санкт-Петербургского университета, в лекционном курсе «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством» утверждал: «Где народ до того нравственно прост, что значительное большинство его и не понимает преступности большинства преступлений; где он до того не привык судить и мыслить, что законодатель не полагается ещё на личное убеждение не только в массе народа, но и в своих судьях-техниках, где народ до того политически прост, что, соболезнуя казнимым, смотря на них как на несчастных, считает суд страшилищем, от коего следует бежать; где безотчётный страх в отношении к начальству заступает место уважения к закону, а сам закон уважается не как форма известной нравственной идеи, а как начальственный приказ – там введение учреждения присяжных является делом просто невозможным...» [Спасович, 86]. Впоследствии, став известным адвокатом, В.Д. Спасович резко поменял свой взгляд на суд присяжных, но жизнь показала, что его опасения были далеко не безосновательны. Адвокаты, большинство из них придерживались либеральных, а то и революционных взглядов, побуждали присяжных путём софистических рассуждений и весьма широким толкованием понятия «невменяемость» к вынесению, по сути, неправосудных решений. Более того, именно суд присяжных (дело Веры Засулич) фактически положил в общественном сознании начало оправдания терроризма как способа решения общественно-политических проблем и эффективного метода давления на государственную администрацию. Это побудило власть изъять из компетенции присяжных заседателей дела о покушении на должностных лиц.

А.А. Фет, будучи многие годы мировым судьёй, знал проблемы практического воплощения новых судебных уставов не понаслышке. Он отзывается об этих проблемах так: «Но когда речь о судебных учреждениях, то спрашивается, каким из них мы призываемся выразить наше сочувствие? Тем ли, которые, будучи призваны монаршей волей к жизни, обеспеченной с материальной и почётной стороны, до такой степени не оправдали своего назначения, что государство изъяло из их ведомства то, что считало возможным, – государственные преступления, – оставив им, быть может, на время, вносить деморализацию во все классы народа...» [ф. 315, к. 4, ед. хр. 27]. Эти слова ярко показывают взгляд А.А. Фета на суд «общественной совести». Любопытно, что это мнение практически не отличается от опасений, высказанных либералом, но учёным-юристом В.Д. Спасовичем. Пренебрежение к самим устоям государства, презрение к праву собственности, сознание своей бесконтрольности и неподотчётности, свобода от обязанности аргументировать свои решения сделали суд присяжных, по мнению А.А. Фета, нравственным предвестником трагедии царевубийства 1 марта 1881 года. И Фет не стесняется выразить мнение об уставах 1866 года как о ядре разрушения, а не созидания, как это должно было бы быть. Афанасий Афанасьевич высказывает своё понимание слов Александра II, положенных в основу судебных уставов: «Но если в нашей скромной сельской среде дело идёт о почтении памяти благодушного царя-Мученика, то и судьи желают по скромным средствам почтить его память в стенах суда, то я предлагаю поставить на вечные времена в комнате для совещания его портрет, драпированный чёрным сукном, чтобы из своей мученической могилы он говорил нам о суде “скором, правом и милостивом” – к пострадавшим от преступления, а не к преступникам». [Ф.315. к. 4, 27. Л. 1-2]. Подобный подход к системе, смыслу и назначению судопроизводства оригинален для общественного настроения 60-70 годов XIX века, но этим убеждениям А.А. Фета нельзя отказать в логике и внутренней справедливости. Законодатель учреждает суд прежде всего для того, чтобы карать преступников, тем самым поощряя невинных и создавая в обществе идеологию справедливости. Интересно отметить, что точка зрения, высказанная А.А. Фетом более чем столетие назад, не утратила актуальности и в современных спорах о целях и назначении правосудия.

Список литературы

1. Письмо А.А. Фета к М.Т. Лорис-Меликову. 1880 г. РГБ, рукописный отдел.
2. Заявление председателю Мценского мирового съезда Тинькову Афанасию Николаевичу в связи с событием 1 марта 1881 г.
3. Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМНОСТИ МЫШЛЕНИЯ ЛЕВОРУКИХ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

PSYCHO-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF SYSTEM THINKING OF PRIMARY SCHOOL AGE LEFT-HANDED CHILDREN

С.В. Забелин
S.V. Zabelin

ОБОУ «Школа-интернат № 2 им. Г.А. Карманова», 305007, г. Курск, ул. Парк Солянка, 8, Россия
OGOU "Boarding school № 2 named after. GA Karmanov », 305007, Kursk, st. Park Solyanka 8, Russia

E-mail: SergeyVZabelin@mail.ru

Аннотация. Увеличение доли леворуких обучающихся в современной школе актуализирует проблему содержания и форм психолого-педагогической помощи таким детям не только в процессе адаптации к школе, но и освоении ими учебной деятельности. В статье представлен анализ проблемы леворукости как психолого-педагогического феномена, показана необходимость и обоснованность работы, направленной на развитие системности мышления леворуких детей с учетом их личностных и типологических особенностей. Проведена работа, направленная на выявление психолого-педагогических условий, способствующих развитию системности мышления леворуких обучающихся, была разработана специальная программа.

Abstract. The increased percentage of left-handed students in the modern school actualizes the problem of contents and forms of psychological and educational assistance to such children not only in the process of adaptation to the school, but the development of training activities. The article presents an analysis of the problem of left-handedness as a psycho-pedagogical phenomenon. It shows the necessity and validity of the work aimed at the development of systems thinking left-handed children with regard to their personal and typological features. The work aimed at identifying the psychological and educational environment conducive to the development of systemic thinking left-handed students, a special program has been developed.

Ключевые слова: Леворукость, системность мышления, асимметрия рук, правополушарная ориентация, левополушарная ориентация, индивидуальный подход в обучении.

Key words: Left-handedness, systematic thinking, the asymmetry of arms, right-brain orientation, left-hemisphere orientation, personal approach to learning.

Изменение приоритетных направлений в развитии современной системы образования ставит перед школой задачу формирования творческой личности с качественно новыми способностями, новым типом мышления; личности, способной оперировать сложными системами разного характера и владеющей современными когнитивно-информационными технологиями. Это обусловлено качественными изменениями социального заказа общества, потребностями в творчески мыслящих людях, обладающих нестандартным взглядом на проблемы, владеющих навыками исследовательской работы. Одной из составляющих этой проблемы является задача развития системности мышления у леворуких младших школьников.

Важнейшая особенность современных парадигм образования, вариативность индивидуальных познавательных стратегий, которые, позволяют реализовать индивидуальный личностный потенциал каждого обучающегося. Такая стратегия может быть реализована только на основе признания и учета индивидуальных особенностей личности, к числу которых относится леворукость.

Леворукость — преимущественное владение левой рукой, зависит от особой организации деятельности мозга и своеобразия высших психических функций [Пятница, 2011].

Каждый леворукий младший школьник вписывается в ассиметричный мир по-своему, но любому левше необходимо тщательное наблюдение и особым образом организованное психолого-педагогическое сопровождение профессионалов [Семенович, 2016].

Сегодня обнаружены специфические особенности познавательной деятельности у левшей, к числу которых относятся: аналитический способ переработки информации, поэлементная работа с материалом; лучшее опознавание вербальных стимулов [Корсакова, Микадзе, 1997].

Одним из путей совершенствования учебной деятельности леворуких младших школьников является ее индивидуализация, связанная с созданием условий для удовлетворения потребности субъекта в реализации своей познавательной активности в соответствии с индивидуальными стилевыми особенностями. Приближение технологии к человеку, к его индивидуальным особенностям является в настоящее время устойчивой образовательной тенденцией. Педагогическая практика свидетельствует о том, что длительное игнорирование индивидуальных стратегий познания со временем приводит к отрицательным последствиям в развитии ребенка.

Для всестороннего развития личности необходимы интегрированные знания, системное видение мира. Эта концепция представлена в работах И. Ю. Алексашиной, Э. Д. Днепров, В. Н. Максимовой, А. Г. Спиркина, И. М. Швеца и других. Из нее вытекает положение о формировании интегрированного знания, требующего максимального приближения к миру природы, причастности к познавательной и природоохранительной деятельности. Для этого необходимо овладение способами системности мышления, позволяющего оперировать разноплановыми, нелинейными процессами. Поэтому ориентация на формирование и развитие системности мышления обучающегося, как одного из важнейших требований современной жизни, и его результаты дают ответ на вопрос: чему и как учить в современных условиях. Особенно актуально становление системности мышления на этапе перехода от наглядно-образного мышления к абстрактно-логическому, т.е. в младшем подростковом возрасте, т.к. именно в этом возрастном периоде у детей возникает потребность к накоплению и систематизации знаний [Божович, 2008].

Необходимость определенного уровня сформированности системного мышления в познавательной деятельности детей для усвоения учебного материала рассматривалась в работах зарубежных психологов Дж. О'Коннора, Я. Мак-Дермотта, Э. де Боно. В отечественной психолого-педагогической литературе вопрос системного мышления рассматривается как необходимое условие продуктивных мыслительных процессов, связанных с постановкой новых проблем и поиском способов их решения (Г. С. Абрамова, А. Н. Аверьянов, В. Г. Афанасьев, В. А. Ганзен, В. П. Кузьмин, И. Б. Новик, Ю. Г. Тамберг, В. К. Толкачев, Э. Г. Юдин).

В. С. Ротенберг и С. М. Бондаренко отмечают, что современные школьные программы, ориентированные, прежде всего на развитие левополушарных (логико-знаковых) компонентов мышления, не дают возможность реализовать потенциал леворукого ребенка, имеющего правополушарную ориентацию. А специальные исследования свидетельствуют об относительно более высоком творческом потенциале левшей, который обнаруживается при проблемном обучении [Ротенберг, Бондаренко, 1989].

Известно, что быстрое и прочное усвоение знаний, умение быстро найти решение в новой познавательной ситуации во многом зависит от правильного воспитания внимания, памяти и в особенности, мышления учащихся, качества мыслительных операций. Исследования ученых (З. Л. Решетовой, И. Б. Новика, В. П. Кузьмина, Л. Я. Зориной) выделяют формирование системного мышления как наиболее продуктивную форму теоретического мышления в процессе познания в целом и процессе обучения в частности.

Особо остро эти вопросы встают в общеобразовательных школах, где создаются различные классы, в задачу которых входит осуществление индивидуального подхода в обучении к детям.

Таким образом, проблема выявления психолого-педагогических условий развития системности мышления леворуких детей должна способствовать не только подготовке учителя к работе с такими детьми, но и способствовать усилению познавательного интереса, облегчения сложного процесса учения, ускорения развития леворуких детей младшего школьного возраста.

Проведенный теоретико-методологический анализ сущности исследования позволяет выявить что, развитие у ребенка системности мышления является важной предпосылкой для эффективного овладения учебной программой. Поэтому выявление условий, способствующих развитию системности мышления будет способствовать повышению эффективности усвоения знаний, повышению качества подготовленности леворуких младших школьников.

Выработанные условия легли в основу гипотезы исследования и реализацию развивающего эксперимента. На основе выделенных условий была разработана программа развития системности мышления младших школьников, которая осуществлялась по двум направлениям: работа с педагогами, и работа с детьми.

Опытно-экспериментальная работа была организована в два последовательных этапа: констатирующий и формирующий. На каждом этапе реализовывалась серия экспериментов, проводился сбор эмпирических данных, их статистическая обработка и анализ полученных результатов.

Главная задача заключалась в том, чтобы выявить совокупность психолого-педагогических условий, необходимых для развития системности мышления леворуких детей, понять их влияние на успеваемость младших школьников. Для решения данной задачи была проведена диагностика согласно разработанной экспериментальной программе.

Данное исследование проводилось с 2014 года по 2016 год. Опытнo-экспериментальной базой исследования выступили ОБОУ «Школа-интернат №2 им. Г.А. Карманова» г. Курска, МОУ Средняя общеобразовательная школа №18 г. Курска, МОУ «Гимназия №25» г. Курска, МОУ Свободинская средняя общеобразовательная школа №1 Золотухинского района, МОУ Жерновецкая средняя общеобразовательная школа №1 Золотухинского района. В исследовании принимали участие 74 учащихся младшего школьного возраста из них 37 леворуких и 37 праворуких ребенка.

В ходе экспериментальной работы было показано, какова мера представленности отдельных компонентов в структуре системности мышления, установлен уровень развития системности мышления у леворуких детей младшего школьного возраста. Исследование осуществлялось с помощью комплекса диагностических методик, выявляющих сформированность системности мышления и его компонентов: «Повороты фигур», «Образование простых аналогий», «Классификация», «Дополни набор», «Ряд колец».

Для анализа полученных в результате исследования данных использовались как качественная, так и количественная обработка. Для выявления различий одновременно между двумя выборками по уровню сформированности системности мышления и его компонентов использовался параметрический критерий *t*-Стьюдента для независимых выборок.

В ходе констатирующего этапа опытнo-экспериментальной работы нами были выявлены особенности развития системности мышления леворуких детей младшего школьного возраста:

- неравномерность в развитии компонентов системности мышления;
- высокое развитие в структуре системности мышления компонентов «Оперирование образами» и «Выделение существенных признаков системы».

Также анализ результатов эмпирического исследования свидетельствует о том, что уровни развития компонентов системности мышления у младших школьников соответствуют показателям их успеваемости. Качественный анализ успеваемости младших школьников позволил сделать выводы:

- младшие школьники, которые обнаруживают высокие показатели уровня развития системности мышления и её компонентов, качество учебной деятельности выше, чем у школьников, которые по результатам диагностики обнаруживают низкие показатели развития системности мышления и её компонентов;

– из 37 леворуких младших школьников: 22 детей проявляются способности и успеваемость по математике лучше. Также следует отметить, 8 детей посещают логопедическую группу, 11 школьников обнаруживают определённые способности (к рисованию, пению, чтению стихов, артистичность), у 1 ребенка наблюдается зеркальное письмо, у 2 детей есть трудности развития тонкой моторики руки (трудности при письме, трудности работы с ножницами);

– из 37 праворуких младших школьников: у 19 детей проявляются способности и успеваемость по русскому языку лучше. Также следует отметить, 1 ребенок посещает логопедическую группу, у 4 школьников обнаруживаются определённые способности (к рисованию, пению, спорту).

Таким образом, системность мышления – это сложный феномен, не сводящийся к сумме отдельных интеллектуальных операций, который существенно зависит от формы обучения.

Для проведения формирующего этапа эксперимента нами был выбран 3 «б» класс (учитель – Кузьмина Елена Ивановна), но при сопоставлении результатов констатирующего и контрольного этапов эксперимента особое внимание мы обратили на результаты 10 детей (5 леворуких и 5 праворуких ребенка) из 3 «б» класса, которых мы отобрали исходя из того, что в констатирующем этапе эксперимента участвовали именно эти дети школы №18 г. Курска (экспериментальная группа). 10 учащихся 3 «а» класса (учитель – Добрица Ирина Сергеевна) составили контрольную группу. В состав каждой группы вошло равное число и леворуких и праворуких школьников. Средний возраст испытуемых составил 8-9 лет. Выполнение заданий происходило и в парах, и в группах по 3-4 человека и всей группой (причем состав каждой группы меняется с интервалом в 2-3 занятия – это сделано для того, чтобы внутри общей группы не организовывались устойчивые микрогруппы, чтобы препятствовать разделению на группы). Программа занятий по развитию системности мышления леворуких и праворуких младших школьников включает три этапа, каждый из которых характеризуется особым комплексом задач, методов и приемов, а также состоит из 14 занятий, которые проходят 1-2 раза в неделю, во внеурочное время. Время работы – 40-45 минут, длительность занятий – 2 месяца.

Непосредственно перед проведением формирующего эксперимента с учителями экспериментального и контрольного классов была организована консультация, где были

рассмотрены и даны рекомендации по сопровождению леворуких детей в ходе организации учебно-познавательной деятельности на уроке. Главной задачей данной консультации является информирование педагогов об индивидуальных особенностях развития, обучения и воспитания детей этой категории.

Целью программы является развитие системности мышления младших школьников.

Особенностями программы психолого-педагогического сопровождения развития системности мышления младших школьников являются:

- помощь в установлении контактов между леворукими и праворукими школьниками, которые будут способствовать эффективному сотрудничеству, взаимообогащению и взаимодополнению их опыта и индивидуальных познавательных стратегий;
- обращение к возможностям эмоционального мышления т.к. развитие реального мыслительного процесса тесно связано со всей психической жизнью индивида, с его эмоциональным самочувствием, то есть эмоции принимают самое непосредственное участие в регуляции интеллектуальной деятельности;
- развитие продуктивного творческого мышления, а также навыков его практического применения, что позволяет учащимся переосмысливать имеющиеся знания и генерировать новые;
- поощрение в учащихся инициативы и самостоятельности;
- развитие рефлексии и самосознания;
- развитие таких психологических качеств как: самостоятельность в суждениях, самооценки, повышению мотивации учения, развитие навыков коммуникации на деловом уровне, а также возникновению делового общения, субъект-субъектных отношений с окружающими людьми, повышению уровня творческого мышления.

Программа содержит три блока. Первый блок – организационно-установочный. Второй блок групповой работы – развивающий. Основная цель – осуществление работы по развитию системности мышления леворуких младших школьников: развитие наглядно-образного, словесно-логического планов, способности к целостному видению объекта, развитие умения абстрагироваться от несущественных и выделять существенные признаки системы, развитие творческого мышления, умения понимать структуру системного объекта, гибкости ума, основного механизма мыслительной деятельности анализа через синтез у обучающихся младшего школьного возраста.

Третий, заключительный блок программы по формированию системности мышления предполагает проведение итоговой диагностики экспериментальной и контрольной групп с использованием тех же методик, что и на организационном этапе.

При проведении развивающих занятий мы руководствовались идеями личностно-ориентированного подхода в образовании, где в центре внимания всегда является личность ребенка с её уникальными способностями и возможностями, её индивидуальность.

На первых занятиях особое внимание обращалось на установление позитивного эмоционального контакта, настрой на активную совместную работу, развитие интереса к дальнейшим занятиям, развитие творческого мышления. На последующих занятиях была организована такая форма совместно-разделенной деятельности на уроке как деловое сотрудничество, что достигалось использованием на уроке постановки проблем, противоречий, поощрялась инициатива и самостоятельность. Дети включались в разнообразную по содержанию и формам учебно-познавательную деятельность, обеспечивающую оптимальную интеллектуальную нагрузку мозга. На второй этап пришлась основная смысловая нагрузка, решение специфических задач, которые направлены на развитие системности мышления. В конце каждого занятия обязательно проводилось краткое обсуждение впечатлений, направленное на получение обратной связи, осознание своих достижений или неудач на занятии. Особое внимание уделялось отслеживанию реакции и времени выполнения, предложенных нами заданий.

Для проверки эффективности разработанной нами программы развития системности мышления младших школьников была произведена повторная диагностика в экспериментальной и контрольной группе, а также использованы данные об успеваемости учащихся, отзывы учителей и свои наблюдения. Исходя из условий организации эксперимента для того, чтобы проследить динамику системности мышления и его компонентов, при реализации развивающей программы был взят весь 3 класс, но повторная диагностика проводилась с леворукими и праворукими детьми продиагностированными на констатирующем этапе эксперимента, также и с контрольным классом. Сравнительный анализ результатов констатирующего и формирующего экспериментов представлен в таблице 1.

Таблица 1

Динамика уровня сформированности системности мышления и его компонентов у младших школьников в экспериментальном и контрольном классах

Компоненты системного мышления	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Констатирующий этап	Контрольный этап	Констатирующий этап	Контрольный этап
Оперирование образами»	30 %	70 %	20 %	30 %
«Установление отношения аналогии»	60 %	100 %	40 %	50 %
«Абстрагирование от несущественных признаков в процессе классификации»	60 %	90 %	30 %	40 %
«Выделение существенных признаков системы»	40 %	90 %	40 %	60 %
Конструктивно-преобразующий компонент	30 %	70 %	30 %	40 %

Исходя из данных, представленных в таблице можно сделать вывод о том, что после проведенной развивающей работы произошли изменения в экспериментальной группе младших школьников. Сопоставление результатов диагностики системного мышления в экспериментальной и контрольной группах показало, что проведение развивающей работы в экспериментальной группе детей в большей степени способствовало формированию у них теоретического уровня усвоения материала и развитию системности мышления, чем в контрольной группе.

У большинства учащихся экспериментального класса был выявлен высокий уровень развития системности мышления и его компонентов (у 9 из 10 человек), тогда как у учащихся контрольной группы этот уровень встречается значительно реже (у 5 из 10 человек).

С целью выявления достоверности, полученных в экспериментальной группе различий, было произведено сравнение результатов, полученных до и после проведения формирующего эксперимента, был использован критерий t-Стьюдента для независимых выборок. Результаты анализа полученных данных позволили установить, что в экспериментальной группе до и после проведения формирующего эксперимента различия в уровне сформированности системности мышления и его компонентов статистически значимы. А именно уровень развития системности мышления и его компонентов после проведения специальной работы статистически достоверно выше, чем до её проведения (таблица 2).

Таблица 2

Результаты по критерию t-Стьюдента

$T_{кр}=2,145$	$t_{эмп}$
Компоненты	Экспериментальная группа
«Оперирование образами»	2,8
«Установление отношения аналогии»	3,2
«Абстрагирование от несущественных признаков в процессе классификации»	1,6
«Выделение существенных признаков системы»	3,1
Конструктивно-преобразующий компонент	2,3

На основании результатов опытно-экспериментальной работы был сделан вывод о том, что реализация разработанной развивающей программы позволила в значительной степени повысить уровень сформированности системности мышления у младших школьников. Специально организованная работа с леворукими младшими школьниками, при соблюдении ряда условий

оказывает огромное влияние на уровень развития системности мышления и его компонентов. Проведенная работа оказала благоприятное воздействие на развитие, успеваемость младших школьников, в том числе леворуких. В целом же можно утверждать, что одно из условий рабочей гипотезы о том, что развитие системности мышления леворуких детей младшего школьного возраста будет более эффективным, если будет реализована специальная программа психолого-педагогического сопровождения леворуких младших школьников, предусматривающая реализацию условий по развитию системного мышления, получило подтверждение.

В результате исследования была подтверждена совокупность психолого-педагогических условий эффективного развития системности мышления леворуких младших школьников: развитие способности самостоятельного переноса знаний и видения проблемы, понимания структуры системного объекта; развитие дивергентного мышления; развитие способности решать нестандартные задачи; развитие гибкости ума; развитие основного механизма мыслительной деятельности анализа через синтез; насыщенность учебного процесса заданиями из разных областей знаний, способствующими развитию любознательности, критичности мышления.

Результатом проведенной работы с педагогами стали рекомендации для педагогов по психолого-педагогическому сопровождению леворуких детей.

Результаты и выводы, полученные в ходе опытно-экспериментальной работы, подтвердили условия рабочей гипотезы.

Список литературы

- Божович Л.И. 2008. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., Питер, 398.
- Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова, Е.Ю. 1997. Неуспевающие дети: Нейропсихологическая диагностика трудностей обучения школьников. М., Рос. Нед. Агенство, 124.
- Пятница Т.В. 2011. Мой ребенок – левша. Диагностика и обучение леворуких детей. Ростов н/Д., Феникс, 315.
- Ротенберг В.С., Бондаренко С.М. 1989 Мозг. Обучение. М., Просвещение, 239.
- Семенович А.В. 2016 Эти невероятные левши. Практическое пособие для психологов и родителей. М., Генезис, 232.

УДК 159.9.07

**АССОЦИАТИВНЫЕ И ДИССОЦИАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПТСР У
СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ****ASSOCIATIVE AND DISSOCIATIVE MECHANISMS OF PTSD LAW ENFORCEMENT
OFFICERS****Н.В. Ключева
N.V. Klyueva**

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Россия, 150000, Ярославль, ул. Советская, 14
Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, 14, Sovetskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russia*

e-mail: nadejda@uniyar.ac.ru

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования ассоциативных и диссоциативных механизмов ПТСР у сотрудников правоохранительных органов. У сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, диссоциативные механизмы поддерживают соматизированные проявления ПТСР. Обсессивно-компульсивные проявления, реализующиеся в симптомах ретрансляции психотравмирующего опыта, поддерживаются эхолалическими и персевераторными ассоциативными реакциями. Депрессивные проявления обеспечиваются созвучными ассоциативными реакциями; враждебность к окружающему миру поддерживается через опосредованные ассоциативные реакции. Детерминационные ассоциативные реакции поддерживают проявления фобической тревожности.

The results of empirical studies of associative and dissociative mechanisms of PTSD in police officers. Do law enforcement officers with experience in counter-terrorism operations, dissociative mechanisms support somatisation symptoms of PTSD. Obsessive-compulsive symptoms, realized in the relay symptoms traumatic experience, supported eholalicheskimi and perseverative associative reactions. Depressive symptoms are provided with conformable associative reactions; hostility to the outside world is maintained through the association mediated reactions. Determination associative reaction support manifestation of phobic anxiety.

Ключевые слова: ассоциативные механизмы, диссоциативные механизмы, посттравматическое стрессовое расстройство.

Keywords: associative mechanisms, dissociative mechanisms, post-traumatic stress disorder.

Введение

Актуальность исследования ассоциативных и диссоциативных механизмов ПТСР у сотрудников правоохранительных органов обусловлена, с одной стороны, тем, что высокий уровень психической напряженности обуславливает повышенную вероятность нарушений адаптации, психических и психосоматических расстройств. С другой стороны, профессиональная некомпетентность и несостоятельность сотрудников, представляющих властные структуры и имеющих доступ к оружию, представляют как потенциальную, так и реальную угрозу нарушения прав, причинения вреда здоровью, как окружающим, так и самим себе.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) представляет собой непсихотическую отсроченную реакцию на травматический стресс, способный вызвать психические нарушения практически у любого человека. Согласно определению, представленному в МКБ-10, ПТСР – это «отставленная и/или затяжная реакция на стрессовое событие или ситуацию (кратковременную или продолжительную) исключительно угрожающего или катастрофического характера, которая, в принципе, может вызвать дистресс практически у любого человека». Общие закономерности возникновения и развития ПТСР не зависят от того, какие конкретные травматические события послужили причиной психологических и психосоматических нарушений [Тарабрина, 2001].

Механизмы развития ПТСР у сотрудников правоохранительных органов включают в себя ассоциативные и диссоциативные механизмы.

Ассоциативные механизмы в норме обеспечивают интеграцию жизненного опыта и целостность временной перспективы и жизненного пути личности. При наличии травматического опыта психотравмирующее событие большую часть времени занимает сознание личности: повторяющиеся и

навязчивые воспоминания о событии; повторяющиеся сны о событии, усилия по избеганию деятельности, мест или людей, которые ассоциируются с событием; неспособность вспомнить о важных аспектах события; заметное снижение интереса к тому, что раньше доставляло удовольствие; ощущение отчужденности, отстраненности от других людей; ограничение спектра эмоциональных переживаний; чувство сокращенной жизненной перспективы. Выявление ассоциативных механизмов позволяет установить, какие именно «условные» стимулы провоцируют проявление этих симптомов, настолько слабой оказывается их видимая связь с событием, послужившим причиной.

Для объяснения проявлений ПТСР, связанных с навязчивыми воспоминаниями, мыслями, флэш-бэк эффектами, Питмэном была предложена теория патологических ассоциативных эмоциональных сетей [Малкина-Пых, 2005]. Специфическая информационная структура в памяти, обеспечивающая развитие эмоциональных состояний, – «сеть» – включает три компонента: информацию о внешних событиях, а также об условиях их появления; информацию о реакции на эти события, включая речевые компоненты, двигательные акты, висцеральные и соматические реакции; информацию о смысловой оценке стимулов и актов реагирования. Эта ассоциативная сеть при определенных условиях начинает работать как единое целое, продуцируя эмоциональный эффект. В основе же посттравматического синдрома лежит формирование аналогично построенных патологических ассоциативных структур. Было установлено, что включение в схему элемента воспроизведения травмирующей ситуации в воображении ведет к значимым различиям между здоровыми и страдающими ПТСР ветеранами вьетнамской войны. У последних наблюдалась интенсивная эмоциональная реакция в процессе переживания в воображении элементов своего боевого опыта, а у здоровых испытуемых такой реакции не отмечалось [Малкина-Пых, 2005].

С помощью теории ассоциативных сетей был описан механизм развития флэшбэк-феномена, однако такие симптомы ПТСР, как навязчивые воспоминания и ночные кошмары, поддавались объяснению с трудом. Поэтому было высказано предположение, что патологические эмоциональные сети ПТСР-синдрома должны обладать свойством самопроизвольной активации, механизм которой следует искать в нейрональных структурах мозга и биохимических процессах соответствующего уровня.

Диссоциативные механизмы обеспечивают совладание с психической травмой, когда переживание травматической ситуации сопровождается возникновением трех разных феноменов (ценностно-смысловой сферы, активности и рефлексии), которые имеют характерные отличительные особенности, но, тем не менее, связаны друг с другом [Коган, Семина, 2010]. Рассматривая диссоциативные феномены в качестве механизмов ПТСР, следует отметить, что ограничение и дезинтегрированность событийного пространства личности, сосредоточенность на прошлом (травмирующем событии), поддерживается диссоциативными механизмами.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось на базе ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России по Курской области». Общий объем выборки составил 80 человек в возрасте 26–43 года. Экспериментальную группу составили 38 сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях. В контрольную группу вошли 42 сотрудника правоохранительных органов, не имеющих опыта участия в контртеррористических действиях. Группы уравнивались по полу (все испытуемые мужского пола), возрасту, образовательному уровню (высшее образование).

Исследование осуществлялось с использованием следующих психодиагностических методик: миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций, ассоциативный эксперимент в адаптации В.Б. Никишиной, шкала диссоциации (DES) в адаптации Н.В. Тарабриной, методика «Автопортрет и Тень» В.Б. Никишиной, Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R), опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, Линия жизни в адаптации Т.Д. Василенко [Котенев, 1997; Максименко, Максименко, Никишина, Петраш, Кузнецова, 2014; Никишина, 2010]. Обработка полученных результатов осуществлялась с использованием методов количественной и качественной обработки данных (методы описательной статистики, методы сравнительной статистики – непараметрический U-критерий Манна-Уитни, методы корреляционной статистики r-критерий ранговой корреляции Спирмена).

Дизайн исследования ассоциативных и диссоциативных механизмов ПТСР у сотрудников правоохранительных органов представлен на рисунке 1.

Результаты исследования

В результате исследования проявлений посттравматического стрессового расстройства у сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических

действиях, получены значимо более высокие показатели ($U_{эмп}=154,5$; $p=0,00$), указывающие на наличие ПТСР по сравнению с сотрудниками, у которых отсутствует опыт участия в контртеррористических действиях.

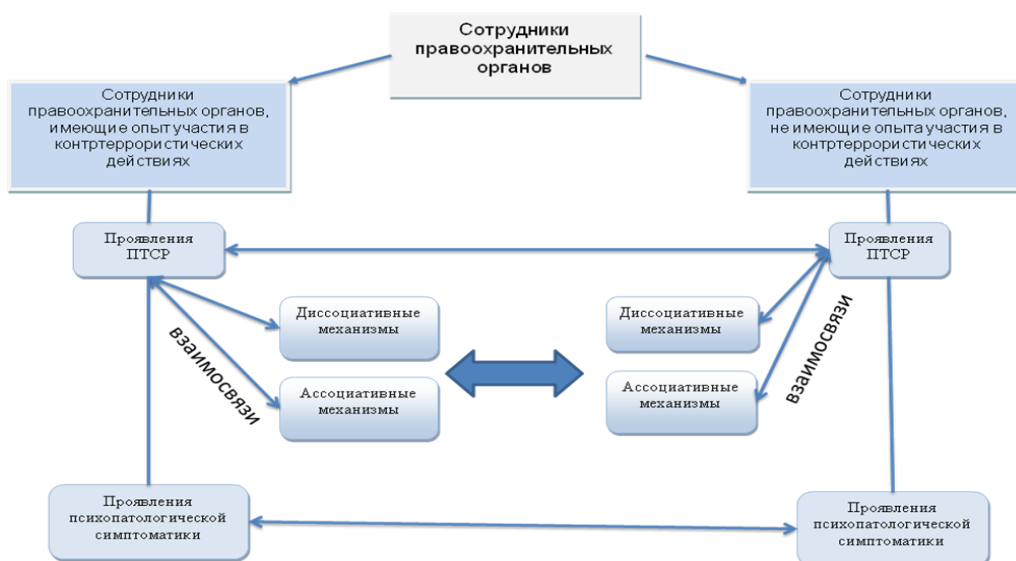

Рис. 1. Дизайн исследования ассоциативных и диссоциативных механизмов ПТСР у сотрудников правоохранительных органов

Опираясь на диагностические критерии ПТСР, описанные в МКБ-10, с целью выявления основных его проявлений нами также использовался опросник выраженности психопатологической симптоматики.

У сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, выявлено преобладание паранояльных симптомов, враждебности, межличностной сензитивности и обсессивно-компульсивных расстройств (Рис. 2).

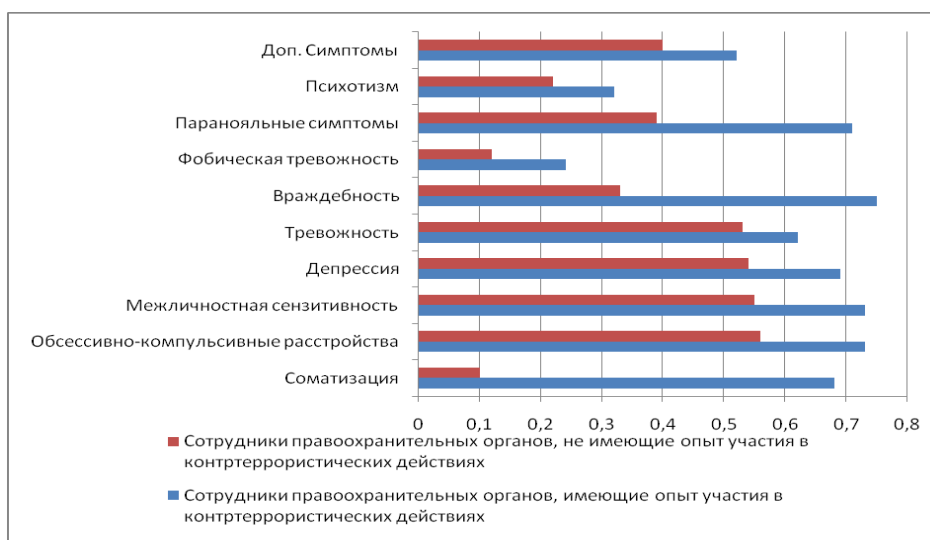

Рис. 2. Гистограмма средних значений уровня выраженности психопатологической симптоматики у сотрудников правоохранительных органов

У сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыта участия в контртеррористических действиях, показатели уровня выраженности психопатологической симптоматики находятся в диапазоне средних значений, что указывает на отсутствие данных проявлений. Для исследования ассоциативных механизмов ПТСР нами был использован метод ассоциативного эксперимента, модифицированный В.Б. Никишиной. Испытуемым последовательно предъявлялся список, состоящий из 30 отдельных слов, не связанных между собой, 10 из которых являются объектозначимыми для сотрудников правоохранительных органов (прямо или косвенно связаны с содержанием служебной деятельности, а также контртеррористическими действиями).

В результате статистического анализа ассоциативных реакций у сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, и не имеющих такового, были выявлены следующие тенденции. С целью выявления преобладания ассоциативных реакций на объектозначимые стимулы и объектонезначимые стимулы у сотрудников правоохранительных органов необходимо построить профиль ассоциативных реакций. Построение профиля ассоциативных реакций осуществлялось через частотный анализ и процедуру суммирования частот по объектозначимым стимулам и незначимым стимулам.

Профили ассоциативных реакций сотрудников правоохранительных органов сформирован по критерию убывания частот встречаемости ассоциативных реакций. На объектозначимые стимулы у сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, преобладают следующие ассоциативные реакции: эхолалические, классификационные и детерминационные реакции. Минимально представлены (либо отсутствуют) грамматические омонимы, синкретические реакции, отказные, экстарсигнальные и междометные реакции. У сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, на объектозначимые стимулы преобладают ассоциативные реакции по смежности, а также детерминационные, классификационные и многозначные (Рис. 3).

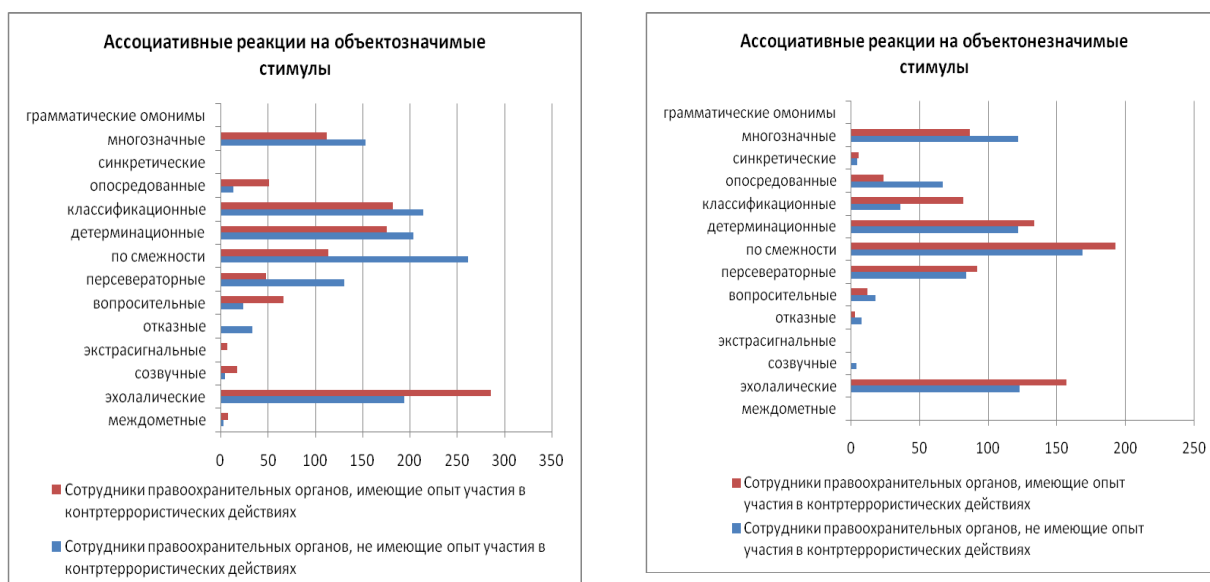

Рис. 3. Профиль ассоциативных реакций сотрудников правоохранительных органов на объектозначимые и объектонезначимые стимулы

Профиль ассоциативных реакций сотрудников правоохранительных органов на объектонезначимые стимулы характеризуется следующими особенностями. У сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, в профиле преобладают ассоциативные реакции по смежности, эхолалические и детерминационные реакции. У сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыта участия в контртеррористических действиях, в профиле ассоциативных реакций также преобладают реакции по смежности, многозначные и детерминационные реакции. Исследование диссоциативных механизмов у сотрудников правоохранительных органов в рамках данного исследования осуществлялось с использованием шкалы диссоциации (DES) в адаптации Н.В. Тарабриной.

По шкале диссоциации у сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, выявлено значимое преобладание проявлений ПТСР ($x \pm \sigma = 23,81 \pm 12,71$) по сравнению с сотрудниками, не имеющими опыта участия в контртеррористических действиях ($x \pm \sigma = 7,85 \pm 4,19$) при $p = 0,04$.

Диссоциативные феномены проявляются в дискретности временной перспективы и жизненного пути личности. Исследование временной перспективы личности осуществлялось с помощью опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо. Исследование жизненного пути личности осуществлялось в двух аспектах: протяженности и событийной насыщенности.

В результате исследования жизненного пути личности сотрудников правоохранительных органов выявлены следующие тенденции: сотрудники правоохранительных органов, имеющие опыт участия в

контртеррористических действиях, характеризуются значимо более низкой протяженностью и событийной насыщенностью линии жизни (Рис. 4).

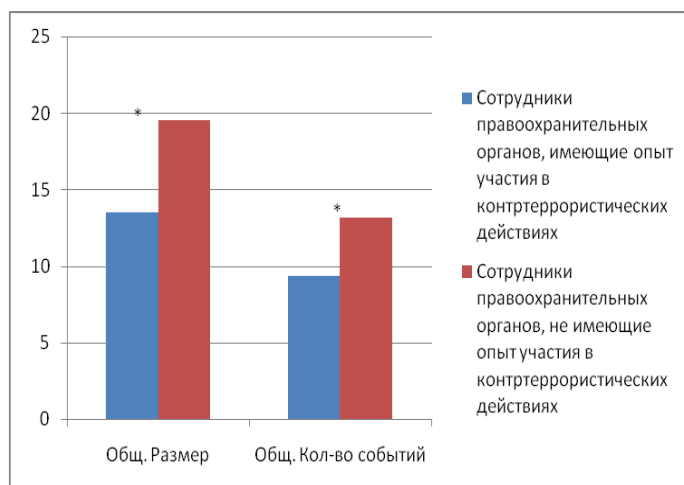

Рис. 4. Гистограмма средних значений показателей общего размера и общего количества событий линии жизни сотрудников правоохранительных органов

При исследовании событийной насыщенности жизненного пути личности через соотношение событий прошлого и будущего выявлено значимое преобладание событий прошлого над событиями будущего у сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, по сравнению с сотрудниками, не имеющими опыта участия в контртеррористических действиях. У сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыта участия в контртеррористических действиях, выявлена обратная тенденция: соотношение событий прошлого и будущего приближается к равномерному (рис. 5).

Рис. 5. Диаграммы соотношения количества событий и длинны линии жизни прошлого и будущего сотрудников правоохранительных органов

У сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, выявлено значимое преобладание длинны прошлого над будущим. Сотрудники правоохранительных органов, не имеющие опыта участия в контртеррористических действиях, характеризуются обратной тенденцией: у них значимо преобладающим является будущее, что свидетельствует о стремлении к простраиванию жизненной перспективы и постановке жизненных планов. Жизненный путь личности сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, характеризуется значимо меньшей протяженностью и событийной насыщенностью по сравнению с сотрудниками правоохранительных органов, не имеющими опыт участия в контртеррористических действиях. Также выявлено значимое преобладание длины и событийной насыщенности прошлого по сравнению с аналогичными параметрами будущего. Полученные результаты свидетельствуют об ограниченности представлений сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях прошлым при сужении перспективы будущего.

Исследование временной перспективы личности сотрудников правоохранительных органов осуществлялось с использованием опросника временной перспективы Ф. Зимбардо. Сотрудники правоохранительных органов, имеющие опыт участия в контртеррористических действиях, характеризуются преобладанием событий негативного прошлого при низких показателях позитивного прошлого и будущего (Рис. 9).

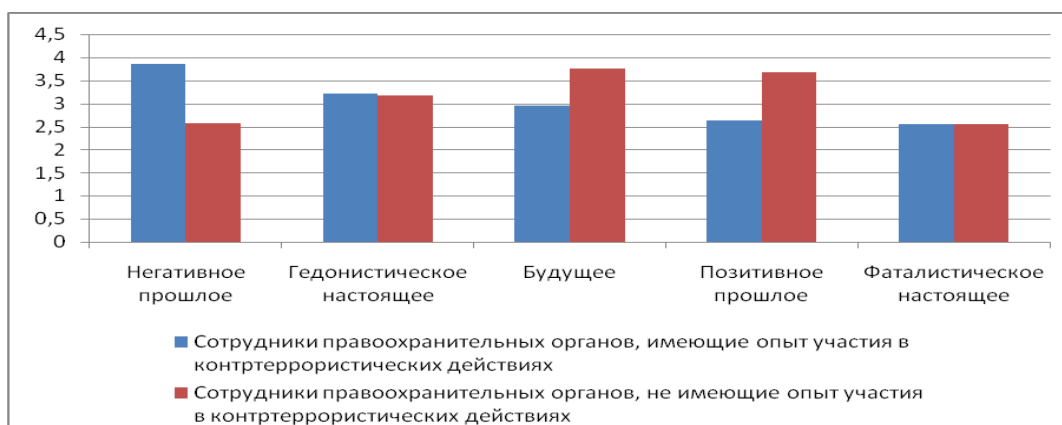

Рис. 6. Гистограмма средних значений параметров временной перспективы личности сотрудников правоохранительных органов

При этом у сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыта участия в контртеррористических действиях, выявлена обратная тенденция: преобладание событий позитивного прошлого и будущего при низких показателях негативного прошлого и фаталистического настоящего.

В результате оценки значимости различий параметров временной перспективы личности сотрудников правоохранительных органов, имеющих и не имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, различия на высоком уровне статистической значимости выявлены по всем параметрам (негативное прошлое, гедонистическое настоящее, будущее, позитивное прошлое), кроме параметра фаталистическое настоящее (таблица).

Таблица

Показатели значимости различий параметров временной перспективы личности сотрудников правоохранительных органов (U–критерий Манна- Уитни, $p=0,05$)

	RankSum	RankSum	U	p-level
Негативное прошлое	1056,50	2103,50	153,50*	0,00*
Гедонистическое настоящее	1627,00	1533,00	724,00*	0,60*
Будущее	2173,50	986,50	283,50*	0,00*
Позитивное прошлое	2207,00	953,00	250,00*	0,00*
Фаталистическое настоящее	1597,00	1563,00	694,00	0,41

Условные обозначения: * – значимость различий, RankSum – сумма рангов, U – эмпирическое значение U–критерия Манна- Уитни, p-level – уровень значимости различий

Оценка взаимосвязи ассоциативных и диссоциативных механизмов с проявлениями ПТСР у сотрудников правоохранительных органов осуществлялась с использованием критерия ранговой корреляции r –Спирмена ($p < 0,05$). Процедура корреляционного анализа по Спирмену позволяет нам оценить систему взаимосвязей параметров ассоциативных и диссоциативных феноменов с проявлениями ПТСР у сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях.

В результате оценки системы взаимосвязей параметров ассоциативных и диссоциативных феноменов с проявлениями ПТСР у сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, статистически значимые взаимосвязи выявлены между параметрами обсессивно–компульсивных расстройств и эхоталлическими ($0,34^*$) и персевераторными ($0,42$) реакциями, между уровнем проявлений ПТСР и диссоциацией ($0,41^*$), между показателем депрессии и созвучными ассоциативными реакциями ($0,33^*$), между показателем враждебности и опосредованными ассоциативными реакциями ($0,48^*$), между фобической тревожностью и детерминационными ассоциативными реакциями ($0,36^*$).

Выводы

У сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, выявлен высокий уровень ПТСР, а также психопатологические проявления в форме паранояльных симптомов (проявляющихся в проекции мыслей, враждебности, подозрительности, страхе потери независимости), враждебности (включающей мысли, чувства или действия, которые являются проявлениями негативного аффективного состояния злости: агрессия, раздражительность, гнев и негодование), межличностной сензитивности (определяющей чувствами личностной неадекватности и неполноценности, в особенности, когда человек сравнивает себя с другими; самоосуждени, чувстве беспокойства и заметном дискомфорте в процессе межличностного взаимодействия характеризуют проявления этого синдрома) и обсессивно–компульсивных проявлений (психическое состояние с навязчивыми, повторяющимися мыслями, переживаниями и действиями, воспринимаемые как постоянные и непреодолимые, но чуждые и нежелательные). Описанные проявления являются соотносимыми по содержанию с диагностическими критериями ПТСР, описанными в международной систематике болезней (МКБ-10). При этом у сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыта участия в контртеррористических действиях, не выявлено проявлений ПТСР и психопатологической симптоматики.

Профили ассоциативных реакций сотрудников правоохранительных органов сформированы по критерию убывания частот встречаемости ассоциативных реакций. На объектозначимые стимулы у сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, преобладают следующие ассоциативные реакции: эхоталлические, классификационные и детерминационные реакции. Минимально представлены (либо отсутствуют) грамматические омонимы, синкретические реакции, отказные, экстарсигнальные и междометные реакции. У сотрудников правоохранительных органов. У сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, на объектозначимые стимулы преобладают ассоциативные реакции по смежности, а также детерминационные, классификационные и многозначные. Профиль ассоциативных реакций сотрудников правоохранительных органов на объектонезначимые стимулы характеризуется следующими особенностями. У сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, в профиле преобладают ассоциативные реакции по смежности, эхоталлические и детерминационные реакции. У сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыта участия в контртеррористических действиях, в профиле ассоциативных реакции также преобладают реакции по смежности, многозначные и детерминационные реакции.

В результате исследования диссоциативных механизмов ПТСР выявлен высокий уровень диссоциированности у сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях при низких значения диссоциированности у сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыта участия в контртеррористических действиях.

Диссоциативные механизмы поддерживают дискретность временной перспективы личности и ограничивают ее жизненный путь. Сотрудники правоохранительных органов, имеющие опыт участия в контртеррористических действиях, характеризуются преобладанием событий негативного прошлого при низких показателях позитивного прошлого и будущего. При этом у сотрудников правоохранительных органов, не имеющих опыта участия в контртеррористических действиях, выявлена обратная тенденция: преобладание событий позитивного прошлого и будущего при низких показателях негативного прошлого и фаталистического настоящего.

Жизненный путь личности сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, характеризуется значимо меньшей протяженностью и событийной насыщенностью по сравнению с сотрудниками правоохранительных органов, не имеющими опыт участия в контртеррористических действиях. Также выявлено значимое преобладание длины и событийной насыщенности прошлого по сравнению с аналогичными параметрами будущего. Полученные результаты свидетельствуют об ограниченности представлений сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях прошлым при сужении перспективы будущего.

У сотрудников правоохранительных органов, имеющих опыт участия в контртеррористических действиях, диссоциативные механизмы поддерживают соматизированные проявления ПТСР. Обсессивно–компульсивные проявления, реализующиеся в симптомах ретрансляции психотравмирующего опыта, поддерживаются эхоталическими и персевераторными ассоциативными реакциями. Депрессивные проявления обеспечиваются созвучными ассоциативными реакциями; враждебность к окружающему миру поддерживается через опосредованные ассоциативные реакции. Детерминационные ассоциативные реакции поддерживают проявления фобической тревожности.

Список литературы

Котенев И.О. 1997. Психологическая диагностика постстрессовых состояний у сотрудников органов внутренних дел. Методическое пособие для практических психологов. МЦ при ГУК МВД России. – М, 40.

Коган, Б. М., Семина, Т. Е. 2010. Проблема диссоциации в психологии и психиатрии. Системная психология и социология МГПУ. 2(1): 43-52.

Максименко С.Д., Максименко К.С., Никишина В.Б., Петраш Е.А., Кузнецова А.А. 2014. Ассоциативно-диссоциативные механизмы временной перспективы личности при алкогольной зависимости. Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 1: 85-91.

Малкина–Пых И.Г. 2005. Психосоматика. Справочник практического психолога. – М.: Изд-во Эксмо, 992.

Никишина В.Б. 2010. Ассоциативный эксперимент в диагностике зависимости: методологический и методический компонент. Вестник Университета (Государственный университет управления).9: 67.

Тарабрина, Н.В. 2001. Практикум по психологии посттравматического стресса.- СПб: Питер, 272.

УДК 358.3

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТООУСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНИЗАЦИИ****DEVELOPMENT OF CONFLICT IMMUNITY OF ORGANIZATION PERSONNEL****М.В. Ланских ¹, А.С. Пономарев ²
M.V. Lanskikh, A.S. Ponomarev**

¹⁾ *Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

²⁾ *Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»
Украина, 61002, г. Харьков, ул. Фрунзе, 21
Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia
National Technic University „Kharkiv Politechnic Institute”, 21, Frunze Str., Kharkiv, 61002, Ukraine*

E-mail: lanskih@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье конфликтоустойчивость рассматривается как индивидуально-психологическое качество личности сотрудника организации, влияющее на становление и протекание межличностных взаимоотношений между данным сотрудником и его коллегами, руководством, партнерами и др. Высокий уровень конфликтоустойчивости личности сотрудника является необходимым условием выстраивания и сохранения доброжелательных и эффективных взаимоотношений в любой организации. Однако, под воздействием различных факторов уровень данного качества сотрудника может снижаться, что требует своевременной психологической коррекции его уровня.

Abstract. In the article immunity to conflict is seen as individual psychological qualities of the personality of the employee of the organization, influencing the development and course of interpersonal relationships between the employee and his colleagues, superiors, partners, etc. The high level of conflictologist personality of the employee is a necessary condition for building and maintaining friendly and effective relationships in any organization. However, under the influence of various factors the level of quality of an employee can be reduced, which requires timely psychological correction level.

Ключевые слова: организация, персонал, взаимодействие, конфликт, оппонент, конфликтоустойчивость.

Keywords: organization, personnel, the interaction, conflict, opponent, immunity to conflict.

Введение

В современных организациях всех типов и форм собственности, где люди постоянно взаимодействуют друг с другом и с представителями внешней среды (партнерами, потребителями, поставщиками, конкурентами), конфликты являются одним из неотъемлемых элементов системы их взаимоотношений. Иногда они позволяют решить конкретную проблему наиболее эффективным для всех сторон способом; упрочить взаимопонимание и сотрудничество; повысить сплочённость в коллективе; уменьшить антагонизм, единомыслие и т.д. Однако, как показывает практика, в большинстве случаев конфликты являются причиной того, что руководители теряют контроль над персоналом; сотрудники начинают неэффективно работать, а иногда даже и увольняются; производственный процесс приостанавливается и возникает угроза самому существованию организации. В связи с этим особенно актуальным на сегодняшний день является изучение факторов, обуславливающих возникновение, динамику протекания и результат развития конфликта. Одним из важнейших факторов подобного рода, по нашему мнению, является конфликтоустойчивость как психологическая характеристика личности сотрудника организации. Ее особенность состоит в зависимости как от генетически обусловленных факторов, так и от приобретенных в процесс обучения, воспитания, личностного развития и социализации личности

Изучением проблемы конфликтоустойчивости личности занимались такие ученые, как А.Я. Анцупов, Л.И. Божович, И.В. Ващенко, Б.С. Волков, Ф. Глазл, Н.В. Гришина, С.М. Емельянов, В.И. Илийчук, Г.И. Козырев, Н.И. Леонов, Ю.П. Платонов, И.Б. Хасан, А.И. Шипилов и др.

Так, Анцупов А.Я. и Шипилов А.И. под конфликтоустойчивостью понимают «способность оптимально организовать свое поведение в сложных ситуациях социального взаимодействия, бесконфликтно решать проблемы, возникающие в отношениях с другими людьми» [Анцупов, Шипилов, 2008, с. 201]. Они считают, что конфликтоустойчивость формируется в течение жизни человека и зависит от ряда факторов: типа нервной системы; уровня развитости познавательных структур личности; профессиональной подготовки и опыта; умений и навыков поведения и деятельности.

Ученые в структуре конфликтоустойчивости выделили эмоциональный, волевой, когнитивный, мотивационный и психомоторный компоненты [Анцупов, Шипилов, 2005]. Эмоциональный компонент конфликтоустойчивости отражает эмоциональное состояние личности в ситуации взаимодействия, уровень и характер возбудимости психики, а также ее влияние на характер общения в проблемной ситуации. Наличие данного компонента у человека свидетельствует о его умении управлять своим эмоциональным состоянием, контролировать агрессию, эффективно общаться с оппонентом. В случае затяжного конфликта или проигрыша в нем – не входить в депрессивные состояния.

Волевой компонент конфликтоустойчивости предполагает способность личности к сознательной мобилизации интеллектуальных и эмоциональных ресурсов в соответствии с определенной ситуацией в процессе взаимодействия, к саморегуляции как психического состояния, так и поведения. Волевой компонент позволяет управлять эмоциональным возбуждением в конфликте, а также обеспечивает толерантность, терпимость к мнению другого человека, самообладание и самоконтроль.

Познавательный компонент представляет собой устойчивое функционирование познавательных процессов личности, невосприимчивость к провокационным действиям оппонента. Данный компонент подразумевает наличие знаний о причинах возникновения, динамике протекания и способах разрешения конфликтов и умений по его прогнозированию, анализу и, возможно, предупреждению. В познавательном компоненте ученые выделяют следующие способности: умение определять начало проблемной и предконфликтной ситуации, анализировать причины возникновения конфликта; умение минимизировать искажение восприятия конфликта и личности оппонента, а также своего поведения; умение давать объективную оценку конфликту, прогнозировать его развитие и последствия; умение выдвигать, обосновывать и принимать решения, адекватные ситуации и направленные на позитивное ее разрешение и т.д.

Мотивационный компонент понимается как состояние внутренних побудительных сил, способствующих оптимальному поведению человека в процессе взаимодействия. Он обеспечивает адекватность побуждений в конкретной складывающейся ситуации, их направленность на поиск путей разрешения противоречия, обуславливающего появление конфликта, устремленность на решение проблемы, возможность корректировки интересов и взглядов, которые отстаиваются, в зависимости от изменяющейся обстановки.

Психомоторный компонент обеспечивает так называемую правильность действий и поведения, соответствующих конкретной ситуации. Он заключается в регуляции своей мимики, пантомимики, позы, положения тела и др. [Анцупов, Шипилов, 2008].

Сотрудник организации, обладающий высоким уровнем конфликтоустойчивости, совершает психологически грамотные действия и поведение в предконфликтных ситуациях, выстраивает оптимальное взаимодействие с оппонентом в процессе конфликта, не допускает втягивания себя в его эскалацию, сосредотачивает усилия на конструктивном разрешении конфликта. Люди, обладающие низким уровнем конфликтоустойчивости, достаточно легко идут на конфликт даже из-за несущественных противоречий и не проявляют толерантности к мнению и действиям партнера.

Глазл Ф. под конфликтоустойчивостью понимает «конфликтоспособность», которая рассматривается им как личностное проявление знаний о конфликте, механизмов его развития и навыков по разрешению [Глазл, 2000]. Конфликтоспособность Глазл Ф. описывает следующим образом:

1. Субъект рассматривает конфликтные явления в себе самом и в своем окружении как можно раньше и отчетливее.
2. Субъект понимает, какие механизмы способствуют усилению конфликта и осложнению ситуации.
3. Субъект способен применять различные методы, которыми он выражает свои намерения, не ухудшая ситуацию.
4. Субъект знает пути и может применять средства, способствующие прояснению точек зрения и ситуации.
5. Субъект хорошо знает, где проходят границы его знаний и умений, и где, следовательно, он должен позаботиться о помощи извне.

Низкий уровень конфликтоспособности личности, по мнению Глазл Ф., выражается в разнонаправленных тенденциях страха перед конфликтом, его подавлении и уходе, и противоположным нападением, агрессией, тягой к столкновениям. Причем, при боязни конфликта эмоции у человека блокируются, а при стремлении к конфликту – выражаются в большой мере, и расхождения становятся достоянием общественности.

Существует ряд факторов, способствующих формированию низкого уровня конфликтостойчивости. Во-первых, это связано со стереотипизацией конфликта, названной Хасаном Б.И. «конфликтофобией» [Хасан, 2003]. Она свидетельствует о негативных установках по отношению к конфликтам, под которыми понимается страх перед их возможным разрушительным влиянием. В данном случае конфликт воспринимается человеком как опасность, угроза собственному благополучию, отношениям с людьми, своей репутации и т.д. «Конфликтофобия» проявляется в сильном эмоциональном реагировании на конфликт, в стремлении «избавиться» от него любым способом (например, с помощью подавления, избегания, ухода). Обратной стороной «конфликтофобии» является принятие конфликта и отношение к нему как к одной из форм человеческого общения, а не как свидетельство собственной несостоятельности и вины. В основе последнего способа реагирования лежит конструктивный тип поведения, что является позитивным условием для организации.

Во-вторых, фактором, связанным с низким уровнем конфликтостойчивости человека, является его принадлежность к конфликтному типу личности. Бородкин Ф.М., Коряк Н.М., Захаров В.П. и другие выделяют пять основных конфликтных типов личности: демонстративный, ригидный, неуправляемый, сверхточный и бесконфликтный. Причем, данная классификация типов позволяет понять, как конкретные личностные черты могут влиять на поведение в проблемной и конфликтной ситуации.

Рассмотрим каждый тип личности более подробно:

- демонстративный (стремится быть в центре внимания, в большей степени обращен на свои переживания и чувства, поведение очень эмоциональное, легко даются поверхностные конфликты, не уходит от конфликта, чувствует себя спокойно в ситуации конфликтного взаимодействия);

- ригидный (обладает завышенной самооценкой, часто не учитывает изменения в обстоятельствах, прямолинеен, почти не считается с мнением окружающих, выражение почтения со стороны окружающих воспринимает как должное, а выражение недоброжелательства – как личную обиду);

- неуправляемый (импульсивный, недостаточно контролирует себя, поведение мало предсказуемо, вызывающе ведет себя, часто не обращает внимания на общепринятые нормы, снижена критичность по отношению к себе, не учится на своих ошибках);

- сверхточный (скрупулезно относится к работе, предъявляет повышенные требования к себе и окружающим, обладает повышенной тревожностью, сдержан в эмоциональных проявлениях, характерны психосоматические расстройства вследствие сильных переживаний за собственные просчеты и неудачи);

- бесконфликтный (характеризуется неустойчивостью в оценках и мнениях, обладает легкой внушаемостью, характерна непоследовательность поведения, излишне стремится к компромиссу, не задумывается о последствиях своих поступков) [по Морозов, 2000].

Таким образом, уровень конфликтостойчивости человека зависит от его личностных особенностей и может изменяться под воздействием различных факторов. Высокий уровень конфликтостойчивости личности сотрудника организации необходим в силу постоянных контактов со многими людьми с целью построения и сохранения с ними эффективного взаимодействия. В соответствии с этим считаем необходимым проведение своевременной психологической коррекции низкого уровня конфликтостойчивости личности.

Организация и методы исследования

Исследование проводилось в одной из организаций г. Белгорода. В нем приняли участие 66 сотрудников.

Исследование осуществлялось с использованием следующих психодиагностических методик: методика «Определение уровня конфликтостойчивости» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов), «Методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению» (К. Томас, адаптация Н.В. Гришиной).

Для оценки статистической значимости полученных результатов мы использовали *t*-критерий Стьюдента.

Анализ результатов исследования

В результате анализа полученных результатов при исследовании конфликтоустойчивости личности сотрудников организации нами были выявлены особенности, которые наглядно можно представить на рисунке 1.

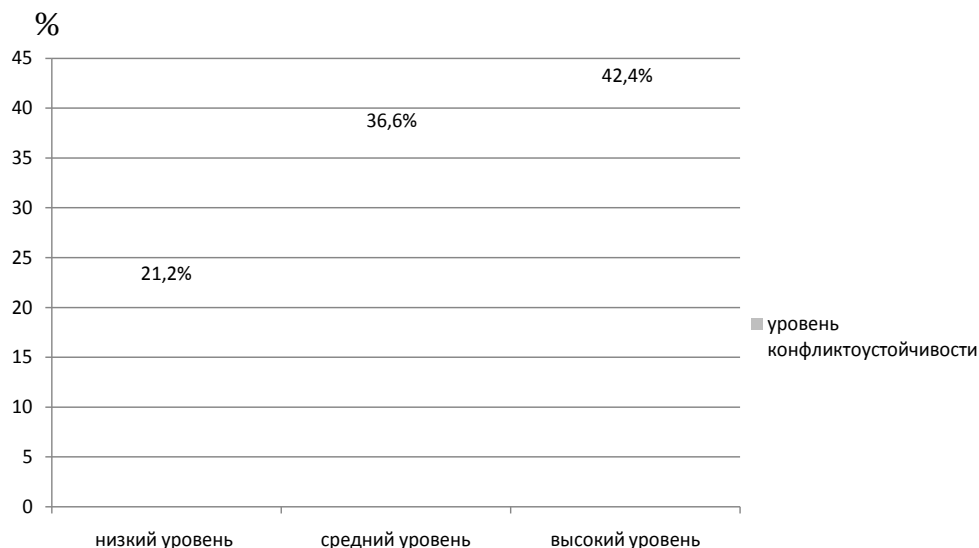

Рис. 1. Распределение уровней конфликтоустойчивости сотрудников организации, %

Анализируя рисунок, можно сделать вывод, что 42,4% (28 чел.) сотрудников организации имеют высокий уровень конфликтоустойчивости. Это свидетельствует о том, что данные сотрудники остаются в рамках социально приемлемых способов поведения в потенциально конфликтной ситуации, стремятся к поиску оптимального решения в каждой конкретной ситуации, которое бы устроило все стороны, участвующие в конфликте. Средний уровень конфликтоустойчивости мы наблюдаем у 36,6% (24 чел.) сотрудников организации. Люди с таким уровнем конфликтоустойчивости стремятся избегать конфликтных ситуаций, готовы находить конструктивные способы решения. Это может свидетельствовать о стремлении сотрудников сохранять доброжелательные отношения с окружающими людьми, избегая спорных вопросов. Низкий уровень конфликтоустойчивости диагностирован у 21,2% (14 чел.) сотрудников организации. Сотрудников с таким уровнем конфликтоустойчивости легко вывести из себя и спровоцировать начать конфликт там, где его можно было бы избежать, чаще всего они не могут контролировать свое поведение и эмоции в конфликте. Т может быть обусловлено как личностными особенностями самих сотрудников, так и спецификой профессиональной деятельности, предполагающей постоянное воздействие различных факторов.

При проведении исследования нам также было важно определить, как сотрудники организации проявляют свои поведенческие реакции в самом конфликте, то есть нас интересовала социально-психологическая сторона конфликтоустойчивости личности. С этой целью мы использовали «Методику диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению» К. Томаса. В результате анализа полученных данных, у сотрудников организации были выявлены следующие особенности поведения в конфликте, представленные на рисунке 2.

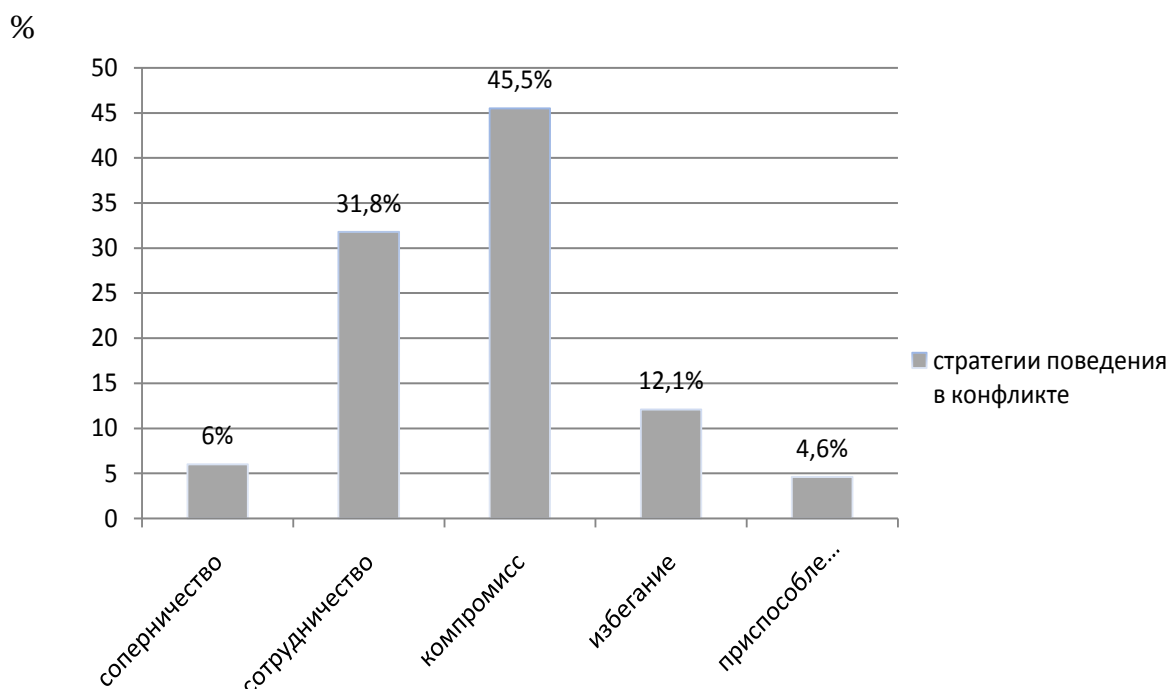

Рис. 2. Распределение предпочитаемых стратегий поведения в конфликте сотрудников организации, %

На рисунке видно, что у 45,5% (30 чел.) сотрудников организации предпочитаемой является стратегия поведения в конфликте - «компромисс». Сотрудники, предпочитающие данную стратегию, при возникновении конфликта не пытаются слепо отстаивать свои права и интересы, а прислушиваются к мнению других людей, ищут точки соприкосновения по спорным вопросам и решают возникающие конфликты, учитывая точку зрения и интересы оппонента. Конечно же, предпочтение стратегии поведения в конфликте «компромисс» почти у половины сотрудников организации благоприятно сказывается на имидже организации. Для 31,8% (21 чел.) сотрудников организации предпочитаемой и наиболее эффективной, по их мнению, является стратегия «сотрудничество». Данная стратегия характеризуется настойчивостью сторон, участвующих в конфликте, а решение проблемной или конфликтной ситуации происходит путем учета обоюдных интересов и с минимальными потерями для оппонентов. Стратегия «избегание» доминирует у 12,1% сотрудников (8 чел.). Эти сотрудники стараются избегать конфликты, чтобы выйти из возникшей ситуации с минимальными потерями ресурсов. Это может быть связано как личностными особенностями (темпераментальными, характерологическими, эмоционально-волевой и мотивационной сферой) сотрудников, так и с доминирующим авторитарным стилем руководителя, при котором подчиненные не могут ставить под сомнение его слова и безоговорочно выполняют поручения, чтобы не спровоцировать конфликт. 6% (4 чел.) сотрудников используют в конфликте стратегию «соперничество». Сотрудники, выбирающие данную стратегию, не склонны учитывать взгляды, интересы и цели оппонентов, стремятся настоять на своем путем открытой борьбы и занимают жесткую позицию непримиримого антагонизма в случае сопротивления. Для 4,6% (3 чел.) сотрудников ведущей является стратегия «приспособление». Это свидетельствует о том, что такие люди стремятся сохранить или наладить благоприятные отношения, обеспечить интересы партнера путем сглаживания разногласий. Они готовы идти на уступки, пренебрегая собственными интересами, претензиями.

Таким образом, для большинства сотрудников – 77,3% (51 чел.) предпочитаемыми стратегиями поведения в конфликте являются «компромисс» и «сотрудничество». Это свидетельствует о том, что сотрудники при разрешении проблемной или конфликтной ситуации используют самые эффективные стратегии поведения, что позволяет избегать серьезных конфликтов и выстраивать доброжелательные отношения в организации.

Так как в нашем исследовании были выявлены сотрудники, обладающие низким уровнем конфликтостойчивости, руководители данной организации обратились к нам с запросом откорректировать уровень конфликтостойчивости у данной категории людей. Нами была разработана и проведена коррекционно-развивающая программа, направленная на повышение уровня конфликтостойчивости у сотрудников организации.

Разработанная программа направлена на работу с когнитивным, эмоциональным, мотивационным, волевым и психомоторным компонентами конфликтостойчивости, выделенными

Анцуповым А.Я. и Шипиловым А.И. Основными задачами программы являются: формирование представления о конфликте (сотрудникам рассказывалось о причинах возникновения, видах и структуре конфликтов, о стратегиях поведения в нем и о его возможных деструктивных последствиях); обучение навыкам распознавания эмоций и чувств оппонентов, а также умению контролировать собственные эмоциональные переживания; развитие навыков конструктивного поведения и взаимодействия в конфликтной ситуации, включающего совместный поиск эффективных решений; выработка механизмы эмпатии; формирование навыков самоконтроля мимики, пантомимики и жестикуляции. Программа рассчитана на 10 занятий, каждое из которых было продолжительностью 90 минут. Занятия проводились два раза в неделю.

С целью оценки эффективности разработанной и проведенной нами коррекционно-развивающей программы, направленной на повышение уровня конфликтоустойчивости сотрудников организации, был проведен сравнительный анализ результатов тестирования до и после ее проведения. Нами были обнаружены статистически достоверные различия в результатах, которые представлены в табл.

Таблица

Сравнение показателей конфликтоустойчивости личности сотрудников до и после проведения коррекционно-развивающей программы

	Средние показатели	
	до воздействия	после воздействия
ср.значение	26,83	33,08
t-критерий	5,206	
p	<0,01	

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том что в результате проведения программы, направленной на повышение уровня конфликтоустойчивости, у сотрудников организации, имеющих низкие показатели по данному параметру в начале исследования и по итогам повторного среза, показатели значительно увеличились. При использовании t-критерия Стьюдента были обнаружены статистически достоверные различия в показателях конфликтоустойчивости до и после проведения программы ($t=5,206$; $p<0,01$). Это свидетельствует о том, что в ходе проведения коррекционно-развивающей программы у сотрудников организации были достигнуты поставленные нами цель и задачи.

Что касается выбора стратегий поведения в конфликте сотрудниками с низким уровнем конфликтоустойчивости, то здесь тоже наблюдаются изменения. Выбор предпочитаемых стратегий поведения в конфликте сотрудниками организации показан на рисунке 3.

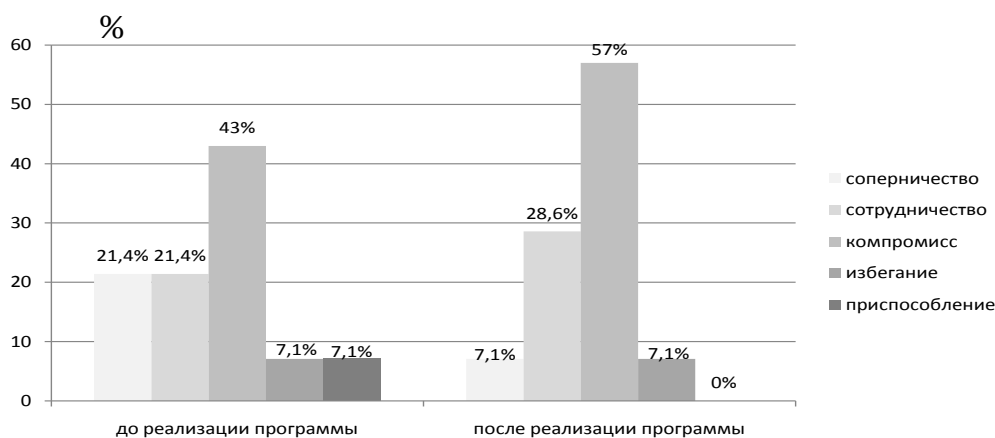

Рис. 3. Распределение предпочитаемых стратегий поведения в конфликте сотрудников организаций с низким уровнем конфликтоустойчивости до и после реализации программы, %

Результаты, представленные на рисунке, свидетельствуют о том, что после проведения коррекционно-развивающей программы у сотрудников с низким уровнем конфликтоустойчивости наблюдается:

- снижение показателей по стратегиям: «соперничество» (было у 21,4% (3 чел.), а стало у 7,1% (1 чел.)) и «приспособление» (было у 7,1% (1 чел.), а стало - 0% (т.е. нет людей, выбирающих данную стратегию));
- без изменений – выбор стратегии «избегание» (было у 7,1% (1 чел.) и осталось у 7,1% (1 чел.));
- повышение показателей по стратегиям: «сотрудничество» - (было у 21,4% (3 чел.), а стало у 28,6% (4 чел.)) и «компромисс» (было у 43% (6 чел.), а стало у 57% (8 чел.)).

Данные результаты свидетельствуют об эффективности коррекционно-развивающей программы, благодаря которой мы смогли снизить негативные эмоциональные реакции у сотрудников, повысить саморегуляцию их поведения и стремление к совместному поиску решения проблем (т.е. к сотрудничеству).

Заключение

Теоретический анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что проблема конфликтоустойчивости имеет особую актуальность как в российской, так и в зарубежной психологической науке. Многие исследователи подчеркивают важность формирования конфликтоустойчивости личности, повышения ее уровня в целях предупреждения возникновения и нежелательного характера развития конфликтов, а также их разрешения с минимальными затратами психических ресурсов.

При изучении уровня конфликтоустойчивости личности сотрудников организации нами были выявлены люди, у которых был низкий уровень ее развитости. С целью изменения данного уровня нами была разработана и проведена коррекционно-развивающая программа, способствующих развитию компонентов конфликтоустойчивости: когнитивного, эмоционального, мотивационного, волевого, психомоторного. Повторное исследование после реализации предложенной программы показало позитивные изменения как в уровне конфликтоустойчивости личности сотрудников, так и в выборе ими преобладающей стратегии в разрешении конфликтных ситуаций. Поскольку полученные данные подтверждены статистически достоверными результатами, то можно сделать вывод о том, что предложенная методика и проведенные занятия по ее целенаправленной реализации оказались достаточно эффективными. Более того, результат ее применения убедительно свидетельствует о принципиальной возможности повышения уровня конфликтоустойчивости и толерантности даже у склонных к конфликтности личностей.

Список литературы

- Анцупов А.Я. 2008. Конфликтология: учеб. пособие для ВУЗов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. - СПб.: Питер, 496 с.
- Анцупов А.Я. 2006. Словарь конфликтолога: учеб.-метод. пособие для ВУЗов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 528 с.
- Глазл Ф. 2000. Самопомощь в конфликтах. Концепции - упражнения – практические методы / пер. с нем. – Калуга: Духовное познание, 192 с.
- Хасан Б.И. 2003. Конструктивная психология конфликта / Б.И. Хасан. – СПб.: Питер, 250 с.
- Морозов А.В. 2000. Деловая психология. Курс лекций. – СПб.: Союз, 576 с.

УДК 159.9.07

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК СУБЪЕКТОВ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**STRUCTURAL ORGANIZATION OF SOCIAL AND SUBSTANTIAL ATTITUDES OF INTERPERSONAL INTERACTION SUBJECTS IN THE PERFORMANCE MANAGEMENT****В.Б. Никишина¹ Ю.В. Золотухина² Е.А. Петраш
V.B. Nikishina, Y.V. Zolotukhina, E.A. Petrash**¹ Курский государственный медицинский университет, 305041, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 3² Федеральное казенное учреждение здравоохранения «Медико-санитарная часть МВД России по Курской области», 305000, г. Курск, ул. Красный Октябрь, д. 4

Kursk State Medical University, 3, Karl Marks Str., 305041, Russia

Federal State Health care Facility health care part of the Russian Interior Ministry in Kursk Region, 4, Krasny Oktyabr Str., 305000, Russia

e-mail: vbnikishina@mail.ru, petrash@mail.ru, zolot.y@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования структурно-содержательной организации социально-психологических установок субъектов межличностного взаимодействия с учетом условий служебной деятельности (нормативные, особые), профиля служебной деятельности (оперативный, аналитический), иерархической системы званий (старший лейтенант, капитан, майор, подполковник), длительности служебной деятельности (до 1 года, 1-5 лет, свыше 5 лет).

Abstract. The results of empirical studies of structural and content organization of social and attitudes subjects of interpersonal interaction with the conditions of performance (regulations, specific), the profile of performance management (operational, analytical), the hierarchical rank of the system (the first lieutenant, captain, major, lieutenant colonel), duration performance (up to 1 year, 1-5 years, over 5 years).

Ключевые слова: социально-психологические установки субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности, временные установки.

Keywords: interpersonal interaction in terms of performance, the temporary installation of the socio-psychological attitudes of subjects.

Введение

Актуальность проблемы социально-психологических установок межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности представлена двумя уровнями аргументации: социальным и социально-психологическим. Социальный уровень аргументации заключается в том, что профессиональная некомпетентность и несостоятельность наделенных властными функциями и имеющими табельное оружие сотрудников правоохранительных органов не только дискредитируют правоохранительные органы в глазах общественности, но и несут потенциальную угрозу нарушения прав и причинения вреда здоровью как окружающим, так и самим себе. Социально-психологический уровень аргументации предполагает, что служебная деятельность и межличностное взаимодействие сотрудников правоохранительных органов характеризуется высоким уровнем интенсивности, неопределенности и психической напряженности, что повышает вероятность нарушений социально-психологической адаптации, а также риск психических и психосоматических расстройств.

Традиция изучения социально-психологических установок первоначально сложилась в зарубежной социальной психологии и социологии (Айзен А., Занна М., Знанецкий Ф., Катц Д., Ланге Л., Олпорт Г.В., Рокич М., Смит М., Томас У., Фацио Р., Фишбайн М.) [Узнадзе, 1998].

В научный оборот понятие социальной установки впервые была введена Ланге Л. Томас У. и Знанецкий Ф. впервые ввели понятие «аттитюд» для обозначения ориентации индивида в качестве члена группы относительно ценностей группы. Олпортом Г.В. были предприняты попытки выделения функции аттитюда, обоснованный анализ которых впервые был представлен в работах

Смита М. Дальнейшие исследования были направлены на анализ функций аттитюда (Катц Д). Рокич М. усложнил структуру аттитюда, предположив одновременное существование двух аттитюдов, каждый из которых может актуализироваться в данный момент времени - на объект и на ситуацию. Свое развитие теории аттитюдов получили в работах современных западных исследователей. Айзенем А. и Фишбайном М. была разработана теория запланированного поведения, в основу которой легла взаимосвязь «аттитюд – намерение – поведение». В настоящее время активно развивается ассоциативно-оценочная теория социальных установок Фацио Р. и Занна М.

Организация и методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось на базе Управления Министерства внутренних дел по Курской области в 2010– 2015гг. Общий объем выборки составил 306 человек в возрасте от 24 до 45 лет. Формирование выборок осуществлялась по нескольким критериям: 1) длительность профессиональной деятельности (до 1 года – 96 человек; от 1 года до 5 лет – 98 человек; свыше 5 лет – 112 человек); 2) профиль профессиональной деятельности (оперативное взаимодействие – 168 человек; аналитическое взаимодействие – 138 человек); 3) иерархическая система званий (в звании старший лейтенант – 74 человека, капитан – 87 человек, майор – 82 человека, подполковник – 63 человека); 4) условия профессиональной деятельности (нормативные условия профессиональной деятельности – 169 человек; особые условия профессиональной деятельности – 137 человек). Под нормативными условиями профессиональной деятельности понимаются условия, не связанные с участием в контртеррористических действиях. К особым условиям профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов относится опыт участия в контртеррористических действиях не менее 6 месяцев. Исследование испытуемых по критерию «особые условия профессиональной деятельности» осуществлялось в адаптационном периоде. Все группы испытуемых уравнивались по полу (в исследовании принимали участие только мужчины), возрасту (все испытуемые в возрасте от 24 до 46 лет), образовательному уровню (все испытуемые имели высшее юридическое образование), условиям профессиональной деятельности (все испытуемые являются сотрудниками правоохранительных органов).

Методический инструментарий включал в себя следующие психодиагностические методики: методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере Потемкиной О.Ф.; методика Шварца Ш. «Ценностный опросник»; методика адаптации Леонтьева Д.А. «Тест смысложизненных ориентаций»; методика диагностики временных установок Нюттена Ж. [Леонтьев, 2000; Нюттен, 2004; Никишина, Петраш, 2009; Никишина, Петраш, Кузнецова, 2015].

Количественная обработка осуществлялась с использованием методов описательной статистики (значения средних тенденций, стандартное отклонение), методов сравнительной статистики (непараметрические U-критерий Манна-Уитни и H-критерий Крускала-Уоллиса), метода корреляционного анализа (r-критерий ранговой корреляции Спирмена).

Результаты исследования

Система социально-психологических установок субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности включает в себя социально-психологические установки в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина) и временные установки личности (Ж. Нюттен).

Социально-психологические установки в мотивационно-потребностной сфере субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности характеризуются преобладанием результатных установок эгоистической направленности, ориентированностью на свободу и материальное благосостояние вне зависимости от условий служебной деятельности (нормативных или особых), иерархической системы званий (лейтенант, капитан, майор, подполковник) и длительности служебной деятельности (до 1 года, 1-5 лет, свыше 5 лет) (Рис. 1).

Специфические особенности проявляются в значимом снижении уровня выраженности альтруистических и процессных установок у субъектов служебной в особых условиях при значимом преобладании социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере, ориентированных на результат. Система организации социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере субъектов межличностного взаимодействия с учетом профиля служебной деятельности характеризуется значимым преобладанием результатных установок при оперативном профиле деятельности в сравнении с аналитическим.

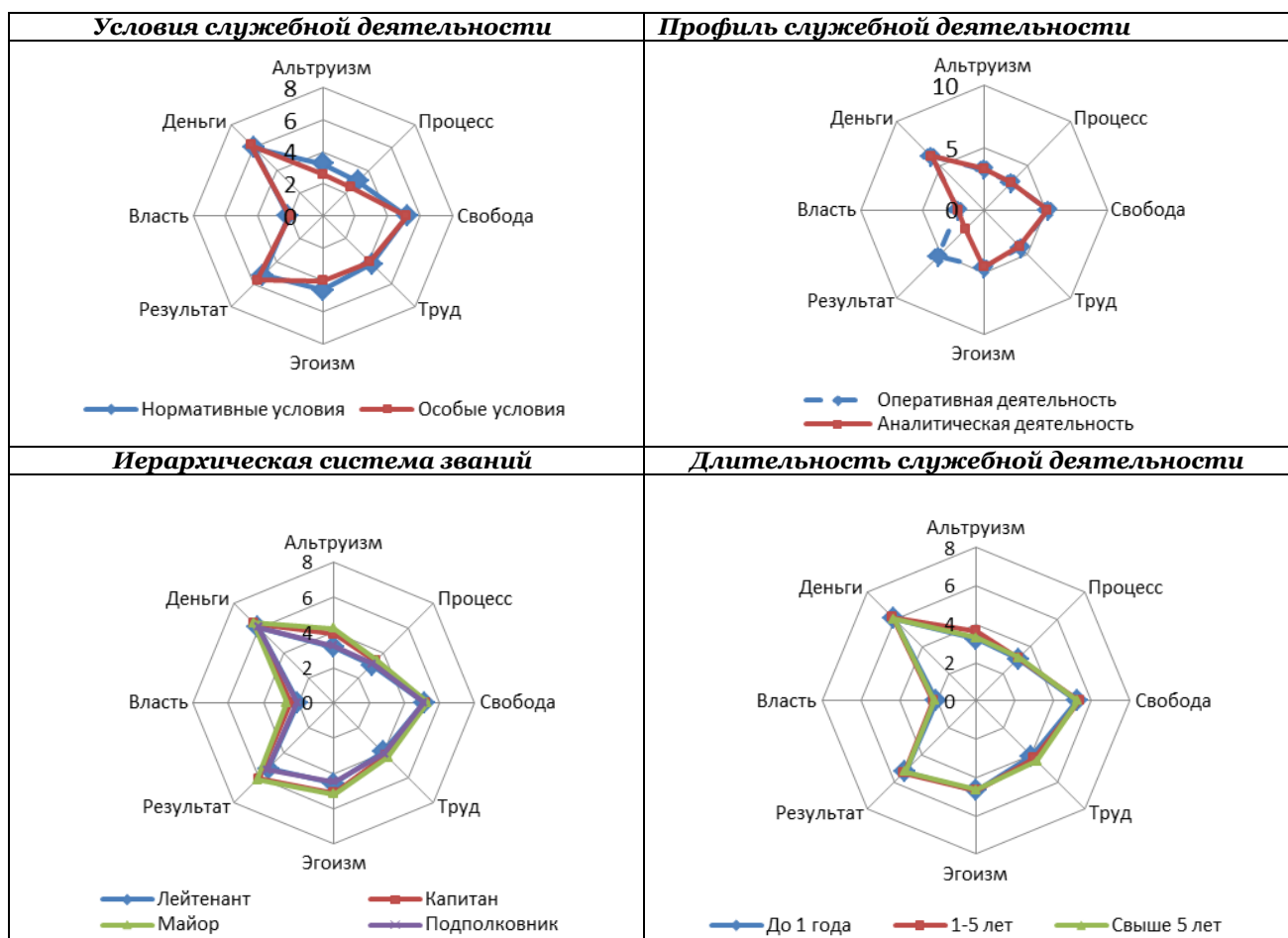

Рис. 1. Диаграммы усредненных профилей социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности

Временные установки интегрируют установочную систему в целом через ориентацию и выстраивание иерархических значений основного ресурса жизни и взаимодействия субъекта, времени жизни. Общей тенденцией в системе временных установок субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности является преобладание установок на будущее при минимальной представленности установок на прошлое (Рис. 2).

Специфическими особенностями является значимое повышение уровня выраженности временных установок на прошлое у субъектов межличностного взаимодействия в особых условиях служебной деятельности при значимом снижении установок на настоящее и будущее.

Система временных установок субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности с учетом профиля деятельности (оперативная или аналитическая деятельность) значимо не различается.

С учетом иерархической системы званий субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности на уровне статистических тенденций выявлено повышение уровня выраженности временных установок на прошлое, настоящее и будущее у субъектов в звании капитана и майора при снижении показателей у субъектов в звании старшего лейтенанта и подполковника.

С учетом длительности служебной деятельности у субъектов межличностного взаимодействия на уровне статистической тенденции выявлено повышение уровня выраженности временных установок на прошлое и настоящее с длительностью служебной деятельности от 1 до 5 лет.

Содержание системы социально-психологических установок субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности определяется особенностями ценностно-смысловой сферы.

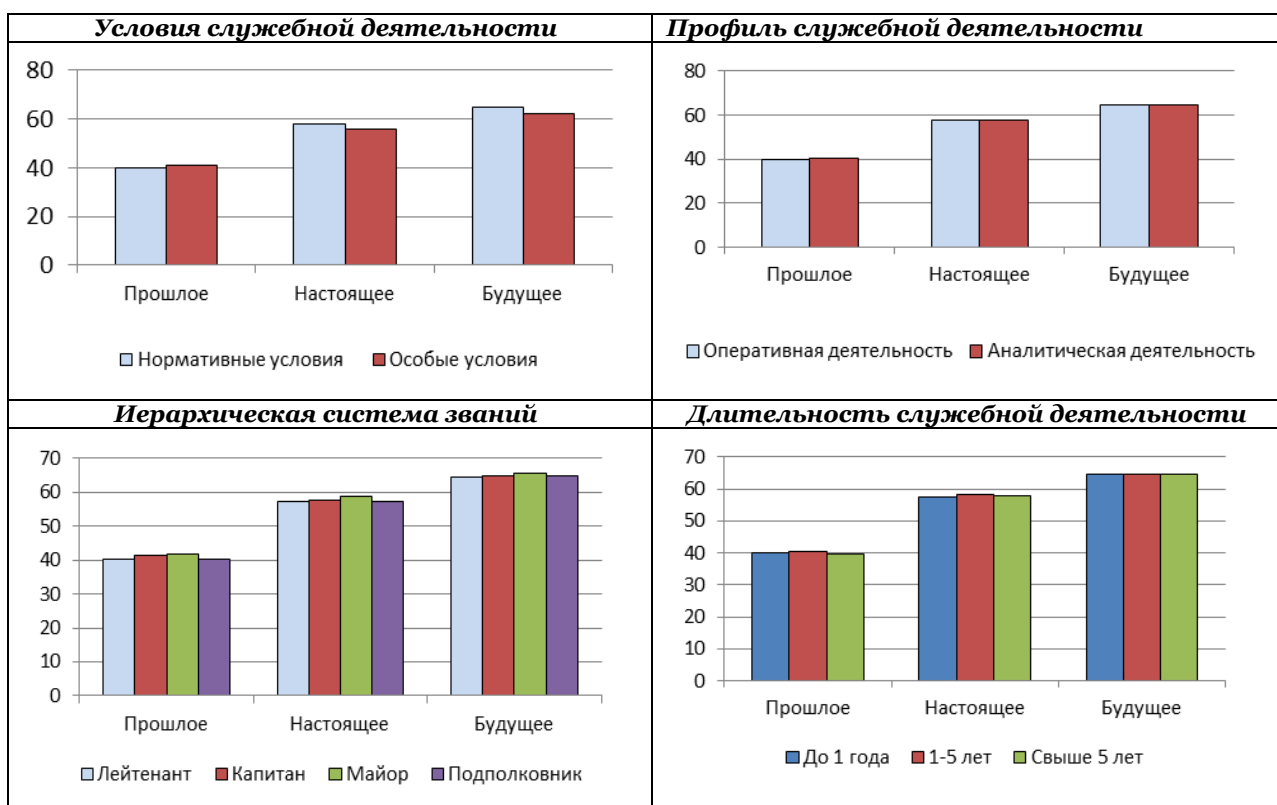

Рис. 2. Гистограммы средних значений временных установок субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности

У субъектов межличностного взаимодействия с учетом условий служебной деятельности выявлено рассогласование системы ценностей между уровнем нормативных идеалов, отражающим содержание системы ценностных ориентаций на уровне представлений, и уровнем индивидуальных приоритетов, отражающим реализуемое в поведении содержание системы ценностных ориентаций. В системе ценностных ориентаций преобладают ценности универсализма, самостоятельности и безопасности на уровне нормативных идеалов, характеризующих систему ценностей на уровне представлений, при поведенческой реализации ценностей универсализма и гедонизма у субъектов межличностного взаимодействия как в нормативных, так и в особых условиях служебной деятельности.

На уровне ценностных ориентаций у субъектов межличностного взаимодействия с учетом профиля служебной деятельности (оперативный и аналитический) система ценностных ориентаций личности характеризуется согласованностью, что проявляется в поведенческой реализации ценностных ориентаций, выявленных на уровне представлений. Содержательно в системе ценностных ориентаций выявлено преобладание ценностей универсализма, достижения и безопасности как на уровне нормативных идеалов (характеризующем уровень представлений), так и на уровне индивидуальных приоритетов (характеризующем уровень поведенческой реализации).

Система смысложизненных ориентаций субъектов межличностного взаимодействия в особых условиях служебной деятельности характеризуется значимым снижением процессуальности жизни, самоконтроля и общего уровня осмысленности жизни в сравнении с субъектами межличностного взаимодействия в нормативных условиях служебной деятельности. С учетом профиля служебной деятельности характеризуется преобладанием показателей целенаправленности и подконтрольности жизни как в условиях оперативного, так и в условиях аналитического профиля деятельности. С учетом иерархической системы званий и длительности служебной деятельности характеризуется высоким общим уровнем осмысленности жизни при высоких показателях целенаправленности и процессуальности жизни.

Оценка структурно-содержательной организации социально-психологических установок межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности осуществлялась с использованием метода корреляционного анализа (г-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p < 0,05$) показателей уровня выраженности социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере и показателей системы смысложизненных ориентаций личности.

Система взаимосвязей показателей уровня выраженности социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере и показателей смысложизненных ориентаций личности субъектов межличностного взаимодействия в особых условиях служебной деятельности характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями между показателями процессуальности жизни и процессными установками ($r=0,54$), результативностью жизни и результатными установками ($r=0,42$), показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками материальной направленности ($r=0,50$), а также общей осмысленностью жизни и результатными социально-психологическими установками ($r=0,64$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями локуса контроля Я и социально-психологическими установками эгоистической направленности ($r=-0,52$), а также показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками, ориентированными на власть ($r=-0,48$). В нормативных условиях служебной деятельности у субъектов межличностного взаимодействия также выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между показателями процессуальности жизни и процессными установками ($r=0,51$), результативностью жизни и результатными установками ($r=0,39$), показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками материальной направленности ($r=0,42$), общей осмысленностью жизни и результатными социально-психологическими установками ($r=0,47$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями локуса контроля Я и социально-психологическими установками эгоистической направленности ($r=-0,44$), а также показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками, ориентированными на власть ($r=-0,55$). При этом, в отличие от субъектов межличностного взаимодействия в особых условиях служебной деятельности, в нормативных условиях службы выявлена статистически значимая прямо пропорциональная взаимосвязь между целенаправленностью жизни и социально-психологическими установками в мотивационно-потребностной сфере эгоистической направленности ($r=0,63$).

С учетом профиля служебной деятельности взаимосвязей показателей уровня выраженности социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере и показателей смысложизненных ориентаций личности субъектов межличностного взаимодействия система с оперативным профилем деятельности характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями между показателями целенаправленности жизни и эгоистическими установками ($r=0,54$), показателями процессуальности жизни и процессными установками ($r=0,38$), результативностью жизни и результатными установками ($r=0,51$), показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками материальной направленности ($r=0,49$), общей осмысленностью жизни и результатными социально-психологическими установками ($r=0,62$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями локуса контроля Я и социально-психологическими установками эгоистической направленности ($r=-0,44$), а также показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками, ориентированными на власть ($r=-0,39$). У субъектов межличностного взаимодействия с аналитическим профилем служебной деятельности также выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между показателями целенаправленности жизни и эгоистическими установками ($r=0,47$), показателями процессуальности жизни и процессными установками ($r=0,44$), показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками материальной направленности ($r=0,51$), общей осмысленностью жизни и результатными социально-психологическими установками ($r=0,57$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между результативностью жизни и результатными установками ($r=-0,49$), показателями локуса контроля Я и социально-психологическими установками эгоистической направленности ($r=-0,37$), а также показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками, ориентированными на власть ($r=-0,43$).

С учетом иерархической системы званий у субъектов служебной деятельности в младших офицерских званиях (лейтенант, капитан) система взаимосвязей показателей уровня выраженности социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере и показателей смысложизненных ориентаций личности характеризуется статистически значимыми прямо пропорциональными взаимосвязями между показателями процессуальности жизни и процессными установками ($r_1=0,51$; $r_2=0,57$), результативностью жизни и результатными установками ($r_1=0,49$; $r_2=0,46$), а также общей осмысленностью жизни и результатными социально-психологическими установками ($r_1=0,58$; $r_2=0,55$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями локуса контроля Я и социально-психологическими установками эгоистической направленности ($r_1=-0,44$; $r_2=-0,37$), а также показателями локуса контроля Жизнь и

социально-психологическими установками, ориентированными на власть ($r_1=-0,47$; $r_2=-0,44$). У субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности, имеющих высшие офицерские звания (майор, подполковник), также выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между показателями процессуальности жизни и процессными установками ($r_1=0,48$; $r_2=0,42$), результативностью жизни и результатными установками ($r_1=0,42$; $r_2=0,44$), общей осмысленностью жизни и результатными социально-психологическими установками ($r_1=0,55$; $r_2=0,53$), показателями целенаправленности жизни и социально-психологическими установками в мотивационно-потребностной сфере эгоистической направленности ($r_1=0,57$; $r_2=0,64$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями локуса контроля Я и социально-психологическими установками эгоистической направленности ($r_1=-0,37$; $r_2=-0,34$), а также показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками, ориентированными на власть ($r_1=-0,41$; $r_2=-0,54$).

У субъектов межличностного взаимодействия с длительностью служебной деятельности до 1 года, а также от 1 до 5 лет выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между показателями процессуальности жизни и процессными установками ($r_1=0,50$; $r_2=0,40$), результативностью жизни и результатными установками ($r_1=0,67$; $r_2=0,52$), локусом контроля Жизнь и социально-психологическими установками материальной направленности ($r_1=0,63$; $r_2=0,57$), а также общей осмысленностью жизни и результатными социально-психологическими установками ($r_1=0,58$; $r_2=0,63$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями локуса контроля Я и социально-психологическими установками эгоистической направленности ($r_1=-0,51$; $r_2=-0,44$), а также показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками, ориентированными на власть ($r_1=-0,53$; $r_2=-0,49$). У субъектов межличностного взаимодействия с длительностью служебной деятельности свыше 5 лет выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между показателями процессуальности жизни и процессными установками ($r=0,48$), результативностью жизни и результатными установками ($r=0,57$), показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками материальной направленности ($r=0,46$), общей осмысленностью жизни и результатными социально-психологическими установками ($r=0,47$). Обратные пропорциональные статистически значимые взаимосвязи выявлены между показателями локуса контроля Я и социально-психологическими установками эгоистической направленности ($r=-0,38$), а также показателями локуса контроля Жизнь и социально-психологическими установками, ориентированными на власть ($r=-0,55$). При этом, в отличие от субъектов межличностного взаимодействия с длительностью служебной деятельности менее 5 лет выявлена статистически значимая прямо пропорциональная взаимосвязь между целенаправленностью жизни и социально-психологическими установками в мотивационно-потребностной сфере эгоистической направленности ($r=0,52$).

Выводы

Социально-психологические установки в мотивационно-потребностной сфере субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности характеризуются преобладанием результатных установок эгоистической направленности, ориентированностью на свободу и материальное благосостояние. Во временных характеристиках социально-психологических установок субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности выявлено преобладание установок на будущее при минимальной представленности установок на прошлое.

Структурно-содержательная организация социально-психологических установок субъектов межличностного взаимодействия характеризуется представленностью смыслового содержания процессуальности жизни в социально-психологических установках, ориентированных на процесс; результативности жизни и общей осмысленности жизни в социально-психологических установках, ориентированных на результат; самоконтроля в социально-психологических установках эгоистической направленности; подконтрольности жизни в социально-психологических установках, ориентированных на власть. В особых условиях служебной деятельности установлено, что на смысловом уровне целенаправленность жизни не представлена в содержании социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере, что проявляется на уровне низкой выраженности установок на будущее. В нормативных условиях целенаправленность жизни представлена в содержании эгоистических социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере.

Структурно-содержательная организация социально-психологических установок субъектов межличностного взаимодействия с учетом профиля служебной деятельности (оперативный, аналитический) также характеризуется представленностью целенаправленности жизни в содержании эгоистических социально-психологических установок. У субъектов межличностного взаимодействия в условиях служебной деятельности с учетом иерархической системы званий на смысловом уровне целенаправленность жизни представлена в содержании социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере эгоистической направленности только у субъектов в высших офицерских званиях (в звании майора и подполковника) с нарастанием данной тенденции при повышении звания. У субъектов межличностного взаимодействия с длительностью служебной деятельности свыше 5 лет на смысловом уровне целенаправленность жизни представлена в содержании эгоистических социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере. При длительности служебной деятельности менее 5 лет (до 1 года, от 1 до 5 лет) на смысловом уровне целенаправленность жизни не представлена в содержании социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере, что проявляется на уровне низкой выраженности установок на настоящее и будущее.

Список литературы

- Леонтьев Д.А. 2000. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М, Смысл, 18.
- Никишина В.Б., Петраш Е.А. 2009. Изменение структуры профессиональной идентичности на разных этапах профессионализации. Ученые записки Российского государственного социального университета. № 1: 42-47.
- Никишина В.Б., Петраш Е.А., Кузнецова А.А. 2015. Апробация методики исследования событийной реконструкции временной перспективы личности. Вопросы психологии. № 2: 140.
- Нюттен Ж. 2004. Мотивация, действие и перспектива будущего: пер. с англ. М, Смысл, 306.
- Узнадзе Д.Н. Теория установки. 1998. Под ред. Ш.А. Надирашвили и В.К. Цава. М, Изд-во "Институт практической психологии", Воронеж, НПО "МОДЭК", 448с.

УДК: 159.943-057.87

ЗНАЧИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ОДОБРЕНИЯ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**THE IMPORTANCE OF SOCIAL APPROVAL FOR TEENAGERS IN THE SOCIAL NETWORKS****О.И. Самосват, А.И. Ахметзянова
O.I. Samosvat, A.I. Akhmetzyanova**

*Курский Государственный Медицинский Университет, Россия, 305041, г.Курск, ул.Карла Маркса, д.3
Kursk State Medical University, 3, Karl Marks St., Kursk, 305041, Russia.

**Казанский Федеральный Университет, Россия, 420000, г.Казань, ул. Кремлевская, д.18.
Kazan Federal University, 18, Kremlyovskaya Str., Kazan, 420000, Russia

e-mail: olgasamosvat1112@gmail.com, Anna.Ahmetzyanova@ksu.ru

Аннотация: В статье представлена эмпирическая аргументация изучения способов социального одобрения в социальных сетях на примере изучения группы подростков. Рассмотрены ключевые способы социального одобрения в социальных сетях и описано их смысловое содержание. Эмпирически изучены и аргументированы основные цели обращения подростков к социальным сетям. Эмпирически изучена и аргументирована потребность подростков в социальном одобрении. Эмпирически изучена и аргументирована субъективная значимость социального одобрения в социальных сетях для подростков.

Установлено, что социальное одобрение в социальных сетях выражается через элементы социального одобрения социальных сетей. Социальное одобрение в социальных сетях, выражающееся в лайках, репостах, комментариях и подписках. Установлено, что социальное одобрение в социальных сетях имеет высокую субъективную значимость для подростков. Социальное одобрение в социальных сетях субъективно ценно для преобладающего большинства подростков, и позволяет им почувствовать себя принятыми другими пользователями сети.

Abstract: The article presents an empirical study of the reasoning methods of social approval in social networks on the example of the study of a group of teenagers. Considered the key methods of social approval in social networks and describe their semantic content. Empirically studied and argued the main objectives of the treatment of adolescents to social networks. Empirically studied and argued the need for social approval teenagers. Empirically studied and argued subjective importance of social approval in social networks for teens.

It was found that social approval in social networks is expressed through social approval of social networking elements. Social approval in social networks, which is expressed in a husky, repost, comments and subscriptions. It was found that social approval in social networks has a high subjective importance for adolescents. Social approval in social networks subjectively valuable for the vast majority of teenagers, and allows them to feel accepted by other network users.

Ключевые слова: социальные сети, социальное одобрение, подростковый возраст, коммуникативное поведение подростков, мотивации социального одобрения, субъективная значимость социального одобрения, способы социального одобрения.

Keywords: social network, social approval, teen age, teenagers communicative behavior, motivation of social approval, subjective importance of social approval, the methods of social approval.

В современных условиях увеличения числа пользователей интернета и, в частности, социальных сетей, возникла необходимость в изучении особенностей выражения социального одобрения в социальных сетях.

По данным Фонда Общественного Мнения (ФОМ-интернет) годовой прирост интернет пользователей в России, выходящих в сеть хотя бы раз в месяц, в 2015 г. составил 9%. Для суточной аудитории данный показатель равен 12%. В динамике, число пользователей в России с 2010 г. по 2015 г. ежегодно увеличивалось на 5-7 млн. человек. В 2010 г. число активной аудитории составляло 25 млн.чел (общее число пользователей – 46,5 млн.человек), а в 2015 г. оно составило 63 млн. человек (общее число пользователей – более 82млн.человек).Из них больше половины общего числа пользователей насчитывает молодежь(26% пользователей в возрасте от 25 до 34 лет, 18% - от 18 до 24 лет, 10% пользователей в возрасте от 12 до 17 лет).

На данный момент, не смотря на высокий интерес к проблеме изучения социального одобрения в виртуальном пространстве, и большое количество имеющихся эмпирических исследований в рамках данной темы, проблеме далеко до окончательного решения. Существуют

противоречивые взгляды относительно влияния особенностей реализации социального одобрения в социальных сетях на общую удовлетворенность социальным одобрением индивида. Не сформированы представления о ведущих целях и способах получения социального одобрения в социальных сетях.

В классической психологии социальное одобрение определяется как положительная оценка личности или группы в социальном контексте. С самого рождения, взаимодействуя с социумом, индивид усваивает определенные поведенческие паттерны [Бейтсон Г. 2005, Фукуяма Ф. 2008]. Такое усвоение происходит в виду того, что каждый психически здоровый человек настроен на позитивное взаимодействие с социумом. Свое позитивное отношение социум выражает через социальное одобрение: материальные блага, похвала, поддержка, симпатия, привилегии, удовлетворение потребностей, эмоциональный отклик и т.п.

Социальное одобрение в социальных сетях мы определяем как эмоциональную поддержку виртуальным сообществом индивиду в виде социального приятия, за содержание действий, соответствующее социальному ожиданию. Целенаправленный поиск субъектом одобрения в социальных сетях выступает одним из ведущих механизмов возникновения от них зависимости [Никишина, В.Б. 2012].

Коммуникация в социальных сетях происходит преимущественно посредством текстовых сообщений. Сообщения в виде текста передаются в социальных сетях по средствам: блога, чата, личных и групповых сообщений, публичных сообщений, текстовых комментариев.

В связи с коммуникативными потребностями (в другом человеке и во взаимоотношениях с ним; в принадлежности к социальной общности; в сопереживании и сочувствии; в заботе, помощи и поддержке со стороны других; в оказании помощи, заботы и поддержки другим; в установлении деловых связей для осуществления совместной деятельности и сотрудничестве; в постоянном обмене опытом, знаниями; в оценке со стороны других, в уважении, авторитете; в выработке общего с другими людьми понимания и объяснения объективного мира и всего происходящего в нем) [Марисова Л.И. 1978], были выделены мотивы коммуникативной активности в социальных сетях: информационный обмен; общение ради общения; удовлетворение социальных потребностей (социальное одобрение); решение деловых задач; поиск удовлетворения биологических потребностей; поиск удовлетворения духовных потребностей.

В социальных сетях существуют определенные нормы поведения, которые являются социально-одобряемыми и подкрепляемыми элементами социального одобрения в социальных сетях [Sutanto J. And est., 2014]. К таким нормам поведения относятся: демонстративность, открытость, активность, предоставление социально востребованной информации (информированность), нестандартность мышления в рамках заданного движения, принадлежность к группам по интересам, публикация фото и видео материалов, использование графических средств социальной сети и специфического сленга виртуального пространства и т.п.

Социальное одобрение в социальных сетях имеет особую ценность для подростков, так как является одним из показателей успешного взаимодействия индивида с социальной группой. В подростковом возрасте коммуникативная активность со сверстниками выступает ведущим типом деятельности; характеризуется следующими отличительными чертами: во-первых это ориентация на интимно-личностное общение [Шибутани Т. 1969]; во-вторых перенос акцента семейного влияния под влиянием сверстников; в-третьих формирование собственной субъективной реальности [Бразговская Е.Е. 2008].

В не опосредованной реальности социальное одобрение выражается в вербальной и невербальной похвале, присуждении наград и материальных благ, в повышении социального статуса, в количестве позитивных социальных контактов, в высокой оценке материальных и нематериальных продуктов деятельности человека, в особых привилегиях и т.п. На формирование социального одобрения в не опосредованной реальности влияет множество факторов: физические качества, профессиональные качества, социальные качества, психологические качества, социальный статус, способности и таланты, количество материальных благ, количество социальных контактов, наличие власти, субъективные факторы, факторы окружающего пространства, феномен психического заражения и др.

Способы выражения социального одобрения в социальных сетях - это количество «лайков» (знак «нравится»), количество комментариев/отзывов к опубликованной информации, количество репостов (перенос записи со стены одного профиля на стену другого профиля без изменений), количестве подписчиков/друзей профиля [Никишина В.Б., Самосват О.И. 2015]. На формирование социального одобрения в социальных сетях влияют факторы: текущее количество подписчиков/друзей профиля; текущее количество опубликованной информации; текущее количество «лайков», репостов; социальный статус в не опосредованной реальности; социальный статус текущих подписчиков/комментаторов/лиц, оставивших «лайк» и сделавших репост в не

опосредованной реальности; активность владельца профиля в социальной сети (обновление профиля; участие в группах по интересам; репосты/комментирование/«лайк» информации, опубликованной другими участниками социальной сети); востребованность публикуемой информации; субъективная симпатия, феномен психического заражения.

Аккаунты с большим числом подписчиков, лайков, репостов и комментариев привлекают к себе больше людей. В таких аккаунтах люди охотнее оставляют свои элементы социального одобрения из соображений того, что тем самым они и сами получают социальное одобрение [Никишина В.Б., Самосват О.И. 2015]. Так как аккаунт содержит в себе большое число элементов социального одобрения, он представляет собой востребованную информацию. Подростки одобряют такую информацию, чтобы продемонстрировать окружающим, что они «в теме», и они согласны с группой [Лажинцева Е.М., Бочавер А.А. 2015]. Если же аккаунт содержит в себе меньшее число элементов социального одобрения, подростки неохотно отзываются на него, так как в этом случае информация является невостребованной и не представляет ценности для интернет-пространства.

Также элементы социального одобрения несут в себе функцию призыва к коммуникации самого коммуникатора. Через лайки, репосты, комментарии и подписки один человек сообщает другому, что заметил его сообщения, что он одобряет их и разделяет мысли коммуникатора. Тем самым реципиент проявляет к коммуникатору симпатию и позитивное отношение, и призывает его к дальнейшей коммуникации. Более всего реципиент в такой ситуации заинтересован в том, чтобы коммуникатор поменялся с ним ролями и сам стал реципиентом, оставив элементы социального одобрения в аккаунте нового знакомого [Silica M., Bask A., 2016].

Для стимулирования социального одобрения в социальных сетях используют следующие способы воздействия: активное обновление информации профиля; активные репосты/«лайки»/комментарии/подписки на других пользователей социальной сети; публикация востребованных материалов; самореклама, открытое обращение к пользователям социальной среды; участие в конкурсах и акциях социальной сети; повышение социального статуса в неопосредованной реальности; коммуникативное поведение и содержание публикаций в соответствии с социально приемлемым поведением целевой аудитории; формирование востребованного имиджа; ложь.

Мы выдвинули следующие гипотезы исследования:

- коммуникация подростков в социальных сетях обусловлена влиянием поиска социального одобрения;
- социальное одобрение в социальных сетях выражается через способы социального одобрения социальных сетей (лайки, комментарии, репосты, подписки). Социальное одобрение в социальных сетях имеет высокую субъективную значимость для подростков.

Организация и методы исследования

Определив для себя спектр изучаемых задач, мы сформировали выборку исследования, в которую вошли подростки 14-17 лет русскоговорящие, активно использующие социальные сети (не менее трех), обучающиеся на момент исследования в средней образовательной школе (111 человек). Исследование осуществлялось в социальных сетях Facebook [<https://ru-ru.facebook.com>], Twitter [<https://twitter.com>], ask.fm [<http://ask.fm>], Спрашивай.ру [<http://sprashivai.ru>] в 2013-2015 г.г. Исследование проводилось по условиям информированного согласия: «Пользователь, размещая на Сайте принадлежащий ему на законных основаниях Контент, предоставляет другим пользователям неисключительное право на его использование».

Исследование проводилось посредством следующих методов и методик: архивный метод (контент-анализ), опросник «Субъективные представления о целях коммуникативной активности в социальных сетях» (В.Б.Никишиной, О.И.Самосват), «Шкала субъективной оценки значимости социального одобрения в социальных сетях» (В.Б. Никишина, О.И.Самосват), метод диагностики самооценки мотивации одобрения Марлоу-Крауна.; методы количественной и качественной обработки данных (угловое преобразование φ -Фишера, критерий ранговой корреляции r -Спирмена).

Результаты и обсуждение

Формулируя эмпирическую цель изучения способов выражения социального одобрения в социальных сетях на разных этапах осуществления коммуникативного поведения подростков, был использован архивный метод (контент-анализ). Классификация способов социального одобрения в социальных сетях производилась по параметрам: число записей аккаунта, количество виртуальных друзей, количество подписчиков аккаунтов, число групп по интересам, число лайков аккаунта, число личных репостов, число репостов другими пользователями, количество комментариев

аккаунта, количество личных фото-видео материалов, число прямых обращений и открытой саморекламы.

Решая задачу эмпирического исследования способов социального одобрения в социальных сетях, были получены следующие результаты (Таб. 1).

Таблица 1
Table 1

Способы социального одобрения в социальных сетях
Methods of social approval in social networks

Способ социального одобрения	Общее число	Max	Min	Среднее
число записей аккаунта	4860	403	5	44
количество виртуальных друзей	49399	3196	7	445
количество подписчиков аккаунтов	3015009	863846	7	2716
число групп по интересам	13579	723	4	122
лайки аккаунта	3841264	1657546	5	34605
личные репосты	1722	678	1	15
репосты другими пользователями	32783	9786	1	295
количество комментариев аккаунта	186048	59945	2	1676
количество личных фото-видео материалов	1551	66	1	13
прямые обращения и открытая самореклама	576	38	1	5

Социальное одобрение в социальных сетях, выражающееся в лайках, репостах, комментариях и подписках, не зависит от количества записей аккаунта. Для получения социального одобрения в социальной сети достаточно одной записи аккаунта, которая содержит в себе востребованную информацию.

Установлено, что ключевыми способами социального одобрения в социальных сетях являются лайки, комментарии, подписки, количество друзей. Лайк, как элемент социального одобрения в социальных сетях, является основным способом выражения симпатии в социальных сетях и является аффективным способом выражения социального одобрения. Лайк является элементарным и однозначным способом социального одобрения (значение «нравится»). Лайк не способен передавать дополнительное семантическое значение реципиенту, поэтому его ценность определяется количеством.

Сопоставив количество друзей в социальных сетях (среднее значение 445) и количество лайков (среднее значение 34605), мы делаем вывод о том, что коммуникативное поведение подростков направлено на получение количественных показателей социального одобрения, а не на его качество. Учитывая то, что в не опосредованной реальности понятие «друг» имеет в себе ценностный аспект, и рассматривается как показатель близких и исключительных отношений между людьми, друзьями человеку могут стать лишь ограниченное количество людей, обладающих определенными качествами и находившиеся в контакте длительное время. В социальных сетях ценность понятия «друг» снижается. В «друзья» может быть добавлен абсолютно незнакомый человек, чью личность нельзя подтвердить достоверно. Качество уступает количеству, как в «дружбе» так и в коммуникативном поведении. Согласно полученным результатам, мы делаем вывод о том, что увеличение числа друзей в социальных сетях снижает качество коммуникативного поведения, но увеличивает количество социального одобрения в социальных сетях.

Наибольшее число элементов социального одобрения у аккаунтов, содержащих прямые обращения. Это можно объяснить тем, что возникает ощущение личного общения, и прямой просьбы непосредственно к реципиенту. А личное обращение воспринимается как приглашение к коммуникации, и на это реципиент охотнее отвечает комментариями, лайками, репостами, подписками.

Аккаунты с большим числом подписчиков, лайков, репостов и комментариев привлекают к себе больше людей. В таких аккаунтах люди охотнее оставляют свои элементы социального одобрения из соображений того, что тем самым они и сами получают социальное одобрение. Так как аккаунт содержит в себе большое число элементов социального одобрения, он представляет собой востребованную информацию. Подростки одобряют такую информацию, чтобы продемонстрировать окружающим, что они «в теме», и они согласны с группой. Если же аккаунт содержит в себе меньшее число элементов социального одобрения, подростки неохотно отзываются на него, так как в этом случае информация является невостребованной и не представляет ценности для интернет-пространства.

Также элементы социального одобрения несут в себе функцию призыва к коммуникации самого коммуникатора. Через лайки, репосты, комментарии и подписки один человек сообщает другому, что заметил его сообщения, что он одобряет их и разделяет мысли коммуникатора. Тем самым реципиент проявляет к коммуникатору симпатию и позитивное отношение, и призывает его к дальнейшей коммуникации. Более всего реципиент в такой ситуации заинтересован в том, чтобы коммуникатор поменялся с ним ролями и сам стал реципиентом, оставив элементы социального одобрения в аккаунте нового знакомого.

Элементы социального одобрения в социальных сетях несут в себе функцию выражения личной симпатии информации или автору данной информации. Элементы социального одобрения в социальных сетях имеют двойственную направленность: с одной стороны они выступают как способ социального одобрения тому, кому данный элемент адресован; с другой стороны они выступают как косвенный способ привлечения социального одобрения к тому, кто данный элемент адресует.

С целью привлечения социального одобрения к своему профилю, пользователи активно обновляют информацию своей страницы. Это могут быть как частичные обновления (смена аватара, удаление и добавление новых сообщений и медиафайлов и т.п.), так и тотальные (смена имени в сети, удаление страницы с последующим восстановлением) (Таб. 2).

Таблица 2

Частота манипуляция с профилем в социальных сетях

Частота манипуляций	Частичное обновление	Тотальное обновление
Высокая	53 %	9%
Низкая	7%	69%
Средняя	40%	23%

Пользователи социальных сетей предпочитают производить частичное обновление своего профиля: 53% обновляют свой профиль 2-3 раза в неделю, 7 % 1 раз в месяц, 40 % 1 раз в две недели. Тотальное обновление производят 1 раз в неделю 9% пользователей, 1 раз в месяц 23%, 1 раз в полгода - год 69% испытуемых. Полученные данные свидетельствуют о том, что подростки в социальных сетях предпочитают частое частичное обновление, обновлениям тотальным. Частичные обновления профиля отображаются в новостных лентах подписчиков и друзей и, тем самым, привлекают внимание к аккаунту. Большее внимание гарантирует большее число элементов социального одобрения. Более 93% подростков обновляют свой профиль хотя бы раз в неделю.

Установлено, что подростки более охотно производят обновление профилей в социальных сетях имеющих одну лишь положительную модальность оценки. Сети, имеющие и положительную и отрицательную модальности оценки обновляются реже (Таб. 3).

Таблица 3

Сравнение активности использования и частоты обновления социальных сетей с положительной модальностью оценки и с положительной и отрицательной модальностями оценки.

Модальности оценки	Количество пользователей (от 111 чел)	Частота обновлений
Только +	97 %	Ежедневно
+ и -	61%	Еженедельно

Установлено, что подростки отдают предпочтение социальным сетям, содержащим в своих настройках только положительную модальность оценки (лайк). Более 97% подростков активно используют социальные сети с положительной модальностью оценки (лайк). Социальные сети с положительной и отрицательной модальностями оценки (лайк, анлайк) используют 61% испытуемых, что на 36% меньше одномодальных сетей. Полученные данные свидетельствуют о том, что подростки целенаправленно регистрируются и проявляют активность коммуникативного

поведения в социальных сетях, направленных на положительную их оценку. Социальное одобрение реализуется только в позитивной форме, что доказывает количественная активность в социальных сетях.

Формулируя эмпирическую цель изучения особенностей представлений о коммуникативном поведении подростков в социальных сетях и нереализованные потребности подростков, реализуемые в условиях социальных сетей, была использована авторская методика: опросник «Субъективные представления о целях коммуникативной активности в социальных сетях» (В.Б.Никишиной, О.И.Самосват).

Каждый подросток, регистрируясь в социальной сети и проявляя в ней активность коммуникативного поведения, ставит себе цель и рассчитывает на определенный результат своей деятельности. Мы выделили следующие категории возможных целей активности коммуникативного поведения подростков в социальных сетях: социальное принятие; коммуникация; информация; уверенность в себе; деятельность; самовыражение; снятие стресса, способ отвлечься от проблем, развлечения; иное.

Эмпирически установлены субъективные представления подростков о целях их активности коммуникативного поведения в социальных сетях. В частности мы установили, что основные представления подростков о том, что им дают социальные сети это – социальное принятие, развлечения и способ избавления от стресса и проблем не опосредованной реальности (Рис. 1).

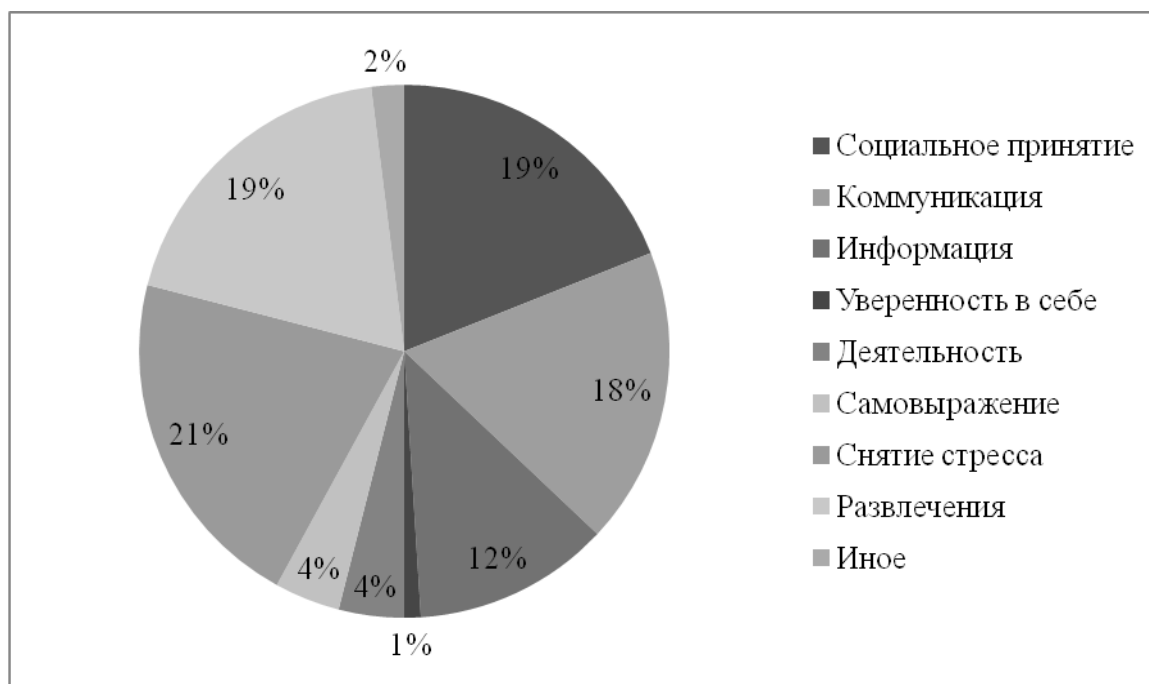

Рис. 1. Долевое распределение субъективных представлений подростков о целях активности коммуникативного поведения в социальных сетях (%)

Ключевыми целями активности коммуникативного поведения в социальных сетях среди подростков являются – социальное принятие (19%), снятие стресса (21%), развлечения (18%).

Таким образом, подростки реализуют в социальных сетях следующие нереализованные потребности – безопасность, отдых, социальное одобрение.

Преобладающее большинство подростков обращаются к социальным сетям с целью отвлечься от проблем и избавиться от стресса. Подросток имеет возможность сам контролировать свои действия в социальной сети и выбирать область, в которой он будет осуществлять деятельность. Он может поделиться своими проблемами, или почитать о похожих проблемах в тематических сообществах, он может отвлечься, изучая информация, которая представлена в социальных сетях в различных формах, может выплеснуть накопившиеся эмоции и стресс, проецируя их на людей или объекты, не относящиеся к его близкому кругу (а значит безопасные).

Подростки обращаются к социальным сетям в поисках социального одобрения. Ключевыми способами социального одобрения в социальных сетях являются лайки, подписки, количество друзей, комментарии.

Социальные сети помогают реализовать нереализованные потребности подростка в отдыхе, безопасности и социальном одобрении. Нереализованные потребности реализуются через механизм замещения. Подобное замещение возможно в виду феноменов социальных сетей, которые позволяют более безопасно реализовать данные потребности.

Ранее установлено, что социальное одобрение в социальных сетях выражается в количестве, а не в качестве. Таким образом, мы считаем необходимым изучить субъективную значимость для подростков социального одобрения в социальных сетях.

Формулируя эмпирическую цель изучения субъективной значимости социального одобрения в социальных сетях, были использованы методики: авторская методика: «Шкала субъективной оценки значимости социального одобрения в социальных сетях» (В.Б. Никишина, О.И.Самосват); метод диагностики самооценки мотивации одобрения Марлоу-Крауна.

Решая задачу эмпирического исследование самооценки мотивации одобрения у подростков, были получены следующие результаты (Рис. 2).

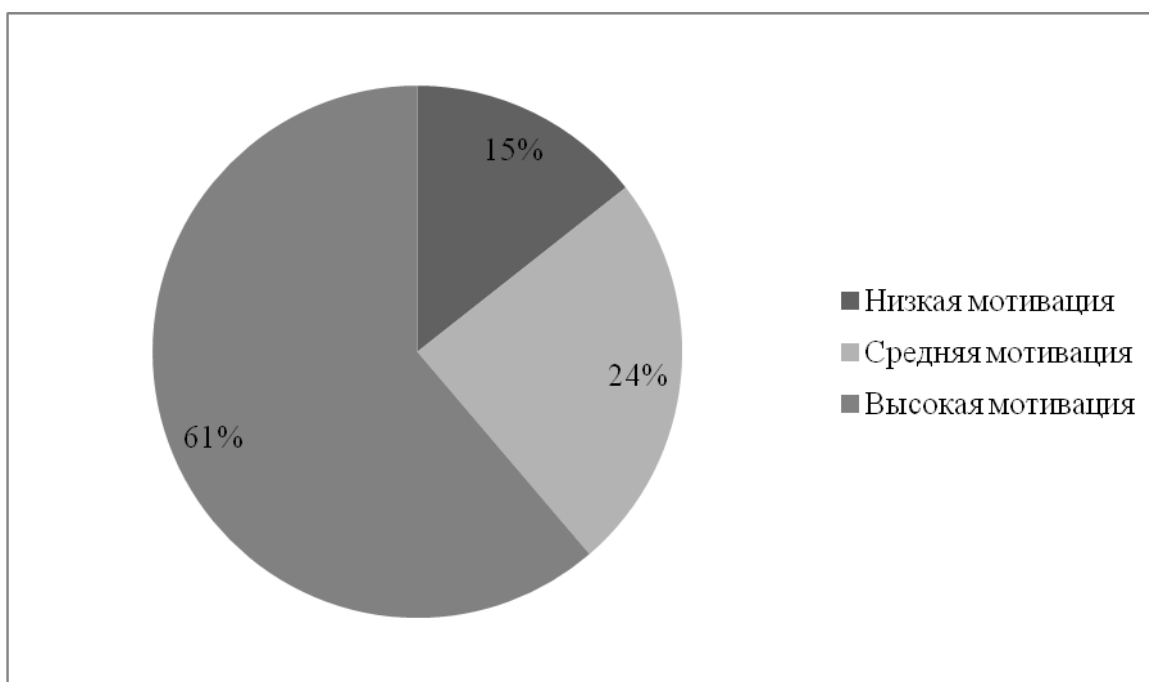

Рисунок 2. Долевое распределение уровней мотивации социального одобрения у подростков (%)

Подростки, проявляющие коммуникативную активность в социальных сетях, ориентированы на поиск социального одобрения(в не опосредованной реальности и в социальных сетях). Мотивация одобрения является ведущей у 61% испытуемых, у 24% она высоко значима. Таким образом, 85% подростков, проявляя коммуникативную активность в социальных сетях, руководствуются мотивом поиска социального одобрения. Подростки выстраивают свое поведение таким образом, чтобы оно получило позитивный отклик у социальной группы, а именно у виртуального сообщества.

Не смотря на то, что подростки часто пытаются скрыть свою заинтересованность в положительной оценке и похвале окружающими, они ориентированы на получение одобрения от социального окружения. Полученные данные согласуются с представлениями психологов о потребности подростка в похвале и одобрении. В не опосредованной реальности подросток ждет эмоционального отклика и на положительное и на отрицательное свое поведение. В зависимости от того, какое именно поведение будет подкреплено ожидаемой подростком реакцией, будет выстраиваться дальнейшая схема поведения.

В социальных сетях формирование схемы поведения происходит по тому же принципу. В зависимости от того какое именно коммуникативное поведение будет подкреплено ожидаемой подростком реакцией, будет выстраиваться дальнейшее поведение в социальных сетях.

Так как преобладающее большинство подростков ожидают одобрения своему поведению (позитивной реакции), то мы можем утверждать, что поведение подростков в социальных сетях формируется под влиянием выражения социального одобрения в виде элементов социального одобрения в социальных сетях.

В зависимости от того какие именно поведенческие и коммуникативные особенности будут подкреплены элементами социального одобрения в социальных сетях, будет формироваться индивидуальный коммуникативный и поведенческий стиль индивида в социальных сетях. Коммуникативный и поведенческий стиль будет формироваться в рамках социально одобряемого поведения, так как именно с его помощью можно получить больше элементов социального одобрения, на которое замотивированы подростки.

Отличительной особенностью социального одобрения в социальных сетях является ее субъективная оценка пользователем. В социальных сетях не существует четких границ популярности и принятия, каждый пользователь индивидуально оценивает свои достижения в социальных сетях (кому-то достаточно 8-10 лайков и 60 друзей, чтобы чувствовать себя принятым социальным окружением, а для кого-то необходимо 200-300 лайков и 400 друзей, чтобы испытать то же чувство).

Субъективная ценность социального одобрения в социальных сетях отражает отношение пользователя к оценке его коммуникативной активности в социальных сетях. Субъективная ценность может быть высокой, что говорит о том, что для пользователя высоко значимо получать элементы социального одобрения в социальных сетях, что позволит ему чувствовать себя принятым другими пользователями. Средняя субъективная ценность означает стремление пользователя к получению элементов социального одобрения в социальных сетях, но более низкого количества, нежели при высокой субъективной ценности. Низкая субъективная ценность говорит о низком стремлении к получению элементов социального одобрения в социальных сетях, или о полном отсутствии такого стремления.

Субъективная ценность социального одобрения в социальных сетях и стремление к его получению во многом определяют коммуникативное поведение подростков. В частности, для получения большего числа элементов социального одобрения в социальных сетях наиболее эффективна стратегия проявления социально одобряемого поведения.

Социально одобряемое поведение – поведение индивида, отвечающее социальным нормам поведения. Такое поведение должно отвечать ожиданиям социального окружения. Основные ожидания в социальных сетях: открытость, доступность личной информации, публикация востребованной информации, поддержание диалога, активное обновление профиля, проявление социального одобрения через элементы социального одобрения в социальных сетях по отношению к другим пользователям сети и т.п.

Решая задачу эмпирического исследования субъективной значимости социального одобрения в социальных сетях, были получены следующие результаты (Таб. 4).

Таблица 4

Субъективная значимость социального одобрения в социальных сетях (%)

	Принятие социально одобряемого поведения	Стремление к социальному одобрению	Субъективная ценность социального одобрения в социальных сетях
Max	58%	83%	81%
Mid	32%	16%	16%
Min	10%	1%	3%

Социально-одобряемое поведение является ведущим типом поведения подростков в социальных сетях (58%). Такое поведение внешне направленно на создание позитивных и комфортных условий коммуникации, на поддержку участников коммуникации, а внутренне несет в себе мотив быть принятым социальным окружением и получить его поддержку. Каждый субъект, демонстрируя ожидаемое поведение, надеется получить такое же поведение в отношении себя.

Стремление к социальному одобрению является ведущей целью активности коммуникативного поведения подростков в социальных сетях. Большая часть испытуемых (83%), проявляя активность в социальной сети, надеется получить социальное одобрение своим действиям.

Социальное одобрение в социальных сетях является дополнительным источником социального одобрения для подростков. Социальное одобрение в социальных сетях имеет высокую субъективную ценность для 81% подростков, для 16% подростков социальное одобрение в социальных сетях субъективно значимо. Таким образом, для 97% подростков социальное одобрение в социальных сетях имеет субъективную ценность и определяет их коммуникативное поведение в социальных сетях (Рис. 3).

Коммуникативное поведение подростков в социальных сетях определяется ожиданием социального одобрения от пользователей сети и, в большинстве случаев, является социально-одобряемым.

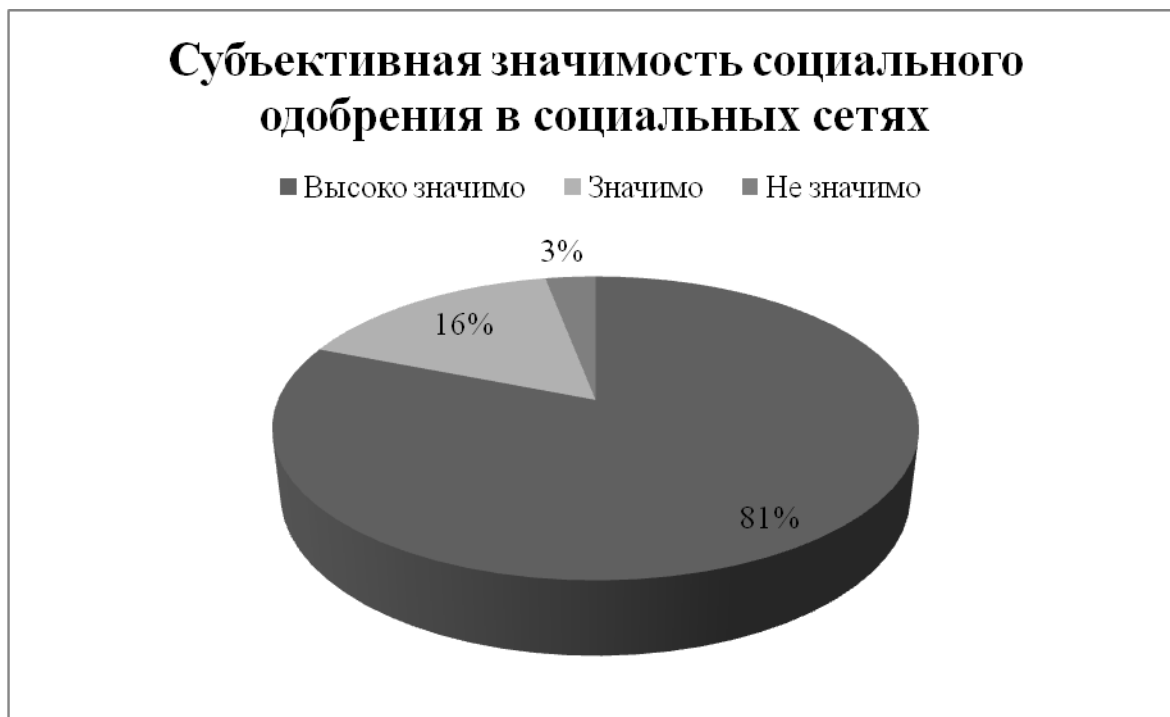

Рис. 3. Долевое распределение субъективной значимости социального одобрения в социальных сетях среди подростков (%)

Для преобладающего большинства подростков характерно стремление к получению социального одобрения в социальных сетях. Проявляя коммуникативную активность в социальных сетях, они ожидают получить позитивный эмоциональный отклик в виде элементов социального одобрения в социальных сетях. **ВЫВОДЫ**

Социальное одобрение в социальных сетях выражается через элементы социального одобрения социальных сетей. Социальное одобрение в социальных сетях, выражающееся в лайках, репостах, комментариях и подписках. Элементы социального одобрения в социальных сетях имеют двойственную направленность: с одной стороны они выступают как способ социального одобрения тому, кому данный элемент адресован; с другой стороны они выступают как косвенный способ привлечения социального одобрения к тому, кто данный элемент адресует.

Социальное одобрение в социальных сетях имеет высокую субъективную значимость для подростков. Социальное одобрение в социальных сетях субъективно ценно для преобладающего большинства подростков, и позволяет им почувствовать себя принятыми другими пользователями сети. Для получения элементов социального одобрения в социальных сетях, подростки готовы корректировать свое поведение в рамках норм и стереотипов социально одобряемого поведения социальных сетей. Подростки демонстрируют те паттерны поведения, которые от них ожидают: открытость, доступность личной информации, демонстративность, активное обновление профиля, предоставление востребованной информации, выражение социального одобрения другим пользователям сети, использование специфических для социальных сетей форм общения.

Для преобладающего большинства подростков характерно стремление к получению социального одобрения в социальных сетях. Проявляя активность коммуникативного поведения в социальных сетях, они ожидают получить позитивный эмоциональный отклик в виде элементов социального одобрения в социальных сетях.

Список литературы

1. Бейтсон Г. Природа и разум. Необходимое единство. / Пер. А. И. Фета. — Новосибирск: Институт семейной терапии, 2005. —187 с.

2. Бразговская Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учебное пособие / Перм.гос.пед ун-т. – Пермь, 2008. – 201 с.
3. Лажинцева Е.М., Бочавер А.А. Интернет как новая среда для проявления девиантного поведения подростка// Вопросы психологии. 2015. № 4. - С. 49-57.
4. Марисова Л.И. О мотивационно-потребностной основе общения.1. Берлин, 1978. - 58 с.
5. Никишина В.Б., Самосват О.И. Эмпирическое исследование способов социального одобрения в социальных сетях// Scientific achievements of the third millennium. Collection of scientific papers, on materials of the international scientific-practical conference November 30, 2015 Ed. SIC "LJournal", 2015. – p.38 – 40.
6. Никишина, В.Б. Состояние зависимости: метапсихологический анализ/В.Б. Никишина, И.В. Запесоцкая. – Курск: КГМУ, - 2012. – с.252;
7. Самосват О.И., Никишина В.Б. Особенности коммуникативного поведения подростков под влиянием поиска социального одобрения в социальных сетях// Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: мат. междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 19-20 ноября 2015 г.) / отв. ред. Ю.А. Зубок. – Воронеж: ООО «ПТ», 2015. – С.149-156.
8. ФОМ Интернет - <http://runet.fom.ru>
9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции /Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, АСТ МОСКВА. – 2008. – 349 с.
10. Шибутани Т. Социальная психология/ М `Прогресс`. - 1969. - 534 с.
11. Silca M., Back A.(2016) The dark side of social networking sites:Understanding phishing risks// Computers in Human Behavior, Volume 60, P. 35-43
12. Sutanto J., Kankanhalli A., and Tan B.C.Y. (2014) “Uncovering the Relationship between OSS User Support Networks and OSS Popularity”, Decision Support Systems, 64, P.142-151

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.853

О ПРИМЕНЕНИИ ВИРТУАЛЬНОГО ЛАБОРАТОРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФИЗИКЕ В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

ON THE APPLICATION OF VIRTUAL LABORATORY EXPERIMENTS IN PHYSICS IN BASIC SCHOOL

Ю.И. Богатырева, Д.В. Шахаева
Y.I. Bogatyreva, D.V. Shahaeva

*ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого»,
Россия, 30025 г. Тула, пр. Ленина, 125;
МБОУ СОШ №1 Зареченского района г. Тулы, Россия, 300062, г. Тула, ул. Галкина, 29
Tula State Pedagogical University named after Lev Tolstoy, Russia, 300026, Tula, Lenin Avenue, 125
School №1 of Tula, Russia, 300062, Tula, Galkin Str., 29*

E-mail: bogatirevadj@yandex.ru, shahaeva@bk.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленные на изучение вопросов использования в школьном курсе физики виртуальных лабораторных экспериментов. В последнее время актуализируется значимость демонстрационного физического эксперимента в ходе учебного процесса в школе, так как процесс обучения физическим законам нуждается в серьезном пересмотре и совершенствовании. Это особенно актуально в условиях информатизации образования, возрастающих требований к подготовке учащихся, необходимости частого обновления учебно-методического обеспечения и повышения качества учебного процесса в условиях современной России. Программные средства, реализующие виртуальные лабораторные работы, пока еще не находят должного применения в учебно-образовательной практике по физике в основной школе. В статье авторы вводят понятие «виртуальный лабораторный эксперимент», рассматривают имеющиеся готовые компьютерные программы для демонстрации и моделирования физических явлений и процессов, а также представляют результаты опроса, проведенного в 2014 г. по изучению мнения учащихся и учителей о применении виртуальных лабораторных работ в школе.

Annotation. The article presents the results of a study aimed at exploring the issues in the use of a school course of physics virtual laboratory experiments. Recently updated value of the demonstration of physical experiments in the educational process in the school, as the process of learning the laws of physics in serious need of revision and improvement. This is especially important in conditions of informatization of education, increasing training requirements students need frequent updating training and methodological support and improve the quality of educational process in modern Russia. The software implementing virtual labs have not yet found a proper use in teaching and educational practice in physics in basic school. The authors introduce the concept of a "virtual laboratory experiment", considering the available ready-made computer programs for demonstration and modeling of physical phenomena and processes, as well as present the results of a survey conducted in 2014 to study the opinions of students and teachers on the use of virtual labs in the school.

Ключевые слова: информатизация образования, демонстрационный эксперимент, виртуальные лабораторный эксперимент по физике, курс физики основной школы

Keywords: informatization of education, demonstration experiment, the virtual laboratory experiments in physics, the physics of the basic school

Введение

Информатизация общества, происходящая в течение двух последних десятилетий, не могла не затронуть систему образования. Современные запросы к системе образования влекут за собой непрерывное совершенствование учебного процесса, его форм, средств и методов. Представить современный урок без использования компьютера почти невозможно, применение средств информационных и коммуникационных технологий способствует интенсификации и активизации

образовательных возможностей учебно-воспитательного процесса. При этом необходимо учитывать специфику информационной образовательной среды школы и изменившуюся методологию формирования учебного процесса.

Среди учебных предметов основной школы дисциплина физика занимает одно из ведущих мест. Это связано с тем, что физика как наука о наиболее общих законах природы, выступая в качестве учебного предмета в школе, вносит существенный вклад в систему знаний об окружающем мире ребенка. Она раскрывает роль науки в экономическом и культурном развитии общества, способствует формированию у учащихся научного мировоззрения.

По большей части физика – наука экспериментальная. Учебный физический эксперимент в виде демонстрационных опытов и лабораторных работ является неотъемлемой и важной составляющей школьного курса физики. Удачное сочетание теоретического материала и экспериментальной деятельности способствует наилучшему педагогическому результату, помогает развить активную познавательную деятельность и творческий подход учащихся к изучаемому предмету [3, с. 20].

Основная часть

Для возникновения в сознании человека понятия о предмете или явлении школьнику необходимо его чувственное восприятие, чувственный опыт. Поэтому процесс формирования научного понятия у учащихся о физическом явлении должен начинаться с демонстрации предметов и явлений, о которых пойдет речь, то есть с эксперимента. Школьный физический эксперимент – это один из важнейших методов обучения школьников физике; он имеет несколько своеобразных, особых видов и не является чем-то сложившимся, а все время развивается, расширяется, пополняется новым оборудованием, приемами и средствами выполнения. Поэтому его изучению и уделяется столь большое внимание.

В советском энциклопедическом словаре дано следующее определение: эксперимент – чувственно-предметная деятельность в науке; в более узком смысле – опыт, воспроизведение объекта познания, проверка гипотез и т.п. [8, с. 1352]. В словаре В.И. Даля приведено такое определение: эксперимент (от лат. опыт) – попытка сделать, предпринять что-то новое, ранее не испытанное [2, с. 864]. Словарь иностранных слов трактует понятие эксперимент как научно поставленный опыт, наблюдение исследуемого явления в точно фиксируемых условиях [7].

Демонстрационный эксперимент, являясь в педагогической науке средством наглядности, способствует организации восприятия учащимися учебного материала, его пониманию и запоминанию; позволяет осуществить политехническое обучение учащихся; способствует повышению интереса к изучению физики и созданию мотивации учения.

В зависимости от целей, предмета исследования, характера используемых экспериментальных средств и ряда других факторов в ряде исследований представлены различные классификации видов эксперимента.

Ограничимся в данном исследовании рассмотрением классификации экспериментов по физике в основной школе с делением на активный, пассивный, натуральный и модельный. Демонстрационный физический эксперимент является активным, если обучающийся может в процессе работы менять параметры в опыте.

В пассивном эксперименте нет возможности или необходимости менять параметры в опыте. Преимуществами пассивного демонстрационного эксперимента являются возможность проводить исследования на действующих объектах, не мешая ходу технологического процесса, и дешевизна, т.к. нет необходимости в создании экспериментальной установки. Недостатком такой формы эксперимента является значительно большее число опытов для получения более точной картины физического процесса.

Натурный эксперимент проводится на самом объекте исследования (на натуре), без замены его моделью. Преимуществом такого эксперимента является то, что результаты его более точны, т.к. погрешности ничтожно малы. Недостаток заключается в невозможности проведения исследования, если объект исследования еще не создан.

Модельный эксперимент в отличие от натурального имеет дело с моделью исследуемого объекта. Модель входит в состав экспериментальной установки, замещая не только объект исследования, но часто и условия; в которых изучается некоторый физический объект. Модельный эксперимент при расширении возможностей экспериментального исследования одновременно имеет и ряд недостатков, связанных с тем, что различие между моделью и реальным физическим объектом или явлением может стать источником ошибок.

К сожалению, не всегда имеется возможность продемонстрировать сложный физический эксперимент в условиях учебной лаборатории, например: механизм испарения, излучение спектра, взаимодействие микроэлементов и т.д. Организация демонстрационного эксперимента в школе сопряжена с немалыми трудностями: новые приборы еще не освоены промышленностью и не поступают в школу. Парк демонстрационного и лабораторного оборудования, имеющегося в школе, не отвечает современному состоянию развития физической науки и техники.

Таким образом, в настоящее время процесс обучения физическим законам нуждается в серьезном пересмотре и совершенствовании. Это особенно актуально в условиях все возрастающих требований к подготовке учащихся, необходимости частого обновления учебно-методического обеспечения, необходимости повышения качества учебного процесса в условиях современной России. Необходим поиск новых подходов к обучению физике в условиях информатизации образования, обеспечивающий целесообразную коррекцию средств обучения с учетом жизненных реалий.

В таких случаях виртуальный лабораторный эксперимент, смоделированный на экране монитора компьютера, позволяет привлечь внимание учеников для изучения физических явлений и становится хорошей методической поддержкой при организации учебного процесса.

Под виртуальным лабораторным экспериментом будем понимать метод исследования физического процесса с применением совокупности аппаратных и программных средств, обеспечивающий возможность обучающемуся изменять отдельные параметры и фиксировать полученные результаты физического явления (процесса) на компьютере.

Виртуальный лабораторный эксперимент по классификации И.В. Роберт [6, с. 95] будем относить к инструменту познания окружающей действительности и самопознания.

Актуальность применения виртуального лабораторного эксперимента в основной школе обусловлена следующими причинами:

1. возрастанием доли интерактивного освоения материала в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом;
2. появлением возможности исследования процесса при идеальных условиях;
3. самостоятельным применением учащимися виртуального лабораторного эксперимента в домашних условиях при отсутствии на уроке.

Программные средства, реализующие виртуальный лабораторный эксперимент, играют огромную роль в физическом образовании. Они демонстрируют эксперимент средствами анимации, описывают его графически и, самое главное, дают возможность изменять параметры системы, прогнозировать результаты эксперимента, работать с графиками [5, с. 157].

Внедрение подобных средств информационных технологий в процесс обучения физике в основной школе позволяет:

1. повысить эффективность образовательного процесса;
2. адаптироваться к изменяющимся требованиям к подготовке учащихся в условиях единого информационно-образовательного пространства школы;
3. повысить качество информационного обеспечения образовательного процесса по физике;
4. автоматизировать процесс контроля результатов учебной деятельности учащихся;
5. повысить наглядность физических процессов, явлений
6. развивать мышление учащихся с помощью новых средств информационных и коммуникационных технологий.

Основой организации и проведения виртуального лабораторного эксперимента являются соответствующие программные средства. Анализ научной литературы показал, что сегодня авторами уделено значительное внимание проблемам внедрения компьютерных и информационных технологий в образовательный процесс [1, 3, 6, 9].

В настоящее время на российском и мировом рынке имеется достаточное количество готовых компьютерных программ для решения подобных задач, например, единая Коллекция цифровых образовательных ресурсов, «Физика в картинках», «Открытая физика», «Физика 7-11» НЦ «Физикон» и др.

Рассмотрим некоторые из них более подробно, например образовательный ресурс «Интерактивные лабораторные работы по физике» <http://school-collection.edu.ru/> (рис. 1). В состав данной коллекции входят интерактивные лабораторные работы, охватывающие все основные разделы физики. Данные интерактивные модели лабораторных работ позволяют учащимся получать в динамике наглядные иллюстрации физических экспериментов и явлений, анализировать закономерности. Все модули разработаны на единой платформе и объединены единым дизайном как электронное издание. Разграничение доступа пользователей предполагается для того, чтобы они могли записывать результаты своей работы в разные журналы.

Рис. 1. Единая Коллекция цифровых образовательных ресурсов

Мультимедийный курс «Физика 7–11 класс» компании «ФИЗИКОН» <http://www.physicon.ru/> (рис. 2) содержит: виртуальные лаборатории, содержащие 250 интерактивных пошаговых анимаций, модели из моделирующей среды «Живая Физика», виртуальные «on-line лаборатории по физике».

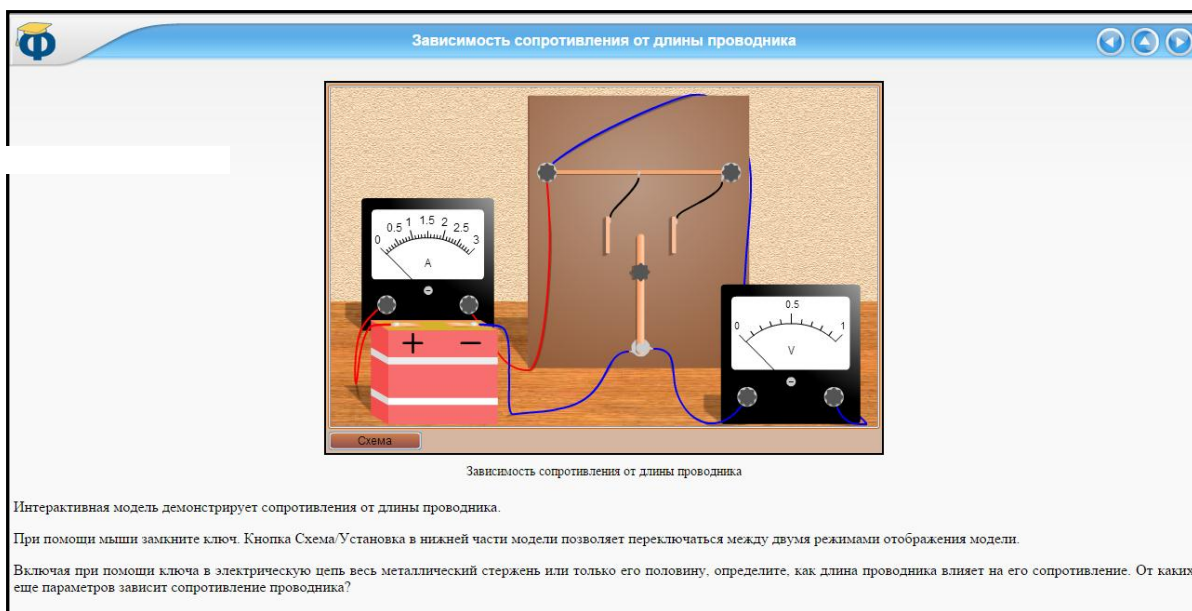

Рис. 2. Виртуальная лабораторная работа компании «ФИЗИКОН»

Разработанные компанией «ФИЗИКОН» виртуальные практикумы являются незаменимым инструментом для моделирования ситуаций в отсутствии возможности их реального воссоздания. Их использование в образовательном процессе развивает творческое мышление, повышает мотивацию к изучению школьного курса физики, формирует исследовательскую культуру учащихся. Все программные продукты компании ориентированы на индивидуальную работу учащихся и содержат методические материалы, дающие возможность их использовать в реальном учебном процессе.

В 2013–2014 гг. ООО «Виртуальные системы» партнер компании «ФИЗИКОН» разработал прототип виртуальной лаборатории естествоиспытателя, предназначенный для использования на планшетных компьютерах под управлением Mac OS (Apple) и Android. В виртуальной мобильной лаборатории естествоиспытателя планшетный компьютер используется как инструмент научных исследований для изучения явлений и процессов повседневной жизни. Использование лаборатории позволит применить методы научных исследований и возможности цифровой обработки результатов при проведении натурных наблюдений и экспериментов в школьных и домашних условиях, развивать информационные компетенции через применение средств обработки первичной информации и представления данных для отображения результатов исследований. Использование подобного лабораторного комплекса в курсе физики основной школы позволит эффективно реализовать задачи новых федеральных образовательных стандартов в части метапредметных результатов освоения образовательных программ для естественнонаучного

образования.

All-fizika.com (<http://www.all-fizika.com/>) – сайт по физике, особенностью которого является демонстрация виртуальных лабораторных работ, трудновыполняемых в обычных условиях. В данном обучающем и демонстрирующем ресурсе предлагается 6 лабораторных работ, охватывающих основные разделы физики (рис. 3): изучение пружинного и математического маятника, трансформатора, прибора Атвуда, проверка Второго закона Ньютона, определения коэффициента внутреннего трения жидкости по скорости падения шарика в этой жидкости.

Рис. 3. Виртуальная лабораторная работа All-fizika.com

Результаты исследования

Наличие значительного количества готовых программ, реализующих виртуальный лабораторный эксперимент, предполагает информирование учителей физики и готовность их к применению данного вида интерактивных обучающих электронных ресурсов. Для выявления информированности и представлений о виртуальном лабораторном эксперименте в 2014-15 учебном году было проведено анкетирование среди учителей и учащихся МБОУ СОШ №1 г. Тула. В анкетировании приняли участие 90 респондентов, среди которых были учителя школы (23% от общего количества), ученики средних и старших классов (77% от респондентов). Были заданы следующие вопросы:

Вопрос 1. Знакомо ли вам определение виртуального лабораторного эксперимента? Из 100% опрошенных утвердительный ответ дали 30%. Остальные понимают под виртуальным лабораторным экспериментом снятый на видеокамеру демонстрационный эксперимент (рис. 4).

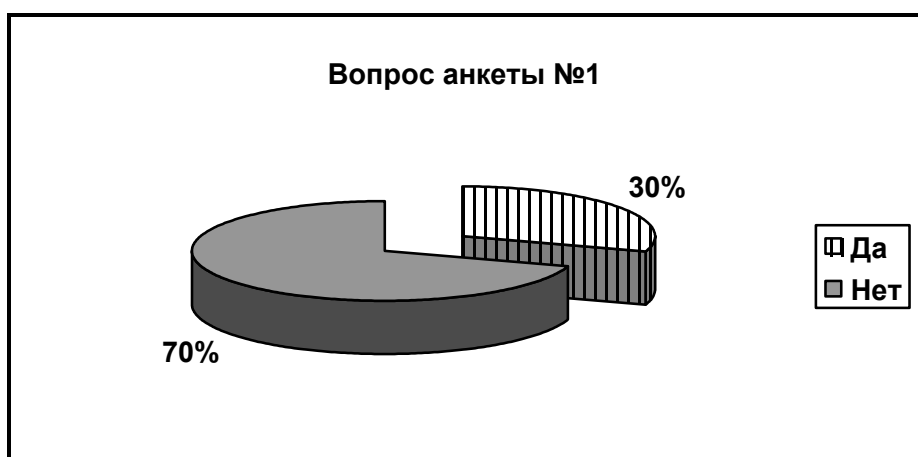

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос № 1 анкеты «Знакомо ли вам определение виртуального лабораторного эксперимента?»

Вопрос 2. Приходилось ли Вам применять виртуальный лабораторный эксперимент на уроках?

На данный вопрос утвердительно ответили 35% от числа респондентов (рис. 5).

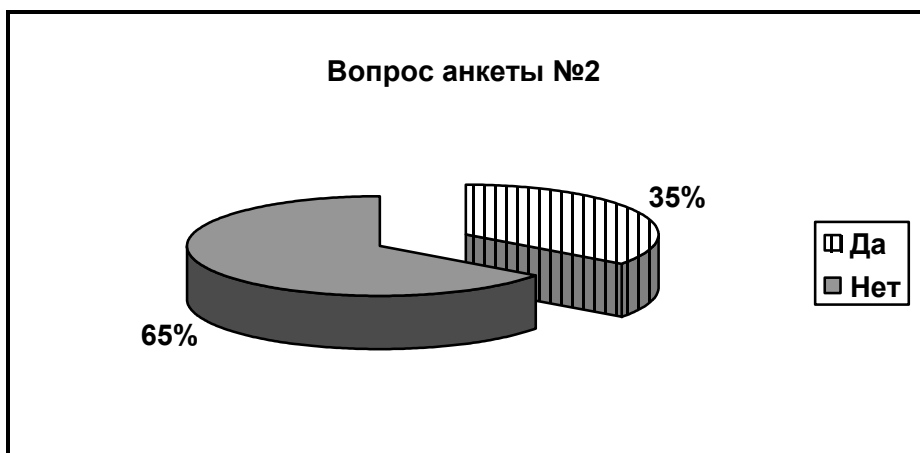

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос № 2 анкеты «Приходилось ли Вам применять виртуальный лабораторный эксперимент на уроках?»

70% из числа респондентов-учителей ответили, что применение виртуального лабораторного эксперимента способствует усвоению знаний изучаемого материала. Остальные считают, что применение виртуального лабораторного эксперимента никак не влияет на изучение нового материала.

На вопрос анкеты №3 «Может ли применение виртуального лабораторного эксперимента полностью заменить демонстрационный эксперимент?» утвердительный ответ дали 20% респондентов. Остальные считают, что виртуальный лабораторный эксперимент является дополнением учебного процесса.

Последующие вопросы были заданы только учителям общеобразовательной школы. Ответы на вопросы таковы:

Хотели бы Вы применять виртуальный лабораторный эксперимент на уроке? 100% респондентов дали положительный ответ.

Имеет ли на Ваш взгляд недостатки виртуальный лабораторный эксперимент? На данный вопрос 50% дали утвердительный ответ, остальные затрудняются ответить.

Укажите, какие программные средства необходимы для реализации виртуального лабораторного эксперимента. Из 50% опрошенных, давших положительный ответ 20% респондентов указали программу для интерактивной доски Panaboard, 10% AdobeFlash, 20% используют программу Hot Potatoes (рис. 6).

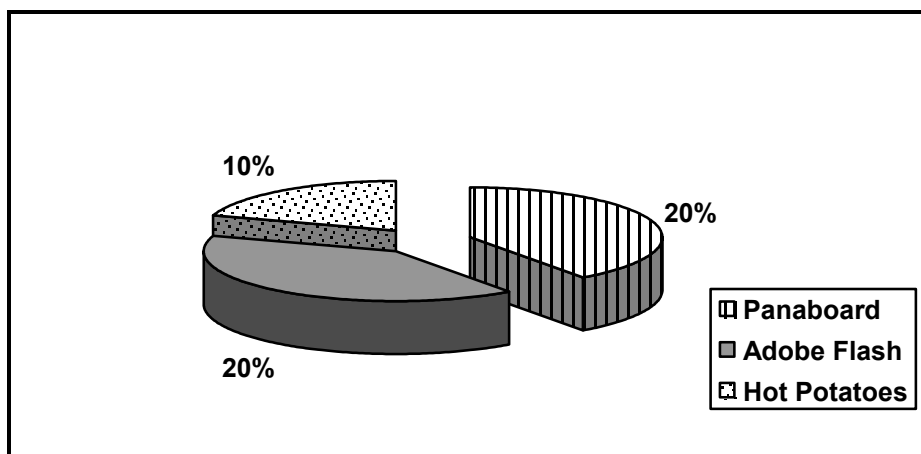

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос анкеты «Укажите, какие программные средства необходимы для реализации виртуального лабораторного эксперимента»

100% респондентов считают, что в процесс профессиональной подготовки учителей физики необходимо включить формирование компетенций по применению виртуального лабораторного эксперимента в школе.

Все опрошенные учителя указали, что необходима методика применения виртуального лабораторного эксперимента на уроках физики в школе. Большинство из них используют готовые работы, лишь малая часть создают свои, но все респонденты сошлись во мнении, что необходимо создание единой методики применения виртуального лабораторного эксперимента на уроках физики.

На вопрос анкеты «Каким образом можно сочетать традиционные средства обучения с виртуальными лабораторными работами?» среди респондентов единого мнения нет. Ими было указано, что виртуальный лабораторный эксперимент они применяют как отдельный урок, когда по плану необходимо выполнить лабораторную работу.

Выводы

Подводя общий итог анкетирования можно отметить, что среди опрошенных учителей виртуальный лабораторный эксперимент применяют преподаватели естественнонаучного цикла. На своих уроках большинство используют готовые разработки. Однозначного отношения к виртуальному лабораторному эксперименту среди учителей и учащихся, опрошенных в ходе исследования, нет. У него есть как сторонники, так и противники, но ясно одно, что виртуальный лабораторный эксперимент не может и не должен заменять натуральный эксперимент, он призван лишь дополнять его. Таким образом, использование виртуального лабораторного эксперимента не меняет принципиальной схемы физического образования, а лишь дополняет, усиливая учебный процесс [5]

Список литературы

1. Богатырева Ю.И. Формирование компетенций в области ИКТ в рамках ФГОС третьего поколения по направлению подготовки «Педагогическое образование» [Текст] /Ю.И. Богатырева, Р.Р. Яфаева // Педагогическая информатика №3, 2010. - С. 56-65
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. [Текст] / В.И. Даль. - М., 2002. - С. 952.
3. Карабасова Г.Б. Требование к демонстрационным опытам и совершенствование оборудования учебного демонстрационного эксперимента [Текст] / Г. Б. Карабасова // Молодой ученый. — 2014. — №17. — С. 19-21.
4. Привалов А.Н. Проектирование программного обеспечения тренажёрной системы на основе стандартных модулей /А.Н. Привалов, Ю.И. Богатырева// Известия Тульского государственного университета. Технические науки, 2012. - С. 157-167
5. Привалов А.Н. Виртуальный лабораторный эксперимент – как средство обучения физике // А.Н. Привалов, Д.В. Шахаева [Электронный ресурс] URL:<http://conseducenter.ru/index.php/pedagogchtenya/111-2mos/258-privalov-shahaeva/> (05.05.2015).
6. Роберт И.В. Информационные технологии в науке и образовании. [Текст] /И.В. Роберт, П.И. Самойленко – М., 1998. – 178 с.
7. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/inyaz/e/eksperiment.html/>. (25.05.2015).
8. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. - М.: Советская энциклопедия, 1987. – 1545с.
9. Чикина Ю.Ю. Особенности использования активных методов обучения с применением компьютерно-информационных технологий в процессе профессиональной подготовки учителей географии /Ю.Ю. Чикина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197). Выпуск 24. – С. 140-145

УДК 378.1

**АДАПТАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ****ADAPTATIONAL READINESS OF FOREIGN CITIZENS TO STUDY
AT THE UNIVERSITY****Е.А. Бондарь
E.A. Bondar**

*Белгородский государственный технологический университет им В.Г. Шухова,
Россия, 308000б г. Белгород, ул. Костюкова, 46
Belgorod State Technological University, 46, Kostyukov Str., Belgorod, 308000, Russia*

e-mail: 12bondare@mail.ru

В статье обосновывается актуальность адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе. Автор рассматривает особенности предвузовского этапа обучения, аспекты изучаемой дефиниции «адаптационная готовность иностранных граждан к обучению в вузе». В статье раскрыта и охарактеризована сущность основополагающих компонентов адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе, включая мотивационно-адаптационный, когнитивно-познавательный, эмоционально-волевой, операционно-оценочный и информационный компоненты. Автор приходит к выводу о том, что адаптационная готовность иностранных граждан к обучению в вузе позволит успешно обучаться иностранным гражданам в любом российском вузе.

The article substantiates the relevance of adaptation readiness of foreign students to study at the University. The author considers the peculiarities of the pre-University stage of education, are studying aspects of the definition of "adaptation readiness of foreign students to study at the University." The article reveals and characterizes an essence of the fundamental component of adaptation readiness of foreign students to study in higher education, including motivational and adaptation, cognitive-cognitive, emotional-volitional, operational-evaluation, and information components. The author concludes that the adaptation willingness of foreign citizens to study at the University will allow to successfully studying foreign nationals in any Russian University.

Ключевые слова: адаптация иностранных граждан к обучению в вузе; адаптационная готовность; адаптация к учебно-профессиональной деятельности; готовность к обучению в вузе; иностранные граждане; структура адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе.

Keywords: adaptation of foreign citizens to study at the University; the willingness of adaptation; adaptation to educational and professional activity; readiness for higher education; foreign nationals; the structure of the adaptation willingness of foreign citizens to study at the University.

Введение

Тенденции развития высшего образования в России, ориентированного на открытое научно-образовательное пространство, обусловили интерес к проблеме привлечения иностранных граждан к обучению в российские вузы, который неуклонно растёт и приобретает особую актуальность. В современном высшем образовании развитие международной студенческой мобильности, международного сотрудничества определяет направления деятельности в области подготовки иностранных граждан для зарубежных стран.

Обучение иностранных граждан в вузах России - одно из основных направлений международной деятельности российских вузов, которое становится одним из существенных факторов стимулирования экономического роста страны и направлено на реализацию геополитических и социальных интересов, ибо определяет следующие моменты: полноценное и полноправное участие в процессе развития образования во всем мире; рост международного влияния через подготовку интеллектуальных национальных кадров для зарубежных стран; рост международного влияния через культуру и русский язык.

В 2008 г. было принято постановление Правительства Российской Федерации «О сотрудничестве с зарубежными странами в области образования». В настоящее время отмечается повышенный интерес к образовательным программам вузов России, что подтверждается

расширением состава государств-представителей и увеличением числа прибывающих на обучение из разных стран в Российскую Федерацию [2, с. 649-651]. Эти обстоятельства диктуют новые отношения между российскими вузами и иностранными гражданами, приезжающими на учёбу.

Отличительные особенности предвузовского этапа обучения иностранных граждан

В трудах отечественных лингвистов (Н.И. Гез, В.В. Сафонова, Н.Д. Гальскова, С.Г. Тер-Минасова и др.) указывается, что в педагогическом процессе основное место отводится формированию способности к участию в межкультурной коммуникации. Данная коммуникация определяется совокупностью специфичных процессов взаимодействия партнеров по общению, которые относятся к разным лингвоэтнокультурным сообществам. Формирование межкультурной коммуникации предполагает, что изучение неродного языка сопровождается включением в реальный жизненный процесс обучающихся (иностранцев) увеличения границ его индивидуального межкультурного опыта в рамках диалога представителей разных культур [3, с.77].

Анализ трудов вышеизложенных авторов, а также тенденции модернизации современного высшего образования закладывают основу для более подробного рассмотрения взаимодействия вуза и иностранных граждан, приезжающих в Россию на обучение в контексте их адаптационной готовности к обучению в вузе.

Следует отметить, что предвузовский этап обучения иностранных граждан в российском вузе является начальной ступенью адаптации, сопровождается включением в новую для иностранных граждан языковую, социокультурную и учебно-профессиональную образовательную среду, которая отличается от среднего образования, полученного иностранцами в своей стране (Латинская Америка, Страны Азии и Африки, Китай), содержанием, методами, формами обучения, увеличением объёма изучаемого учебного материала, режимом работы так и подходами к преподаванию.

Иностранцы испытывают большие трудности в приобретении знаний, поскольку обучение осуществляется на неродном языке – русском, при этом параллельно с изучением русского языка овладевают языком учебных дисциплин (общенаучных, общепрофессиональных), которые ориентированы на определённую профессиональную область [12]. При этом предвузовский этап обучения иностранных граждан в российских вузах имеет максимально краткие и жёсткие временные параметры от 6 до 10 месяцев.

Теоретический анализ проблемы

Актуальность проблемы адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе определяется задачами дальнейшего эффективного их обучения как будущих специалистов.

Проблема адаптации иностранных граждан к новой языковой, социокультурной и учебно-профессиональной образовательной среде становится мировым явлением, которое требует научного педагогического решения.

Обучение иностранных граждан в российских вузах всегда начинается с адаптационных процессов. Большинство отечественных исследователей (М.А. Иванова, А.И. Сурыгин, Р.М. Шамянов, И. В. Ширяева и др.) сходятся во мнении, что адаптация есть многоуровневый, динамичный процесс, который имеет структуру и особенности протекания, связанные с перестройкой личности в новой языковой, социокультурной и учебно-профессиональной образовательной среде.

А.И. Сурыгин, под академической адаптацией понимает адаптацию обучающегося к новой для него педагогической системе [9, с. 9]. То есть, академическая адаптация означает приспособление иностранных граждан к содержанию и особенностям организации учебного вузовского процесса, методам, формам вузовского обучения, увеличению объёма изучаемого учебного материала, режиму работы так и подходами к преподаванию.

М.А. Иванова понятие «адаптация иностранных студентов к вузу» определяют через формирование устойчивых отношений ко всем компонентам педагогической системы, обеспечивающее адекватное поведение, содействующее достижению образовательно-воспитательных целей [6, с. 243-248].

Адаптацию иностранных студентов И. В. Ширяева определяет как «формирование устойчивой системы отношений ко всем компонентам педагогической системы, обеспечивающее адекватное поведение, способствующее достижению целей педагогической системы» [14, с. 97].

М.В. Григорьева конечным результатом педагогической деятельности определяет «адаптационную готовность, выражаемую в способности человека успешно осуществлять ведущую для данного возраста и/или индивидуально значимую деятельность в этих изменяющихся условиях» [5, с. 96].

Отметим, что адаптацию иностранных граждан в контексте целей обучения в вузе можно рассматривать как способность соответствовать нормам и требованиям вуза, связанную с приспособлением иностранных граждан к новой вузовской системе обучения, к усвоению профессиональных знаний, навыков, умений; как способность развиваться в новой для себя учебно-профессиональной образовательной среде, реализовывая в ней свои потребности и способности.

Скорость адаптации иностранных граждан включает актуализацию их резервных возможностей и готовность к преодолению разного рода трудностей, которые возникают в процессе обучения на предвузовском этапе обучения в вузе, в частности адаптацию к новой вузовской учебной деятельности (новые формы преподавания, контроля и усвоения знаний, иной режим труда и отдыха, самостоятельный образ жизни и т.п.); адаптацию к новой полиэтнической группе (усвоение традиций, норм поведения); адаптацию к будущей профессии (усвоение профессиональных знаний, навыков и умений). При этом адаптация иностранных граждан в новой полиэтнической группе проходит быстрее, чем в группах одного этноса, в которых имеют место затруднения в актуализации нужных для успешного дальнейшего обучения и овладения профессией знаний. Кроме того в новой полиэтнической группе иностранные граждане быстрее включаются в освоение предъявляемых к ним вузом требований к учебной деятельности, что очевидно, скажется на их желании учиться и успехах в учёбе.

Формирование адаптации иностранных граждан к обучению в вузе является существенной задачей для преподавателей-кураторов академических групп [8, с. 208-224]. Функции преподавателей-кураторов заключаются как в предоставлении иностранным гражданам знаний, навыков и умений по учебной дисциплине, так и в формировании мировоззрения, создании условий для адаптации иностранных граждан к обучению в вузе [11].

Процесс обучения иностранных граждан непосредственно связан с процессом социализации иностранных граждан в российских вузах, успешность которого, основывается на психологической и лингвистической адаптации. Лингвистическая адаптация формируется с учетом отличий, характеризующих иностранных граждан, таких как: профессиональная, страноведческая, этническая и другие. Особенности психологической адаптации иностранных граждан определяются высокими требованиями к новым условиям обучения в вузе, к национальным традициям и ценностям российской культуры, уровнем мотивации и других качеств, которые определяют процесс социализации личности. Становится несомненным факт формирования адаптационного синдрома у иностранных граждан на предвузовском этапе обучения в вузе [15, 16], обусловленный такими барьерными причинами как: лингвистические (малые или недостаточные знания русского языка как средства общения); культурные (резкий контраст культурных ценностей); социальные (полная замена привычного окружения); психологические (гиперответственность перед семьей, правительством и т.д.) [17].

М.С. Капелевич, занимаясь основами довузовской подготовки, определяет готовность к продолжению образования в вузе как прогнозируемую, избирательную активность личности на этапе подготовки её к профессиональной деятельности [7].

Мы считаем, что понятие «готовность к обучению в вузе» является совокупным и содержит в себе развитие мотивации к учебной деятельности, уровень необходимых знаний, навыков, умений и готовность иностранных граждан к обучению в вузе, что возможно при единении мотивации, предметной подготовки и речевой активности.

М.С. Капелевич готовность к обучению в вузе представляет в виде четырёх взаимосвязанных блоков: теоретического, включающего в себя сумму знаний, необходимых для поступления в вуз; практического, состоящего из необходимых умений для реализации готовности; психологического и личностного, в основе которого заложены показатели сфер психики, отражающие профессиональную направленность личности [7].

В работах А.Я. Алеевой представлена модель готовности иностранных студентов к учебно-профессиональной деятельности, отражающая интерес иностранных граждан к изучению русского языка как иностранного, к обучению, к овладению языком специальности, и включающая в себя мотивационный, операциональный, когнитивный, эмоционально-волевой компоненты [1, с.123-125].

Данная модель приводит нас к выводу, что иностранные граждане становятся субъектом аналитической, экспериментальной и научно-исследовательской деятельности, при этом иностранным гражданам необходимо осознать для чего и с какой целью эта деятельность осуществляется.

Адаптация к учебно-профессиональной деятельности возможна в случае положительного взаимодействия иностранных граждан с учебно-профессиональной образовательной средой, которая служит для передачи значимых для профессиональной деятельности знаний и умений и представляет фактор формирования адаптационной готовности к новым ситуациям взаимодействия в процессе профессионального развития личности. В учебно-профессиональной образовательной среде вырабатываются «пространственно-предметные условия, межличностные взаимоотношения между субъектами учебно-воспитательного процесса и пространство разнообразных видов деятельности, необходимых для социализации личности» [10, с.97]. Взаимодействие иностранных граждан и образовательной среды происходит нелинейно и связано с особенностями этой среды [4, с. 11].

Изменения учебно-профессиональной образовательной среды предвузовского этапа обучения определяют коррекцию поведения в аналитической, экспериментальной и научно-исследовательской деятельности иностранных граждан. Как отмечает Р.М. Шамионов адаптационная готовность обеспечивает адаптацию личности до определённого уровня за счёт представлений личности о своих возможностях [13, с. 73].

Таким образом, мы определяем адаптационную готовность иностранных граждан к обучению в вузе совокупностью у субъекта определённой сформированной системы знаний, умений, навыков необходимых для осуществления ведущей для данного возраста и/или индивидуально значимой деятельности в изменяющихся условиях образовательной среды.

В ходе исследования нами выявлено, что структура адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе включает следующие основополагающие компоненты: мотивационно-адаптационный, когнитивно-познавательный, эмоционально-волевой, операционно-оценочный компонент и информационный.

Мотивационно-адаптационный компонент адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе содержательно представлен потребностью в последующем обучении в российском вузе, устойчивым интересом к учебной деятельности, проявлением стабильного интереса к предметной области, желанием изучить язык специальности русском языке как иностранном и приспособлением к новым социальным условиям.

Когнитивно-познавательный компонент адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе характеризуется сформированностью знаний иностранных граждан об обучении в российских вузах; совокупностью системы знаний и понятий, достаточных для осуществления обучения в российских вузах; представлениями о своих индивидуальных способностях через осознание связи обучения с будущей профессиональной деятельностью; знанием содержания предметной области знаний.

Операционно-оценочный компонент адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе содержательно представлен практическим владением лингвистического аппарата для усвоения значимой профессиональной информации; навыками самостоятельной учебной деятельности, образовательными навыками, знаниями и умениями для дальнейшего обучения в российском вузе и самооценкой своей готовности к дальнейшему обучению в вузах.

Эмоционально-волевой компонент адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе отражает стремление преодолевать трудности на пути к цели, уверенность в успехе дальнейшего обучения, стремление добиваться успеха и показывать себя с лучшей стороны, удовлетворение от самостоятельного получения новых знаний, умение рационально использовать своё свободное время, самоанализ и коррекцию своих знаний, умений, навыков.

Информационный компонент адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе включает в себя речевую и предметную компетентность. Речевая компетентность – это те знания, навыки и умения, которые нужны иностранным гражданам на предвузовском этапе обучения и дальнейшего обучения в вузе для понимания речевого поведения других людей и построения своего речевого поведения разного характера и сложности, тождественного целям и ситуации общения. Предметная компетентность формируется в рамках изучения конкретной учебной дисциплины на предвузовском этапе обучения иностранных граждан в вузе и включает в себя профессиональные знания, умения, навыки, необходимые для учебно-профессиональной деятельности и способности общего характера.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что состояние структуры адаптационной готовности иностранных граждан к обучению в вузе зависит от взаимодействия всех компонентов, а результат подготовки иностранных граждан на предвузовском этапе в вузе к обучению может рассматриваться только в совокупности всех компонентов, которые определяют образовательные

цели процесса обучения в динамике развития составляющих личностных свойств иностранных граждан, что позволит в дальнейшем успешно обучаться иностранным гражданам в любом российском вузе.

Литература

1. Алеева, А.Я. Компоненты структуры готовности иностранных учащихся к обучению в вузе / А.Я. Алеева // Международное сотрудничество в образовании. - СПб., 2002. - Ч. 2. - С.123-125.
2. Арефьев, А.Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. - М.: Центр социального прогнозирования, 2007. - С. 649-651.
3. Гальскова, Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика [Текст] / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. - М.: Издательский центр «Академия», 2007. - 336с., С.77.
4. Григорьева, М.В. Динамика адаптационных феноменов в образовательной среде школы: системно-диахронический подход. // Адаптация личности в современном мире: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2012. Вып.5. С. 8-11., С. 11.
5. Григорьева, М.В. К разработке концептуальной модели взаимодействия личности и среды [Текст] / М.В.Григорьева // Мир психологии. - 2008. №1(53). С.93-100, С.96.
6. Иванова, М.А. Системный подход к исследованию адаптации иностранных студентов / М.А. Иванова, А.В. Зинковский // Научно-техн. ведомости СПбГУ. - 2005. - №2(40). С. 243-248.
7. Капелевич, М.С. Концептуальные основы довузовской подготовки: Дис. ...канд. пед. наук. Калининград, 2001. - 206с.
8. Леонтьева, Э.О. Стандарты и реальность: можно ли в российских вузах учиться по правилам? / Э.О. Леонтьева // Вопросы образования. - 2010. - № 1. - С. 208-224.
9. Никифоров, В.И., Сурыгин А.И. Теория и практика высшего профессионального образования. Термины, понятия и определения. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2009. 141 с., с. 9.
10. Панов, В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007. 352с., С.97.
11. Пономарева, Е.Ю. Изучение уровня социально-психологической адаптации студентов-первокурсников [Электронный ресурс] / Е.Ю. Пономарева // Крымский гуманитарный университет. - Ялта: - 2008.
12. Сурыгин, А.И. Дидактические основы предвузовской подготовки иностранных студентов в высших учебных заведениях: Автореф. доктора пед. наук. СПб., 2000. - 37с.
13. Шамионов, Р.М. Соотношение адаптационной готовности и социальной активности личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С.72-80., С.73.
14. Ширяева, И. В. Особенности адаптации иностранных студентов к учебно-воспитательному процессу в советском вузе. Л., 1980. С. 97.
15. Adams W. The Brain Drain. N. Y., 2003.
16. Di Marko N. Stress and Adaptation in cross-cultural transition // Psychological reports, 2004, № 35, p.279-85.
17. Cole J., Allen F., Green J. Survey of health problems of overseas students. // Social Science and Medicine, 2000, № 14, p.627-31.

УДК 378: 374.1:373.3:378.1

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ**DESIGN OF CREATIVE WORKSHOP PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT OF FUTURE TEACHER OF PRIMARY SCHOOL****А.А. Миненок****A.A. Minenok**

*Черниговский национальный педагогический университет им. Т. Г. Шевченко,
Украина, г. Чернигов, 14013, ул. Гетьмана Полуботка, 53
Chernigiv National Pedagogical University named after T. G. Shevchenko,
53, Getman Polubotok Str., 14013, Chernigiv, Ukraine*

e-mail: Aminenok@ukr.net

Статья посвящена проблеме профессионального саморазвития будущего учителя начальной школы в условиях высшего учебного заведения, моделированию творческой мастерской для внедрения технологий психолого-педагогического сопровождения, психолого-педагогической поддержки, тренингов профессионального саморазвития, профессиональной мотивации, самореализации, адаптации и творческого развития в процессе профессионально-педагогической практики, мониторинговых технологий профессионального роста и личностного саморазвития.

The article discusses the problem of professional self-development of future teacher of primary school in the conditions of higher educational establishment, to the design of creative workshop for introduction of technologies of psychological and pedagogical accompaniment, psychological and pedagogical support, trainings of professional self-development, professional motivation, self-realization, adaptation and creative development in the process of professional-pedagogical practice, monitoring technologies of professional growth and personality developing.

Ключевые слова: профессиональное саморазвитие, будущий учитель начальной школы, высшее учебное заведение, творческая мастерская, педагогика профессионального развития и творчества.

Keywords: professional self-developing, future teacher of primary school, higher educational establishment, creative workshop, pedagogics of professional development and creation.

Моделирование творческой мастерской профессионального саморазвития будущего учителя начальной школы в условиях высшего учебного заведения является одним из эффективных средств, основанных на принципах модернизации и современных тенденций развития высшего образования для эффективного формирования профессионально педагогической компетентности, а также ключевых компетентностей личности, которые в свою очередь формируют и развивают жизненные ценности участников педагогического процесса.

В контексте сотрудничества в сфере образования в Европе моделирование творческой мастерской профессионального саморазвития будущего учителя начальной школы в условиях высшего учебного заведения дополняет нормативные основы, методы и инструменты кооперации в сфере самообразования и профессионального развития на протяжении жизни – learning of lifelong [1; 2].

В условиях необходимости переосмысления подходов к формированию профессионально важных качеств будущего учителя начальной школы, по нашему мнению, творческая мастерская профессионального саморазвития позволит мониторировать функциональные параметры профессионального саморазвития и они будут реализоваться на высшем качественном уровне, в более широкой палитре профессиональных качественных признаков [3].

Основными заданиями моделирования профессионального саморазвития является: формирование позитивной мотивации к профессиональному саморазвитию, повышению индивидуального педагогического мастерства и самореализации, формированию способов профессионального саморазвития и умений использовать их на практике, а также объективной оценки своих действий, в процессе личностно ориентированного педагогического процесса.

Моделирование профессионального саморазвития осуществляется в условиях конкретной социально-образовательной среды. Совокупность условий, в свою очередь, отражается ситуацией выбора, которая предусматривает все компоненты, факторы и особенности объективного и

субъективного характера, в комплексном взаимодействии которых осуществляется профессиональное саморазвитие личности будущего учителя начальной школы [4].

Объективная сторона - независимая от личности совокупность социальных условий, в которых осуществляется саморазвитие, субъективная - формирование личностной творческой модели, которая адекватно отображает особенности ситуации профессионального саморазвития. Следовательно целью функционирования творческой мастерской профессионального саморазвития является эффективная реализация психолого-педагогической поддержки в профессиональной самореализации, будущей профессиональной адаптации, а также научить студентов создать собственную модель индивидуального профессионального саморазвития, с помощью которой каждый из них лично максимально раскроет свои творческие возможности.

Несомненно, качество подготовки будущих учителей начальной школы во многом зависит от создания условий для саморазвития. К необходимым условиям для реализации идеи профессионального саморазвития студентов следует отнести: наличие в достаточном количестве обязательной и дополнительной литературы как на кафедрах, так и в библиотеке; наличие специализированных аудиторий, читальных залов, компьютерных классов; мотивация студента в получении качественного профессионального образования; условия для творческого саморазвития студента в условиях высшего учебного заведения и в условиях специальных профессиональных студий и других внеаудиторных форм профессионального самообучения.

Достаточные условия определяются нами как: наличие реальных перспектив для профессионального саморазвития и самореализации; потребность в учителях начальных классов; отношение государства к профессиональной деятельности учителя и достойно общественное признание.

Мастерская профессионального саморазвития направлена на реализацию лично ориентированного педагогического процесса, при котором существенно расширяются возможности построения студентом индивидуальной образовательной траектории.

Специфика профессионального образования, которое требует выполнения разнообразных ролей и владения разными навыками (умениями) в зависимости от последующей деятельности будущих специалистов, позволяет сформулировать такие цели процесса саморазвития:

- получение углубленных профессиональных знаний (проектирование тематических мастер-классов);
- овладение умениями (навыками), которые трансформируются в готовность к реализации профессиональных компетенций;
- формирование личностных качеств, жизненной позиции и мировоззрения;
- предоставление дополнительных возможностей для развития профессионального мастерства, карьерного роста и расширения социальных контактов и проектирования будущей профессиональной деятельности;
- формирование готовности к научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности [5].

Для преподавателя высшего учебного заведения очень важным является баланс академической подготовки, глубокого знания учебной дисциплины преподавания, богатого педагогического опыта и существенной методической подготовки.

При этом ключевыми компетентностями будущего преподавателя мы помечаем:

- экспертные знания (аспирантура, докторантура, непрерывное, систематическое, целеустремленное самообразование);
- педагогические способности (умение работать с разной аудиторией, применять активные методы обучения, вести профессиональные тренинги, мастер-классы [5]).

Для создания возможностей формирования потенциала профессионального саморазвития будущего учителя начальной школы мы рассматриваем учебный процесс в единстве функций, технологий и методов обучения, форм, видов и средств, в частности необходимо выделить:

- компенсаторную (заполнение ранее отсутствующих или потерянных образовательных возможностей);
- адаптивную (приспособление к новым профессиональным требованиям в динамически изменяющемся обществе);
- развивающую (постепенное обогащение способностей человека и ее духовного мира);
- коррекционную (изменение стереотипов мышления и поведения, преодоления профессиональных деформаций личности);
- формирующую (приобретение новых знаний, умений, навыков, с целью расширения или трансформации поставленных целей);
- предоставление консалтинговых услуг в случае затруднений трудоустройства по специальности.

Перечисленные функции можно рассматривать в педагогическом, социальном, политическом и экономическом аспектах.

Педагогический аспект представлен заданиями по изменению у будущих учителей начальной школы привычных стереотипов, относительно профессии, развитию инициативы, высших приоритетов, предоставлению уверенности в принятии решений, влияния на выбор жизненной стратегии и профессиональной карьеры.

Социальный аспект отображен заданиями развития социальной мобильности, преодолению профессиональных трудностей, а также формированию новой и сохранению традиционной системы ценностей, в изменении аксиосферы личности в плане не только ее адаптации к новым условиям профессиональной деятельности, но и активного участия, в создании этих условий.

Экономический аспект определен заданиями по формированию социально-профессиональной структуры и иерархии ценностей общества, в первую очередь управленческой элиты, которая владеет современными знаниями, передовыми технологиями и методами управления, и задает стереотипы профессионального развития. В этом контексте задания моделирования процесса профессионального саморазвития заключаются в создании условий для подготовки конкурентоспособных педагогов, которые владеют профессиональным мастерством, которое обеспечивает определенные гарантии на рынке труда, что особенно актуально в условиях рыночных отношений.

Отбор технологий, которые эффективно будут применяться в процессе профессионального саморазвития будущего учителя начальной школы, достаточно разнообразен. В нем присутствуют как традиционные, так и инновационные, технологии, выбор которых определяется:

- содержанием учебных программ, спецкурсов (долгосрочные дают большее пространство для творчества);

- количественным составом групп;
- уровнем подготовки групп;
- целевыми ориентирами в группе;
- кадровыми потенциалом высшего учебного заведения.

В качестве традиционных методов эффективно применяются в современных условиях: дискуссии, семинары, тренинги, конференции, творческое самообразование.

К инновационным методам можно отнести: метод конкретных ситуаций, мозговой штурм, метод обучения действием, ролевые, имитационные и деловые игры, метод проектов, метод модернизации и др.

Организационные формы – необходимый компонент моделируемого процесса профессионального саморазвития будущих учителей начальной школы в условиях высшего учебного заведения. Основные формы обучения можно классифицировать:

- по количеству участников (индивидуальная и групповая);
- месту проведения (в школе или в высшем учебном заведении);
- сочетанию с основной работой (профессиональным обучением) (очная, очно-заочная, заочная, экстернат, дистанционные формы обучения).

В процессе проектирования мастерской профессионального саморазвития является целесообразным использование комплекса разных учебных средств. Каждый компонент комплекса (образовательная программа, программа учебного курса, лекционный материал, методическое пособие, монографии, рабочие тетради, и так далее) следует рассматривать как определенный носитель учебной информации, которая владеет особенными свойствами реализации образовательных целей и заданий.

Активно используются в учебных комплексах технические возможности: технологический ряд мультимедийных средств и компьютеров разной мощности с мультимедийными устройствами; презентационное оборудование (плазменные экраны, ноутбуки, видеокамеры, специальные диски), телекоммуникационное оборудование, технические средства создания и тиражирования учебных материалов (сканеры, принтеры, издательские системы). Входят в состав комплекса учебных средств элементы обеспечивают включение студента в деятельность, мотивируя его не только к запоминанию, но и к осмыслению и анализу.

Важным компонентом является специальное программное обеспечение – создание виртуальных проблемных студий профессионального саморазвития. Таким образом, для повышения уровня саморазвития необходимы:

- организация творческой учебно-познавательной и исследовательской деятельности студентов, ориентированной на реализацию компетентностного подхода;
- создание в ходе учебного процесса обстановки психологического комфорта с целью обеспечения психологической и социальной адаптации каждого субъекта учебного процесса;
- структуризация учебного процесса и ее проектирование с учетом внедрения современных педагогических технологий.

Одним из инструментов улучшения качества профессионального саморазвития есть специальная методика мониторинга его эффективности, что позволяет определить степень компетентности будущего специалиста и потребности в профессиональном саморазвитии:

- адаптационная мобильность к изменениям, видению будущего, осознанию своей социальной роли и внешней среды, творчество и инновации, стратегическое мышление, постоянная учеба, гибкость, мотивация, к самообразованию;
- способность к управлению конфликтами, пониманию культурологических факторов, формирования команды, умения действовать в сотрудничестве;
- глобальное, системное, планетарное, информационно-технологическое проектирование, профессиональная самостоятельность, толерантность;
- достижение результатов, ответственность, умение разрешать проблемы, предприимчивость, решительность, ориентация на потребность в повышении профессиональной квалификации, конкурентоспособности;
- коммуникабельность, устные коммуникации, письменные коммуникации, ведения переговоров.

Кроме общих положений саморазвития и конкретных причин тех или других социальных явлений необходимо при проектировании творческой мастерской профессионального саморазвития учитывать максимально факторы влияния, например, морально психологическую атмосферу в обществе, от которой зависит эффективность саморазвития (мониторинг по принципу обратной связи). Необходимо ежеминутно сверять индивидуальную программу с конкретными заданиями и перспективами, направленными на совершенствование профессиональных навыков и творческого потенциала, игнорирование которых может привести к неудаче общей стратегии саморазвития субъекта учебного процесса, то есть развивать коммуникативную мобильность в обществе.

К факторам, которые обеспечивают эффективность саморазвития в условиях учебного процесса, следует также отнести:

- организацию учебной деятельности на научной основе;
- системность нововведений, которые охватывают разные звенья учебного процесса (содержание образования, технологии и методики, организация учебного процесса, структура взаимодействия всех его участников);
- обеспечение самостоятельности субъектов учебного процесса на всех его этапах;
- развитие собственных идей в учебном процессе, а не копирование уже существующих;
- направленность учебного процесса на решение актуальных проблем будущей профессиональной деятельности.

Проведенный анализ результатов методологических, теоретических и практических исследований позволяет утверждать, что значительно расширилось понимание и значение самостоятельной работы студентов в их профессиональном саморазвитии. Взаимосвязь между самостоятельностью личности, самостоятельной учебной деятельностью и профессиональным саморазвитием, является очевидной.

Логика их взаимовлияния оказывается в том, что самостоятельность, которая по своему содержанию не может быть врожденной и является результатом обучения и воспитания, развивается и формируется в процессе самостоятельной учебной деятельности, которая, в свою очередь, выступает как условие и средство профессионального саморазвития студентов и формирования самостоятельности как социально и профессионально значимого свойства личности будущего конкурентоспособного учителя [4].

Процесс профессионального саморазвития должен быть педагогически организованным, поскольку включает не только развитие интеллекта, но и готовность к самореализации в профессии, самостоятельность, становление позитивного отношения, к миру, принятие себя и окружающих, формирование уверенности в себе, включает самореализацию, самоопределение, рефлексии, актуализацию потребностей, в профессиональном самоусовершенствовании.

Профессиональное саморазвитие рассматривается в качестве системной структуры на основе иерархии процессов самообразования и самовоспитания, личностного творческого развития. Все личностные изменения (интеллектуальное и культурное развитие, умение управлять своими психическими состояниями, волевая целенаправленность, развитие педагогических способностей) становятся мощным стимулом в профессиональном и личностном саморазвитии, так как формируют потребность в самоусовершенствовании, то есть результаты профессионального саморазвития, в свою очередь, становятся стимулом этого саморазвития, а значит, данный процесс можно рассматривать как циклический, замкнутый. Уровень саморазвития никогда не может быть абсолютно определенным, поскольку процесс саморазвития длится на протяжении всей жизни.

Список литературы

1. Ларионова М.В. Сотрудничество в сфере образования в Европе: нормативная основа, методы и инструменты кооперации / М.В. Ларионова. – М.: Университетская книга: Логос, 2006. – 214 с.
2. Міненко А.О. Дослідження актуальних питань розвитку творчих здібностей молодших школярів в педагогічній діяльності учителя початкової школи / А.О. Міненко // Наука і освіта : науково-практичний журнал / Південний науковий Центр НАПН України. (Серія : Психологія і педагогіка). – Зб. статей : – Одеса : ПНПУ, 2014. – № 8. – 224 с. – С. 119-123.
3. Міненко А.О. Особистісно-професійний саморозвиток майбутнього вчителя як умова вдосконалення якості навчання і виховання / А.О. Міненко // Вища освіта України у контексті інтеграції до європейського освітнього простору: Гуманітарний вісник ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди» – К.: Гнозис, 2014. – том IV (55) – 530 с. – С. 318-324. (Серія : Педагогічні науки).
4. Міненко А.О. Розвиток самостійності студента як умова професійно-творчого самовдосконалення майбутнього учителя початкової школи /А.О. Міненко / Науковий часопис національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова / Ред. кол.: Н. В. Гузій.– К.: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2015. – Серія 16. Випуск 25 (35). – С.105 – 109.
5. Міненко А.О. Формування готовності до науково-педагогічної діяльності: навчальний посібник /А.О. Міненко/ Навчальний посібник для магістрів напряму підготовки «Початкова освіта». Серія: Magisterium .– К.: Вид-во Нестроєвий, 2015. –205с.

УДК 378

**РАЗВИТИЕ ОТКРЫТОГО И ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В СТРАНАХ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА****THE EVOLUTION PROCESS OF OPEN AND DISTANCE LEARNING SYSTEM IN THE
WESTERN EUROPEAN COUNTRIES AT THE END OF THE 20TH – THE BEGINNING
OF THE 21ST CENTURY****Н.В. Плаксина
N.V. Plaksina**

*Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
Kursk State University, 33, Radishchev St., Kursk, 305000, Russia*

e-mail: natalyanegrebetskaya@yandex.ru

Аннотация. В статье прослеживается эволюция технологий открытого и дистанционного обучения в странах Западной Европы в конце XX – начале XXI века на примере крупнейших вузов дистанционного образования Великобритании, Франции, Германии.

Представлена характеристика структурно-содержательных особенностей национальных систем дистанционного образования. Рассмотрены основные принципы организации и технологии процесса обучения.

Abstract. The article reveals the evolution of open and distance learning technologies in some of the major universities of Great Britain, Germany and France for the mentioned above period.

Some peculiarities in structure and content of national distance learning systems are characterized. The main principles of organization and the basic technologies have been revealed.

Ключевые слова: открытое обучение, дистанционное образование, электронное образование, информационные технологии, виртуальный университет.

Key words: open learning, distance learning, e-learning, informational technologies, virtual university.

В последние десятилетия XX века в условиях стремительного движения общества к его гуманистическим характеристикам происходит ряд процессов интеграционного характера во всех сферах социального существования, в том числе и в области образования. Примером данного явления служит Европейская культурная конвенция, главной целью создания которой являлась задача организации поликультурного и мобильного общеевропейского образовательного пространства, в котором возможна трансляция стабильного знания, отвечающего требованиям и нуждам общества конца XX в.

Интеграция международных связей, увеличение спроса на высококвалифицированных специалистов, способных самостоятельно выявлять и решать проблемы, ставит задачу подготовки всесторонне развитых, творчески мыслящих специалистов. Эту задачу призвана решать система образования в целом и высшая школа в частности, непосредственно готовящая молодых людей к профессиональной деятельности.

Обновление образования в мировом пространстве, его демократизация, диверсификация проходит с позиций интересов развития личности и общества. Стремление преодолеть в образовании профессиональную замкнутость и культурную ограниченность, ориентация на воспитание широкообразованной и гармонично развитой личности характерны для всего мирового сообщества конца XX в.

Исходя из объективной реальности картины мира в последнее десятилетие XX в. и перспектив его дальнейшего развития, все большее количество ученых считают, что теоретическую основу обновления систем образования должна составить идея непрерывного образования. Более того, по мнению ЮНЕСКО, непрерывное образование следует рассматривать как принцип, который должен быть положен в основу организационной перестройки существующих систем образования [12, с. 95].

Идея непрерывного образования может быть реализована в том числе и с помощью развития и совершенствования области открытого обучения и дистанционного образования.

Следует отметить, что открытое обучение и дистанционное образование представляют собой одну из наиболее быстро развивающихся областей образования, а его влияние на развитие всех

образовательных систем существенно увеличивается по мере развития и совершенствования информационных технологий.

Несомненно, открытое обучение и дистанционное образование повышают не только общеобразовательный уровень общества, но и способствуют повышению квалификации и переподготовки специалистов в связи с переходом на новые технологии.

В конце XX – начале XXI в. в Западной Европе дистанционное образование представляет собой высокоразвитую форму образования, хотя его значение и распространённость в различных странах неодинаковы.

Дистанционное обучение основывается на принципе самостоятельного обучения и выражается в целенаправленном процессе интерактивного взаимодействия преподавателей и студентов посредством информационных и телекоммуникационных технологий, которые обеспечивают учащимся необходимым объемом изучаемого материала. В результате дистанционного обучения студенты получают диплом установленного образца.

Главный принцип *открытого и дистанционного образования* – создание условий максимально широкого доступа обучающихся к средствам образования и профессиональной подготовки без привязанности ко времени и месту учебы [7, с. 13].

Следует отметить, что использоваться технологии открытого и дистанционного обучения в странах Западной Европы начали в 60-е годы XX в. Первые стандарты использования дистанционных методов обучения в области высшего образования и организации вуза такого типа были установлены Открытым университетом Великобритании [10, с. 53–60].

В 1963 г. Гарольдом Вильсоном в Великобритании была предложена идея «Эфирного университета». Процесс обучения в вузе предполагал, что взрослые студенты будут обучаться дома, получая необходимые материалы с помощью системы радио и телевидения.

В 1969 г. по указу Королевы Великобритании был основан Открытый Университет (Open University; University of the Air). Вуз получил статус независимого университета и начал учебную деятельность наравне с другими университетами страны.

Появление данного учебного заведения было связано прежде всего с повышением актуальности высшего образования и спроса на него тех, кто не смог получить его вовремя.

Университет долгое время развивался под руководством премьер-министра Гарольда Уилсона, который принимал активное участие в разработке учебных планов, программ и технологий обучения, а также ряда учебно-методических пособий [11].

Данный вуз предлагал высшее образование без отрыва от производства и с момента своего основания осуществлял процесс обучения с помощью почтовых отправок учебной литературы, контрольных работ, теле- и радиовещания, а также консультаций по телефону. Обучение происходило недалеко от места проживания студентов, где они занимались самостоятельно, используя специально разработанные пособия. Студенты работали под руководством тьюторов, которые территориально находились недалеко от студентов и проводили консультации и семинарские занятия в специально организованных филиалах университета.

В 1997/1998 учебном году в вузе насчитывалось более 200 тыс. студентов, что составляло 21 % студентов-заочников всех британских вузов; причем две трети студентов Открытого университета принадлежали к возрастной группе от 25 до 44 лет [8, с. 38].

Следует отметить, что с момента своего возникновения университет успешно реализует формы заочного и дистанционного обучения не только для англичан, но и для иностранцев. Университет признан одним из крупнейших вузов в Европе и является одним из мировых лидеров в области открытого и дистанционного обучения, предлагая свои услуги в распространении высшего и последипломного образования не только в Великобритании, но и в ряде других европейских стран. Среди британских вузов рейтинг данного образовательного учреждения высок и сопоставим с рейтингами университетов Оксфорда и Кембриджа.

В последние десятилетия в Великобритании придается огромное значение формированию имиджа страны как всемирного центра инновационных проектов в сфере образования. Система образования Великобритании занимает в начале XXI в. ведущие позиции среди европейских стран по части создания дистанционных образовательных порталов. Более 1300 английских колледжей и университетов предлагают дистанционную форму обучения. Более 1 миллиона европейских студентов обучаются в Великобритании дистанционно, не покидая своей страны [2, с. 20 – 24].

Франция также постоянно совершенствуется в области применения новых информационных технологий в системе образования. Особого внимания заслуживает Национальный центр дистанционного образования CNED (фр. Centre national d'enseignement à distance). Данное учебное заведение было создано по решению правительства в 1939 г. как Национальный центр заочного обучения (CNEC). Центр был создан для детей, которые в связи с началом Второй мировой войны по болезни или инвалидности не могли посещать обычные школы. С 1980 г. Центр носит свое современное название – КНЕД.

КНЕД обеспечивает подготовку и обучение желающих практически любого возраста – от детского сада до аспирантуры, а также организует подготовительные курсы и курсы повышения квалификации. Основные направления деятельности Центра носят названия, которые характеризуют целевую аудиторию – «Школа», «Университет», «Конкурс» (образование для подготовки к экзаменам на соискание должностей в государственной гражданской службе и гражданской службе), «Профессионал» (подготовка соискателей на ряд должностей), «Культура» и другие. Ежегодно в КНЕД обучаются более 300 тысяч человек со всего мира. Причем контингент обучающихся постоянно увеличивается.

Центр представлен семью филиалами, которые находятся по всей территории Франции. Каждый из филиалов имеет общенациональное значение и специализируется в определенной научной области.

Филиал в Ванве организует обучение студентов по всем предметным направлениям, предлагает подготовку к различным курсам, экзаменам с помощью компенсирующих занятий, осуществляет педагогическую подготовку на всех уровнях, кроме университетского. Кроме того, в данном филиале студенты могут выбрать для изучения один или несколько иностранных языков.

Филиал в Тулузе предлагает начальное и неполное среднее образование не только для взрослой аудитории, но и для детей. В данном филиале центра возможно получение диплома преподавателя средней школы (гуманитарные предметы, современная литература, философия, португальский язык) и диплома бакалавра по социальной медицине. Организованы подготовительные курсы к вступительным экзаменам в нормальные школы и другие учебные заведения Франции.

Процесс обучения в вузе регламентируется официальными программами Министерства образования и осуществляется, главным образом, с помощью письменного общения между студентами и преподавателями. Следует отметить, что использование современных информационных технологий позволяет персонифицировать весь период обучения и сократить время связи между преподавателями и студентами. При необходимости практической подготовки в центре организуются групповые занятия.

Несомненные достоинства Центра – гибкость процесса обучения и экономичная форма получения образования. Особенности организации учебного процесса позволяют каждому студенту пройти курс заочного обучения в индивидуальном темпе. По окончании курса обучения студенту присуждается квалификация.

Центр постоянно адаптирует программы обучения и учебный материал к конкретным потребностям населения. При организации процесса обучения преподавателями осуществляется объективный контроль за успеваемостью каждого студента. Этим частично и объясняется значительный вклад Центра в систему повышения квалификации педагогических кадров. Например, в июне 1987 г. количество желающих подготовиться к конкурсным экзаменам на должность преподавателя по естественно-научным дисциплинам насчитывало 3 250 человек [4, с. 79-81].

Один из лидеров в области практического применения современных информационных технологий при организации дистанционного образования – КНЕД сотрудничает со многими классическими университетами Франции.

Центр предоставляет учащимся лицеев и коллежей дополнительные возможности, которых нет в их учебных заведениях. Для желающих восполнить пробелы в своем образовании имеется широкий выбор разнообразных курсов: летние, подготовительные, переподготовки. Возможны индивидуальные занятия.

Подготовка и переподготовка кадров для Центра осуществляется им самостоятельно. В 1997 г. Центром была открыта школа, выпускающая специалистов, способных работать в области дистанционного обучения.

Очевидно, что дистанционное обучение пользуется большой популярностью во Франции. В начале XXI в. в системе дистанционного образования проходили обучение около 400 тыс. человек, из которых 80 % – взрослые. Более 200 тыс. человек записались для получения высшего образования, 36 тыс. человек выбрали непрерывное профессиональное обучение, 3800 человек предпочли модульное обучение. Кроме того, в рамках международного сотрудничества на обучение записались более 30 тыс. человек из 204 стран мира [3, с. 83].

Следует отметить, что, согласно программе Министерства образования Франции, к 2017 г. все университеты страны должны перевести не менее 20% занятий в онлайн-режим. Первые онлайн-курсы затронут сферы биологии, цифровой техники, здравоохранения, философии и физики [1]. Безусловно, студенты дистанционных курсов должны обладать высокими навыками самоорганизации, чтобы успешно завершить такое обучение.

В Германии первый университет, предлагающий заочную форму обучения, был основан в 1974 г. в Хагене (Земля Северный Рейн-Вестфалия) и уже несколько десятилетий успешно реализует дистанционные программы обучения [9].

Основной контингент студентов здесь – взрослые, которые получают образование без отрыва

от производства. Кроме данной категории граждан здесь обучаются инвалиды, заключенные, а также лица, находящиеся на срочной или альтернативной службе.

Студенты могут выбрать одно из нескольких направлений обучения: информатику, математику, экономику, социальные и гуманитарные науки, электротехнику. Экономические науки наиболее популярны, как правило, их выбирают около 50 % обучающихся.

В отличие от традиционных немецких вузов, в Хагенском заочном университете не действует система ограничений на престижные специальности. Обучение в вузе доступно всем желающим при наличии полного среднего образования.

Данный университет был основан в помощь очным университетам Германии, которые были перегружены студентами в последние десятилетия XX в. Хагенский заочный университет гармонично вписался в немецкую систему высшего образования и стал пользоваться популярностью у определенного контингента взрослых, которому в силу ряда причин традиционное университетское образование было недоступно [8, с. 39].

Следует отметить, что с момента своего основания заочный университет стремится сохранить основные традиции высшей школы Германии. основополагающий принцип вуза – свобода при организации исследовательской работы и процесса обучения студентов. Все академические экзамены и степени, дипломы и присвоение ученых степеней полностью соответствуют аналогичным степеням в очных университетах страны.

В конце XX в. передача знаний из учебного заведения студенту и контроль его работы осуществляется посредством виртуальных консультаций, конференций. Студентам предоставлен доступ в университетскую библиотеку в режиме on-line. Средства связи между студентами и преподавателями постоянно исследуются, оцениваются, совершенствуются.

Университетами при организации заочной формы обучения предоставляется возможность очных консультаций студентов с преподавателями в специально организованных центрах обучения, в которых внештатные сотрудники, имеющие высокую квалификацию в своей профессиональной области, помогают студентам советом и практически. 65 таких центров организованы в Германии, Австрии, Швейцарии. С 1993 г. Министерство иностранных дел Германии финансирует студенческие центры университета Хагена в Литве, России, Чехии. Развиваются и совершенствуются тесные связи с аналогичными институтами в США, Швеции, Англии (открытые университеты), Франции, Канаде, Австралии и других странах.

Германия также крайне заинтересована в активном развитии открытого обучения и дистанционного образования, причем не только для своих, но и для иностранных студентов.

В связи с этим в начале XXI в. получить дистанционное образование в Германии можно в достаточно большом количестве вузов, которые кроме очной формы обучения предлагают и дистанционную.

Полноценный курс обучения через Интернет предлагает немецкий Виртуальный университет прикладных наук (Virtuelle Fachhochschule), который состоит из 15 немецких и четырех шведских вузов [14]. Также по системе электронного образования e-learning работают университеты во Фрайбурге, Мангейме, Карлсруэ, Гейдельберге, Любеке, Бранденбурге, Берлине, Хагене и ряде других городов Германии.

Система открытого и дистанционного образования в Германии постоянно совершенствуется, для того чтобы стать достойной альтернативой очной стационарной форме обучения.

Учиться дистанционно в Германии можно как на бакалаврских, так и на магистерских программах. Причем большинство онлайн-специальностей в немецких вузах преподаются на английском языке [13].

После принятия решения о зачислении студент получает учебные пособия, справочные материалы и личный кабинет на сайте университета, в котором в дальнейшем будет отслеживаться его успеваемость.

Богатый опыт в сфере открытого и дистанционного образования позволяет немецким вузам предоставлять качественное образование, а немецкие дипломы с успехом признаются во всем мире.

В целом, координацией открытого и дистанционного образования, а также электронного обучения во всем мире занимается Европейская ассоциация университетов по вопросам дистанционного обучения (European Association of Distance Teaching Universities).

Главной целью данной ассоциации является содействие созданию и развитию Европейской сети высшего уровня открытого и дистанционного образования, которая способствует развитию Европейского открытого университета посредством поддержки образовательных сети, созданной для гибкого обучения, обучения в течение всей жизни, формирования открытых образовательных ресурсов, совместных образовательных программ, виртуальной мобильности [6, с. 109-110].

В условиях динамичного развития области открытого и дистанционного образования очевидно совершенствование технологий обучения. Преподаватели все реже применяют традиционные методики организации процесса обучения и все чаще делают акцент на совместных

обсуждениях и групповых проектах. В последние десятилетия XX в. преподавателями вузов стран Западной Европы в системе открытого и дистанционного обучения активно используются методы обучения с применением новых технологических средств, в том числе компьютера, компакт-дисков, электронной почты, комнаты для дискуссий, интерактивных досок объявлений, видео- и аудио-конференц-связи. В рамках этой модели преподаватель отвечает за координацию многоканальной мультимедийной системы доставки информации. В конце XX в. университеты Западной Европы начали использовать многоцелевые сайты, стала возможной двухсторонняя связь, подразумевающая более глубокое взаимодействие между преподавателем и студентом.

С развитием области открытого и дистанционного обучения возникла необходимость в переподготовке профессорско-преподавательского состава большинства европейских вузов. В связи с этим круги, ответственные за организацию педагогического образования в Западной Европе, стали рассматривать подготовку педагогических кадров не только как освоение базового курса с некоторой переподготовкой в будущем, а как непрерывный процесс обучения и совершенствования на протяжении всех лет работы учителя [5, с. 42]. Это связано с тем, что интеграционные процессы в области культуры и образования, развитие информационных технологий и появление новых областей для изучения предъявляют ряд новых требований к профессиональной квалификации преподавателя. Одно из наиболее значимых профессиональных качеств учителя – способность правильно воспринимать любые изменения, возникающие в сфере образования, и быстро адаптироваться к новым условиям.

Поэтому главной задачей педагогических учебных заведений в последние десятилетия XX в. в странах Западной Европы признана задача научить будущих учителей встречать не только те перемены, которые уже затронули область образования, но и те, которые могут возникнуть в будущем, независимо от того, к какой области они относятся. Кроме этого специалисты должны уметь строить свою методику преподавания, учитывая изменения в содержании образования, технологиях обучения, а также в развитии самих учащихся.

Таким образом, развитие открытого обучения и дистанционного образования в последнее десятилетие XX – начале XXI в. явилось насущной потребностью времени, одним из способов реализации идеи непрерывного образования. Такая форма обучения получила достаточно активное использование в системе непрерывного педагогического образования в целях переподготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений и совершенствования профессионального мастерства педагогов.

Список литературы

1. Все о Европе: [сайт]. – URL: <http://www.euromag.ru/catalogs/education/33208.html> (дата обращения: 20.01.2015).
2. Голионова Ю.А. Предпосылки возникновения дистанционного обучения в мировом образовательном пространстве // Знание, понимание, умение. – 2009. – № 2. – С. 20 – 24.
3. Добрынин М.А., Сухой С.Н. Дистанционное обучение во Франции // Педагогика. – 2001. – № 8. – С. 81–85.
4. Лекур Д. Франция: национальный центр заочного обучения // Перспективы. Вопросы образования. – 1989. – № 2. – С. 76 – 86.
5. Лотон Д. Учитель в меняющемся мире // Перспективы. Вопросы образования. – 1987. – № 4. – С. 34 – 46.
6. Меликян А.В. Основные характеристики международных сетей университетов // Вопросы образования. – 2014. – № 3. – С. 100 – 117.
7. Открытое и дистанционное обучение. Тенденция, политика и стратегии. Division of Higher Education. – UNESCO, 2004. – 136 с.
8. Тавгень И.А. Дистанционное обучение: опыт, проблемы, перспективы / под ред. Ю.В. Позняка. – Минск: БГУ, 2003. – 227 с.
9. Шнидерс И. Заочный университет в Хангене, Германия // Открытое образование: науч.-практич. журн. – 1997. – №1, [Электронный ресурс]. – URL: http://www.e-joe.ru/sod/sod_97_1.html (дата обращения: 20.01.2015).
10. Open and distance learning. Trends, policy and strategy considerations. Division of Higher Education. – Paris: UNESCO, 2002. – 95 p.
11. The open university: [сайт]. URL: <http://www.open.ac.uk> (дата обращения: 27.01.2015).
12. UNESCO and Education. United Nations Educational, Scientific and Cultural organization. – Paris: UNESCO, 1993. – 172 p.
13. Virtuelle-Fachhochschule: [сайт]. – URL: [http://www.acronymfinder.com/Virtuelle-Fachhochschule-\(VFH\).html](http://www.acronymfinder.com/Virtuelle-Fachhochschule-(VFH).html) (дата обращения: 25.01.2015).
14. Virtual campuses: [сайт]. – URL: http://virtualcampuses.eu/index.php/Main_Page (дата обращения: 1.02.2015).

УДК 378.1

**ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССА ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ:
НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ
CHARACTERISTICS OF PROCESS OF TEACHING AT THE HIGHER SCHOOL:
NEW EDUCATIONAL SITUATION**

**С.И. Тарасова
S.I. Tarasova**

e-mail: tarasova_s@bsu.edu.ru

В статье обосновывается актуальность проблемы совершенствования процесса преподавания в свете современной образовательной ситуации. Автором обосновывается необходимость обогащения процесса преподавания в высшей школе, и выделяются новые характеристики процесса преподавания. В статье подробно рассматриваются такие характеристики, как смена позиций преподавателя и студента; изменение характера преподавания; увеличение многообразия используемых образовательных технологий деятельностного типа; необходимость обучения преподавателей.

The article explains the importance of the problem of improving the teaching process in the light of the current educational situation. The author proves the necessity of enriching the teaching process in higher education and highlights the new features of the teaching process. The article examines in detail the characteristics such as a change of position of the teacher and student; the changing nature of teaching; increasing the diversity of educational technologies used by the activity type; the need for teacher training.

Ключевые слова: новая образовательная ситуация, процесс преподавания в высшей школе, характеристики процесса преподавания в высшей школе

Keywords: new educational situation, teaching at the higher school, characteristics of teaching at the higher school

Введение

Возникновение в российском социуме новой образовательной ситуации, обусловленной общемировыми информационными процессами, социально-экономическими преобразованиями в стране, резким возрастанием объема знаний, а также анализ требований ФГОС ВО и современной образовательной практики высшей школы позволяют констатировать актуальность проблемы совершенствования процесса преподавания в высшей школе. Современный процесс преподавания в ходе подготовки специалистов для решения задач профессиональной деятельности должен обеспечивать не только формирование профессиональных компетенций, но и развитие мышления, способности к самоопределению, готовность будущих квалифицированных работников к самостоятельным действиям, приучение нести ответственность за себя и свои поступки. В этой связи в педагогической теории и практике высшей школы существует объективная потребность процесса преподавания в высшей школе в обогащении качественно новыми характеристиками.

Анализ научной литературы [1, 2, 3, 4]; текстов федеральных государственных стандартов образования высшего образования [5, 6, 7], противоречий образовательной практики высшей школы позволили проследить и выделить ряд новых характеристик процесса преподавания - смена позиций преподавателя и студента, изменение характера преподавания, увеличение многообразия используемых образовательных технологий деятельностного типа, необходимость обучения самих преподавателей.

Обоснование необходимости обогащения процесса преподавания новыми характеристиками

Смена позиций преподавателя и студента. Новая образовательная ситуация ставит перед преподавателем задачу выступать не столько в качестве носителя информации и предметных знаний, сколько - помощника в самообразовании, становлении и развитии личности студента. В этой связи прежняя позиция, в своем большинстве авторитарная, связанная с позиционированием преподавателя как старшего и мудрого товарища, исчерпывает себя. Её место уверенно замещает

позиция, основанная на демократическом взаимодействии преподавателя и студента, сотрудничестве, помощи, сотворчестве, внимании к инициативе студента, к становлению и развитию его личности. Изменения в студенческой позиции обусловлены осознанием и переориентацией цели обучения в вузе от получения во что бы то ни стало положительной оценки, «корочки» - диплома о высшем образовании на активное взаимодействие с преподавателем и одногруппниками, обращение к разнообразным информационным источникам и ресурсам, самостоятельный поиск и осмысление необходимой информации для решения профессиональных задач.

Изменение характера преподавания. Что касается изменений в характере преподавания, то в нем происходит смена походов традиционного на студентоцентрированный.

В образовательной практике это предполагает, что процесс преподавания должен обеспечивать:

— обучение студентов анализу, изучению наработанного человечеством историко-культурного опыта; усвоение способа мышления, направленного на производство и открытие новых знаний, приобретение знания в деятельности, имитирующей будущую профессиональную или любую другую; стимулирование обучающегося стремиться к объективному контролю, не скрывая своего незнания;

— предоставление, выбор и оценку разнообразной информации; обучение работать с информацией: классифицировать, свертывать, добывать, выстраивать личностные знания на основе разнородной, разноплановой информации, подготовка к непрерывному продолжению образования, поиску новой информации;

— обучение самостоятельно ставить задачи, интегрировать идеи, замыслы, проекты, использовать методы доказательства для решения новых задач, формулировать и отстаивать собственную позицию, ставить, задавать вопросы, обращаться за помощью к преподавателю,

— принимать участие в разработке собственной образовательной траектории и уровня образования, вести активную подготовку к жизни в обществе, сохранять и развивать индивидуальность в процессе социализации;

— обучение сопротивлению злу в любых условиях и ситуациях, сохраняя лицо, честь, достоинство, проявляя выдержку и толерантность; учету мнения оппонента, терпимости, постоянной смене ролей;

— использование педагогических технологий (учение путем открытия, естественное учение и обучение, игровые формы, решение конкретных ситуаций и т.д.) и новых информационных технологий для добытия необходимой информации.

Процесс преподавания в условиях новой образовательной ситуации должен строиться на следующих принципах [1]:

1. Принцип сотрудничества. Суть его заключается в ориентации студентов на развитие творческого мышления. При этом акцент переносится с инструктивно-информативного взаимодействия на овладение методами творческого осмысления и обоснования нужной информации. Это, в первую очередь, означает, что педагог должен стремиться к формированию у студентов взаимодействия, системы умений творческой интерпретации информации для реализации основных замыслов.

2. Принцип результативности. Педагог, объявляя студентам цели и задачи работы, должен подчеркивать их исключительную трудность и внушать уверенность в их достижении. Принцип заключается в том, что студентов объединяет понимание и осознание того, что только коллективные согласованные действия ведут к успеху.

3. Принцип управления эмоционально-интеллектуальным фоном. Необходимым условием создания и поддержания эмоционально-интеллектуального фона является учет личных интересов и разного уровня готовности студентов к обучению. При отборе фактического материала, моделировании совместной деятельности преподаватель должен постоянно контролировать эмоциональное состояние студентов.

4. Принцип совпадения оценок. Четкая, согласованная деятельность создает условия для удовлетворения потребностей студентов, способствует их единению. Совпадение мнений и оценок вызывает у обучающихся и усиливает потребность в совместной деятельности. Педагог должен постоянно контролировать ход обсуждения и решения задач, способствовать установлению межличностной сплоченности студентов.

5. Принцип перманентного управления взаимодействием. Педагогическое воздействие преподавателя на студентов должно быть постоянным, ненавязчивым и разнообразным. Взаимодействие обладает большим воспитательным эффектом, так как, представляя собой коллективную деятельность, предполагает подчинение действий ее участников не только учебным, но и социально-психологическим, нравственным нормам. Этому способствуют система оценивания

деятельности студентов, приемы установления обратной связи, правила, нормирующие поведение каждого участника.

Увеличение разнообразия используемых образовательных технологий деятельностного типа. В массовой педагогической практике применяемые педагогами в процессе преподавания образовательные технологии систематизируются по трём критериям: по степени прогрессивности (традиционные, инновационные технологии), по наличию модели профессиональной деятельности (имитационные, неимитационные технологии), по уровню управления образовательным процессом (методологические, стратегические, тактические технологии).

Необходимым условием реализации студентоцентрированного подхода в образовательной практике современного вуза является увеличение разнообразия используемых образовательных технологий деятельностного типа.

Образовательные технологии деятельностного типа направляют педагога на создание таких форм организации учебной деятельности, которые содействуют формированию вынужденной познавательной активности обучающегося, формированию системного мышления и способности генерировать идеи при решении творческих задач. К таким технологиям преимущественно относят технологию проблемно-деловой игры, технологию группового взаимодействия, технологию анализа конкретных ситуаций и т.п.

Технология проблемно-деловой игры нацелена на продуцирование обучающимися новых знания, формирование не имеющего аналогов решения. В рамках проблемно-деловой игры используются элементы имитационных, операционных и ситуационно-ролевых игр. Технология проблемно-деловой игры представлена тремя этапами: доигровым, игровым и послеигровым.

Первый этап заключается в подготовке методологического, психологического и игротехнического обеспечения игры.

Второй этап (собственно игра) включает следующие позиции: установку на проведение игры и ее цели; психологическую подготовку участников для введения их в игровой режим работы посредством проведения состязательных игр, конкурсов, учебных деловых игр; работу в группах для уяснения «дерева проблем» игры, углубленного изучения одной из них и разработки итогового документа в целом; использование в процессе работы в группах методов «круглого стола», мозговой атаки, синектики и др.; оппонирование всех документов, формируемых во время игры (либо группой, состоящей из специалистов-экспертов, либо взаимно игровыми группами); соревнование между группами в ходе формирования продукта игры; вернисаж плакатов и стенных газет, проведение дискуссионных клубов с целью обсуждения промежуточных и окончательных результатов игры, а также для координации хода игры; выявление мыслящих позиционеров (творцов и критиков) и выбор игрового совета из числа участников игры, который обеспечивает окончательное оформление продукта игры; подключение по мере необходимости к работе в группах экспертов, периодическое включение элементов художественного творчества, утверждение итогового документа игры.

Системообразующим компонентом второго этапа проблемно-деловой игры является рефлексия хода игры ее участниками и организаторами для осознания процесса и результатов игровой деятельности. Постоянное осмысление собственной деятельности должно осуществляться организаторами и участниками не только в процессе игры, но и в период подготовки и после игры.

Третий (послеигровой) этап проблемно-деловой игры связан с доработкой итоговых документов и их реализацией, проведением анализа игры, обобщением негативных и позитивных фактов, определением их причин и подведением итогов.

Технология группового взаимодействия представлена совокупностью логико-технических средств (диагностика задачи, диагностика ситуации, диагностика и постановка проблем, определение целей, выработка решений, разработка проекта, разработка программы реализации), социотехнических средств (группообразование, организация позиционной динамики, создание условий для сотрудничества, организация соревнований, провоцирование конфликта) и психотехнических средств (рефлексивный тренинг, тренинг организационных умений, социоинженерный тренинг, социально-психологический тренинг), которые предназначены для решения педагогических задач и способствуют формированию коллектива единомышленников, развитию личности в группе.

Технология анализа конкретных ситуаций является способом изучения той или иной проблемы, средством оценки и выбора решений этой проблемы.

Конкретная ситуация – событие, как правило, содержит в себе противоречие, (конфликт) или вступает в противоречие с окружающей действительностью. Выделяют стандартные ситуации (ситуации регулярно повторяются при одних и тех же обстоятельствах), критические ситуации (нетипичные ситуации нуждаются в радикальном вмешательстве), экстремальные ситуации (уникальные ситуации не имеет аналогов).

Технология анализа конкретных ситуаций включает следующие этапы: введение в изучаемую проблему (актуальность, сложность и значение решения); постановку задачи (определяются круг задач, границы анализа и поиски решений, устанавливается режим работы); групповую работу над ситуацией; групповую микродискуссию (обсуждение точек зрения и решений, формирование единого подхода к проблемам, выбор лучшего решения в данной ситуации); итоговую беседу (подведение итогов с опорой на заранее разработанный «ключ» анализа ситуации – оптимальный вариант решения проблемы).

Необходимость обучения преподавателей. В свою очередь, изменения в характере преподавания, увеличение разнообразия используемых образовательных технологий деятельностного типа, выдвигают необходимость обучения самих преподавателей. Такое обучение требует решения следующих задач, содействующих формированию:

нового личностной позиции преподавателей, а также инновационных подходов и технологий к организации образовательного процесса;

нового типа аналитического и вместе с тем проектно конструктивного, технологического и прагматического мышления, помогающего выстраивать образовательный процесс в динамике всех его компонентов, с учетом всего массива информации и реальной практики;

диалогического стиля коммуникабельности и интеллектуальной деятельности, таких способов межличностных взаимодействий, таких взаимоотношений со студентами, которые будут способствовать эффективности их познавательной деятельности, выбору ими образовательных технологий, обеспечивающих функционирование и взаимосвязь всех компонентой образовательного процесса [4].

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что новая образовательная ситуация побуждает преподавателя по-новому взглянуть на процесс преподавания, его внутренние пласты, связанные с изменением позиций преподавателя и студентов, характера преподавания, увеличение разнообразия используемых образовательных технологий деятельностного типа, необходимости обучения самих преподавателей. Рассмотренные характеристики процесса преподавания в высшей школе создают условия для превращения студентов в субъектов образовательного процесса, обучения студентов самих себя под руководством и контролем преподавателя, содействуют созданию вузом адекватных условий для эффективного преподавания.

Литература

1. Жук, А.И. Активные методы обучения в системе повышения квалификации педагогов: Учеб.-метод. пособие / А.И. Жук, Н.Н. Кошель. – 2-е изд. - Мн.: Аверсэв, 2004. – 336 с.
2. Зеер, Э.Ф., Павлова, А.М., Сыманюк, Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. / Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Э.Э. Сыманюк. - М.: МПСИ, 2005. – 216 с.
3. Ситникова, М.И., Михайлов, Н.Н., Рагозина, Л.Д. Организационно-педагогические условия обеспечения гарантии качества преподавания в вузе / М.И. Ситникова, Н.Н. Михайлов, Л.Д. Рагозина // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки – Ростов-на-Дону, 2010. – № 10.
4. Трайнев, В.А., Мкртчян, С.С., Савельев, А.Я. Повышение качества высшего образования и Болонский процесс. Обобщение отечественной и зарубежной практики / В.А. Тайнев., С.С. Мкртчян, А.Я. Савельев. – М.: Издательско-торговая компания «Дашков и Ко», 2007. – 392 с.
5. ФГОС ВО по направлениям бакалавриата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fgosvo.ru/7/6/1>
6. ФГОС ВО по направлениям магистратуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fgosvo.ru/8/6/2>
7. ФГОС ВО по специальностям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fgosvo.ru/9/6/3>

УДК 376.36 + 373.3

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАБОТЕ ЛОГОПЕДА И УЧИТЕЛЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ
КАК ВАЖНОЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАВЫКА ЧТЕНИЯ
ПЕРВОКЛАСНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**SUCCESSION IN THE WORK OF SPEECH THERAPIST AND PRIMARY
SCHOOL TEACHER AS IMPORTANT PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL
TREND OF FORMING READING SKILLS IN FIRST YEAR SCHOOLCHILDREN
WITH DELAY IN PSYCHOLOGICAL DEVELOPMENT**

Е.В. Шамарина**E.V. Shamarina**

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»,
302026, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
95, Komsomolskaya, Orel, 302026, «Orel State University named I.S. Turgenev»*

e-mail: saxa9999@mail.ru

На основе знания этиологии задержки психического развития и различных подходов к характеристике данной категории младших школьников были определены особенности усвоения ими программного материала. Выделены три группы детей с временными задержками психического развития по уровню сформированности их познавательной деятельности. В статье показаны возможности использования кинезитерапии при обучении чтению этих детей. Доказана необходимость организации логопедической работы в тесной взаимосвязи с деятельностью учителя начальных классов при планировании содержания уроков по обучению грамоте и индивидуальных занятий детей с логопедом.

Peculiarities of mastering educational material by young schoolchildren with delay in psychological development were defined on the base of etiology of the delay and different approaches to this category of junior pupils. Three groups of children were singled out according to the level of formation of learning skills. The paper shows possible ways of using kinetic therapy in teaching these children reading.

Necessity of combination of individual speech therapist work with close interaction with primary teacher's activity in planning the contents of classes of teaching reading and writing to this category of children is proved.

Ключевые слова: временные задержки в психическом развитии, кинезитерапия, обучение чтению, преемственность, система коррекционно-развивающего обучения.

Keywords: temporary delays in psychological development, kinetic therapy, teaching reading skills, succession, system of correction-and-development education.

Введение

За последние годы количество младших школьников, охваченных системой коррекционно - развивающего обучения (КРО), неуклонно растет. Потребность в их открытии обусловлена постоянно увеличивающимся количеством детей с пониженной успеваемостью, в том числе и с задержкой психического развития (ЗПР).

Задержка психического развития (ЗПР) - это такое нарушение нормального темпа психического развития, при котором ребенок, достигший школьного возраста, продолжает оставаться в кругу дошкольных, игровых интересов. Понятие «задержка» подчеркивает временной (несоответствие уровня развития возрасту) и вместе с тем временный характер отставания, который с возрастом преодолевается тем успешнее, чем раньше создаются адекватные условия обучения и развития детей данной категории.

К числу детей с задержкой психического развития относятся такие, у которых при потенциально сохранных возможностях интеллектуального развития отмечается: низкий уровень познавательной активности; незрелость мотивации к учебной деятельности; сниженная работоспособность к приему и переработке информации; недостаточная сформированность умственных операций.

В психолого-педагогической, а также в медицинской литературе используются другие подходы к рассматриваемой категории учащихся: «дети с пониженной обучаемостью» (У.В. Ульенкова), «отстающие в учении» (Н.А. Менчинская). Однако критерии, на основании которых выделяются названные группы, не противоречат пониманию природы задержки психического развития. В соответствии с еще одним социально-педагогическим подходом таких детей называют «дети группы риска» (Г.Ф. Кумарина). В исследовании И.Ф. Марковской было выделено две группы детей с задержкой психического развития. В первую группу вошли дети с психическим инфантилизмом, во вторую группу - дети с преобладанием интеллектуальной недостаточности в виде органической дефицитарности высших корковых функций. Нейродинамические нарушения детей первой группы характеризовались истощаемостью и нестойкостью психического тонуса, а второй группы - повышенной истощаемостью и инертностью всех психических процессов.

В некоторых нейропсихологических исследованиях были выделены две причины, обуславливающие недостаточную сформированность отдельных функциональных систем психики детей с пониженной обучаемостью (Ю.В. Микадзе, Н.К. Корсаков). Первая из них возникает в силу индивидуальных особенностей онтогенеза ребенка и не связана с органическими нарушениями. Второй причиной являются «минимальные мозговые дисфункции», при которых происходит изменение функционирования отдельных мозговых структур или мозга в целом. На современном этапе развития науки сделаны попытки более детальной дифференциации вариантов задержанного развития, особенно тех случаев, которые относятся к «задержке психического развития церебрально-органического генеза» и которые сами по себе составляют наиболее сложную в дифференциально-диагностическом плане группу. Например, Н.Я. Семаго, М.М. Семаго предложили разделить категорию детей, традиционно относимых к группе «задержки психического развития» на две принципиально различные подгруппы. К подгруппе «задержанное развитие» они относят варианты истинно-задержанного развития, которые характеризуются именно замедлением темпа формирования различных характеристик когнитивной и эмоционально-личностной сфер, включая и регуляторные механизмы деятельности. Другая подгруппа получила название «парциальная несформированность высших психических функций». Развитие этой подгруппы детей характеризуется качественно иной структурой компонентов психической деятельности ребенка. Таким образом, решение проблемы задержки психического развития у детей в отечественной науке протекало в направлении от клинических исследований к клинико-педагогическим.

В дальнейшем внимание исследователей было сосредоточено на изучении познавательной и эмоциональной сфер, что связано с необходимостью разработки коррекционных и образовательных программ.

В частности, особенности развития познавательной деятельности младших школьников с временными задержками психического развития в клинико-педагогических исследованиях представлены всесторонне. У многих таких детей наблюдаются трудности с восприятием учебного материала. Младшие школьники с ЗПР не всегда узнают и часто смешивают сходные по начертанию буквы либо их отдельные элементы, ошибочно воспринимают сочетания букв. Эти учащиеся зачисляются на школьные логопедические пункты, так как испытывают трудности в самостоятельном овладении письмом и чтением. По мнению Л.И. Переслени, особенности восприятия объектов и явлений детьми рассматриваемой категории обусловлены также и нарушением функций поиска. Если ребенку заранее неизвестно, где находится нужный предмет, ему бывает трудно его обнаружить. У всех школьников с задержкой психического развития наблюдаются недостатки памяти, причем они касаются всех видов запоминания: произвольного и произвольного, кратковременного и долговременного. Т.А. Власова, М.С. Певзнер указывают на снижение произвольной памяти у детей с временными задержками психического развития как на одну из главных причин трудностей в школьном обучении. Очень важно, чтобы ребенок понимал, что значит запомнить. Необходимым условием высокой продуктивности деятельности запоминания является также ее целенаправленность. Из-за недостаточно устойчивого внимания дети с задержкой психического развития часто отвлекаются при заучивании материала, что неизбежно снижает эффективность запоминания. По мнению Т.В. Егоровой, при рассмотрении особенностей мыслительной деятельности у таких детей нельзя ограничиться определением уровня сформированности у них основных мыслительных операций. Таким образом, ее исследование убеждает в необходимости активизировать познавательную деятельность школьников рассматриваемой категории.

Педагогические наблюдения показывают, что включение элементов арттерапии в коррекционно-логопедическую работу будет способствовать более ясному выражению переживаний ребенка, его внутренних противоречий с одной стороны, а также творческому самовыражению, с другой. Например, одновременное выполнение логопедической гимнастики с использованием музыкотерапии эффективно развивает познавательную активность младшего школьника с задержкой психического развития, его внимание, память и образное мышление. Этот факт важно учитывать и в

работе с детьми, имеющими различную речевую патологию, осложненную синдромом дефицита внимания с гиперактивностью и задержкой психического развития [Волковская, 2004].

Авторы указывают, что младшие школьники с ЗПР не умеют сдерживать чувства, они очень непосредственны и откровенны в выражении радости, горя, печали, страха, удовольствия или неудовольствия. Эмоциональность таких младших школьников выражается в их большой эмоциональной неустойчивости, частой смене настроений, склонности к аффектам, кратковременным и бурным проявлениям радости, горя, гнева, страха.

Отметим, что особенности эмоциональной сферы детей с задержкой психического развития изучены меньше, чем их познавательная деятельность. Однако, в психолого-педагогической литературе имеются данные, свидетельствующие о связи эмоционально-волевой сферы с формой задержки психического развития (М.С. Певзнер, Л.В. Кузнецова, И.Ф. Марковская, И.Ю. Левченко, И.И. Мамайчук). В связи с этим на современном же этапе активно продолжается изучение эмоциональных состояний (агрессия, обида, эмоциональная напряженность, страх, тревога, грусть) этих младших школьников (И.М. Никольская, И.И. Мамайчук, Т.Н. Павлий, Т.З. Стернина). Младшие школьники с временными задержками психического развития часто не понимают характера переживаний других людей, они, в большинстве случаев, не способны сопереживать эмоциональные состояния сверстников и взрослых. В частности, был выявлен больший процент отрицательно окрашенных эмоциональных состояний у младших школьников, в отличие от других групп, где преобладали положительные эмоции либо их было поровну с нейтральными или отрицательными оттенками.

В рамках рассмотренных особенностей познавательной деятельности нами проводилось исследование, позволившее дать подробное дифференцированное описание младших школьников с задержкой психического развития.

Анализ медицинской документации свидетельствовал, что у подавляющего большинства детей задержка психического развития связана с наличием тяжелых соматических заболеваний (50% детей). Изучение семейной ситуации детей показало, что многие участники исследования (46% детей) не имели соматических и неврологических нарушений, и задержка психического развития носила психогенный характер. У 4% обследуемых детей задержка психического развития связана с наличием органического поражения центральной нервной системы.

Исследование особенностей познавательной деятельности младших школьников с задержкой психического развития проводилось по двум направлениям. Содержание и цели каждого направления обусловлены взаимосвязью между уровнем общего развития младших школьников и уровнем развития их познавательной деятельности: внимания, памяти, мышления и речи. Исследование проводилось последовательно, в два этапа.

Первое направление и первый этап исследования заключались в изучении общего развития детей. С этой целью использовались следующие методы:

беседы с родителями дополняли сведения о школьниках с учетом особенностей их характеров (общительность, замкнутость), а также позволяли внести соответствующие уточнения в оценку уровня общего развития детей.

Уровень общего развития учащихся в результате наблюдений, анкетирования и бесед с родителями оценивался по следующим критериям: высокий (В.), средний (СР.), низкий (Н.)

Второе направление и второй этап исследования были посвящены изучению познавательной деятельности младших школьников рассматриваемых категорий посредством наблюдений и специальных психодиагностических методик. Данное направление позволяло решить следующие задачи: определение уровня развития внимания; выявление уровня развития памяти (зрительной, слуховой); определение уровня развития мышления младших школьников (понимание учебных заданий: глубина, отчетливость и полнота с учетом самостоятельности выполнения их, умение устанавливать логические связи и отношения между понятиями, дифференцировать существенные признаки предметов и явлений от несущественных); определение уровня развития речи нормально развивающихся школьников и детей с задержкой психического развития.

Наблюдения за особенностями развития познавательной деятельности младших школьников с задержкой психического развития проводилось в процессе обучения и оценивалось по критериям: высокий (В.), средний (СР.), низкий (Н.)

Особенности развития внимания

Умение сосредоточить внимание на выполняемом задании: регулярно (В.); нерегулярно (СР.); совсем не умеют (Н.).

Умение переключить внимание с одного задания на другое: самостоятельно (В.); с помощью учителя (СР.); не умеют (Н.).

Особенности развития памяти

Темп запоминания учебного материала: быстро (В.), запоминает лишь при повторном объяснении или использовании наглядных методов обучения (СР.); запоминает медленно, при многократном повторении (Н.).

Особенности воспроизведения учебного материала: полно и точно (В.); неточно (СР.); искаженно (Н.).

Использование приемов запоминания учебного материала (группировка, классификация, составление плана, выделение опорных слов): используют самостоятельно (В.); с помощью учителя (СР.); совсем не используют (Н.).

Особенности развития мышления

Понимание объяснения нового материала: понимает и самостоятельно применяет в учебной деятельности (В.); понимает и применяет новый материал лишь при организации индивидуального подхода (СР.); не понимает и не применяет в учебной деятельности (Н.).

Понимание учебного задания: самостоятельно (В.); с помощью учителя (СР.); не понимают (Н.).

Кроме этого, в ходе исследования отмечались индивидуальные особенности учащихся, проявляющиеся в учебной деятельности (отвлекаемость, рассеянность, медлительность, импульсивность и др.), а также особенности отношения к учебной деятельности (радость успехам, огорчение от неудачи, равнодушие и др.).

Проведенные наблюдения, анкетирование и беседы с родителями позволили сделать вывод о низком уровне общего развития детей с задержкой психического развития. Младшие школьники данной категории по сравнению с нормально развивающимися сверстниками плохо осведомлены даже в отношении тех предметов и явлений, которые им не раз приходилось наблюдать в повседневной жизни. Они значительно хуже, чем нормально развивающиеся школьники, ориентируются в назначении, названии, расположении предприятий, находящихся в микрорайоне. Дети с задержкой психического развития, как правило, смешивают понятия время года и месяц, затрудняются в указании отличительных признаков времен года. Однако наблюдения за учащимися рассматриваемой категории доказывают, что наиболее полно они могут проявить себя в творческой деятельности: рисовании, конструировании, лепке. В результате проведенного исследования были выявлены следующие группы детей:

Дети с высоким уровнем развития познавательной деятельности. Это 3% учащихся с задержкой психического развития, которые по показателям познавательной деятельности приближались к нормально развивающимся школьникам. Для них было характерно умение ориентироваться в учебных заданиях и выполнять их в соответствии с инструкцией. Выраженная активность и целенаправленность при выполнении заданий ухудшалась из-за пресыщения деятельностью. Для детей этой группы характерен постоянно меняющийся темп деятельности. В начале выполнения экспериментальных заданий они проявляли интерес, любопытство, но удержать его долго они не могли. Интерес по мере выполнения задания исчезал, а положительные эмоции сменялись отрицательными, т.е. у этих детей на первый план выступали астенические проявления.

Дети со средним уровнем развития познавательной деятельности. Названную группу составили 16% младших школьников с задержкой психического развития. Для этой категории детей были характерны такие личностные особенности, как тревожность, неуверенность в себе. Учащиеся данной группы долго не приступали к выполнению заданий, боясь, что они недопоняли инструкцию и не смогут правильно его выполнить, т.е. необходима стимулирующая помощь. Трудности в понимании экспериментальных заданий связаны как с низкой концентрацией слухового внимания и нарушениями аналитико-синтетической деятельности мышления, так и с затруднениями в использовании прошлого опыта учащимися. Деятельность детей этой группы недостаточно активная, часто нецеленаправленная, но улучшаемая стимуляцией. Интерес, положительные эмоции быстро сменялись отрицательными. Происходило эмоциональное пресыщение, разрыв связи «удивление - любопытство - любознательность - увлечение», результатом чего являлось, с одной стороны, снижение познавательной активности, а с другой - боязнь отрицательной оценки своих действий. Похвала частично снижала отрицательное влияние тревожности и неуверенности в себе детей на деятельность, порицание только усугубляло это. Дети рассматриваемой группы по-разному вели себя: одни из них вялые, безучастные; другие - наоборот, чрезмерно возбуждены, демонстративно беспокойны. Они обидчивы, раздражительны, вспыльчивы.

Дети с низким уровнем развития познавательной деятельности. Данную группу составили 81% младших школьников с задержкой психического развития. Понимание вербальной инструкции этими детьми затруднено, более эффективна невербальная инструкция. Деятельность этих детей, чаще всего, бесцельная, хаотичная, не улучшаемая стимуляцией и разъяснением. Учащиеся рассматриваемой группы имели низкий уровень саморегуляции, продуктивность познавательной деятельности была низкой из-за астенических проявлений, замедленного темпа деятельности. Работоспособность

младших школьников рассматриваемой группы низкая (наблюдалось пресыщение деятельностью уже в начале выполнения задания). Дети испытывали значительные трудности при переключении с одного экспериментального задания на другое. Для этого им требовалось гораздо больше времени, чем учащимся с задержкой психического развития других групп и нормально развивающимся школьникам. Наибольшую сложность представляли для детей задания, связанные с необходимостью устанавливать логические связи и отношения между понятиями. Интерес к экспериментальным заданиям поверхностный, слабый, практически ничем не компенсируемый. В некоторых случаях дети данной группы бурно реагировали на ситуацию неуспеха, иногда приобретающего истерический оттенок. В ходе исследования в речи младших школьников с задержкой психического развития были зафиксированы ошибки, связанные с нарушением звукового анализа слов, связей слов в словосочетаниях и предложениях, с неправильным построением синтаксического целого. Кроме того, были отмечены стилистические ошибки.

Результаты нашего исследования показали, что коррекционно-развивающее обучение всегда будет осуществляться группой специалистов: учителем, психологом, дефектологом.

Учитель реализует коррекционное направление в ходе индивидуального подхода к детям на уроке (при объяснении, закреплении учебного материала, а также при оценке знаний учащихся).

Психолог проводит диагностику с целью выявления нарушений психического развития ребенка и определения его индивидуальных потребностей. Кроме того, психолог проводит индивидуальные коррекционные занятия с детьми и консультирует учителя [Шамарина, Чернухина, 2006].

Согласно концепции коррекционно-развивающего обучения индивидуальные и групповые коррекционные занятия проводит дефектолог, но на практике часто такие занятия проводит учитель.

Также можно отметить, что неблагоприятные эмоциональные состояния свойственны фактически большинству детей с задержкой психического развития и в школьной обстановке, и в домашней. И связано это, прежде всего с тем, что в данных классах обучаются дети, не справляющиеся с учебной программой в массовой школе в силу ряда причин, таких, как особенности развития познавательной деятельности, педагогическая запущенность.

Известно, что любые недостатки речи ограничивают общение ребенка со сверстниками и взрослыми и отрицательно влияют на формирование его эмоционально-интеллектуальной сферы, а также могут привести школьников к неуспеваемости по многим дисциплинам. В результате сравнительного изучения, проведенного Р.И. Лалаевой и Д.И. Байковым, получены сравнительные данные об особенностях семантической стороны речи у учащихся с задержкой психического развития и умственной отсталостью. Авторами установлено, что количественные показатели семантических критериев связного текста детей с задержкой психического развития гораздо ближе к количественным характеристикам умственно отсталых детей, чем к показателям нормально развивающихся школьников. В многочисленных исследованиях показано, что для детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития характерны бедность и неточность словаря, недостаточная дифференцированность слов по их семантике, повторы одних и тех же слов, неадекватное их использование; нарушено звукопроизношение, преимущественно у первоклассников. Фонетические нарушения разнообразны по своим проявлениям и механизмам образования. Они могут быть обусловлены несформированностью речеслуховых дифференцировок и нарушениями речевой моторики ребенка. Данные особенности обуславливают вторичные нарушения в формировании психических функций, где ведущую роль играет социальный фактор развития ребенка (Л.С. Выготский).

Анализ результатов исследования, полученный нами, позволил выявить у старших дошкольников с общим недоразвитием речи разную степень трудностей овладения слоговой структурой слова и исследованными неречевыми процессами: недостаточностью оптико-пространственной ориентации, динамической и ритмической организации двигательных серий. Полученные данные позволили предположить, что изученные неречевые процессы выступают как базовые предпосылки для формирования слоговой структуры слова в онтогенезе речевой деятельности и их недостаточность может рассматриваться в качестве отрицательного показателя готовности к овладению чтением. Выделенные особенности, стойкость и выраженность речевых и неречевых процессов, низкая динамика преодоления имеющихся дефектов позволяют выделить детей в «группу риска» по возможностям их подготовки к школьному обучению.

Для большинства детей характерна недостаточность речевой моторики, что проявляется в напряжении мышц языка, трудностях удержания определенной позы языка, переключении органов артикуляции с одного положения на другое. У одних детей наблюдается вялость кончика языка, у других неспокоен весь язык. Движения языка неловкие, неточные. При смене артикуляционных укладов нарушается плавность переключения и последовательность движений. Даже двух-трехкратное повторение движений вызывает утомление, ведет к замедлению темпа речи. В связи с этими особенностями речь большинства школьников отличается вялостью артикуляции и

интонационной невыразительностью. Лишь простые слова произносятся ясно и четко. Чем сложнее слоговая структура слова, чем дольше говорит ребенок, тем более «смазанной» становится его речь. Эти негрубые нарушения, как мы уже сказали, возникают в результате недостаточности моторной функции артикуляционного аппарата, малой подвижности речевых органов (Е.В. Мальцева, И.Ф. Марковская). Например, «в аквариуме должен быть мох или девочка построила снеговика палку, можно сделать фигурки из формочек» (вместо из песка). Стереотипность грамматического оформления высказывания, преобладание слов (вот, так, значит, это где, потому что). Например, лес - это где одни деревья и всякие животные. Недостатки речи, связанные с фонетико-фонематическим недоразвитием, проявятся в дальнейшем при обучении чтению и письму. Поэтому требуется длительная работа по развитию фонематического восприятия и формированию звукового анализа и синтеза еще в дошкольный период развития ребенка, при подготовке его к школе.

В психолого-педагогической литературе указано, что основные функции искусства заключаются в том, что они приносят эстетическое удовлетворение, повышают психическую активность и уверенность ребенка в себе, способствуют развитию коммуникации и активизируют компенсаторные возможности младших школьников с временными задержками психического развития. Использование арттерапевтических методов должно способствовать правильному формированию эмоциональной сферы детей. Так, принято различать следующие виды арттерапии в зависимости от характера творческой деятельности: рисуночная терапия, основанная на изобразительном искусстве, библиотерапия, как литературное сочинение и творческое прочтение литературных произведений, драмтерапия, музыкотерапия. При работе с детьми эти арттерапевтические методы используются в контексте игры как рисуночные психокоррекционные методы и игры-драматизации. Музыкотерапия как специфическая форма коллективной психотерапии и лечебной педагогики, направлена на коррекцию личностных особенностей, дезадаптирующих ребенка в коллективе сверстников, нарушающих его социальные связи. Болгарские ученые Л. Бонев, А. Слынчев, Ст. Банков, впервые использовали термин «кинезитерапия», отнесли ее к неспецифическим действующим терапевтическим факторам и определили, что различные формы и средства движений изменяют общую реактивность организма, повышают его устойчивость, разрушают патологические динамические стереотипы, возникающие во время болезни, и создают новые, обеспечивающие необходимую адаптацию. Формы движений, применяемые в коррекции, могут быть различны: физминутки, элементы танца, обычные двигательные упражнения (утренняя зарядка в школе) и другие элементы гимнастики [Медведева, Левченко, Комиссарова, Добровольская, 2001].

Исследователи выявили, что в ходе систематических занятий по кинезилогическим программам у детей исчезают явления дислексии, так как развиваются межполушарные связи, улучшается произвольная память и концентрация внимания. Так, кинезилогические упражнения дают возможность задействовать те участки мозга, которые раньше не участвовали в учении, и решить проблему слабой успеваемости младших школьников. И.П. Павлов считал, что любая мысль заканчивается движением. На двигательной активности построены все нейропсихологические коррекционно-развивающие и формирующие программы [Коробейников, Иденбаум, Бабкина, 2013]. Поэтому следует помнить, что неподвижный ребенок практически не обучается. Особенно важно отметить, что процесс конструирования букв пальчиками с использованием картона, пластилина и бусинок оказывает у младших школьников с временными задержками психического развития интерес и эмоциональный настрой на последующую учебную деятельность. Также и «письмо буквы в воздухе», конструирование и составление с помощью движений ведущей руки слов и предложений, помогает обыграть, почувствовать зашифрованное слово, предлог и с помощью жестов «оживить предложение» [Башмакова, 2004]. Помимо этого будет развиваться моторика и тактильная чувствительность, что активизирует не только внимание, восприятие, но и речь младшего школьника с ЗПР.

Среди педагогических методов коррекции для оптимизации эмоционального развития мы можем использовать следующие: метод игнорирования, метод культуры здорового смеха, методы коррекции рассеянности и застенчивости, метод коррекции через труд, внушение и самовнушение, убеждение, метод коррекции путем рациональной организации детского коллектива. На всех без исключения уроках учителем используются физминутки. Основные же задачи физминуток, используемых на коррекционных занятиях, будут следующие: снятие усталости и мышечного напряжения, совершенствование общей моторики и выработка координационных движений во взаимосвязи с развитием речи. В процессе проведения физкультминуток, во время которых движения сочетаются со словом, естественно воспитывается поведение детей, развивается их мышечная активность, корректируются недостатки речи, активизируется имеющийся словарный запас ребенка с ЗПР.

Одним из актуальных направлений коррекционно-логопедической работы - это внедрение информационных технологий с использованием мультимедийных презентаций. Сегодня

использование презентационных инструментальных средств позволяет нам привнести эффект наглядности в занятия как учителя начальных классов, так и логопеда. Презентации дают возможность подать в эстетически привлекательном виде тщательно подготовленный материал. Появление компьютера в кабинете логопеда может значительно экономить силы учителя при подготовке к уроку, потому что многие задания можно заранее выполнить на компьютере и в нужный момент на уроке продемонстрировать их детям. Кроме этого, благодаря высокой скорости обновления дидактического материала на экране значительно экономится время на уроке и появляется возможность получить наилучший результат. Таким образом, использование информационных компьютерных технологий в коррекционно-логопедической работе с учащимися с задержкой психического развития позволяет индивидуализировать коррекционную работу по развитию речи, способствуют положительному эмоциональному состоянию детей. В процессе работы у такого ребенка может повышаться работоспособность и снижаться утомляемость, активизируются все психические процессы, лежащие в основе первоначального навыка чтения первоклассников с ЗПР.

Тут нужно подчеркнуть, что расстройство чтения и недостаточное внимание к формированию познавательной деятельности этих детей, приводит к следующим ошибкам: пропуск букв, слогов и предлогов; замена и перестановка букв; искажение слов; чтение по догадке; нанизывание букв. Исходя из перечисленных ошибок, требуется: развитие фонематического слуха учителем-логопедом и особое внимание учителя начальных классов к обучению письму букв, сходных по начертанию. Перед чтением слов по слогам дети с задержкой психического развития должны упражняться в разделении слов на слоги и звуки на слух (анализ); дописывании второго слога в слове и письме под диктовку. Здесь возникает преемственность в деятельности логопеда и учителя начальных классов, так как делению слов на слоги значительное внимание уделяет логопед на школьном логопункте, но, используя преимущественно игровой и другой наглядный материал. Например, логопед называет первый слог, ученик - второй слог и наоборот. Такой способ предполагает сделать единицей чтения слог, а не буквы.

Заключение. Обращаясь к истории развития дефектологической науки, отметим, что в России к началу 30-х годов в специальной психологии и отечественной логопедической науке определилась теория Л.С.Выготского о культурно-историческом развитии психики ребенка с нарушениями развития. Эта психологическая теория вскрыла подлинные закономерности развития психики, показав, что высшие психические функции ребенка формируются прижизненно, под влиянием условий социальной среды, воспитания и обучения. Классы коррекционно-развивающего обучения, созданные в 1995 году по запросу практиков, предусматривают создание для детей с временными задержками психического развития (ЗПР) щадящих санитарно-гигиенических и дидактических условий, учитывающих индивидуально-типологические их особенности. Сегодня возникают другие направления в подготовке специалистов для работы с детьми в условиях дошкольных образовательных учреждений и школы. Более многогранной стала работа психологической службы, осуществляющая поддержку семьи, воспитывающей ребенка с отклонениями развития. Этот вопрос неоднократно рассматривался, в том числе, на высшем государственном уровне (Д.А. Медведев, 2011). Значительное влияние на компенсацию и коррекцию речевого развития оказывают логопункты, основанные в дошкольных образовательных учреждениях и начальной школе. Использование местных условий и традиций позволяет дополнить имеющийся опыт отечественной науки.

Список литературы

- Башмакова С.Б. 2004. Коррекционная работа учителя в процессе обучения младших школьников с минимальными нарушениями психического развития.: дис. ... канд. пед. наук., Киров, 163 с.
- Волковская Т.Н. 2004. Иллюстрированная методика логопедического обследования детей старшего дошкольного возраста /Под общ. ред. Т.Н. Волковской. М., Коррекционная педагогика, 104 с.
- Коробейников И.А., Иденбаум Е.Л., Бабкина Н.В. 2013. Специальный Федеральный государственный образовательный стандарт начального образования детей с задержкой психического развития. М., Просвещение, 48 с.
- Медведева Е.А., Левченко И.Ю., Комиссарова Л.Н., Добровольская Т.А. 2001. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании. М., Академия, 248: 169.
- Медникова Л.С., Пекишева Е.В. 2015. Особенности образных репрезентаций движений человека у дошкольников с задержкой психического развития (на материале графического моделирования). Дефектология, 2: 11-20.
- Шамарина Е.В., Чернухина Е.Е. 2006. Особенности познавательной деятельности и эмоциональной сферы младших школьников с ЗПР. М., Книголюб, 208 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алефиренко Н.Ф.** – профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Ахметзянова А.И.** кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора по научной деятельности Казанского федерального университета, заведующий кафедрой специальной психологии и коррекционной педагогики
- Багана Ж.** – профессор кафедры французского языка факультета иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Багирова Д.А.** – бакалавр журналистики (кафедра журналистики НИУ «БелГУ»)
- Бардыкова И.В.** – доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат философских наук
- Богатырева Ю.И.** – доцент Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, кандидат психологических наук
- Бондарь Е.А.** – доцент кафедры физического воспитания Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова, кандидат педагогических наук
- Геруля М.М.** – профессор Силезского университета в Катовице (Польша), PhD
- Гжещёк-Хорош А.** – профессор Силезского университета в Катовице (Польша), PhD
- Забелин С.В.** – педагог ОБОУ «Школа-интернат №2 им. Г.А. Карманова» г. Курска
- Захарова С.А.** аспирант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Золотухина Ю.В.** – начальник Центра психофизиологической диагностики Федерального казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть МВД России по Курской области»
- Клюева Н.В.** – специалист по учебно-методической работе отдела аспирантуры и докторантуры Управления науки и инноваций Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат экономических наук
- Ланских М.В.** – профессор кафедры общей и клинической психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Левина Э.М.** – доцент кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук

- Маркина Ю.В.** – доцент кафедры журналистики Ростовского государственного экономического университета, кандидат филологических наук
- Миненок А.А.** – доцент Черниговского национального педагогического университета имени Т. Г. Шевченко, кандидат педагогических наук
- Нагорный И.А.** – профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Никишина В.Б.** – зав. кафедрой психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета, доктор психологических наук, профессор
- Озерова Е.Г.** – профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Петраш Е.А.** – старший преподаватель кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета, кандидат психологических наук
- Пернель Б.** – профессор университета София-Антиполис, Франция
- Плаксина Н.В.** – доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, кандидат педагогических наук
- Покручина М.Ю.** – аспирант кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Пономарев А.С.** – кандидат технических наук, профессор кафедры педагогики и психологии управления социальными проектами Национального технического университета «Харьковский политехнический институт»
- Родина Л.И.** – соискатель кафедры французского языка факультета иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Риё Ж.** – профессор университета София-Антиполис, Франция
- Самосват О.И.** – аспирант кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета
- Семенова А.Э.** – аспирант кафедры журналистики Казанского Федерального университета
- Смирнова В.А.** – аспирант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тарасова С.И.** – доцент кафедры педагогики Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук

-
- Тихонова М.П.** – доцент кафедры французского языка и методики преподавания Смоленского государственного университета, кандидат филологических наук
- Тяжлов Я.И.** – ассистент кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Харченко В.К.** – зав. кафедрой филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Черкасова М.Н.** – старший преподаватель кафедры журналистики Ростовского государственного экономического университета, кандидат филологических наук
- Черкашина А.А.** – доцент кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Чернова О.О.** – ассистент кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шамарина Е.В.** – доцент кафедры педагогики и психологии начального обучения и основ психолого-педагогических технологий Орловского государственного университета
- Шахаева Д.В.** – педагог МБОУ СОШ № 1 Зареченского района г. Тулы
- Шинков М.А.** – декан филологического факультета Орловского государственного университета